

Дана Арнаутова

Подари мне пламя
белая ворона

Выполняя требования шантажистов, Маред Уинни соглашается стать временной любовницей лэрда Монтроза. Лэрд предлагает ей карьеру в любимом деле, его враги — свободу и месть за унижение. Скромная студентка превращается в уважаемого профессионала, робкая девушка — в желанную женщину. Однако на Монтроза идет охота: его фирму пытаются отнять, а таинственный убийца присылает ему свои страшные трофеи. Что выберет Маред — исполнение мечты или безопасность, предательство или любовь к человеку, видящему в ней всего лишь игрушку?

Тик-так, тик-так... Серебряные стрелки старинных напольных часов замерли, показывая полдень. Бом! Часы ударили — и далеко за окном над центром Лундена раздался первый удар колокола Большого Тома. Бом-бом! — вторили им часы... Полдень! Время ланча для деловых людей, а мастеровым и пообедать пора, они давно на ногах. Бом! Бом! Славься, город Лунден, сердце Империи! Процветай под мудрым правлением великой королевы! Бом...

Последний удар башенного колокола погас в душном летнем воздухе. Но в кабинете дорогой ресторации было прохладно, а приятный сумрак берег уставшие от безоблачного знойного дня глаза посетителей.

— Значит, вы уверены, что студентка нас не подведет?

Немолодой человек в темном форменном камзоле одной из важнейших государственных служб покрутил в пальцах бокал с вином, разглядывая его на свет. Поднес к лицу и вдохнул, оценивая букет благородного напитка.

— Исключено, ваша светлость, — почтительно отозвался его собеседник, не притрагиваясь к своему бокалу. — Тье Уинни собирается делать карьеру в юриспруденции, и любой скандал для нее означает гибель всех надежд. Вот если бы она была актрисой, например, или дамой полусвета, фотографии с Монтрозом эту самую карьеру неплохо бы подтолкнули. Она бы нам еще и спасибо сказала.

Лэрд милостиво улыбнулся, оценив шутку.

— Ну, хорошо. А если эта провинциалочка перестанет ненавидеть Монтроза? Ненависть — штука эфемерная... У девиц она часто улетучивается, если негодяй хорош собой или не жаден. Александр кружил головы и не таким женщинам... Помнится... Впрочем, неважно. Если она в него влюбится?

— Тогда, ваша светлость, — ответил собеседник, — мы просто изменим подход. Если тье Уинни не выполнит наши указания из мести и ради будущих выгод, мы объясним ей, что иначе пострадает сам Монтроз. Уверяю вас, любые чувства, которые провинциальная мышка начнет испытывать к Монтрозу, мы сумеем обернуть в свою пользу. Девушка достаточно умна, чтобы быть полезной, но совершенно неопытна в отношениях с мужчинами.

— А вероятность того, что она влюбится, вы тоже рассчитали? — усмехнулся лэрд, пригубив вино.

— О, ваша светлость, эта вероятность всегда равна одной-единственной пропорции, — позволил себе еще одну почтительную шутку собеседник. — Пятьдесят на пятьдесят. Либо влюбится, либо нет. Женское сердце, знаете ли...

Про себя он подумал, что вероятность данного исхода равна практически ста процентам, погрешностями можно пренебречь. Гораздо сложнее рассчитать, что Монтроз, при его характере и склонностях, сделает с девчонкой, которая его предаст? Ничего хорошего, можно ручаться.

— Вот в том и дело, — слегка поморщился лэрд, снова отпив из бокала. — Слишком много неопределенностей. Я понимаю, почему нельзя было использовать его фаворитку, она глупа и истерична. Понимаю, почему вы не сунулись к его любовнице из клуба — та, напротив, умна и слишком тесно связана с Монтрозом. Но зачем вообще использовать именно женщину? Что, больше ни у кого нет доступа к тому, что нам нужно? Его

подчиненные, слуги в особняке...

— Слуги — слишком большой риск, что попадутся или что-то напутают. Экономка ему предана, как и единственный техник, имеющий доступ к нужной нам информации.

Собеседник лэрда в очередной раз вздохнул про себя, вынужденный объяснять столь очевидные истины. Все-таки его начальник безнадежно отстал в некоторых отношениях от прогресса, мысля категориями доастероновой эпохи и своей развеселой юности.

— Главная сложность в том, — продолжил он проникновенно, — что нельзя привлечь внимание самого Монтроза. Мы в безопасности, только пока он сам не помнит, каким сокровищем облконкурсыадает. Когда попытка просто купить его контору со всем содержимым провалилась, я вас предупреждал, что это риск. Но тогда нам повезло, Монтроз слишком обожает свое детище, он даже предположить не смог, что его драгоценный «Корсар» нужен кому-то не сам по себе, а как обертка к чему-то другому. Если он поймет, что нам требуется...

— Тогда проблему можно будет решить иначе, — жестко сказал лэрд, и маска скучающего расслабленного аристократа на миг слетела с него, обнажив истинное нутро — хищного зверя, задремавшего, но в любой момент готового вцепиться противнику в горло.

— Это на самый крайний случай, милэрд, — тихо сказал его собеседник, преданно глядя в светло-голубые, словно выцветшие, глаза с красными прожилками — след не злоупотребления алкоголем, как считали непосвященные, а очередного покушения, на этот раз ядом. — Королевский стряпчий Монтроз — не та фигура, которую можно убрать безнаказанно. У него в копилке столько тайн, что при любом намеке на их раскрытие половина Лундена кинется искать нового владельца своих секретов. А нам рано использовать этот козырь. Притом он любимчик королевы. Только Паучьей службы ее величества не хватает в нашей маленькой интриге. Нет, ваша светлость, умоляю вас... Можно покупать, грозить, шантажировать... Но только не убивать. Пока — не убивать.

— Не считайте меня дураком, милейший, — бросил лэрд, поднимаясь из кресла. — Я не хуже вас понимаю, что стоит на кону. Помните о сроках. Все должно закончиться к Лугнасаду. А если из-за Монтроза сорвется сами знаете что, нам обоим смерть покажется милостью.

— Я помню, ваша светлость, — прошелестел его собеседник, тоже вскакивая с проворством, удивительным при его солидном телосложении. — Все идет по плану, уверяю вас!

Проводив высокого гостя к выходу из кабинета, он вернулся к столу, одним махом выпил свое вино, как обычную воду, скривился. Совершенно неудачный год был для виноделия. Только такие зазнавшиеся снобы, как его светлость, поднявшиеся из грязи на волне Великого Взлета и купившие титул за несколько вагонов астерона, могут ценить вино за громкую марку, а не за истинные качества. Впрочем, это мелочи. Главное, что удалось убедить его светлость не торопить события. Сейчас начало лета, до Лугнасада еще почти два месяца. За это время хорошенькая провинциалочка принесет им искомое на блюде. Его светлость — идиот. Вещь можно украсть, и она будет принадлежать новому владельцу. Опасность знаний в том, что их можно копировать, и каждая копия обладает все тем же смертельным действием. Ничего, если к Лугнасаду все разрешится в их пользу, то еще через пару месяцев, к Мабону, его светлость сам окажется на таком прочном крючке у своего скромного помощника, что не сорвется с него никогда.

— Ах, милая-милая тье Уинни, — сказал он вслух, заглядывая в пустой бокал. —

Скромная провинциалочка. Глупышка, мечтающая о карьере стряпчего. Ну кто мог знать, что один из блистательнейших кавалеров Лундена клюнет на такое забавное существо?

* * *

Стук в дверь был негромким, но очень настойчивым. Достаточно долгим, чтобы Маред проснулась, приподнялась, встряхнув головой, и поняла, что лежит в своей постели. Ах да, она же уснула здесь вчера, после того, что было в ванной.

— Да! — откликнулась она, ожидая горничную.

— Ваш утренний кофе, тье, — послышался мужской голос, и Монтроз собственной персоной нахально вошел в ее комнату. Одетый только в легкий шелковый халат, с еще влажными после купания волосами, лэрд королевский стряпчий выглядел расслабленным и довольным жизнью.

Окинул взглядом Маред и одеяло, которое она натянула почти до носа, лэрд сообщил:

— Вы удивительно сладко спите по утрам, я стучал минут пять.

— А вы решили исполнить роль горничной, ваша светлость? — настороженно съязвила Маред, следя за мужчиной. — Я не пью кофе в постели.

— В самом деле? — удивился лэрд. — Почему?

В его руках действительно была чашка. Белоснежная, изящно-хрупкая, дымящаяся... Пахло от нее так, что Маред невольно сглотнула слюну.

— Предлагаю обмен, — весело предложил Монтроз. — Вы дегустируете новый сорт, сваренный тье Эвелин специально для вас, а я сажусь рядом и развлекаю нас обоих светской беседой. Ну что вы вцепились в одеяло? Я и так прекрасно помню, что вчера вы легли без ночной рубашки.

Не дождавшись разрешения, он присел на кровать, закинув ногу на ногу, и протянул Маред чашку.

— Вы говорили, что это моя комната! — возмущенно выпалила Маред, не притрагиваясь к кофе.

— А разве нет?

Убедившись, что вытаскивать руки из-под одеяла она не собирается, лэрд вздохнул, поставил чашку на подоконник рядом с изголовьем кровати и посмотрел на Маред, развернувшись к ней. Кофе благоухал на всю комнату, и Маред снова сглотнула слюну, но упрямо отвернулась. Корица, кардамон, еще что-то...

— Я ведь могу просто пригласить вас к себе в спальню, — сказал Монтроз негромко и подозрительно мягко. — По условиям нашего договора вам придется встать, накинуть что-нибудь... Или даже не накидывать — так будет гораздо забавнее. Раз уж вам не нравится мое присутствие здесь — продолжим там. Хотите?

— Что вам нужно?

Маред попыталась отодвинуться к стене, но кровать была слишком узкой, чтобы это имело какой-то смысл. Зато Корсар сразу сел ближе, словно Маред нарочно освободила ему место.

— Чтобы вы перестали выпускать иголки хоть ненадолго. Я всего лишь принес вам кофе. И честно собирался этим ограничиться. Но теперь, моя дорогая тье, мне и вправду стало интересно...

Закусив губу, Маред смотрела, как его рука тянет одеяло за край, снимая его, и ничего не могла сделать. Монтроз в своем праве. Да, это ее комната, но если она выставит его сейчас, лэрд просто позовет ее в спальню. Прохладный воздух облил ее, как вода, с головы до кончиков пальцев рук и ног...

— Так я и думал, — улыбнулся лэрд, глядя на нее, словно кот, играющий с мышкой пока еще мягкими лапами. — Вы прелестно смотрите спросонья. Такая милая, растрепанная, теплая и разомлевшая... Но вот просыпаться совершенно не умеете. Пожалуй, кофе в постель мы введем в ранг обязательного действия. Как и кое-что еще. Подвиньтесь еще немного, будьте милой девочкой.

— Разве вы не спешите на работу? — прошептала Маред, с тоской понимая, что надо было соглашаться на кофе и попробовать заболтать его светлость какими-нибудь женскими глупостями — а теперь поздно.

Подвинувшись к самой стене, она снова попыталась укрыться, но Монтроз отпихнул одеяло подальше и лег рядом. Маред кинуло в жар. Она лежала совершенно голая, а шелк халата не скрывал ни одного изгиба тела Монтроза. Если кто-нибудь войдет... И вообще — что он собирается делать? То, что не успел или не захотел вечером?!

— Разумеется, спешу, — согласился королевский стряпчий, проводя ладонью по боку Маред от шеи до талии. — И вскоре мне придется вас покинуть. Но не прямо сейчас. Чуть позже... Что вам снилось?

— Не помню.

Медленно и откровенно его ладонь вернулась вверх, погладила одну грудь и перешла к другой. Маред стиснула зубы — от сонливости не осталось и следа. Внизу живота от уверенных ласк Монтроза стало горячо, в щеки бросилась кровь, и соски напряглись с вызывающим бесстыдством. Хуже всего, что лэрд прекрасно это видел.

— Утро — лучшее время дня, — шепнул он, поглаживая ее плечи и шею, потом проводя пальцами по щеке Маред. — Не бойся, никто не войдет, пока я не позвоню. Может, заставишь меня опоздать?

— Ну что вы... — выдохнула Маред, отчаянно пытаясь отвлечься. — Вам этого нельзя, вы же начальник. С вас берут пример...

Лэрд хмыкнул, прижимаясь еще теснее, и сказал все так же весело:

— Какая ты молодец, девочка! Очень правильное понимание роли начальника. Тогда постараюсь побыстрее. Колени раздвинь.

Вспыхнув до ушей, Маред подчинилась, попытавшись отвернуться, но лэрд не позволил ей этого. Просунул руку, на которую облокотился, под шею Маред и мягко, но неумолимо повернул ее лицо к себе. Второй, свободной рукой, погладил ее живот и бедра. Наклонился, и поспешно зажмурившаяся Маред почувствовала на губах его теплые сухие губы. По спине пробежали мурашки, даже сильнее, чем от ласк внизу, которые Монтроз и не думал прекращать. Просунув руку, он гладил ее бедра внутри, не трогая пока самое сокровенное место, но подбираясь к нему все ближе легкими уверенными движениями. Сказал негромко:

— Поцелуй меня. И будь добра, по-настоящему, а не чтобы отделаться.

Изнывая от стыда, Маред неловко потянулась, уговаривая себя, что ничего нового в этом уже нет. Она ведь целовала Монтроза, и даже не раз... Внизу, где ее ласкали бесстыдные пальцы, уже разгоралась томная сладость возбуждения. Маред осторожно ткнулась губами в рот Монтроза, стараясь, чтоб не вышло слишком поспешно, и понимая, как глупо это выглядит.

— Обними, — подсказал ей невидимый из-за плотно прикрытых век лэрд. — Положи руки на плечи... Давай, девочка. Вот так... И колени согни.

Маред повиновалась, желая только одного: чтобы все быстрее закончилось. Неужели все-таки потребует отдаться ему прямо сейчас? Ну да, а чего он еще может захотеть от обнаженной женщины, которую держит в объятиях?

Она неловко и скованно от смущения закинула руки на горячие твердые плечи лэрда, погладила их, слегка согнула колени, чувствуя себя ужасно глупо и пошло. Покраснела еще сильнее, хотя казалось, что больше просто некуда. Судорожно вздохнула, когда чуть шершавые пальцы скользнули в ее увлажнившееся лоно. И снова вернулись к самому входу в женское естество, трогая, гладя, касаясь и дразня... Монтроз ласкал ее умело и бесстыдно, пользуясь откровенностью позы и при этом отвечая на поцелуй, по сравнению с тем, что творилось внизу, совершенно целомудренный.

От этого контраста хотелось то ли вжаться в постель, уклоняясь от бесстыжей руки, то ли податься ей навстречу, раздвинув ноги еще сильнее.

— Так, девочка, хорошо, — шепнул Монтроз, оторвавшись от ее губ и проходя цепочкой легких поцелуев от уголка рта и по щеке к виску. — Нравится? Утро должно начинаться приятно. Может, покажешь, как ты любишь? Сама...

Маред испуганно мотнула головой. Тронуть себя там? Только не это!

— Трусишка... — насмешливо протянул лэрд. — Ладно, оставим на будущее. Ты сейчас такая красивая, что жаль портить удовольствие. Тогда просто посмотри на меня. И не смей закрывать глаза. Если закроешь, мы все-таки опоздаем, потому что тогда я тебя возьму по-настоящему.

А пока он не собирается? Маред поспешно распахнула ресницы. Взглянула в мучительно близкое лицо: серебряный расплав зрачков, тяжелые веки, узкие губы. Уже знакомое настолько, что если бы умела, нарисовала бы по памяти каждую морщинку в уголках глаз и губ. И совершенно непонятное при этом, непредсказуемое. Вот о чем сейчас думает Монтроз? О ней, Маред? Или о работе? Или еще о чем-то? Глаза — непроницаемое серебро.

— Вот так, да, — согласился лэрд, вытворяя пальцами что-то невообразимое, а ведь всего-то начал гладить по кругу, нажимая в какое-то место, от которого словно посыпались искры удовольствия. — Не отводи взгляда, девочка моя. И руки не убирай. Колени — шире...

Едва сдерживаясь, чтобы не стонать, Маред вжалась спиной в постель, приоткрыв рот, задыхаясь от тягучих томных волн, заставляющих подаваться вперед. Стыд, не исчезнув, переплавился в особенно острое и горячее наслаждение, и Маред невольно дышала в одном ритме с движениями чужой руки, не отрываясь от пьяного взгляда напротив, утопая в нем и с жарким изнеможением понимая, что стоит лэрду захотеть большего, он это просто возьмет — и Маред не воспротивится.

Нет, она по-прежнему не хотела принадлежать лэрду королевскому стряпчему! И скажи сейчас Монтроз, что их контракт расторгнут, Маред бы убежала из особняка пешком, едва натянув свое старое платье.

Но прямо сейчас все стало совершенно неважным, кроме восхищенных глаз напротив и капельки пота на виске ласкающего Маред мужчины, прямо на бьющейся тонкой голубой жилке. Да, лэрд был и оставался извращенным негодяем и мерзавцем, но он хотел Маред, как никто и никогда ее не хотел, и это искреннее яростное желание будило в самых глубинах естества что-то темное, непристойно желанное...

И в какой-то момент жаркий сладкий прибой, прокатывающийся по телу, все-таки накрыл ее целиком, смывая остатки стыда. Глухо вскрикнув, Маред подалась навстречу, ткнулась лицом в горячий камень мужского плеча, сцепив пальцы на спине лэрда, задыхаясь и млея в горячей волне, бьющей из глубины ее собственного тела. Пальцы свободной руки Монтроза вплелись ей в волосы, властно потянули голову назад, и Маред покорно раскрыла губы, подставляя их под поцелуй, дыша запахом чистого мужского тела, смешанным с запахом кофе. Рассудок терялся от такого сочетания...

— Понравилось? — голос отстранившегося Монтроза был ровным и почти равнодушным, не вяжущимся с явным возбуждением.

Маред невольно облизнула губы, с тоской думая, что врать — пошло и глупо.

— Нет, — упрямо сказала она.

— Тогда скажи «благодарю, милэрд», — так же равнодушно предложил Монтроз, садясь на постели. — Раз уж не хочешь благодарить, как любовница, поблагодари, как прислуга.

Ну почему? Почему ему нужно было все так испортить? Парой слов свести все к пошлости и гадости куда сильнее, чем любой непристойностью до этого!

— Премного благодарна! — прошипела Маред, сбрасывая томное расслабление. — Правда, я вас об этом не просила! Но все равно очень благодарна! Пустите!

Она зло уставилась в лицо Монтроза, насмешливо и холодно скривившего губы.

— Милэрд, — скучаяще напомнил стряпчий. — Это нетрудно, просто повтори.

— Благодарю, милэрд, — процедила Маред, отворачиваясь. — Можно мне теперь посетить ванную?

Ее трясло от ненависти и отвращения, причем не к Монтрозу, а себе недавней, разомлевшей, покорной, растаявшей... К тому безвольному существу, жадно ловящему внимание и ласку, словно это что-то значило и для нее, и для лэрда стряпчего. Одно хорошо: всякая тень удовольствия исчезла, растворилась в нахлынувшем омерзении.

— Можно, — безмятежно согласился Монтроз, откидываясь на подушки. — Только потом вернись сюда.

Прищурившись и закинув руки за голову, он следил за Маред, пока она торопливо куталась в просторный длинный халат.

Когда Маред яростно, до красноты, оттерлась под горячей водой и вернулась, Монтроз все еще лежал на ее кровати. А в комнату явно заходила горничная. Чашка с подоконника исчезла, но на столике у кровати стоял поднос с завтраком. Гренки с маслом и джемом, кофе — другой, обычный, сладости... Маред замерла у кровати, исподлобья глядя на Монтроза и раздумывая, как бы вежливо уклониться, — завтракать в компании лэрда стряпчего ей совсем не хотелось.

— Садись и ешь, — сказал тот обыденно, будто ничего и не было между ними, и постель смята просто от беспокойного сна. — Характер уже показала, теперь можешь расслабиться. Надеюсь, на вечер силы и настроение остались?

— Остались, — с вызовом буркнула Маред, не подходя к кровати. — Но позвольте напомнить, что если вы можете решать, опаздывать вам на службу или нет, то я такого удовольствия пока лишена.

— Я помню, — улыбнулся лэрд. — Не беспокойся, мы успеем. Я действительно разбудил тебя слишком рано, девочка.

Он встал, не обращая внимания, что халат, прихваченный только поясом, распахнулся,

обнажая грудь и ноги, прошел мимо Маред к двери.

— У тебя еще есть время, — бросил на ходу. — Позавтракай и одевайся, я буду ждать у мобилера.

И вышел. Только когда шаги в коридоре окончательно затихли, Маред в изнеможении снова села на кровать. Было стыдно за все, что здесь произошло. А еще до глупых слез обидно за прекрасный кофе, который горничная унесла нетронутым, потому что он остыл. Тье Эвелин обидится, наверное... Или нет. Но все равно, утро испорчено. Чтоб его светлости провалиться!

Но как же он это делает? Руками, там, внизу... Неужели так может быть всегда, как только захочешь? Почему же Эмильен никогда...

Маред приложила ладони к горячим щекам и с тоской посмотрела на завтрак. Вдруг она все-таки успеет теперь поесть? Хотя бы кофе выпить...

Глава 1. Тени прошлого

Когда-то, на заре общего предприятия, была у них с Мэтью подцепленная неизвестно откуда присказка: если долго не занимаешься делом, дело начинает заниматься тобой. «Боуги знает чем оно начинает заниматься», — уточнял Мэтью, неспешно разгребая накопившиеся неурядицы. Он все делал медленно и с незыблемой надежностью, подолгу обдумывая, просчитывая и отмеряя не семь раз, как советует пословица, а все семьдесят семь.

Алекс же метался по поставщикам и клиентам, не расставаясь с фонилем ни на минуту, держа в памяти десятки, если не сотни, номеров, адресов и связей, лавируя в море пересечений нужных людей и служб. И при этом всегда знал, что Мэтью прикроет ему спину, взяв на себя чудовищный груз уже отлаженной ежедневной работы. Зато там, где нужно было думать на бегу, протискиваясь в случайные щели и ловя такие же случайные возможности, равных Алексу Монтрозу не было.

Однажды, не посоветовавшись с Мэтью, — решать пришлось на месте и мгновенно — Алекс вырвал из пасти у конкурентов сказочно выгодный контракт. Вырвал, сам шалея от собственной наглости: их крохотная транспортная конторка должна была из кожи вон вылезти, чтобы забрать срочный груз, застрявший в аравийском порту. В морских перевозках оба ни баргеста не разбирались, но Монтроз хотя бы с детства бредил морем, да и по-аравийски мог объясниться кое-как. В основном, конечно, ругательствами, что еще можно выучить у докеров и моряков?

Поэтому в Эль-Магриб отправился он, пока Мэтью на берегу выбивал перевозку по железной дороге: дело хлопотное, но уже знакомое до мелочей. Несколько суток Алекс дневал и ночевал в прокаленном солнцем порту, выцарапывая груз. Изучал и подписывал бумаги, не жалея, совал деньги всем, кто отвечал за передачу, а затем срывал голос на грузчиков, мешая бриттскую ругань с аравийской, и сам помогал таскать увесистые ящики... Затем он две недели спал в пропахшем ядреным мужским потом кубрике, мылся соленой водой, ел вместе с матросами пайковую солонину, запивая дешевым слабеньким вином, слушал морские байки и сам рассказывал о жизни в Лундене.

И довел все-таки, дотащил старенький, набитый под завязку сухогруз до нужного места — а там его уже ждали те самые конкуренты, резонно рассудив: к чему трепыхаться раньше времени, ведь наглый юнец и так везет груз именно туда, куда надо. Мэтью должен был приехать из Лундена утром, сухогруз пришел в порт накануне вечером, и Алекса спасли те самые моряки, у которых он за время пути стал своим, не хозяином, а таким же, как они, обычным парнем, отчаянно пытающимся выжить в хаосе Большого Взлета.

Это они, углядев на пирсе крепких ребят с обернутыми кожей дубинками, подняли тревогу и помчались выручать лунденца, не думая, что чужой товар не стоит их жизней. Потом, вспоминая ночь, разрезанную прожекторами и воем корабельной сирены, что врубил капитан, Алекс понимал, что и жизнью, и спасением проклятых контейнеров обязан простым работягам с раздолбанного, отслужившего свой век сухогруза. Тем, кто прикрыл его собой от наемников, пока Алекс с холодной ясной тоской думал, что если ему сейчас открутят голову и заберут груз, Мэтью придется платить неустойку, которая похоронит контору.

А утром приехал Мэтью с бумагами и охраной, и Алекс, до рассвета хлеставший со

своими спасителями бренди под все ту же разогретую на спиртовке солонину, встретил его на пирсе. Корриган только хмыкнул, напоказ втянув ноздрями воздух, протянул: «Ну, Корсар...», увесисто хлопнул его по плечу могучей лапищей и отправил отсыпаться. Груз ушел по назначению, и Алекс, уезжая, оставил на сухогрузе сверх оговоренной платы все наличные деньги, что смог выгрести у себя и Мэтью. Потом в Лундене серьезные люди выразили неудовольствие такой прытью двух оборванцев из Западного района, но это уже было делом Мэтью — разбираться с подобным, Алекс же снова искал очередные контракты. И все шло как надо, и через год-два «Виадук» уже был именем, хорошим, крепким именем в перевозках.

Вот тогда Алекс и сказал, что уходит. Что хочет заниматься тем, к чему лежит душа, а не тем, что только кормит. Мэтью понял, он давно ждал этого, видя, как партнер каждую свободную минуту сидит с книгами, ездит в Университет и выматывается до черных кругов под глазами, пытаясь совмещать частные уроки и работу. Понял — и не обиделся. Они полюбовно разошлись, Мэтью честно и в срок выплатил его долю, пусть и постепенно. И никогда не узнал, что была еще одна причина, по которой Алекс решил держаться от лучшего друга подальше.

Причину звали Маргарет. Ясноглазая, тоненькая, смуглая валлийка улыбалась так, что для Алекса вечно пасмурный Лунден сиял, как знойный Эль-Магриб. Только вот улыбалась она не ему. На свадьбе Маргарет и Мэтью Алекс был почетным гостем — разумеется. И восприемником их единственного сына. У него на глазах Мэтью с Маргарет прожили пять завидных лет. Алекс приходил к ним отмечать праздники, баловал маленького Виктора, сорванца и всеобщего любимца. Видел счастье в глазах Маргарет, отчаянно похорошевшей после родов, и сам был счастлив горько-сладким счастьем отречения. Совесть Александра Монтроза была чиста: он бы лучше умер, чем бросил тень разлада между двух самых дорогих ему людей.

А через пять лет, когда Алекс уже крепко стоял на ногах и привычно отшучивался на вопросы, когда осчастливит какую-нибудь девушку предложением, Мэтью Корриган похоронил жену. Внезапная и быстротекущая болезнь крови. Лучшие целители, человеческие и эльфийские, только глаза отводили — что-то там было безнадежное в диагнозе... И солнечно-лучистая небесноокая Маргарет сгорела за пару месяцев: превратилась в тень, а потом тихо ушла, в одном из последних разговоров попросив Алекса присмотреть за ее непутевыми мужчинами. Алекс, старательно и умело улыбаясь, обещал присмотреть, пока она не вернется из больницы, ведь обследование — это сущие пустяки... И она, всегда и все понимающая, тоже улыбнулась с теплой и нежной благодарностью.

Мэтью больше не женился — и Алекс его понимал. Привести кого-то в дом после Маргарет? Для него это тоже было бы кошунством. Впрочем, женщины у Корригана были, разумеется. Но ни одна не смогла ему родить, и вторым ребенком Корригана стал его «Виадук», как единственным у Монтроза — «Корсар».

А сейчас, годы спустя, странно, сколько воспоминаний может вызвать расхожая фразочка о делах. Алекс отпил горячего сладкого чая, облокотился о перила балкончика, глядя на влажные клумбы под окном, ловя последние спокойные мгновения перед выездом на работу, и невольно задался вопросом, что сейчас делает Мэтью? Вот так, через годы дружбы, почти родства... как он мог? Какая прибыль стоит того, что было между ними? Редчайшего, бесценного чувства, что рядом есть человек, на которого можно положиться во всем.

Помнится, милая тье Уинни спрашивала, как Алекс поднимался вверх. Вот так и поднимался, вырывая каждый шанс взобраться еще хоть на ступеньку. Но это все слова, а как рассказать про темный жаркий азарт, когда удачная сделка висит на волоске и лишь от тебя зависит, вытянешь ли ее. Как рассказать хотя бы про ту ночь на пирсе?

Алекс поставил чашку на широкие перила, повернул руку ладонью вверх и всмотрелся в белую сетку мелких шрамов, исчертивших ее нижний край у самого запястья. Это уже было потом, почти перед самым уходом из «Виадук». Хлопотная выдалась погрузка, не проще той, эль-магрибской. Только рядом был Корриган. Алекс тогда сдуру схватился за металлический трос, и тот, дернувшись, изорвал кожу ладони в лохмотья. В первые мгновения показалось — не больно, затем хлестанула кровь, руку обожгло, а во рту стало горячо и сухо. Когда все закончилось, Мэтью промыл ему руку все тем же неизменным бренди, ругая по-черному за тупость — разве можно хвататься за трос, как дитя малое — Алекс же только глупо улыбался, и перед глазами плавали цветные круги, а ноги дрожали от запоздалого страха...

Он сделал еще глоток уже остывшего чая, покатав на языке пахнущую ликером жидкость. Когда-то казалось: вот разбогатеет — и станет есть только сладости, таким недостижимым удовольствием они были в приюте. Разбогател и быстро наелся. Но привычка и любовь к сладкому чаю остались, как и уверенность, что он получит все, чего по-настоящему захочет. От особняка и мощного «Драккаруса» до подарка ко дню рождения — смуглой голубоглазой девчонки, что сейчас яростно ненавидит его, завтракая у себя в комнате.

С подарком, кстати, не все было ладно. Вчера вечером девочка так и отказалась от ужина, только пролепетала что-то неразборчивое на попытку ее разбудить и замоталась в одеяло, как гусеница в кокон. Для молодой здоровой девушки так устать после почти невинного развлечения в ванной комнате — странно. Впрочем, нет, это он сглупил. Ясно же, что девчонка просто вымоталась за годы непрерывной тяжелой работы. Сколько там она написала этих проклятых дипломных работ? И наверняка отказывала себе во всем... Знакомая история...

В кармане тренькнул фониль, сообщая о письме. «Доброе утро, милэрд, и хорошего вам дня». Что это с Незабудочкой? Проснуться так рано — да проще предположить, что Флория и вовсе не ложилась. Алекс написал ответ, но, передумав, нажал вместо этого кнопку вызова.

— И тебе доброе утро, моя прелесть.

Незабудка, вряд ли ожидавшая звонка, восторженно защебетала, и Алекс поморщился от неожиданного чувства вины. Нежная, ласковая, так искренне покорная и наслаждающаяся этим... Пожалуй, Флория с ним далеко не только ради денег, уж это он определить мог. Но как же с ней... скучно. «Именно скучно», — понял вдруг Алекс, откликаясь на милую болтовню фаворитки, что-то отвечая сам и не особо вдумываясь в смысл разговора. Все, что могла сказать Незабудка, он знал и так: очередная вечеринка, где она блистала, новая коллекция платьев от дорогой модистки, немножко сплетен... Все мило и простенько... Или нет? словно неверная нота, какое-то слово в потоке щебета прозвучало фальшиво — и Алекс насторожился. О чем это Флория? Серия камерографий? У тьена АрМоаль? Того самого? Ах, тьен Венсан сам предложил? И уже Венсан, просто по имени?

— Ты согласилась? — поинтересовался он.

— Нет, милэрд, — томно откликнулась Незабудка. — Без вашего разрешения? Как я

могла?

— Вот и хорошо. Ничего пока не обещаю, моя прелесть. И не встречайся с тьеном АрМоаль без меня. Поговорим, когда увидимся.

— Да, мой повелитель, — игриво и жарко выдохнула в трубку фонилия Незабудка, услышав обещание. — Я буду ждать...

И стоило бы действительно с ней встретиться и порадовать вниманием, только где взять время? Сегодня он обещал тье Уинни визит в школу вождения мобилеров. А потом обещал ей же еще кое-что — и при одной мысли об этом в паху сладко потянуло от предвкушения. Но Незабудка...

Алекс поморщился, плотнул совсем остывший и потерявший вкус чай. С Незабудкой — как с этим чаем — все остыло. И так ли нужно допивать выдохшийся напиток, пусть и сладкий, с любимым ликером, если можно заварить свежий, ароматный и горячий? Только вот Флория все же не чашка чая и не вещь, сколько ни сравнивай ее со статуэткой.

Оба обещания — учеба вождению и вечерние развлечения — выполнить не удалось, так уж сложился день. Алекс, разумеется, отвез хмурую и настороженную Маред на службу, снова заблаговременно высадив подальше от здания конторы. Сам же поехал в полицейское управление, разыскивать детектива, ведущего дело об убийстве в «Бархате». Однако доблестного служителя закона на месте не отказалось, его не менее доблестные коллеги только руками разводили, и на звонки по фониле детектив тоже не отвечал. Судебный эксперт пока ничего определенного сказать не мог, и Алекс только напрасно потерял время. Да и вообще, дело по поводу взрыва еще не завели по всей форме, и были все основания надеяться, что его признают несчастной случайностью. Тоже ничего приятного для респектабельности заведения, но все же сущие пустяки по сравнению с убийством. А вот если не признают...

Выруливая на бульвар принцессы ап Гилмаринен, Алекс мрачно думал, что совершенно неясно, кто и чего добивается подобными играми. Со взрывом астерона все по чистой случайности обошлось без жертв. Убивать людей, чтобы испортить репутацию клуба, который сам же хочешь купить? АрМоаль не похож ни на безумца, ни даже на обычного дурака. И зачем ему именно «Бархат»? Опытный ресторатор не может не понимать, что душа «Бархата» — Анриетта, и лишившись ее, клуб утратит большую часть очарования. Да, это неплохое коммерческое вложение, но посетители клуба для удовольствий — очень капризная клиентура, больше всего ценящая безопасность и внимательный подход к нуждам и желаниям каждого. АрМоаля же в Лундене пока не знают, и реноме ему придется создавать почти с нуля.

Алекс включил ветрогон: начиналось время духоты. Свернул с бульвара, пропустив роскошный экипаж со смутно знакомым гербом — две лошадки в нарядной сбруе процокали мимо, качая султанчиками. Важный кучер в раззолоченной ливрее не удостоил мобилер Монтроза даже взглядом, но из окна кареты выглянула хорошенькая девица и тут же, манерно прикрыв личико веером, спряталась обратно. А Алексу вспомнился искренний и трогательный восторг в глазах тье Маред, впервые севшей за руль мобилера.

Он невольно улыбнулся воспоминанию. Кто бы мог подумать, что смешную провинциальную девочку покорят не дорогие наряды, а скорость и мощь механического экипажа! Почему-то это было очень приятно. А еще хотелось бросить душный летний Лунден и увезти Маред Уинни в Шарин-Шахр, в гости к Сармади. Катать ее на легком белокрылом паруснике, чтобы соленый мокрый ветер дул в лицо, любоваться украдкой, а

потом улучшить момент и подхватить губами капли воды со смугло-золотистой кожи. Девочке на диво пойдут аравийские одежды, в цветных и белоснежных шелках она будет прекрасна, как сказочная пери. А еще можно отправиться с ней в знаменитые подводные пещеры, где шейхи-владыки города выстроили в толще воды галереи из чистейшего толстого стекла — новое чудо света — и их гости могут увидеть чудеса подводного мира. Алекс помнил, как впервые увидел эти пещеры — ожившую сказку. Девочке понравилось бы!

Но об этом пока приходилось только мечтать. А еще — браться за баргестовы дела, пока они и в самом деле не взялись за нерадивого лэрда стряпчего. И потому Алекс поехал в мэрию, потратив еще пару драгоценных часов на дорогу и разговор с помощником мэра, от которого требовалось только одно: не мешать «Корсару» заключить контракт с франкской фирмой, решившей вложить капитал в крупный бриттский страховой дом. Причем Алекс подозревал, что франки этот страховой дом собираются постепенно купить, а значит, работать с ними предстоит долго и, даст Луг, взаимовыгодно. Франков «Корсар» тоже устраивал, и камнем преткновения была только мэрия, желавшая участвовать в дележе еще не полученных дивидендов.

Алекс, напротив, не собирался подпускать чиновников к основной прибыли, разве что однажды купить их благосклонность... Именно это и мог устроить лэрд Макмиллан, человек невероятного влияния и твердых коммерческих принципов, чей внучатый племянник пришел в «Корсар» на стажировку. В итоге дело решилось одним звонком в лунденскую резиденцию Макмилланов, после чего Алекс вернулся в кабинет ставшего необычайно любезным помощника мэра и спокойно подписал с франками договор о сотрудничестве, пообещав первые разработки через две недели.

Двух недель для такого масштабного проекта было бессовестно мало, так что Монтроз уточнил: почтенным клиентам покажут первоначальную концепцию юридического сопровождения инвестиций, зато не один проект, а несколько, чтобы было из чего выбрать.

В контору он вернулся как раз к обеденному перерыву. Нарочно прошел через кофейню, надеясь увидеть там тье Уинни, и угадал: девчонка с пустым подносом в руках мялась у прилавка, а рядом вился фатоватый хлыщ с неприятной улыбкой, смазливый и похожий на рекламу мужского парфюма. «Тоже из практикантов, — вспомнил Алекс. — Что ж, вполне естественно. Тье Уинни хороша собой, а теперь, в приличном платье и правильно причесанная, вовсе превратилась в чрезвычайно эффектную особу. Неудивительно, что она нравится мужчинам. Более того, это правильно»... Но настроение все же испортилось.

Поднявшись к себе, Алекс вызвал главу контрактно-корпоративного отдела Кормака Даффи и отдал ему документы по франкам, велел объявить конкурс на разработку проекта. Все как обычно: документы в свободном доступе внутри отдела, заявки на участие и работа хоть парами, хоть по несколько человек, хоть лично, если — Алекс подчеркнул это с должной долей небрежности — найдутся такие смельчаки. Как там, кстати, практиканты? Если молодой Макмиллан решит поучаствовать, следует уделить юноше как можно больше внимания — проект находится под покровительством его клана. Ну, и остальным новичкам тоже, конечно...

Когда дверь за Кормаком закрылась, Алекс немного посидел, облокотившись на стол, упираясь подбородком в сплетенные пальцы рук и глядя в окно. Что его так разобрало? Не собирается же он запереть тье Уинни в клетку без возможности общаться с противоположным полом? Мир стряпчих — это мир мужчин, а девушке следует обзаводиться полезными знакомствами, и лишить ее этого — подло и глупо. Главным

образом — глупо. И совершенно неясно, откуда вообще взялось подобное желание: ему всегда было безразлично, с кем проводит время Флория или фаворитки и любовницы до нее. Лишь бы не болтали лишнего и не делали особых глупостей. Но Маред...

Алекс поморщился, и тут зазвонил фониль. На экранчике высветился не подписанный именем номер, прекрасно известный наизусть. Алекс поднес трубку к уху, почти радуясь возможности отвлечься от мыслей о Маред Уинни.

— Хорошего дня. Как дела?

— Да вот, — донесся из трубки безмятежный голос Кон Аннуина. — Подумал пригласить тебя выпить пива. Как отнесешься?

— Всегда рад, — медленно и четко отозвался Алекс, ничуть не покривив душой. — Когда?

— Когда сможешь, — усмехнулся Сид. — Подозреваю, у вашей светлости время расписано по минутам?

— У меня три свободных часа прямо сейчас, — с деланным возмущением отозвался Алекс, глянув на список дел в ежедневнике. — В парке?

— Подходит, — с той же ленцой согласился Сид. — Жду.

Парк для встреч они выбрали давным-давно, имена и названия по фонилью Сид вообще никогда не называл, и Алекс привычно соглашался с мнением того, кто в этом деле понимал лучше. Береженого боги берегут. «А небереженого в тюрьме стерегут», — добавляли обычно его клиенты из прошлой жизни. И тоже были правы.

Когда Алекс добрался до парка, Сид уже ждал его на любимой скамейке с неизменной бутылкой в руках. И выглядел со стороны обычным, ровно ничем не примечательным горожанином средних лет, без капли нечеловеческой крови. Так, мелкий клерк, выбравшийся ненадолго выпить пива с приятелем. Может, даже из-под крыла супруги и подальше от выводка детишек: было в рабочем облике Сида что-то этакое, неизменно респектабельное и добропорядочное. Полиция, например, к нему никогда не цеплялась, словно не замечая.

— Холодное? — уточнил Алекс, присаживаясь рядом и забирая свою бутылку, протянутую Сидом.

— Ты бы еще к вечеру приехал. Погреба здесь нет...

Но пиво, несмотря на ворчание Сида и летнюю духоту, от которой не спасала и парковая тень, оказалось холодным.

Алекс потянул волоконец вяленой трески, лежащей между ними на аккуратном бумажном пакете, кинул в рот, прожевал и сделал первый, задающий тон всем последующим, глоток. Горьковатый темный эль скользнул вниз мягко и правильно, оставив послевкусие, мешающееся с соленым вкусом рыбы. Отхлебнув еще раз, он покатал жидкость на языке, смакуя, проглотил, откинулся на спинку скамьи и выдохнул:

— Хорошо как, Лугом клянусь! Где ты такой эль берешь? Сколько раз покупал эту же марку — а все не то.

— Значит, не в той компании пил, — хмыкнул Сид, тоже отхлебывая из бутылки. — Или не в том настроении. Правильный эль требует уважения и должного расслабления души. Хотя можно поспорить, что является первичным: пиво или расслабление.

— Да ты философ, — лениво отозвался Алекс, наслаждаясь редким моментом спокойствия и зная, что торопить бесполезно: Сид расскажет, что и когда сочтет нужным, и чем меньше упорствуешь, тем быстрее наступит данный момент. — Проповедник дрожей и

солода...

Сид улыбнулся, извлекая из кармана ключ-камень:

— Что ж, истину можно искать где угодно, почему бы и не в солоде? Прости, Алекс, мне нечем тебя особо порадовать. Кое-что я вынюхал, но совсем мало. Да и то все мутное.

— Ну, выбирать не приходится, — пожал плечами Алекс, глядя на блеск реки в просвет между деревьями.

— Тоже верно.

Отставив пиво, Сид откинулся на спинку скамьи, по-прежнему выглядя совершенно расслабленным и разморенным жарой. Продолжил неторопливо:

— По темным дорожкам следом за твоими работниками я погулял, но не нашел ничего особенного. Это не значит, конечно, что они образец добродетели. Там, на камне, сам посмотришь. Кто-то тайком от законной супруги содержит молоденькую фаворитку, кто-то всерьез и часто заходит в игорный дом. Вроде бы мелкие слабости, но использовать их может кто угодно. Сам понимаешь...

— Понимаю, — согласился Алекс. — Сид, а есть ли что-то такое, о чем я должен был узнать от начальника безопасности своей конторы, а не от тебя?

— Да, пожалуй, и нет, — подумав, признал полуэльф. — Ничего особенно грязного или опасного. Если он у тебя держит дела и людей под присмотром, то все в пределах допустимого. А вот с Корриганом сложнее. Я верно понял, что это твоя главная забота на сегодня?

— Верно, — тихо согласился Алекс, невольно подбираясь. — Что насчет него?

— Почти ничего. Корриган твой — зверь пуганный, осторожный, к нему так просто не подобраться. Охрана у него не хуже твоей, а то и лучше. Но есть слуги и клерки... В общем, проскользнуло мимо меня, что у Корригана есть женщина, которую он прячет.

— Зачем? — искренне удивился Алекс. — Или дама замужем?

— В том-то и дело, что нет. Совершенно свободная особа. Только вот работает то ли в «Корсаре», то ли на Корсара. А ты и твоя контора — один баргест, сам понимаешь.

— Это точно? — помолчав, спросил Алекс и сделал глоток, чувствуя, как моментом выдохлось пиво, потеряв всю свою прелесть? — Что про нее еще известно?

— Это точно, — негромко уронил Сид, крутя в пальцах пустую бутылку. — И больше пока не известно ничего. Разве что денег на свою passion тыен Корриган не жалеет, а дама предпочитает в качестве презентов драгоценности. Собственно, в ювелирном магазине я этот след и взял... И еще неизвестно, что их связывает, кроме постели. Может, она с Корриганом только роман крутит, а контора ни при чем. Хотя вряд ли...

— Вряд ли, — согласился Алекс. — Давай подумаем... Женщин у меня в фирме не так много. А привлекательных еще меньше. Разве что секретарша какая-нибудь... Вот среди них много молодых и хорошеньких.

— Молодая и хорошенькая скорее охотилась бы на наряды, — заметил Сид. — А драгоценности дарят дамам зрелым, знающим себе цену, и без того обеспеченным. Хотя, конечно, бывают и исключения. Есть и молоденькие хищницы, копящие дорогие побрякушки. Кто из пристрастия к ним, а кто на старость... Лучше думай о том, что если Корригану от любовницы нужны не только постельные утехи, то вряд ли он будет использовать простую девицу-секретаршу, у тех не так много доступа к важным документам.

— Ясное дело, — усмехнулся Алекс. — Но наверху у меня женщин еще меньше. Не с Эстер же он крутит... Разве что... Лэрис? Ты ее проверял?

— Твою королеву счетов? А как же! Но она бестия умная, такую лису за хвост не поймает. Я продолжу работать, Алекс. У меня все так же полные полномочия?

— Разумеется! погоди, — встрепнулся Алекс, видя, что Сид уже встает. — Еще одно дело. Это не срочно, просто хотелось бы узнать... Ко мне в контору пришла некая тье. Зовут ее Маред Уинни. Вдова, студентка Университета, работает в «Корсаре» на практике. И спит со мной.

— Думаешь, тебе ее подсунули?

— Уверен, что нет. Я сам эту девочку выбрал и долго уговаривал. Либо ее подвели очень тонко, либо тье Маред — лучшая актриса столетия, прима Императорского театра ей и в горничные не годится. И то, и другое — совсем не похоже. Но ты все-таки покопайся в ее прошлом. Я хочу знать, как погиб ее муж. И нет ли там еще каких темных историй.

— Это, как я понимаю, личное? — бесстрастно уточнил Сид.

— Да, — подтвердил Алекс. — Очень личное. Мои люди в конторе о нашей связи не знают — и пусть не знают дальше.

— Сделаю. Это все?

Алекс кивнул. Пожал протянутую на прощанье руку — сухую крепкую ладонь с мозолями, набитыми везде, от ребра ладони до кончиков пальцев. Вот разве что по рукам понимающий человек мог бы многое сказать о Сиде Данше, Кон Аннуине, одном из лучших частных сыщиков Лундена. И втором лучшем друге Алекса. Друге еще из приютского детства, когда они спина к спине дрались против таких же приютских мальчишек, голодных злых зверьков, признающих только силу и жестокую готовность защищать свое. Это с Сидом Данше они вместе убегали в город и там, заработав первые собственные деньги, ели что-то, кроме опостылевшей казенной баланды, и пили свое первое пиво. С Сидом же они пилили ножки для табуреток, а потом сколачивали их под рычание вечно похмельного воспитателя, бывшего матроса. И каторгу он предрекал им обоим, кстати, потому они и туда собирались вдвоем, только жизнь рассудила иначе. Жизнь пошутила, как за ней это водится...

Остаток дня прошел как-то сумбурно, без привычной четкости — залога успеха в делах. Наконец-то соизволил позвонить детектив, ведущий дело об убийстве официанта, и Алексу пришлось возвращаться в управление. Через полчаса знакомства с бумагами — на дорогу и то ушло больше времени — он убедился, что заподозрить в убийстве метрдотеля мог только человек, страдающий полной умственной непригодностью к полицейской работе. Или страстно желающий избавиться от этого дела, найдя первого попавшегося жертвенного агнца на роль убийцы. Была еще третья возможность: детектив мог выполнять чей-то заказ с целью скомпрометировать клуб, но это Алекс пока что всерьез не рассматривал, отнесся в область болезненной подозрительности.

Так или иначе, детективу хотелось отправить Антуана на каторгу, а появление королевского стряпчего этому мешало. У Алекса даже настроение улучшилось, пока он с упоением исследовал документы в поисках процессуальных нарушений, а потом по пунктам предъявлял их погрузневшему полицейскому.

Напоследок он затребовал доклад эксперта и предложил детективу пари: угадать, на какой минуте судебного заседания данное дело рассыплется с позорным треском?

Так что в «Бархат» Алекс приехал довольным. Время неуклонно двигалось к вечеру, хотелось есть, а клубная ресторация почти не уступала его любимому «Азимуту». Заглянув по дороге в злосчастное помещение, где взорвался астерон, Алекс оценил скорость и качество ремонта, поздоровался с дежурным метрдотелем, сегодня это был Тьерри, и

поднялся наверх.

Анриетта была у себя. Алекс вошел — и замер. Задернутые в разгар дня плотные шторы, открытая, но непочатая бутылка на столе... Анри, свернувшись в кресле клубочком, поджав под себя ноги, задумчиво вертела в руках бокал, словно решая: налить в него бренди или грохнуть хрусталь о стену. Появление Алекса подсказало третий путь: вздохнув, Анри поставила бокал на широкий подлокотник кресла.

— А я собиралась безобразно напиться, — меланхолично сообщила она, поднимая глаза к розжку астероновой люстры и внимательно, как в первый раз, разглядывая его. — Собиралась-собиралась...

— И как? — поинтересовался Алекс, обходя стол и бесцеремонно присаживаясь на него напротив кресла Анриетты. — Собралась?

— Увы. Вон, видишь, бутылка уже час стоит. Открытая. А пить не хочу. Не стоит оно того.

— Тебе виднее, — согласился Алекс, поднимая бутылку за горлышко и приносясь. — Отличный бренди. Тогда угости меня. Я бы выпил немного, но только за обедом. Спустимся в ресторацию?

— Не хочу, — снова вздохнув, призналась Анри. — Хотя если с тобой... Ты не против, если я прикажу накрыть здесь? Никого не хочется видеть...

— Как пожелаешь, — покладисто согласился Алекс, спрыгивая со стола и подходя к окну. — Только пообедаем вдвоем.

Он чуть-чуть потянул золоченый шнур штор, пуская в комнату свет — ровно настолько, чтобы можно было выключить бьющий по глазам астероновый свет. Вернулся к столу. Анри уже говорила по внутренней связи. В молчании они дождались пары официантов снизу, из ресторации клуба. Один из пареньков быстро застелил стол белоснежной накрахмаленной скатертью и помог второму расставить дымящиеся тарелки. Когда прислуга ушла, Алекс указал взглядом на бутылку. По этикету, разумеется, наливать спиртное полагалась ему, а не даме, но это был кабинет Анри, и Алекс не собирался посягать на ее хозяйские права.

Анриетта, сев в кресле уже благопристойно, плеснула в бокалы на два пальца жидкого золота, махом выпила свой бренди, прислушалась к чему-то внутри и принялась за жаркое. Алекс цедил крепкий напиток медленнее, смакуя, потом тоже взялся за мясо.

Ели молча, лишь изредка перебрасываясь ничего не значащими фразочками: какого цвета обои заказать для коридора возле взорванной комнаты, мясо сегодня шеф-повару удалось на славу, да и спаржа прекрасна, с делом Антуана все хорошо — да иначе и быть не может... Отодвинув пустую тарелку, Анриетта плеснула в бокалы еще бренди и выцедила его по глоточку. Что бы ни мучило ее, оно уходило: заблестели глаза, напряженные плечи расслабились под мягким светлым шелком блузы, Анри даже в кресле села мягче и спокойнее. Взглянула на бутылку, явно раздумывая, не налить ли еще, но на вопросительный взгляд Алекса покачала головой.

— Нет, не стоит. Все прошло. Спасибо...

— Всегда к твоим услугам, — улыбнулся Алекс.

Встав, он снял с кресла Анри так и оставленный там первый бокал, сел на подлокотник, обнял за плечи прильнувшую к нему женщину. Склонился к макушке с простой изысканной прической, вдохнув чуть горьковатый запах духов от волос и кожи. Шепнул, коснувшись губами гладких смоляных прядей:

— Что случилось, милая?

— Ничего, — глухо отозвалась Анри, замерев в его объятиях. — В самом деле, Алекс, ничего. Сущие пустяки.

— Пустяки, из-за которых ты хотела напиться? Пустяки хуже убийства и взрыва?

Пару минут они так и сидели молча, Анри все теснее прижималась к Алексу, ее плечи снова закаменели. Потом она тихо сказала:

— В клубе сегодня был посетитель. Один из тех... кто меня... Я с тех пор его не встречала, была уверена, что этой твари нет в Лундене. А вот надо же...

— Он тебя видел? — спокойно уточнил Алекс, поглаживая плечи любовницы сквозь ткань медленными ритмичными движениями.

— Нет, — выдохнула Анри. — Он был в зале, я случайно заметила его сверху, с лестницы. И не стала спускаться... Алекс, говорю же, ничего не случилось. Просто... я не ожидала... Немного перенервничала. Ты знаешь, со мной это бывает.

— Бывает, — согласился Алекс, с сожалением подумав, что напрасно не поступил тогда более жестко.

Да, добраться до них было слишком сложно. А потом время затянуло раны, ублюдки притихли, кое-кто вовсе покинул Лунден... Да и Анри, казалось, выздоровела не только телом, но и душой. Почти выздоровела, так он думал. Оказалось, он был неправ. Впрочем, напиваться Анриетта, как ей ни было плохо, не стала. А все остальное — это теперь дело Алекса. Сегодня вернуться в коттедж к тье Уинни не выйдет. Жаль, но не бросать же Анри в таком настроении.

— Он ушел почти сразу, — монотонно и тихо продолжила красавица-сирена. — Мне кажется, он вообще заглянул случайно. Но если вернется...

— То получит по физиономии от охраны, — с деланным равнодушным спокойствием закончил Алекс. — И баргест с ней, с репутацией клуба. Да и вообще, если в «Бархате» какой-то мерзавец схлопотал по физиономии, то дело не в клубе, а в физиономии — разве можно в этом усомниться?

Незамысловатая древняя шутка неожиданно помогла: Анри отозвалась смешком, расслабилась и уже всерьез потянулась к Алексу, повернувшись и обняв его. Губы у нее восхитительно пахли бренди, мягкие, упругие, зовущие... Целуя, Алекс провел кончиком языка по нижней губе Анри, чуть прижал ее зубами. Спросил в самое ухо, расчетливо грея его дыханием:

— Оставишь дела на метрдотеля? Можем сегодня поиграть...

Вот так и вышло, что позвонив Эвелин и сообщив совершенно не расстроенной этим тье Уинни, что сегодня ее заберет присланный водитель, Алекс на весь остаток дня и вечер расположился в клубе. Занялся делами, проверил накопившиеся документы, потом спустился в общий зал. Анри, окончательно придя в себя, летала по клубу экзотической птицей, рассыпая улыбки и знаки внимания, очаровывая каждым движением и словом.

Алекс же, удобно устроившись за любимым угловым столиком, полускрытым драпировкой шторы, потягивал легкий коктейль и вспоминал, смирившись с тем, что сегодня прошлое упорно всплывает в памяти и наяву.

С Анри его тоже познакомила Шэннон, попросив о помощи как стряпчего. История гнусная, но во времена Большого Взлета очень частая. Молодая красавица-танцовщица, приглашенная на частную вечеринку, и пьяная компания золотой молодежи, искренне полагающая, что им дозволено все. Будь Анри опытнее, она могла бы использовать свое очарование сирены, либо успокоив подонков, либо напугав, но у девчонки-полукровки не

хватило сил и умения, а потом стало поздно. Танцы закончились зверским насилием. Немного протрезвев, юные лэрды бросили девушку в мобилер, вывезли за город и оставили в придорожных кустах, рассудив, что не обязательно пачкать руки, добывая жертву, — и так не выживет.

Неизвестно, кто из богов сжалился, но Анри повезло трижды. Во-первых, до дороги было недалеко — ублюдки поленились нести тело — и девушка смогла выползти на королевский тракт раньше, чем окончательно потеряла сознание. Во-вторых, ночь была в конце октября, и холод от земли уменьшил кровотечение. И в-третьих, возле окровавленной голой девушки не побоялась остановиться супружеская пара, возвращавшаяся в Лунден из загородного имения. Мужчина оказался профессиональным целителем, а в экипаже был его ящик с медикаментами и кое-каким инструментом. Сделав все возможное, великодушный лекарь отвез Анри в больницу, где работал. Когда девушка пришла в себя, ее навестила полиция. Но на расспросы Анри не отвечала, отделиваясь коротким «не помню», а учитывая ее род занятий и наполовину нечеловеческую кровь, стражи порядка не стали копать слишком глубоко. Подумаешь, недовольный клиент избил девку-танцорку, наверняка подрабатывающую и другими услугами. Доказывать, что до этой ночи Анриетта Ресколь была невинна, уже не имело ни малейшего смысла.

Алекс пришел в больницу один, представившись персоналу семейным стряпчим больной. Выложил на столик у кровати сочные магрибские апельсины и шоколад, сел на краешек застиранной больничной постели. Глянул в потухшие болотно-зеленые глаза, окруженные «очками» кровоподтеков на распухом лице. Если девушка, которой его попросили помочь, и была красива, сейчас ее бы никто так не назвал. Негромко, медленно и спокойно сказал:

— Доброго дня, тье Ресколь. Меня зовут Александр Монтроз. Кое-кто называет меня Корсаром. Если вы обо мне не слышали, можете попросить рекомендации у Шэннон ап Дилвери. Я ваш стряпчий, и пока что у меня только один вопрос: мы будем предъявлять обвинение или договариваться о возмещении убытков? Иначе говоря, что вам нужнее, месть или деньги? Подумайте хорошенько, тье, я навещу вас завтра. Кстати, вашей матушке сообщили, что вас сбил экипаж. Целителям о соблюдении врачебной тайны я уже напомнил, так что все особые обстоятельства останутся секретом. И если вам что-то понадобится, прошу не стесняться — ваше лечение оплачено, включая услуги сиделки.

Ему пришлось прийти еще не раз, прежде чем Анриетта заговорила. Время, конечно, уходило, но Алекс все равно работал по этому делу. Он еще не был аристократом и королевским стряпчим, но уже считался человеком, которому стоит оказывать услуги. Через неделю Анри начала говорить, глядя в пустоту за его плечом и немилосердно шепелявя сквозь выбитые передние зубы. Алекс нашел нотариуса и камеру для записи, с которой научился работать сам. С нотариально заверенными показаниями, камерографиями и врачебным заключением он отправился наносить визиты.

Не к самым юношам, конечно, а к их старшим родственникам. Был вежлив, бесстрастен и очень убедителен. Объяснил, как им повезло, что девушка, которую изувечили их дети и племянники, согласилась на компенсацию. Нет, она не шлюха, просто танцовщица. Да, милэрды, разница есть. Нет, она бы непременно подала в суд, если бы не больная мать, которой бедное дитя зарабатывало на дорогое лечение. Последнее было чистой правдой — и заключение доктора о здоровье тье Ресколь-старшей он тоже предусмотрительно подготовил.

Дальше он объяснил, что исчезни вдруг Анриетта или откажись от своих показаний, это уже ни на что не повлияет, потому что у него, Александра Монтроза, репутация человека, который доводит дела до конца. Есть заверенные показания, есть свидетели и доказательства, и если с ним или Анри что-то случится, все это мгновенно попадет к нужным людям. Например, королевским следователям. А еще к вашим почтенным соперникам в Парламенте, милэрды, которые чрезвычайно обрадуются подобному козырю в борьбе за общественную нравственность. Ваши стряпчие? Прекрасно! Он будет только рад обсудить это с ними.

Да, Алекс рисковал. И вести переговоры пришлось долго. Но Анриетта просила не так уж много, куда меньше, чем стоит репутация почтенного графского рода, например. Милэрды навели справки о выскочке-стряпчем и милостиво согласились оказать помощь несчастной девушке, пострадавшей... под колесами экипажа. Монтроз от лица Анри твердо обещал похоронить эту историю. Ему самому куда больше хотелось похоронить ее виновников, но руки были коротки, а Анри отчаянно нуждалась в деньгах на лечение себе и матери.

Он пришел в больницу в последний раз, все с теми же апельсинами, которые Анри все-таки ела. Рассказал все, отдал чек на внушительную сумму, улыбнулся, пожелал выздоровления и встал.

— Подождите, мэтр, — окликнула его Анри, все так же упорно глядя мимо. — А сколько я должна вам?

— Нисколько, — пожал плечами Алекс. — И если позволите, это не обсуждается. Во-первых, это была просьба нашего общего друга Шэннон. Во-вторых, наказать негодяев, хотя бы так умеренно, это то, что придает моей работе смысл.

Анри впервые посмотрела на него прямо, изумрудными эльфийскими глазами, лихорадочно горящими на смуглом лице, с которого сошли уже все следы побоев. Зубы у нее тоже выросли заново — одно из преимуществ сирен. И теперь Анриетта Ресколь снова была очень красива. Просто завораживающе...

— Я говорила о вас с Шэннон, — сказала она, глядя на Алекса в упор. — Если не хотите денег, я могу рассчитаться иначе. Тем, что вы ищете в особых клубах. Если, конечно, не брезгуете. После всего, что я... что со мной...

— Какая совершенная чушь, — хмыкнул Алекс. — Вы моя клиентка, тье Ресколь. А я стряпчий и должен соблюдать определенные правила нашей гильдии. Иначе я давно стоял бы под дверью вашей палаты с розами, прося о свидании. Вы любите розы, тье?

— Нет, — честно от растерянности сказала Анри.

— Тогда все усложняется, — картинно вздохнул Алекс.

Присел снова на постель, уже застеленную свежим хорошим бельем, хоть и больничным, взял ладонь Анри — легко, ненавязчиво. Склонился и поцеловал тонкие смуглые пальцы. Попросил, подняв голову и глядя в удивленные глаза:

— Никогда не повторяйте эти глупости насчет оплаты, прошу вас. Не обижайте меня. Я был бы счастлив встретиться с вами не как стряпчий. Но вы вряд ли этого захотите, потому что мое присутствие будет невольно вызывать у вас неприятные воспоминания.

— Я... вам позвоню? Как-нибудь... — шепотом спросила Анри, снова отводя взгляд и заливаясь краской.

Алекс достал визитку и положил на тумбочку рядом с недоеденным апельсином.

— В любое время и по любому поводу. Я буду ждать, поверьте. Возможно, вам

захочется просто поговорить за чашкой чая или кофе.

Она позвонила через две недели после выписки. Приняла приглашение в кофейню, была тихой, застенчивой и очень напряженной. Но согласилась встретиться еще раз, и еще. Потом они увиделись на одной из вечеринок Шэннон...

Алекс допил коктейль, подумал, не заказать ли еще один? Нет, не стоит. Алкоголь — вещь коварная, а он обещал Анри «поиграть». И от этой-то порции придется протрезветь, прежде чем начинать. Он глянул на лежащий рядом с бокалом фониль. Час до полуночи. Еще немного — и можно забирать Анри из зала, здесь вполне справятся без нее.

Глава 2. Связи, которые скрепляют мир

Провести целый вечер и всю ночь одной, без присутствия лэрда Монтроза, выглядело щедрым подарком Бригитты. Не иначе, богиня смилостивилась над непутевой дочерью, весь день усердно постигающей премудрости новой работы. Маред так обрадовалась, что даже не сожалела об отмене обещанной учебы вождению. Тем более что это лэрд стряпчий не обязан был ни предлагать, ни обеспечивать. Это уже шло неожиданным бонусом к их контракту.. А если у лэрда дела в Лундене, так тем лучше для Маред. Сегодня она свободна!

Без хозяина в особняке даже дышалось легче — так ей показалось. И можно было заняться чем угодно, так что после ужина Маред, слегка стесняясь, попросила подать ей кофе в комнату. Белоснежный с золотом кофейник и такая же фарфоровая чашка, две вазочки с разным печеньем, бонбоньерка, полная сладостей... Экономка успела заметить и пристрастие Маред к конфетам с ликером, и то, что она не пьет кофе с молоком и сахаром. Такое внимание было то ли приятно, то ли пугающе.

Отпустив горничную, Маред забралась с ногами на кровать и открыла вычислитель.

Придвинула ближе столик, чтобы не держать чашку на весу — не дай боги плеснуть на драгоценное устройство. Откусила печенье, теплое и божественно пахнущее корицей, но с сожалением положила остальное обратно, понимая, что крошки от рассыпчатой сдобы непременно полетят на клавиши, а чистить их — дело хлопотное. Ну и ничего страшного, все равно конфеты она любит больше.

Монтроз, побери его боуги, и в этом был прав: пить кофе в постели, пусть и не спросонья, — редкое удовольствие. Осторожно доставая конфеты из обертки губами, чтобы не пачкать пальцы, Маред наслаждалась покоем и личным, только ей принадлежащим временем.

Для начала она открыла на вычислителе контракт с лэрдом стряпчим и внимательно перечитала. Снова, уже спокойно и внимательно, перелистала картинки с инструментами для причинения боли и удовольствия. Сверив их перечень со списком в приложении к контракту, убрала то, на что согласилась бы только под угрозой смертной казни. Долго колебалась, но все-таки оставила несколько. В основном из тех, что делают больно. Боли, как ни странно, Маред не боялась. Да и сомнительно, чтобы лэрд применял пыточные инструменты: ему больше нравится издеваться над ее душой, а не телом.

С особым ожесточением был вычеркнут пункт о камерографиях. Нет уж! Ни в коем случае! И никого постороннего во время интимных действий. Одна мысль, что кто-то может увидеть, как Монтроз с ней развлекается, вызывала страх и тошноту. А камерографии... Теперь она знает, как это опасно.

Маред поежилась, одним глотком допив кофе, словно смывая его вкусом мгновенную горькую оскомину. Налила себе еще чашку. И, закончив все, что можно было сделать без участия лэрда, задумалась, чем заниматься дальше. Что там лэрд изволил сказать про то, что нужно знать человека, от которого зависишь? О, Маред умеет учиться тому, чему научиться стоит. Она с удовольствием последует совету.

Конфеты и печенье были забыты, только кофе Маред торопливо допила, не в силах просто бросить. Выскользнув из комнаты, она прошмыгнула в библиотеку, чувствуя знакомый азарт исследователя.

Газеты! И журналы... Конечно, они нашлись во множестве. Толстые подшивки

респектабельных изданий, обычные ежедневные выпуски новостей. Маред оглядела стеллаж со стопками прессы и содрогнулась. Она за неделю это не просмотрит. Ну хорошо, а вот и знакомый справочник! «Деловой Лунден» — бесценная вещь для тех, кто умеет им пользоваться.

Не отходя от полки, Маред ринулась листать страницы. Юридический дом «Корсар», владеец... Вот оно! Справочник был пятилетней давности. На тот момент его светлость лэрд Монтроз уже числился не просто королевским стряпчим, но и личным экспертом ее королевского величества в области корпоративного права. А еще членом Европейского законодательного собрания — почти совета небожителей в области международного правоведения. А «Корсар» занимал седьмое место в рейтинге юридических предприятий Великобритании. Ох...

Но это все официальные данные, их можно найти в любой публичной библиотеке. Маред же хотелось узнать больше о самом Александре Монтрозе. Что-нибудь, что позволит лучше его понять и даст хоть маленькую фору в игре беспомощной мыши и холеного вальяжного кота.

Она закрыла справочник и задумчиво обвела библиотеку взглядом. Может быть, искать следует не здесь? Почему не попробовать подружиться с кем-нибудь из прислуги? Уж те всегда знают о хозяевах массу интересного. Но чутье подсказывало, что горничные с ней откровенничать не станут, очень уж сдержанно они держались, говоря только о прическах и нарядах.

Маред прошла вдоль стеллажей с книгами, вернулась к прессе... Взгляд упал на ровную стопку журналов. Яркие гляцевые обложки не обещали респектабельности, обычные сплетни...

Она решительно потянула стопку к столу в углу. Пролистала один журнал, второй, скользая взглядом по заголовкам и строчкам в поисках знакомых имен. И нашла! «Светская хроника империи», как пышно звался журнал, состоял из нескольких разделов: придворные новости, новости искусства, жизнь провинции... А вот и описания столичных развлечений. На очередной яркой камерографии лэрд Монтроз держал под руку ослепительно красивую блондинку в темно-голубом платье. Девушка смотрела прямо в камеру и была явно рада вниманию газетчиков. Подпись гласила: «Его светлость лэрд Александр Монтроз и его прекрасная спутница тьеда Флория Бёрнс на открытии выставки Королевского технического общества».

Маред вздохнула с невольной завистью. Может, она фейри? Хотя бы полукровка, раз имя человеческое? Ну не может у обычной девицы быть такой нежной фарфоровой кожи, словно сияющей изнутри. Белокурые волосы уложены в изящно небрежную прическу и словно вот-вот разлетятся, но каждая прядка лежит именно там, где лучше всего подчеркивает линию шеи и овал лица. Глаза — синие, огромные и очаровательно наивные под пушистыми ресницами, румянец на щеках едва угадывается, никакой вульгарной красноты. Фигура тоненькая, но с безупречными округлостями во всех нужных местах. Флория Бёрнс... Кто она лэрду? Случайная спутница или та самая фаворитка? И неужели Монтроз может пренебречь такой красавицей в пользу Маред? Променять очарование, нежность и изысканность на...

Маред закусила губу, отложив журнал. Посидела немного, стараясь успокоиться, и снова решительно развернула яркие страницы. Старательно не глядя на камерографию, вчиталась в статью. Конечно, о личных отношениях лэрда стряпчего и красавицы тьеды там

не было ни слова. Обычная заметка о гостях, посетивших выставку. И с чего, кстати, Маред взбрело в голову, что лэрд пренебрегает блистательной тьедой Бёрнс? Он вполне может встречаться с обеими.

Снова закусив губу, Маред продолжила перебирать журналы. Перекопала всю стопку и нашла еще целых три доказательства, что тьеда Бёрнс — далеко не случайная спутница на один вечер. Репортерам явно нравилось снимать их. Оно и понятно, темноволосый, слегка смуглый Монтроз и хрупкая фарфоровая блондинка восхитительно смотрелись вместе. Значит, все-таки фаворитка — кого еще лэрд мог бы так часто выводить в свет?

Маред пожала плечами, аккуратно вернув журналы на место. Это не ее дело, верно? Грустно и смешно: она, уважаемая вдова, и для лэрда, и для общества стоит на лестнице сословных отношений гораздо ниже тьеды Бёрнс. Та открыто гордится мужским вниманием, а Маред вынуждена прятаться и стыдиться того, какой ценой покупает будущую обеспеченную жизнь.

Вкус конфет, до сих пор стоявший во рту, вдруг показался приторно-неприятным, Маред зябко поежилась. Как же хорошо, что Монтроза сегодня нет дома. Как ужасно, что завтра он вернется. Но до следующего вечера еще много времени, и днем она снова будет работать... Показать себя на службе — единственная радость, которую у нее никто не сможет отнять.

* * *

Анриетта поднялась наверх немного за полночь. Улыбнулась ему и провела ладонями по щекам, словно стирая усталость. После того обеденного бренди она больше не пила, хоть и планировала по залу с бокалом коктейля в руке. Но это так, больше для видимости... Алекс уже и сам совершенно протрезвел, но все равно минут десять простоял под струей прохладной воды, избавляясь от напряжения после долгого дня.

— Я в ванную, — сказала Анри, кладя на стол отключенный фониль.

Алекс молча кивнул, сидя в кресле и с закрытыми глазами крутя в пальцах привычную тяжесть золотого даблиона, — неизменный талисман не только приносил удачу, но и помогал настроиться на особое состояние духа.

Откинув голову на высокую спинку, он дождался мягких шагов по ковру и уронил даблион в карман брюк. Анри молча замерла у двери спальни, ожидая распоряжений. Игра у них всегда была одной и той же, но ведь любые правила в постели — просто холст для совместно творимого рисунка страсти.

— Иди сюда, — не открывая глаз, велел Алекс, переходя на нужный тон: мягкий и спокойный, но не допускающий и тени сомнения, что можно ослушаться.

Анри покорно подошла, опустилась на колени рядом с креслом. Алекс положил ладонь на ее плечо, обтянутое тонкой рубашкой, вдохнул теплый нежный аромат от волос. Погладил спину: между лопаток и вниз, потом снова вверх до основания шеи. Провел тыльной стороной ладони по прохладной щеке Анри к виску. Спросил:

— Зачем ты здесь?

— Чтобы подчиняться, — последовал тихий ответ.

— Верно, — согласился Алекс. — Что ты для меня сделаешь?

— Все, — выдохнула Анри. — Все, что пожелаете...

— Какая хорошая девочка, — усмехнулся Алекс, по-прежнему не открывая глаз, чтобы уловить самые тонкие оттенки ее голоса. — Жаль, что сегодня мне больше по вкусу плохие. Ты сможешь быть непослушной, сладкая моя?

— Как прикажете...

Судя по томным мягким придыханиям, Анри уже ступила на темный путь страсти. В играх такого рода ей требовалось совсем иное, нежели Незабудке. Боль — потом, когда возбуждение овладеет телом и душой полностью, да и то совсем чуть-чуть, как пряности к основному блюду. Больше всего Анри необходимо было покоряться, чувствовать над собой чужую власть, проходить по тончайшей грани между насилием и добровольным подчинением. Эта игра для двоих показалась бы жестокой и грязной любому, кто увидел ее со стороны, не зная правил. Но Анри она приносила если не исцеление, то временное облегчение старой боли.

— Как прикажу, верно, — снова согласился Алекс, подкрепляя похвалу еще одним поглаживанием по щеке и открывая, наконец, глаза.

Запустив пальцы в длинные, чуть влажные волосы Анри, он потянул голову женщины назад, чуть наклонился, заглядывая в лихорадочно блестящие глаза с расширенными от желания зрачками. Под его взглядом Анри, одетая в одну лишь белую кружевную рубашку, прогнулась назад еще сильнее, развела колени...

— Рано, — скучающим тоном сообщил Алекс. — Тебе придется попросить, чтобы я захотел с тобой развлечься. Очень хорошо попросить... Плохие девочки заслуживают не награды, а наказания...

Не переставая говорить, он положил кончики пальцев на губы Анри, погладил их, нежно провел по внутренней кайме. Подавшись навстречу, Анри поймала его пальцы губами, поцеловала, прихватила их влажным горячим ртом. Ухитрилась взглянуть снизу вверх затуманенным взглядом, но Алекс молча покачал головой. Отняв руку, он распустил шнуровку на рубашке Анри, почти обнажив ее высокую смуглую грудь.

— Сначала танец, — проговорил все так же холодно и равнодушно. — Хорошие девочки не танцуют перед мужчинами, верно? И не раздеваются перед ними догола. А ты разденешься, сладкая моя. И будешь танцевать так, чтоб я видел, какая ты плохая.

Снова откинувшись на спинку кресла, он заложил руки за голову, наблюдая, как Анри с нечеловеческой текучей грацией одним движением поднимается на ноги и идет к углу с музыкальным проигрывателем. Подумал, что надо бы оборудовать хоть одну спальню с шестом для танцев... А потом посторонние мысли вылетели из головы, потому что в комнату тихо и вкрадчиво вползла музыка. Что-то совсем не европейское, даже близко. Гортанный мужской голос, глухие барабаны и тонкая нежная флейта. То ли аравийское, то ли маджарское...

Покачнувшись у спинки стула, Анриетта медленно облизнула губы, повернулась боком, запрокидывая голову. Поднялась на носочки, развернув плечи, потянулась и запустила пальцы в волосы, прогибаясь назад... Под едва заметно убыстряющийся ритм погладила себя, скользя ладонями вниз по всему телу, обрисовывая его, двигаясь бедрами навстречу собственным рукам, остановившимся на животе...

Алекс сидел молча, замороженно любуясь отрешенным лицом Анри, покрытым бисеринками пота, словно женщина не двигалась плавно под медленную музыку, а напрягалась изо всех сил. Вот кончик языка показался между губ, облизнув их и снова спрятавшись, как змеиное жало, вот золотистая кожа щек потемнела от прилившей крови,

взгляд стал пьяным, шальным...

Как и было велено, Анри танцевала, раздеваясь. Сирена, почти лишенная магии голоса, она с лихвой заменила его иными чарами. Томительно медленно, с показным безразличием, спустила белое кружево бретелек со смуглых гладких плеч, а потом заставила рубашку сползти с тела, не тронув ее и пальцем, одним лишь покачиванием стройных бедер. Переступив с ноги на ногу, чтобы выйти из кружевной пены на ковре, сделала шаг ближе — и музыка потекла по ее телу, как невидимая волна. Лаская себя, скользя по смуглому золоту кожи узкими ладонями, Анри отдавалась музыке, как любовнику, позволяя ей вести в глубины страсти и следуя всем своим существом...

— Достаточно, — уронил Алекс, слыша, как ее дыхание становится все более быстрым. — Выключи. Потом встань на колени и ползи ко мне.

Повинуясь, Анри нажала кнопку на вделанной в стене панели, потом опустилась на колени, слегка прогнувшись и даже в такой позе оставшись безупречно грациозной. Кажется, ее тело просто не умело быть неуклюжим. Опустив голову, она подползла и замерла, почти уткнувшись лицом в колени Алекса.

— Плохая девочка, — ласково сказал Алекс, проводя указательным пальцем по ложбинке вдоль ее спины и чувствуя, как мышцы под его рукой отзываются дрожью. — Очень красивая и очень плохая. Ты ведь хочешь быть моей? Отдаться мне, раздвинуть свои красивые стройные ножки, почувствовать меня внутри...

— Нет... — всхлипнула Анри, укладываясь щекой на колени Алекса. — Прошу вас...

— Чего же ты хочешь? — улыбнулся Алекс, снова запуская пальцы в темный шелк волос. — Что нравится таким плохим девочкам? Ты ведь сама пришла сюда, милая. Теперь придется отрабатывать плату. И одних танцев мало.

Не переставая говорить, он тронул ее полуоткрытые губы кончиками пальцев и на этот раз позволил Анри взять их в рот и посасывать, пока продолжал, медленно роняя каждое слово:

— Ты очень красивая, знаешь это? Нежная кожа, гибкое тело, волосы блестящие, мягкие. И губы... умелые, как у опытной шлюшки. Ты дашь мне свои губы, сладкая? Не для пальцев, как сейчас, а для другого...

Прижал ладонью голову Анри к своим коленям, не позволяя вырваться, расстегнул ширинку...

— Нет, — прошептала, дернувшись, Анри. — Нет, пожалуйста.

— Поздно, — усмехнулся Алекс. — Кто же разрешает плохим девочкам говорить «нет»? Они должны просто делать то, что им велят. Ты сама хотела, чтоб я тобой попользовался...

Рывком подняв напряженное тело за плечи, он толкнул Анри на пол, укладывая лицом вниз. Женщина напряглась, выгибаясь, пытаясь упереться ладонями в тонкий ковер, но Алекс надавил на лопатки, и услышал всхлип. Сразу же, выказывая покорность, Анри раздвинула ноги и задышала тяжело и быстро.

— Так-то лучше, — сказал он ласково, наклоняясь ниже. — Забыла свое место, сладкая? Оно здесь, на полу. Ноги раздвинь пошире. И приподнимись, а то мне будет неудобно. Ты ведь хочешь меня порадовать?

Дотянувшись до подушки, он сунул ее Анри под послушно поднятые бедра и поставил колено между раздвинутых ног — без всякой необходимости, просто чтобы дать почувствовать свою власть. Тихонько поскуливая, Анри лежала, отвернувшись и дрожа всем телом. И когда Алекс, перехватив ее запястья одной рукой, другой погладил мокрую от пота

спину, сначала вжалась в ковер, потом свела лопатки, ерзая и пытаясь то ли отодвинуться, то ли освободиться.

— Плохая девочка, — промурлыкал Алекс, прихватывая губами верхний край ее уха, проводя языком по завитку, а потом медленно стискивая зубами. — А кто сам на это напрашивался? Кто разделся для меня?

Отчаянный всхлип, напряженное, как струна, тело: тронь — и зазвенит. Он слушал горячее дыхание, еле слышный скулящий стон... А когда отпустил заведенные за спину руки Анри — та ожидаемо рванулась и снова была уложена на ковер.

— Какая ты непослушная, — насмешливо проговорил Алекс. — Или передумала со мной играть?

— Нет, — выдохнула Анри в ковер. — Пожалуйста. Я буду слушаться. Не делайте больно...

— Не больше, чем сама захочешь, — проговорил Алекс, снова лаская ухо Анри языком. — Я не обижаю послушных девочек. Даже таких плохих...

Свободной рукой он гладил ее тело: спину, бедра, ноги — и снова поднимался к шее... Но каждый раз, стоило Анри дернуться, стискивал сильнее ее плечи и локти, не давая освободиться.

— Ты моя, — прошептал Алекс минуту спустя, чувствуя, как прижимается к нему мнимая жертва. — Я сделаю всё, что захочу...

Снова отпустил локоть Анри, продолжая игру в насилие и сопротивление, и лег рядом, продолжая гладить. Несколько мгновений Анри лежала тихо, выжидая, потом осторожно отодвинулась... Вскочила, рванулась из спальни и замерла, вцепившись в ручку двери — это было очень важно, чтоб дверь оказалась запертой... Не оборачиваясь, опустила плечи, напряглась всем телом, когда Алекс подошел сзади, обнял и сказал с ласковой насмешкой:

— Ну, все, сладкая, мое терпение кончилось...

Теперь главное было не затягивать. Алекс жестко взял ее за локти, отводя руки от щек, посмотрел в затуманенные горячим страхом и желанием глаза. Развернул спиной к себе и с силой швырнул на кровать. Упав на нее животом, Анри успела только привстать, тут же придавленная сверху телом Алекса. Снова всхлинула... Связав ее запястья за спиной заранее приготовленным широким шнуром, Алекс встал на колени между силой раздвинутых ног. Наклонился, придавливая спину Анри между лопаток ладонью, другой рукой расстегнул брюки.

— Нет... — проскулила Анри, — нет, не хочу... Отпустите...

— Ты такая красивая сейчас, — усмехнулся Алекс. — Отпустить? Не думаю...

Проведя рукой между ног Анри, он убедился, что тело женщины жадно ждет того, что отрицают губы. Нежная горячая влажность не оставляла в этом сомнений, как и стоны, стоило немного поиграть пальцами. А когда Алекс, наконец, толкнулся возбужденной плотью между упругих бедер танцовщицы, очередной томный всхлип стал громким и протяжным криком. Будь это условленное слово-сигнал, он бы остановился, но Анри и не пыталась прекратить происходящее. Самозабвенно сопротивляясь в меру сил, она билась под Алексом, в голос стонала, плакала и просила отпустить... Потом, вскрикивая от каждого толчка, принялась подаваться навстречу...

— Вот так, — выдохнул Алекс, с силой вколачиваясь в покорно принимающее его тело. — Так, да... Нравится? Скажи, что нравится. Что ты сама этого хотела....

Ответа не требовалось. Вместо слов Анри отвечала ему всем телом, распластавшись,

усердно приподнимая бедра в такт каждому толчку и продолжая всхлипывать.

— Шлюха, — нежно сказал Алекс в горячее ухо, ловя его губами. — Красивая горячая шлюха. Нравится, когда тебя берут? Ну, говори!

— Да... — всхлипнула Анри в покрывало. — Да, пожалуйста...

— Больше не будешь упираться? Поняла, кто ты?

— Да! Да, прошу...

Рывком выйдя из вскрикнувшей женщины, Алекс дернул шнур на запястьях, распуская узел, перевернул Анри на спину, коленом раздвинул готовно подавшиеся ноги, взгляделся в лицо: раскрасневшееся, мокрое от слез и пота, искаженное... Еще сильнее разведя колени, Анри попыталась обнять его ногами, подаваясь навстречу, предлагая себя...

— Ты так просила тебя отпустить... — задумчиво сказал Алекс, наклоняясь и слизывая бисеринки пота с щеки Анри. — Может, и правда? Хочешь уйти, сладкая моя?

— Нет, — прошептала Анри умоляюще, заглядывая в его лицо. — Нет, пожалуйста. Я хочу... Хочу быть вашей... Прошу...

— Я же говорил, что ты будешь просить, — негромко напомнил Алекс, меняя тон.

Склонился, легонько поцеловал сухие распухшие губы, шепнул нежно, успокаивающе:

— Девочка моя, сладкая, хорошая... Значит, хочешь принадлежать мне?

— Да, — выдохнула Анри томно. — Все, что хотите...

Обняв Алекса, она терлась об него всем телом, прятала лицо у него на плече, дыша горячечно, рвано и быстро. Алекс погладил влажные волосы, нежно убрал с щеки прилипшую прядь. Сказал тихо:

— Ты теперь моя. Я никому не дам тебя обидеть, слышишь?

— Твоя? — шепнула Анри, не отрывая от него тающего блаженного взгляда. — Обещаешь?

— Моя, — подтвердил он, обнимая лнущее к нему тело и говоря то, что хотела услышать Анри. — Никому не отдам. Иди ко мне...

Толкнулся снова в горячую скользкую плоть, ловя губами сорвавшийся с губ Анри томный всхлип, двинул бедрами... Анри, уткнувшись лицом ему в плечо, раздвигала ноги, поднимая колени все выше, и гладила спину Алекса то ладонями, то кончиками пальцев... Спустив с плеча полурасстегнутую рубашку, сначала целовала, потом стала осторожно прихватывать зубами.

— Давай, девочка, — тяжело дыша, разрешил Алекс. — Оставь мне метку...

И тихо рыкнул, когда ему чувствительно прихватили кожу между шеей и плечом зубами. Усмехнулся, впиваясь в ответ в радостно подставленные губы, скользнул языком вглубь рта... Анри двигалась в совершенном ритме, отдаваясь так, словно для нее во всем мире не существовало ничего, кроме любовника. Таяла, обнимала, рвалась навстречу, вскрикивала и выстанывала:

— А-а-а-алекс!.. Ох, А-а-алекс... Еще! Мой лэрд... мой повелитель... Бери... сильнее...

А потом билась в его объятиях, то приникая, то отталкивая, чтоб тут же прильнуть еще теснее. И в последний момент, когда Алекс, уже выплескиваясь, немного отодвинулся назад и погладил пальцами самое чувствительное местечко женского лона, — в этот момент Анри стиснула его плечи, извиваясь, захлебываясь протяжным стоном...

Потом они лежали, обнявшись, и Анри лениво помогала Алексу стянуть все, что еще не успело сняться само, многострадальную рубашку, например. Оставив его голым, прижалась всем телом, обвила руками и ногами, положила голову на плечо... Алекс, улыбаясь,

погладил темные спутавшиеся волосы, вдохнул запах. Шепнул, глядя влажные от пота плечи и спину:

— Как ты себя чувствуешь, драгоценная моя?

— Боже-е-ественно, — с чувством протянула Анри, тоже, судя по голосу, улыбаясь. — Ох, Корса-а-ар... ты великолепен, знаешь ведь?

— Мне говорили, — усмехнулся Алекс. — Но все равно благодарю. Ты тоже восхитительна и чудесна, милая...

Немного повернувшись, чтоб Анри было удобнее, он коснулся губами темноволосой макушки, подул, шевеля дыханием пряди. Обнял крепче, прижал к себе... И в который раз подумал, что нельзя же быть таким мерзавцем... Анри достойна любви человека, для которого будет единственным и величайшим счастьем. Но как подобному человеку появиться в ее жизни, если умная, прекрасная и божественно талантливая Анри безнадежно влюблена в него, всего лишь друга и покровителя. И где найти человека, который поймет и примет ее всю, такую сильную, но хрупкую и уязвимую, нуждающуюся в темных порочных играх, чтобы выйти из них очищенной и сбросившей на время груз памяти и страха? Так что неизвестно, что будет большей жестокостью и лицемерием: длить эту давнюю связь или разорвать ее?

— А-алекс? — игриво протянула Анри, приподнимая голову и требовательно заглядывая ему в лицо. — О чем ты задумался? Или о ком...

— О тебе, — легко сказал он, целуя припухшие губы. — О ком же еще я способен сейчас думать?

И тут же в памяти непрошено всплыли, стирая все только что случившееся, светло-голубые льдинки глаз с так и не пролившимися слезами, и темные круги под этими глазами, и ладонь, которую девочка не отдернула там, в парке... И страх, отчаяние, стыд — все, что угодно, даже вымученное болезненное желание... Только не то, что Алекс видел сейчас в глазах Анри. Ни капли нежности, благодарности, желания брать и отдаваться...

— И я должна сделать вид, что верю? — усмехнулась Анри, ответив на поцелуй. — Милэрд Корсар, вам не идет ложь из вежливости... Вы изволите безнравственно думать о ком-то другом — но это я сейчас исправлю. Помнится, вы что-то говорили про мои губы и их должное применение?

— Ох, — выдохнул Алекс, откидываясь на подушки и чувствуя холод влажной салфетки, которой умелая женская рука ловко обтерла его усмиренную плоть. — Ты хочешь...

— А ты надеялся так легко отделаться? Сам сказал, что мой... — жарко выдохнули губы Анри перед тем, как сомкнуться на его мужской гордости.

«Твой, — с беспомощным сладким раскаянием подумал Алекс. — Увы, только до утра. И прости меня за это...»

* * *

Лэрд стряпчий не изволил появиться в особняке и утром. Маред проснулась еще до появления горничной, свежая и выспавшаяся. Понежилась в постели минут пять, потом вспомнила, что если Монтроз уехал на мобилере, то ее повезут в карете. И, значит, следует встать пораньше. Примчавшаяся на звонок рыжая горничная Сэлли помогла одеться и заплела Маредволосы, но осторожных намеков, что гостья была бы не прочь узнать что-

нибудь о жизни лэрда, старательно не заметила. Ах, милэди так очаровательна в синем! Милэди будет к завтраку чай или кофе? Милэди изволит завтракать у себя или спустится вниз? Какие чудесные у милэди волосы, густые и послушные, а как блестят...

Маред, которую за всю жизнь не называли милэди столько раз, сколько здесь за одно утро, только вздохнула, не в силах справиться с потоком почтительных восторгов, и обреченно согласилась спуститься.

После завтрака ее отвели к экипажу и поручили заботам усатого толстяка, словно сошедшего со страниц сказки, где фейри-покровительница отправила бедную сиротку на бал, превратив подвернувшуюся крысу вот точно в такого кучера. Маред даже улыбнулась, садясь в карету. Не нужно ей никакого принца, пусть только сегодня начнется настоящая работа стряпчего!

Сидя в карете, следовавшей уже знакомыми улицами, она достала фониль и вызвала на экран календарик. Половина юниуса уже промчалась, но впереди оставалась вторая и еще два месяца. Если лэрд стряпчий будет почаще задерживаться в городе, оставаясь там ночевать, это замечательно. Правда, Маред и оставшихся на ее долю ночей хватит с лихвой... Эта мысль изрядно подпортила настроение, но думать о плохом не хотелось. Только не таким дивным утром!

Карету ей то ли случайно, то ли, напротив, предусмотрительно выделили без герба, так что Маред преспокойно доехала до самого здания «Корсара». Не дожидаясь помощи кучера, соскочила с подножки и снова залюбовалась строгой красотой серых стен и сияющих чисто вымытыми стеклами окон. Поднимаясь по лестнице в свой отдел, она старательно выбросила из головы мысли о лэрде королевском стряпчем, а потом и в самом деле о нем забыла.

Третий день работы на новом месте оказался превосходен, как предчувствие Йоля с его подарками-сюрпризами и особенным сказочным духом! В первый было слишком много суматохи, вчера Маред еще не освоилась, а потом Монтроз все испортил домогательствами в ванной, но сегодня...

Сегодня секретарша Тилли улыбнулась ей, как старой знакомой, а тье Эстер благосклонно кивнула и пожелала приятного дня. Маред прошмыгнула на свое место, бросив взгляд на настенные часы и убедившись, что не опоздала и даже пришла несколько раньше. А отдел постепенно заполнялся гулом голосов, шелестом клавиш и бумаги, звонками фонилей и колокольчиками связи внутри здания... Маред выдали для начала огромную папку бумаг и велели разобрать их на входящие и исходящие, а потом разложить по принадлежности к определенному учреждению. Нудная работа, но стоило уловить принцип, и руки стали раскладывать желтые от времени листочки сами, почти без участия головы. Так что когда тьен Даффи собрал всех и объявил о новом деле, Маред невольно насторожила уши в своем уголке.

Тендер... Да еще и конкурсный! На глазах Маред весь контрактно-корпоративный отдел закипел оживлением, словно и вправду началась раздача подарков на Йоль. Только вот здесь, как она поняла, подарок достанется двум-трем счастливицам, которые сделают лучшую работу. Служащие Монтроза азартно обсуждали условия, так что островком спокойствия, в конце концов, остался только стол тье Эстер. Пожилая дама подняла голову от вычислителя и меланхолично напомнила «дорогим коллегам», что обычный рабочий процесс никто не отменял и текущие дела сами себя не закончат.

После этого стряпчие мгновенно разбежались по местам, а Маред, разложившей бумаги,

стало тоскливо. Материалы по тендеру были совсем близко. Вот они, на вычислителе у Тилли. Тьен Даффи специально подчеркнул, что попробовать силы может любой желающий, только вот смотрел при этом почему-то на практиканта Макмиллана, а не на своих подчиненных. Макмиллан же неопределенно пожал плечами и снова скрылся в соседней комнате, задержавшись только у столика с кофеваркой.

А Маред осталась рядом с вожделенными материалами. О, конечно, всерьез братья за разработку контракта с крупной компанией, да еще и иностранной... Она еще не настолько обезумела, хвала Бригитте. Но хотя бы посмотреть? Любопытно ведь! Когда еще ей такое попадется в руки и попадется ли вообще?!

За несколько минут до обеденного перерыва Маред все-таки набралась храбрости. Голос, когда она подошла к Тилли и попросила скопировать материалы на ключ-камень, изрядно подрагивал, но Тилли не заметила — ей было решительно не до волнений практикантки Уинни. Тилли негодовала!

Какой-то глупый шутник постоянно таскал у нее со стола печенье, орешки и прочие мелкие вкусности. Таскал нагло и изворотливо, ухитрившись ни разу не попасться на глаза! Никто в отделе не принимал жалобы Тилли всерьез, а счет украденных лакомств приближался к приличной сумме, и теперь Тилли была в ярости. Алиби оказалось разве что у практикантов, потому что безобразие началось до их появления.

— Тьедда Тилли, не хотите спуститься в кофейню вместе? — робко предложила Маред, рассчитывая хоть что-то узнать о порядке проведения конкурса и, может быть, получить совет, как попроситься к кому-нибудь в помощницы.

— Нет уж! — бросила Тилли, опускаясь на стул, с которого только что встала. — Я останусь здесь. И храни сама Морриган того, кто подойдет к моему столу. Тье Уинни, дорогая, вы не принесете мне шоколадку?

— О Тилли, но носить вам шоколад — это моя привилегия! — провозгласил высокий молодой человек, слегка похожий на викинга растрепанными рыжими волосами, куда длиннее, чем полагалось бы служащему, широченными плечами и вольным костюмом, часть которого составлял кожаный жилет. — Какую шоколадку вы хотели бы, владычица клавиш и карандашей?

Тилли заулыбалась, смущенно и мило хлопая роскошными ресницами, а Маред мгновенно поняла, что сейчас и здесь она лишняя. Пришлось спускаться одной.

У прилавка с готовыми блюдами уже выстроилась длинная очередь. Если бы Маред не промялась у стола Тилли так долго! Дурацкая стеснительность, ну что стоило попросить секретаршу сделать все побыстрее? Для того она там и работает... А вот теперь...

— Тье Уинни! — окликнул ее смутно знакомый голос, и Маред с удивлением подняла взгляд. — Предлагаю договор! Я возьму обед сразу на двоих, а вы займете свободный столик. Ну как?

Пораженная до глубины души Маред молча посмотрела на лэрда Макмиллана, стоящего почти у самого прилавка.

— Что вам взять? — поинтересовался лэрд, поняв, что от нее вразумительного ответа не услышит. — Коллега Уинни?

— Кофе! — выпалила Маред. — И... все равно что, на ваш выбор.

Невольно тронула пояс, где обычно висел кошелек, но вспомнила, что обед в кофейне для сотрудников конторы бесплатный, и, значит, она нисколько не будет обязана лэрду. Но все равно, как-то странно...

Макмиллан кивнул, и Маред оглянулась, торопясь выполнить свою часть сделки. Столик на двоих как раз освободился у окна, и она поспешила туда, а через несколько минут появился и лэрд, неся уставленный тарелками поднос со сноровкой, которой можно было бы ожидать от лакея, но никак не от потомка знатного рода.

— Ваш кофе, коллега Уинни, — сообщил Макмиллан, расставляя тарелки с чашками. — И ваше «все равно что». Кажется, нам попалась тушенная баранина... Вы не против?

— Нет, конечно, — растерянно отозвалась Маред. — Благодарю, вы очень... любезны.

Назвать любезным молодого мужчину, относящегося к женщине с такой равнодушной деловитостью, было явным преувеличением. Макмиллан не был любезным. Он был... каким-то совсем другим. Маред с любопытством взглянула в худое и не слишком привлекательное лицо лэрда. Да, некрасив. Но Бригитта милосердная, он снова назвал ее не «милая тье», а «коллега»! За одно это Маред готова была видеть в нем посланника самого Луга, покровителя законников.

— Боюсь, я ужасающе не любезен, — невозмутимо подтвердил ее мысли лэрд. — Зато кофе взял не готовый, а попросил сварить свежий. Вы ведь тоже пьете черный?

— Да... Как вы...

— Вы брали здесь черный кофе вчера и позавчера. Приятного аппетита, тье. Наверное, называть вас коллегой все-таки излишняя вольность с моей стороны.

— О, нет, — Маред отчаянно и неловко улыбнулась. — Мне было бы приятно! Ведь мы... и в самом деле коллеги, — тихо добавила она, чувствуя себя дерзкой и невоспитанной.

— Тогда заранее простите меня за то, что вскоре я перейду исключительно на фамилию, — предупредил лэрд, пожав плечами с тем же полным отсутствием кокетства, свойственного большинству мужчин рядом с женщинами. — Дурацкая привычка, я знаю... Можете одергивать, и тогда есть вероятность, что я вспомню о хороших манерах.

— Ничего страшного, — чуть смелее улыбнулась Маред. — Я не против...

Несколько минут они молча ели баранину под соусом из мяты с розмарином. Молчание совершенно не казалось неловким, как бывает, когда собеседники не могут найти общих тем. Напротив, Маред было подозрительно легко и спокойно в обществе странного лэрда.

— Неплохо... — протянул Макмиллан, поначалу попробовавший свой кофе с осторожностью. — Вчера был хуже. Как вам работа, коллега Уинни?

— Великолепно.

Маред счастливо улыбнулась во весь рот и даже не спохватилась, как обычно, что это неприлично.

— А вам... нравится, ваша светлость?

— Зовите меня проще, умоляю, — усмехнулся лэрд. — Коллеги так коллеги... Да, любопытно. Хотя я буду гораздо счастливее, если смогу уклониться от сегодняшнего...

Он неопределенно покрутил в воздухе пустой вилкой. Маред поняла, вспомнив взгляд начальника отдела.

— Тендер? Вы не хотите в нем участвовать? Но ведь это не обязательно. Хотя я...

Она осеклась и начала краснеть. Макмиллан, быстро глянув на нее и снова перенеся внимание на рагу, пожал плечами.

— Не люблю коммерцию. Моя семья имеет много финансовых интересов, но лично я этим заниматься не хочу. Мне интересно право, но уголовное, а не экономическое.

— Понимаю... Но тогда зачем вы здесь?

— С моей семьей не поспоришь, — как-то криво усмехнулся лэрд. — Так не все ли

равно, где поперекидывать бумажки одно лето?

Маред никак не могла понять, что происходит. До этого момента лэрд Макмиллан относился к окружающим с изысканной холодной вежливостью, которая порой граничила с сарказмом. И студента Финлисона, и тьена Даффи, своего нынешнего начальника, он не подпустил для общения ни на шаг ближе, чем позволял отдалиться деловой этикет. И вот теперь уделяет внимание ей, обычной студентке без связей и самого простого происхождения. И не просто уделяет, но и заметил, какой кофе она пьет, а это уже за рамками обычной внимательности.

— А вы, значит, любите коммерческое право? — небрежно уточнил Макмиллан.

Маред смущенно кивнула. И тут ей в голову пришла неожиданная и скорее всего глупая мысль. Говорить об этом с едва знакомым человеком было странно, но она вдруг решилась. Макмиллан был с ней так прост в общении, совсем не как с Финлисоном... А заниматься нелюбимым делом — что может быть хуже?

— Почему бы вам не побеседовать об этом с лэрдом Монтрозом? Я читала... — она вовремя сообразила, что выдавать излишнюю осведомленность о делах и жизни главы конторы не стоит — что он начинал, как стряпчий по уголовным преступлениям. Может быть, он подскажет что-то полезное? Или найдет вам работу по душе...

— Не знал... — с некоторым удивлением отозвался Макмиллан. — Я полагал, что Монтроз всегда занимался гражданским правом. Интересная идея, Уинни, благодарю вас.

— Не за что, — все-таки смутилась Маред, допивая кофе.

— А вы хотите попробовать себя в конкурсе?

— Да, — призналась она. — Но я совершенно не знаю, с чего начать. Жаль, что вы...

— Нет уж, — решительно сказал лэрд. — Только не я! Мой дед покровительствует этому проекту в министерстве финансов. Хватит с них и одного Макмиллана. Но знаете, Уинни... Не люблю оставаться в долгу. Если решитесь, я, пожалуй, попрошу деда подсказать что-нибудь полезное.

— О-о-о...

Маред замерла, не зная, что сказать.

— Только уговор: вы никому не скажете, от кого это узнали.

Макмиллан улыбнулся, и его некрасивое лицо озарилось изнутри, став вдруг вполне интересным.

— Обещаю, — выдохнула Маред, сжимая в пальцах пустую чашку. — Но как... зачем вам...

— А, пустое, — махнул рукой лэрд, поднимаясь из-за стола. — Пусть думает, что спрашиваю для себя.

Не дожидаясь ответа, он снова улыбнулся и, слегка поклонившись, ушел. Пораженная Маред смотрела вслед, понимая, что теперь-то просто не сможет отказаться от разработки контракта, не сделав хотя бы попытку. Но где найти сотрудника, не возьмется же она в одиночку за такой огромный проект? Сам Макмиллан отказывается, а другим стряпчим не нужна студентка-практикантка. Правда, обещанные Макмилланом сведения могут оказаться огромной форой в конкурсе, в коммерции такое преимущество дорогого стоит. Но выдавать лэрда нельзя... Маред вздохнула, окончательно запутавшись в чувствах. Может, еще ничего не выйдет. Так что она просто посмотрит на материалы. Вот сейчас пойдет — и посмотрит!

Она едва не зажмурилась от своей неожиданной смелости.

Глава 3. Две стороны доверия

Время после ланча помчалось еще быстрее, словно Маред попала в Волшебную страну. Нырнув в ворох бумаг, она не замечала ничего, что делалось вокруг. Ей наконец-то дали настоящее дело — и какое любопытное! Книжное издательство заказало у конторы лэрда Монтроза исследование порядка выплаты налогов и составление их оптимизации с учетом рисков. Кто-то, работавший по этому делу ранее, уже провел аудит правильности исчисления и уплаты, так что Маред осталась самая эффектная и приятная часть задания: упорядочить результаты и составить собственно схему оптимизации. Прелесть же, а не работа!

Но добравшись до прошлогодней налоговой декларации, которую составлял тоже стряпчий «Корсара», Маред обнаружила налоговый спор и насторожилась, как охотничья собака, почуявшая след. Ее предшественник действительно выявил излишне уплаченные налоги и начал их возврат в судебном порядке, но окончательного пакета документов по делу почему-то не было. Хотя каким бы не оказался итог, схему-то следовало строить с его учетом и именно сейчас, так что, набравшись духу, Маред отправилась к тье Эстер.

Дальше — интереснее... Решение, как и она предположила, было, причем положительное. Но служащий, который вел иск, рассчитался из «Корсара» в прошлом году, а тье Эстер, вспоминая его, скривилась и как-то брезгливо дернула крупным енохианским носом. Впрочем, никаких комментариев не последовало, только указание для Тилли выкопать остаток документов по делу из архива и предоставить их тье Уини. О, до чего ласкало слух это равнодушно-деловое упоминание фамилии — как настоящей служащей! Дожидаясь секретаршу, Маред не удержалась — открыла на вычислителе материалы по конкурсной разработке и зачиталась, опомнившись, только когда настенные часы отдела мелодично прозвенели шесть пополудни.

— Коллега Уинни, вы решили ночевать здесь? — поинтересовался лэрд Макмиллан, проходя мимо с неизменной чашкой в руке, но задержавшись у стола Маред.

Она завистливо вдохнула аромат, но сразу же спохватилась:

— Извольте держать кофе подальше от вычислителя, прошу вас!

— Я не страдаю дрожанием пальцев, — сообщил лэрд, но послушно убрал чашку в другую руку. — Чем это вы занимаетесь с таким упоением?

— Налоговым иском...

Маред потеряла пальцами уставшие глаза, отодвинула подальше вычислитель. Экран ее собственного, оставшегося в коттедже Монтроза, уже начал тускнеть, намекая, что неплохо бы заменить кристалл астерона на свежий, так что служебное устройство пришлось необыкновенно кстати.

— Ибо неизбежны в нашем мире только смерть и налоги, — напыщенным тоном провозгласил Макмиллан и тут же, портя впечатление, насмешливо улыбнулся, на прощание слегка поклонившись Маред.

Она посмотрела в удаляющуюся спину, обтянутую безупречно сидящим светло-серым сюртуком, вдохнула оставшийся после лэрда запах кофе — интересно, он так и уйдет из конторы с чашкой в руке? — и подумала, что сейчас сама дорого дала бы за толику божественного нектара, что варит тье Эвелин. И поесть бы... В доме у лэрда стряпчего она безнадежно стеснялась попросить что-нибудь перекусить, да и аппетита особого не было. А

вот сейчас — лошадь съела бы! И закусила сэндвичем толщиной с папку налоговых бумаг пресловутого издательства.

Темно-синяя картонная папка, толщиной напоминающая кирпич, лежала на краю стола возле колючего растения в горшке, и Маред погладила крепкие иголки зеленого ежика, решив, что за пятницу и понедельник она легко доделает оптимизацию налогов, но впереди выходные. А у нее теперь есть конкурсные материалы, которые так и тянут к себе, словно буфет с вареньем — сладкоежку. Правда, тьен Даффи говорил, что документы не следует выносить из здания... Но два дня выходных!

Маред с отчаянием глянула в служебный вычислитель, который брать с собой уж точно строго запрещалось, и тут звякнул фониль. Маред нащупала аппаратик, прочла неизменное «Жду в обычном месте» от лэрда стряпчего, снова тоскливо посмотрела на вычислитель. Больше по наитию, чем осознанно, пошарила в сумочке у пояса, вытащила ключ-камень с контрактом и сунула в скважину вычислителя. Силуэт кораблика на ключ-камне засветился, открылось поле приема информации... Готово! Торопливо сунув драгоценную добычу в сумочку и едва удерживаясь, чтобы не озираясь с воровливо-виноватым видом, Маред торопливо попрощалась с тье Эстер и Тилли, сбежала по лестнице и выскочила на залитую солнцем улицу.

В «Драккарус» она садилась, невольно ожидая упрека, что опоздала: мужчины не любят, когда женщины слишком задерживаются. Эмиль всегда вздыхал и укоряюще смотрел на карманные часы... Монтроз промолчал. Только окинул ее пронизывающим взглядом, от тяжести которого захотелось поежиться.

— Доброго вечера, — пробормотала Маред, опуская глаза.

— И вам тоже. Сильно устали?

Маред покачала головой, чувствуя, как ключ-камень с вынесенным из конторы контрактом буквально жжет ее совесть. А если лэрд узнает? Да и вообще... Может, лучше признаться самой?

— Тогда едем домой, — равнодушно бросил королевский стряпчий. — У наставника в школе вождения сегодня свободный день, но завтра он будет вас ждать. Как прошел ваш день, тье?

— Прекрасно, — выдохнула Маред, ничуть не покривив душой. — Я хотела бы спросить...

Ей вдруг пришло в голову, что необязательно донимать вопросами тье Эстер, если рядом и так безупречный источник знаний. Конечно, лэрд может и не пожелать отвечать. Вдруг ему это кажется элементарным, и Маред опозорится, спрашивая столь очевидные вещи? Или он просто устал... Уже успев пожалеть, что заговорила, Маред покосилась на Монтроза и уныло добавила:

— Относительно работы...

— Разумеется. Что вас интересует?

Монтроз снова смотрел на дорогу, а этот его быстрый внимательный взгляд ей наверняка почудился.

— Договорные связи, — выпалила Маред. — Сегодня я знакомясь с кругом контрагентов. С торговым домом «Левант» протоколы подписываются едва ли не в тот же день, когда приходят, а с «Албионом» подписание может тянуться неделю...

— И что? — подбодрил ее Монтроз, все так же глядя исключительно на бульвар, по которому они ехали.

— Это получается случайно, или такова политика конторы? Есть ли какая-то градация контрагентов? По степени доверия, к примеру...

Она смешалась и смолкла, но Монтроз кивнул:

— Градация — вот именно. Только доверие в данном случае ни при чем. За срочность работы с клиента берется надбавка, которая идет на выплату премиальных служащим. Тот, кто не торопится, просто платит меньше.

— О, понятно, — воспряла духом Маред: лэрд стряпчий ответил точно, подробно и, главное, без тени раздражения или высокомерия: — Можно еще вопрос?

— Да. И не уточняй это каждый раз.

Несмотря на разрешение, Маред замялась. Одно дело — интересоваться общими условиями, работы, а другое...

— Сегодня мне поручили дело издательского дома «Фортуна», — осторожно начала она. — В прошлом году контора представляла их в суде с иском о возврате налогов. Насколько я поняла, тот стряпчий у нас больше не работает?

«У нас!» Маред чуть не задохнулась, услышав, что ляпнула, но продолжила, удивляясь собственной дерзости:

— Мне было бы полезно с ним поговорить, но такое ощущение, что...

— Какое ощущение? — спокойно уточнил лэрд.

— Что он ушел как-то... нехорошо. Я понимаю, это не мое дело, но если с издательством какие-то сложности, мне ведь нужно знать, чтобы...

— Перестаньте оправдываться, — мягко прервал ее Монтроз. — Вы совершенно правы, в выяснении обстоятельств дела лишняя деликатность неуместна. С издательским домом «Фортуна» никаких сложностей нет — никто не дал бы по-настоящему сложное или грязное дело новичку-практиканту. Тот стряпчий ушел позже, но и в самом деле чрезвычайно некрасиво.

Лэрд помолчал, упорно глядя вперед, а не на затаившую дыхание Маред, затем продолжил, скупом отмеряя слова:

— Наша контора представляла клиента в международном коммерческом арбитраже. Некая лечебница приняла на работу группу иностранных целителей, но пренебрегла их аккредитацией по существующим правилам медицинской гильдии. Один из целителей допустил врачебную ошибку со смертельным исходом. Его родственники подали на лечебницу в суд, а при проверке на свет вышло много чего...

— А кого представлял «Корсар»?

— Родственников потерпевшего. Сначала предполагалось, что дело не дойдет до арбитража, ограничившись компенсацией и полюбовным соглашением, но пресса подняла скандал, и для лечебницы стало делом принципа отстоять репутацию. В результате мы проиграли.

— Из-за этого стряпчего? — робко уточнила Маред.

— Именно, — уронил Монтроз. — Он взял деньги от противной стороны и слил дело, как помои — в Темез. Ублюдок...

Маред промолчала. А что она могла сказать? Когда враги Монтроза осуществят свои планы, то как лэрд будет вспоминать ее саму? Гораздо хуже...

— А апелляцию не подавали? — спросила она все-таки, когда молчание стало тяготить. Монтроз покачал головой.

— Родственники не настаивали на компенсации. Им хотелось, чтобы наказали

виновного, а того целителя все-таки лишили работы и выслали из Великобритании.

— А... стряпчий?

Лэрд очень неприятно улыбнулся.

— Последний раз, когда я о нем слышал, он работал в порту докером. Подходящее место для человека, потерявшего юридическую лицензию вместе с репутацией порядочного человека.

— Это... вы?

Фраза вышла невнятной, но королевский стряпчий понял.

— Это, тье Уинни, самое малое, что я мог сделать для репутации собственной конторы и всех остальных моих служащих. Ну и для моральной компенсации обманутым клиентам, разумеется.

Монтроз вздохнул и добавил мягче:

— Так что работайте с издательством спокойно, тье. С документами там все в порядке. Специалистом этот мерзавец был отличным...

На последней фразе в голосе лэрда прозвучало явное сожаление, и Маред подумала, он наверняка гордится своим умением подбирать персонал, из которого и вытекает слава «Корсара», а здесь такой промах! Не зря тье Эстер промолчала, да и остальные вряд ли болтают... Но ей-то лэрд рассказал...

— Время от времени среди людей, которым доверяешь, причем не обязательно служащих, непременно попадается мерзавец, — уронил Монтроз. — Это неприятно, но случается. И совсем не повод отказывать в доверии остальным.

А потом поинтересовался уже другим, деловым тоном:

— У вас есть еще вопросы?

Маред вспомнила блокнот с целым их списком, смущенно полезла в сумочку, но там блокнота не оказалось. Наверное, оставила на столе. Ничего, она все равно помнит каждый.

— Когда проводится полный аудит, контора сама обеспечивает всех специалистов или привлекает кого-то со стороны?

Она сидела в мобилере, шуршащем колесами по мостовой, спрашивала и слушала ответы Монтроза, млея от их безупречной точности. Лэрд стряпчий помнил и знал о своем предприятии все: каждую деталь, любую подробность. Это уже были не сухие документы, а живой мир экономического права, который Маред впитывала жадно и с наслаждением, переспрашивая, уточняя и едва сдерживая восторг.

Опомнилась она, только почувствовав, что щеки горят от возбуждения, почти сродни чувственному. За окошком мобилера проплывали знакомые коттеджи Мейд-Вэл — они почти приехали, а Маред и не заметила!

— Простите, — пролепетала она сконфуженно. — Вы устали...

— Напротив, отлично отдохнул, — усмехнулся лэрд. — Ты умница, девочка. Умеешь думать и правильно спрашивать.

И сразу осадил зардевшуюся от удовольствия Маред, спустив с небес на землю:

— Надеюсь, тье, вы сами не слишком утомились? У меня определенные планы на ночь, так что через два часа после ужина будьте любезны подняться ко мне.

Маред почувствовала, как радость и гордость от похвалы Монтроза, только что переполнявшие сердце, вытекают из него, подобно воде через решето.

Алекс сказал про планы и сразу пожалел об этом: девчонка, только что сиявшая азартом и интересом, мгновенно потухла, как накрытая колпачком свеча, замкнулась. Отвернувшись к окну мобилера, плечи напряглись и застыли... Стоило, пожалуй, дать ей хотя бы поужинать спокойно, но какого баргеста? Сама ведь согласилась, добровольно. Сама позвонила и пришла на встречу...

Он с трудом сдержал раздражение, глядя на Маред, неохотно покидающую мобилер во дворе коттеджа. Если ей так уж плохо, почему просто не уйдет? Это будет честнее, чем изображать поправленную добродетель.

Раздражение было справедливым, Алекс уверился в этом, глядя, как приветлива и мила тье Уинни с экономкой, как смущенно и благодарно улыбается, услышав, что на ужин ее любимая курица в сметанном соусе с розмарином... И ведь Эвелин, за все визиты Незабудки не нашедшая для нее любезной улыбки, эту гостью рада баловать! Уже и любимые блюда узнала... За ужином Алекс будто со стороны наблюдал за собой: слишком резкие движения, слишком отрывистые фразы, слишком безразличный вид. Раздражение уже грозило перетечь в нешуточную злость, когда Маред задержалась внизу, чтобы не подниматься по лестнице следом за ним, а потом наверху, в коридоре, шарахнулась, чуть не прижавшись к стенке, стоило Алексу оказаться рядом.

Но он все-таки сдержался. И уже в спальне подумал, что сегодняшние планы придется изменить. Ничего серьезного он и так не замыслил, но девчонка настолько напугана, что даже простенькая игра окончательно доведет ее до паники. Но все же телесной близости хотелось до упомрачения. И именно с Маред, ведь никто не мешал ему остаться подольше у Анри или вовсе отправиться к Незабудке. Нет, хотелось оказаться в постели именно с маленькой ханжой тье Уинни.

Неужели он успел привязаться к девчонке настолько, что начинает скучать, разлучаясь с ней совсем ненадолго? Глупо — в ней же ничего особенного нет. И Анри, и Флория гораздо искуснее в постельных утехх, притом искренне рады вниманию Алекса, хоть и каждая по-своему. А Маред...

Когда девчонка с горящими глазами допрашивала его в мобилере, было почти физически приятно отвечать ей, слушать ее мягкий голос с едва заметным гваэльским выговором, переспрашивающий о том, что Алекс считал смыслом и гордостью всей своей жизни — о «Корсаре» и его устройстве. Притом вопросы она задавала умные и глубокие, и это после всего пары дней работы. Алекса снова кольнуло сожаление, что их знакомство началось так пошло и гнусно. Пожалуй, он предпочел бы сохранить чуть больше иллюзий о нравственном облике тье Уинни, но теперь поздно. И отказываться от ее услуг в постели нет никакого смысла.

Поэтому он глубоко вдохнул и выдохнул, стоя в спальне у окна, из которого веяло ночной прохладой. Заставил себя если не успокоиться, то загнать раздражение поглубже. Да, тье Маред отнюдь не пылает к нему страстью — ну и что? Сам ведь хотел покорять и учить, так что жаловаться? Извольте определиться для начала с собственными желаниями, лэрд Корсар...

Отходя от окна, он определился. И достал из шкафчика совсем не то, что собирался. Никаких жестких ремней и кляпа, никакой плети-флоггера. Ремни — да, но мягкие,

подбитые нежной замшей. А еще массажное масло с ароматом лаванды и шкатулку с игрушками, которые привели бы в восторг любую искушенную в удовольствиях даму. Оставалось надеяться, что добродетельную лицемерку тье Уинни они хотя бы не напугают до обморока.

В дверь тихонько стукнули, но входить Маред, похоже, не собиралась. Алекс глянул на часы — срок выдержан с безупречной точностью, а ведь казалось, что девчонка опаздывает. Усмехнувшись собственному нетерпению, он открыл дверь.

— Входите...

Да, сегодня следует быть мягче. В глаза девушки вернулся блеск, но нездоровый, лихорадочный. А еще она была бледна и скованна, ничего общего с оживлением в мобилере. К постели, правда, подошла вслед за ним без понуканий, но обернувшись, Алекс увидел в глазах Маред отвращение. Это было совсем плохо, даже хуже страха. И сразу же девчонка, словно боясь выдать чувства, опустила взгляд.

Что ж... Алекс устало подумал, что если сегодня не получится взять эту крепость, придется разорвать договор самому. По собственной воле Маред не уйдет, ей отчаянно нужны деньги. Да и работать девчонке нравится, у нее прекрасные способности. Но оставить Маред Уинни в «Корсаре», совсем рядом с собой, зная, что не можешь даже прикоснуться — да Алекс сам заработает истерию, как у нервной дамочки!

— Раздеваться? — спросила Маред, сосредоточенно разглядывая ковер.

Голос у нее был таким же безжизненным, как и лицо. Вот сейчас и следовало бы решить, пока все не зашло слишком далеко и девушка не возненавидела его окончательно. «Одна ночь, — подумал Алекс, злясь теперь на самого себя. — Одна, последняя. Никакой боли, почти никакого подчинения. И если ей не понравится...» Он и сам еще не знал, что сделает тогда. Разумеется, понимал, как будет правильно поступить, но не мог себя заставить. Не мог и не хотел отказаться!

— Позже, — мягко ответил он, шагнув навстречу девушке.

Положил руки ей на плечи, отметив, как они напряжены, обнял, прижавшись, вдохнул нежный чистый запах волос... «Одна ночь... И если все пойдет плохо, я остановлюсь...»

— Устала, девочка? — шепнул в ухо, грея его дыханием. — Ничего, завтра последний день недели. А в выходные съездим на реку — хочешь?

Дело, конечно, было не в усталости — он нагло врал самому себе. Маред стояла покорная, как кукла, только дышала мелко и неровно, явно пытаясь сдержаться. Алекс еще раз вдохнул ее аромат, легонько коснулся губами прохладной щеки. Тихо сказал:

— Сегодня я раздену тебя сам.

Немного отступив, медленно развязал поясок шелкового пеньюара и позволил ему соскользнуть с плеч девушки вниз, на ковер. Рубашку она после ванной не надела, как и корсет, но лифом и панталончиками пренебречь себе, конечно, не позволила. Глупышка... Так же неторопливо Алекс расстегнул пуговики лифа, снял и его. Сказал все тем же ровным негромким голосом:

— Ложись на живот.

Маред подняла на него быстрый взгляд, в котором промелькнуло то ли удивление, то ли испуг, но переспрашивать и уточнять не стало. Послушно и неловко опустилась на кровать, все так же каменея напряженной спиной. Алекс присел рядом, убрал подушку, бережно отвел в сторону длинные темные волосы, еще слегка влажные после ванной. Налил в ладонь масла, растер другой ладонью, положил скользкие руки на гладкую холодную спину.

Девушка дернулась и резко вдохнула.

— Это всего лишь массаж, — сказал Алекс, наклоняясь ниже. — Любите его?

— Нет, — упрямо отозвалась Маред на выдохе и снова уткнулась лицом в простыню, вытянув руки вдоль тела.

— Значит, тебе его делали неправильно, — улыбнулся Алекс.

Он несколько раз провел ладонями по спине, разогревая кожу, прежде чем перейти к мышцам. Круги, спирали, чуть сильнее, а потом совсем легко — и опять немного сильнее... Маред замерла, едва дыша, ее кожа потеплела, но спина так и была напряжена, поэтому Алекс заговорил:

— У тебя под лопаткой шрамик... Откуда?

— Упала... с дерева.

— А это?

Он легко обвел пальцем две едва заметные ямочки на круглом смуглом плече.

— Собака укусила.

— Злая?

— Нет. Я... сама была виновата. Хотела посмотреть щенков...

— Понимаю, — улыбнулся Алекс. — Щенки, деревья... Должно быть, у тебя была очень снисходительная гувернантка?

Девчонка положила голову на постель удобнее.

— Ее просто не было. Отец... считал это дамской блажью. Говорил, что сам может всему научить меня.

Под руками Алекса, медленно и старательно растирающего вдоль каждую крупную мышцу, кожа девушки наконец-то загорелась, потемнела. И напряжение стало постепенно уходить, Маред слегка расслабилась.

— На лошади он тоже учил тебя ездить?

— Нет, у нас был грум. Я дружила с его сыном... мы даже играли, когда отец не видел...

А когда видел, то, наверное, отправлял тебя заниматься? Никакой гувернантки — дамская блажь — зато много книг. Переписывание бумаг, безусловно — языки, география и история, а в качестве редкого развлечения — верховая езда и управление экипажем. Воспитание мальчика... Не сказать, чтобы это было плохо, но многого, положенного девичьему сердцу и душе, отец тебя явно лишил.

Он нащупал под лопаткой твердый комочек сведенной мышцы и начал осторожно, но сильно его растирать. Массажу его научила Анри — и эти уроки Алекс без преувеличения считал бесценными.

— А я даже в деревне никогда не был, — признался он, переходя к другой лопатке — явно девчонка долго сидела за письменным столом в одной позе. — Глупо, конечно, давно мог бы себе позволить отдых... Подними руки и положи под голову. Вот так...

Он взял Маред за предплечья и уложил лбом на пальцы. Все так же медленно принялся разминать руки, потом шею... Девушка дышала ровно и глубоко, не вздрогнув, даже когда Алекс снова принялся за спину, остановившись на пояснице. Еще пару минут он позволил Маред понежиться, просто глядя кончиками пальцев и следя за меняющимся ритмом дыхания, потом легонько шлепнул ладонью по плечу:

— Перевернись.

Маред все так же послушно повернулась, легла на спину, вытянув руки вдоль тела и глядя настороженно. Алекс медленно провел пальцем от ее горла вниз — между двумя

холмиками к кружевному пояску панталон. Остановившись, спросил негромко:

— Ты ведь понимаешь, зачем ты здесь?

— Да, — ответила Маред, быстро облизнув губы.

— Хорошо. Ты будешь делать все, что сказано. Сегодня мы играем нежно, без боли...

Он погладил нежную золотистую грудь, обвел ореолы напрягшихся кремово-сливочных сосков. Маред затаила дыхание...

— Подними руки вверх, — велел ей Алекс, беря со столика замшевые ремни-наручники и показывая их девушке.

В глазах у нее снова появился страх, тело напряглось.

— Ты уже это делала, — терпеливо напомнил Алекс. — Ничего ужасного не случилось, верно? Я даже не буду завязывать тебе глаза.

Под его взглядом Маред подняла руки вверх, к спинке кровати, и ее грудь от этого движения стала вызывающе совершенной — у Алекса даже во рту пересохло. Он подумал, что чуть позже непременно приласкает эту красоту губами и языком. Но сначала — еще немного разговора.

— Хорошо, — повторил он мягко. — Умница...

Поднявшись, он надел на каждое запястье девушки отдельные наручники и затянул плотно, но не туго. Свободные концы закрепил на спинке кровати, поправил подушку под головой Маред. Девчонка лежала напряженно, от недавнего расслабления не осталось и следа. Вернувшись, Алекс сел рядом, положил ей руку на живот и заговорил:

— У свободы, как и у доверия, две стороны. С одной стороны наручники сейчас тебя связывают, но с другой — освобождают от ответственности. Что бы с тобой ни делали, ты в этом не виновата. Боишься?

— Нет, — с тихим упрямством отозвалась Маред.

— Почему?

Дождавшись недоумения в ее взгляде, он продолжил, словно невзначай поглаживая пальцами нежную кожу:

— Ты ведь мне не веришь, так что твой страх естественен и понятен. Когда ты поймешь, что можешь доверять, он уйдет.

— А я могу? — с вызовом спросила Маред и снова облизала пересохшие губы.

— Разве я когда-нибудь обманывал тебя? — улыбнулся Алекс. — Девочка, когда я хочу сделать больно, то не скрываю этого. Нет ничего более дорогого и хрупкого, чем доверие. А если я хоть раз тебе солгу — оно уйдет навсегда. Хочешь пить?

Потянувшись, он налил воды с лимоном из графина в стакан, поднес его к губам жадно глотнувшей девушки. Дождавшись, пока Маред напьется, поставил стакан и заговорил опять:

— Вот это и есть доверие. Я не причиню тебе вред намеренно, я готов о тебе заботиться. Да, я делаю то, что по вкусу мне и не нравится тебе. Но это не причина считать меня чудовищем настолько, чтобы не попросить воды. А если бы я затянул наручники слишком туго, ты бы тоже молчала?

— Нет, — буркнула Маред, отводя взгляд. — Но я же не знаю, может, вы это нарочно...

— Иногда я делаю это нарочно, — кивнул Алекс. — Слишком тугие наручники, горячий воск, иглы и плети... Но лишь с теми, кому это нужно. А единственный способ понять друг друга — это говорить. И слышать. Я хочу видеть тебя связанной, девочка, но не так, чтобы тебе было больно или неудобно...

Он погладил бока и живот Маред ладонями, наклонился и неторопливо приласкал ее

соски языком, почувствовав, как они напрягаются, словно налитые спелым соком ягоды. Потом медленно стянул с девушки панталончики. Маред дернулась, сжимая колени и учащенно дыша.

— Все, что я захочу, помнишь? — ласково напомнил Алекс? — А сейчас я хочу, чтобы ты выбрала.

Он взял шкатулку с игрушками и, открыв, показал ее девушке.

— Я... — выдохнула Маред с неподдельным ужасом, — не могу! Не надо!

— Не надо вообще или не надо просить тебя выбрать? — поинтересовался Алекс. — Первый вариант — нарушение нашего контракта, а вот второй можно обсудить. Почему ты не хочешь выбрать? Это ведь в твоих интересах.

— Пожалуйста... — щеки Маред залила краска, девчонка даже в подушку попыталась вжаться. — Не могу... мне... все равно...

— Совсем все равно? — уточнил Алекс, доставая толстое, покрытое выступами деревянное дилдо, которое ни разу в жизни даже не думал использовать, а приобрел исключительно ради экзотического вида. — Точно?

Маред посмотрела на него глазами загнанного зверя. Дернулась, забыв о наручниках, глянула с откровенным ужасом, прошептала:

— Нет... не это...

— Девочка, — вздохнул Алекс, кидая бесполезную, но и вправду жуткую на вид штуку обратно в шкатулку. — Ты хоть что-нибудь слышала из моих слов о доверии? Полагаешь, я стану тебя калечить?

— Вы... Вы! Ну и выбирайте тогда сами!

Страх в ее глазах наконец сменился злостью, что было гораздо приятнее. Алекс улыбнулся.

— Обязательно. Я выберу сам, причем именно то, что нужно. И, может быть, ты хоть что-то поймешь из сегодняшнего урока о доверии.

Он достал гладкую каучуковую палочку длиной примерно в два пальца и толщиной в полтора, показал ее Маред.

— Ничего страшного, как видишь. Правда, у нее есть сюрприз, но он тебе понравится.

— Ненавижу сюрпризы, — пробормотала Маред, еще сильнее сжимая колени под ладонью погладившего их Алекса.

Положив игрушку в ложбинку между ее бедрами, чтобы девушка привыкла к ощущению и виду, он опустился рядом с Маред и обнял ее за плечи. Сказал в ухо, легонько касаясь губами мочки:

— Я не сделаю больно. Не сегодня.

— Тогда зачем вам это? — не утерпела девчонка.

— Покорность и боль — не одно и то же, — снова улыбнулся Алекс. — А мне больше нравится первое.

Он провел кончиками пальцев по лицу Маред, погладил ее шею, потом тыльной стороной ладони приласкал щеку, а пальцами — губы. Маред терпела молча, прикрыв глаза и упрямо сжав рот. Что ж, боль тебе не нравится, подчинение ты пока принять не можешь. Посмотрим, как отзовешься на ласку и удовольствие.

— Наручники, — шепнул он снова в ухо, — это разрешение самой себе. Пока ты в них, ты ничего не решаешь, значит, можно не чувствовать себя виноватой. Немного доверия, девочка... Если тебе станет больно — я остановлюсь. А вот стыд бывает очень сладким.

Девчонка всхлипнула и зажмурилась еще сильнее.

— Нет ничего плохого в удовольствии...

Алекс погладил ее бедра и низ живота. Склонился и поцеловал, с трудом сдерживаясь, чтобы не пустить в ход язык — это она должна позволить сама. Лаская низ живота, скользнул пальцами ниже, в горячую влажную ложбинку, и приласкал ее тоже, шепнув:

— Раздвинь ноги.

Придерживая рукой игрушку, шевельнул ею, добившись, чтобы Маред развела колени. Это даже хорошо, что глаза у девочки закрыты — лучше все прочувствует, сосредоточившись на ощущениях тела... Снова просунув руку между ее бедрами, он принялся гладить нежное лоно одним пальцем, двигая им медленно и плавно. Прижавшись бедром, просунул свободную руку под голову Маред, разворачивая к себе.

— Девочка моя, — шепнул в упрямо сжатые губы, зная, что Маред чувствует кожей его дыхание. — Мы просто попробуем, понравится ли тебе. Еще немножко шире...

Поцеловал настойчивее, скользнул языком по самой кромке губ, лаская их, пока место выскользнувшего из влажной плоти пальца занимал самый кончик дилдо. Пока еще снаружи, только упираясь в лепестки входа.

— Согни колени. Да, вот так...

Очень медленный толчок заставил Маред тихонько всхлипнуть, но сопротивляться девчонка не стала. Покорно согнула и развела колени, попытавшись отвернуться, но этого Алекс ей не позволил. Мягко повернул лицом к себе, поцеловал и влажные ресницы, и губы — каждый уголок по отдельности, а потом все вместе и по-настоящему, а потом снова — скулы, глаза, губы... Дилдо вошло глубже, и Алекс отпустил его рукоятку, давая Маред время привыкнуть к ощущению и перестать пугаться.

Поняв, что боли нет, девчонка слегка расслабилась, вдохнула побольше воздуха... Алекс погладил ее бедра изнутри, обвел пальцем скользкую плотную жемчужину, бесстыдно выдающую возбуждение, а потом нажал кнопку на рукоятке дилдо — Маред ахнула и дернулась под его руками.

— Больно? — промурлыкал Алекс, прекрасно понимая, что никакой боли там быть не может, как раз напротив.

Вместо ответа девчонка снова всхлипнула, невольно выгибаясь всем телом. Алекс молча улыбнулся, любясь, как мгновенно загорелись ее щеки. Астерон — прекрасный источник энергии для ламп, кухонных плит, мобилеров и даже сложной умной техники. А это устройство совсем простенькое: полое внутри каучуковое дилдо, кристалл и несколько соединенных пластин, вибрирующих и передающих эту дрожь через упругий материал наружу...

Наклонившись, он сказал в приоткрывшиеся навстречу губы:

— Ах, Маред, вы сейчас так прекрасны... Открой глаза, девочка, посмотри на меня.

Подчинившись, она открыла затуманенные, едва ли что-то видящие глаза, попыталась глянуть ему в лицо, но тут же снова зажмурилась, окончательно заливаясь краской.

— Понимаешь теперь? — опять промурлыкал Алекс, медленно глядя ее всю ладонями: плечи, бока, грудь, бедра сверху и внутри, между откровенно раздвинутых ног. — Понимаешь, как я тебя хочу? Мое собственное маленькое чудо... Девочка моя ненаглядная, красивая, горячая, самая желанная...

Взявшись за рукоятку дилдо, он потянул его, а потом снова толкнул — и услышал стон-всхлип. Свободной рукой погладил горячую щеку девушки, медленно убрал ладонь — и

Маред невольно потянулась за ней, пытаясь продлить ласку. Открыла глаза, пьяные, совершенно шальные, посмотрела беспомощно...

— Все хорошо, — ласково шепнул Алекс, глядя пальцами ее губы. — Все правильно, девочка. Именно так, как и должно быть. Хочешь еще?

Не дожидаясь ответа, опять двинул дилдо вниз-вверх, и еще раз... Девчонка скулила, вжимаясь спиной в постель, приподнимая бедра навстречу, мотая головой и пряча взгляд. Но стоило Алексу надавить еще немного, сжала его руку коленями, не сопротивляясь, а напротив — сильнее подаваясь вперед.

— Умница, — мягко сказал Алекс, уже и сам изнемогая от возбуждения. — Вот так, да...

Встав, улыбнулся невольно метнувшемуся за ним взгляду и медленно, напоказ расстегнул рубашку. Маред смотрела с кровати, тяжело дыша, уже не пытаясь зажмуриться, и стыд в ее глазах мешался с чем-то определенно новым. Все так же медленно Алекс скинул рубашку, расстегнул и спустил брюки, оставшись в облегающем коротком белье, взялся за него... Девчонка наконец вспомнила, что ей положено стесняться, и отвернула пылающее малиновым румянцем лицо. Глупышка... Милая, страстная, и в самом деле невыносимо желанная.

— Тье Уинни, — окликнул ее Алекс с усмешкой. — Я не так часто устраиваю подобные представления, советую не упускать случая. И позвольте узнать, чего именно вы у меня еще не видели?

Поддействовало. Маред прикусила и без того распухшую и яркую от возбуждения губу, глянула возмущенно и вызывающе. Алекс, нежась под этим жарким, как летнее солнце, взглядом, стянул белье окончательно, опустился на постель рядом с Маред и снова обнял ее. Улыбнулся, целуя раскрывшиеся навстречу губы, легонько скользнув между них языком. С трудом оторвавшись от влажной горячей глубины, сказал хрипло:

— Я ведь обещал, что тебе понравится, помнишь? Слушай себя, девочка. Не мораль, которой тебя учили, не трусливый разум, а свое тело, которое молчало все эти годы. Позволь ему говорить с тобой...

Свободной рукой он двинул дилдо между бедер Маред, чувствуя, как та трется о его руку коленями, и посмотрел в бездонную арктическую глубину глаз, где — наконец-то! — таял лед.

— Хочешь меня? Или еще поиграем?

— Хочу... — выдохнула Маред, не отводя отчаянного взгляда.

Напряглась, выгибаясь, облизала губы и беспомощно попросила, явно не осознавая, как это действует на Алекса:

— Развяжите... пожалуйста... Ну хоть сегодня не надо... Я... хочу сама...

От этого тоже охрипшего голоса, капелек пота на виске и влажных ресниц над тающими айсбергами у Алекса перехватило дыхание. Протянув руку, он нащупал застежку наручников на столбиках кровати, с трудом попадая пальцами, расстегнул. Уже потом запоздало понял, что проще и правильнее было бы начать с запястий. Это у него темнеет в глазах от одного вида кожаных лент на смуглом золоте кожи, а девочка хочет свободы...

Потратив еще одну бесценную, невыносимо долгую минуту, он снял наручники окончательно. Взял запястья Маред и сказал, еле шевеля губами от сдерживаемого напряжения:

— Видишь? Все как ты просишь...

Осторожно растер и погладил тонкие руки, на которых остались едва заметные следы и, поднеся к губам, приласкал языком. Дилдо, выполнившее свою задачу, легко выскользнуло из тела девушки. Отбросив его, Алекс опустился на Маред, накрыв ее телом, и девчонка уткнулась лицом ему в плечо, всхлипнув под гладящими ее плечи ладонями. Обняла сама: неловко, неумело, но старательно.

— Де-е-е-свочка... — выдохнул Алекс, толкаясь в горячее, скользкое, шелковисто-гладкое лоно. — Моя...

Замер, готовый к слезам или истерике, но Маред подалась к нему навстречу, простонав что-то, вцепилась в спину неожиданно сильными пальчиками. Алекс, просунув ладони, приподнял ее, удобнее устраивая на подушках, а потом все мысли исчезли из головы, потому что все, наконец, стало единственно правильным и верным. Маред таяла и билась в его руках, отдаваясь яростно и жадно. Прижималась и снова откидывалась на подушки, томно выстаннывая каждый толчок, терлась щекой о его плечо, безмолвно прося и требуя, и Алекс давал ей это и сам брал с мучительной неутолимой жадностью, только краешком сознания следя, чтобы не оставить следы там, где их не спрячет платье.

В последний момент, когда он уже испугался, что не выдержит раньше, Маред хрипло вскрикнула, чувствительно царапнув ему спину и долго застонала. Алекс, едва слыша ее, толкнулся еще раз, и еще... и, уже не сдерживаясь, излился сам — мучительно сладко, жарко, долго.

Сразу же, едва опомнившись, он перекатился набок и обнял горячее влажное тело Маред, слушая тихие всхлипы, прижал к себе. Глупая девочка, неужели и сейчас все поняла неправильно? Что он там думал? Отпустить ее? Полная чушь. Просто с самого начала повел себя неправильно. Девчонка боится боли и унижения, а если вот так, ласково...

— Успокойся, — прошептал он, целуя зажмуренные глаза с трогательно мокрыми ресницами. — Все хорошо...

Маред замотала головой, но не отстранилась, а даже обняла его крепче, уткнувшись лицом в плечо. Ну разумеется... Пришла в себя, осознала глубокую непристойность своего поведения и желаний... Алекс вздохнул. Не переставая гладить ей спину, устроил голову Маред удобнее на своем предплечье, обнял другой рукой.

— Это всего лишь удовольствие, — напомнил терпеливо. — А ты — взрослая свободная женщина. Глупо прятаться от чувственной стороны жизни и бояться собственных желаний... Что плохого в том, что мы делали? Кому это повредило?

— Это... порочно, — еле слышно отозвалась Маред, подтверждая его недавние догадки.

— Нет, девочка. Порок — это насилие над тем, кто не согласен. Порок — это совратить ребенка или сподойти кого-то, чтобы уложить в постель. Принуждение, использование слабости или незащитности... Порочно было бы то, что могло случиться у нас при первой встрече. И почти случилось... Но даже в этом случае — запомни — вина никогда не лежит на жертве. А сейчас ты пришла ко мне сама, верно? Можешь стыдиться общественной морали, хоть это и глупо, но не обвиняй меня в насилии, а свое тело — в предательстве. И то, и другое — нечестно. Ты не виновата в удовольствии своего тела, и хватит переживать.

Он почти силой развернул к себе лицо Маред и снова нежно поцеловал, с неудовольствием отметив мокрые от слез щеки. Впрочем, женщинам полезно иногда поплакать. Слезы — шлюз в плотине разума, ограждающей чувства. Если запереть эту плотину накрепко, не позволяя слезам иногда излиться, чувства переполняют сердце и захлестывают разум, приводя к настоящей беде. А Маред Уинни слишком долго жила

исключительно велениями разума. Это необходимое умение, чтобы выжить, но отвратительное качество, чтобы просто жить.

И только он успел подумать, что девочку надо отвлечь, раз уж она не умеет пока нежиться и ласкаться после полученного наслаждения, как Маред заговорила, так и не открыв глаз:

— Я... доделала контракт. Вторую версию, с учетом поправок...

— Прекрасно, — с облегчением улыбнулся Алекс. — Возьми его завтра с собой, я посмотрю, пока будешь на занятиях по управлению мобилером.

Он ткнулся губами в чуть влажные душистые завитки волос на голове девушки, спросил:

— Хочешь спать?

Маред слегка пожала плечами, явно раздумывая, как выгоднее ответить. Потом заворочалась и промолвила очень несчастным голосом:

— Я должна кое-что сказать. Нам сегодня показали конкурсную работу. Тендер для франкской страховой компании. Ну, вы же знаете...

— Разумеется, я знаю, — согласился Алекс, щурясь от удовольствия, что все верно рассчитал и девочка не прошла мимо такой возможности.

— Я унесла из конторы документы на ключ-камне, — еще несчастнее сказала Маред. — Нас предупредили, что нельзя, но на работе совсем нет времени. А послезавтра выходные...

— Какой ужас, — серьезно ответил Алекс, осознав сравнительный масштаб проблемы и прилагающихся к ней переживаний. — Грубейшее нарушение внутренней процедуры персональной ответственности! Вы уже видели эти документы, тье Уинни?

— Н-н-нет...

— Что ж, — зевнул Алекс, — тогда мы с тьеном Даффи постараемся сохранить конфиденциальность, не прибегая к физическому устранению свидетелей. Не убивать же вас...

Сжалившись, он фыркнул:

— Успокойся. Забирать документы не следовало, но раз уж сама призналась... На первом этапе там ничего действительно секретного. Можешь не удалять, только не оставляй без присмотра. Завтра Кормака Даффи в конторе не будет, а в понедельник подойдешь и попросишь разрешения взять материалы домой под личную ответственность. Только не говори, что уже успела это сделать.

— Благодарю! — выдохнула Маред, словно ей пообещали давно желанный подарок, и Алекс негромко рассмеялся.

— После того, чем мы занимались, вспоминать о контрактах? — сказал он насмешливо и ласково. — Девочка, я от тебя в восторге. Или это я был настолько плох в постели, что тебе пришлось, как истинно добродетельной лэди, закрыть глаза и думать о Великобритании?

Чмокнув насупившуюся Маред в кончик носа, он потянул девушку на себя сверху, положив ладони на восхитительно горячую и гладкую кожу. Маред замерла у него на груди, едва дыша. Глядя в удивленно-настороженные глаза, Алекс мягко произнес:

— Сегодня больше никаких мыслей и разговоров о делах. Мы так и не выяснили, любишь ли ты массаж... Исправим это упущение?

И медленно заскользил по ее спине кончиками пальцев, прикрыв глаза и слушая неровное глубокое дыхание на своем плече.

Монтроз спал, разметавшись по постели. Маред, очнувшись, будто ее толкнули, приподнялась на локте и взглядела в спокойное лицо, освещенное лунным светом. Спящий лэрд Корсар выглядел куда мягче и даже моложе, сейчас в нем не было привычной дневной жесткости и постоянного внутреннего напряжения.

Спящий он был... безопасен? И все-таки Маред не хотела остаться в этой роскошной спальне, а утром, едва проснувшись, увидеть Монтроза и услышать его самоуверенно-ласковое «девочка». Вот не хотела — и все!

Она тихо встала, стараясь не разбудить спящего, сгребла свои вещи и выскользнула, накинув халат, из спальни. Прошмыгнула к себе и лишь тогда поняла, что проснулась от озноба. Противное недомогание началось после весенней простуды, от которой она так и не вылечилась толком, до сих пор покашливая в дождь. После напряженной работы над очередным заказом, стоило несколько дней не выспаться, озноб непременно являлся вечером вместе со слабостью и головной болью, но ничего странного в этом не было. Маред просто забиралась в постель с чашкой некрепкого горячего кофе и старалась согреться и уснуть.

В этот раз озноб вернулся как-то особенно сильно, она даже дверь с трудом открыла, сразу нырнув под одеяло, сжавшись и обняв колени руками, чтоб согреться. Стиснула зубы, чтоб не стучали, и с тоской поняла, что здесь на кухню за кофе не пойдет и вызывать горничную среди ночи не станет. Ничего, само отпустит...

На душе было тошно. Монтроз мог сколько угодно успокаивать, быть неожиданно нежным, умелым и заботливым, но так неправильно. Маред чуть не застонала от стыда, стоило вспомнить, что с ней творилось. Нет, что она творила, — так честнее — всем телом откликнувшись рукам и губам Корсара, его низкому голосу и то ласково-нежным, то насмешливым словам. А еще тому, что он вытворял этой проклятой штукой...

Маред уткнулась лицом в одеяло, обняла его руками и ногами, как привыкла с детства, лежа в своей маленькой спальне и мечтая, что кто-нибудь подойдет и погладит по голове, подоткнув одеяло. Но отец всегда допоздна сидел за работой, горничная прощалась, потушив свет, и Маред засыпала в обнимку с одеялом, потому что спать с игрушками тоже было блажью и распушенностью.

Завтра ей бы стоило отлежаться, но ведь утром полегчает, верно? А Монтрозу она найдет, что сказать, если тот спросит, почему Маред ушла. Лэрда стряпчего ее нездоровье не касается, сколько бы тот ни распространялся о доверии. Хватит и того, что неожиданно для самой себя Маред призналась в глупости с тендером. Хорошо, что обошлось! В ее ушах до сих пор стояли слова лэрда, сказанные с холодным жестким удовлетворением, как он лично позаботился разрушить жизнь предавшего его стряпчего. Вот так-то, тье Уинни, — задумайтесь. У доверия и вправду две стороны, но одна из них, когда доверие оборачивается предательством, темная и опасная.

Глава 4. Бабочка у свечи

— Убью негодяя! Узнаю кто — и убью! Да чтоб ему баргест повстречался!

Тье Эстер, сидящая рядом с возмущенной Тилли, сочувственно покачала головой, не отрываясь от работы. Впрочем, даже ее замечательное равновесие духа, кажется, имело пределы — тье слегка раздраженно поморщилась. Маред про себя подумала, что невозмутимую пожилую даму больше раздражает поведение Тилли, мешающей ей работать, чем происходящее в отделе. А может, одно сочетается с другим. Неприятно, когда рядом с тобой происходят подобные противные мелкие гадости! Но Тилли слишком уж громко и часто возмущается, лучше бы и вправду попыталась выяснить, кто это делает — не может ведь быть, чтоб никто ничего не заметил.

Однако сердиться всерьез и подолгу секретарша не умела. Хлопнув опустевшим ящиком стола так, что тот едва не вылетел из пазов, она сунула руку в висевшую на спинке стула сумочку, с торжеством извлекла припрятанную коробочку с шоколадом и открыла.

— Тье Эстер, будете конфетку? А вы, Маред?

— Благодарю, нет, — в голосе почтенной тье проскользнули едва уловимые холодные нотки. — И осторожнее с бумагами, милая... Шоколад оставляет пятна.

Маред улыбнулась ничуть не обескураженной Тилли, покачала головой и снова уткнулась в документы, всем видом показывая, как занята. Взгляды тье Эстер на еду и напитки возле документов она полностью поддерживала, но не делать же замечания коллеге, которая работает здесь куда дольше тебя и постоянно, между прочим. К тому же Тилли угощает ее от души, старается быть милой... Может, удастся с ней подружиться?

Маред украдкой покосилась в сторону секретарши. Свободной от шоколадки рукой Тилли накручивала на палец длинную прядь волос, умело выпущенную из прически, чтобы обрамлять личико, и даже с расстояния нескольких шагов было видно, каким блестящим ярко-розовым лаком накрашены ногти. Слишком длинные, кстати, чтобы с должным удобством работать на клавиатуре. Маред вздохнула и посмотрела на собственные руки. Наверное, это она сама неправильная женщина. Чернильные пятна только-только полностью сошли, можно бы отрастить ногти и заглянуть в салон красоты — сделать что-то похожее. Пусть не такое яркое, но милое и женственное. Как-то после свадьбы она попробовала — хотела быть как можно красивее для Эмильена.

Оказалось, что стоит ногтям отрасти чуть длиннее, и работа на вычислителе жутко замедляется, а блестящий, как леденец, лак мгновенно тускнеет и трескается от воды с мылом, уксуса, лимонного сока и прочих средств поддержания порядка в доме. У них, разумеется, была служанка, но платить ей столько, чтобы совершенно избавить хозяев от домашних забот, семья Уинни никак не могла себе позволить. Поэтому болтливая, но расторопная девица не жила в доме, а приходила на полдня и занималась только грязной работой вроде крупной стирки, чистки камина и кастрюль, мытья и натирания полов воском. Остальные домашние заботы ложились на Маред, но Эмильен клятвенно обещал, что как только завершит свою работу и возьмет патент на изобретение, его маленькой женушке больше не придется и пальчиком прикоснуться к грязной тарелке или стирке рубашек. А пока нужно немножко потерпеть...

И Маред терпела. Обойтись без длинных ногтей, пышно уложенных локонов и модного платья — это такие мелочи. К тому же Эмильен обожал ее именно такой, ему нравилось,

когда она одевалась скромно, как подобает приличной замужней женщине. Строгие темные платья, удобное белье, практичная обувь... Хороший вкус и респектабельность — вот главные помощники женщины. И Маред понимала, что это настоящая любовь, потому что муж искренне считает ее красивой и не заглядывается на ярких кокеток. Тилли с ее густо накрашенными ресницами, блестящими от помады губами и приталенными блузочками он наверняка счел бы слишком легкомысленной, да и на новое синее платье Маред покосился бы неодобрительно — да, темно-синее, но как подчеркивает фигуру!

«Прекрати, — остановила она себя. — Хватит. Он был твоим мужем, так что имел полное право решать, как тебе одеваться... И между прочим был прав. Пока ты пряталась от мужских взглядов и была незаметной, как истинная Чернильная Мышь, все было хорошо. Ты была в безопасности. А стоило однажды попасться мужчине — и посмотри, в кого ты превратилась. Наложница и содержанка! Но... ведь другие как-то ухитряются быть привлекательными и при этом чувствовать себя спокойно? Посмотри хотя бы на Тилли...»

Словно почувствовав внимание Маред, девушка ответила ей задорной улыбкой и снова опустила длинные пушистые ресницы, не просто накрашенные, а явно еще и завитые. Да и глаза подведены так, что превратились в дивные восточные очи, как у сказочной пери. И плевать Тилли, что краситься днем — это на грани приличий для незамужней девицы. Она-то явно счастлива, когда цокает по паркетному полу конторы высокими каблучками изящных туфелек, и на это цоканье оборачиваются все мужчины поблизости. Попробовал бы кто-нибудь сравнить ее с мышью! И попробовал бы кто-нибудь оскорбить ее непристойным предложением...

Маред сплотнула горькую слюну, обнаружив, что сидит, уставившись в страницу с расчетом, и цифры расплываются перед глазами. Да хватит же! На работе следует думать о работе! Так, с этой таблицей — все готово. И тут собственный рассудок снова начал предательски играть с ней излюбленную игру последних недель «если бы не Монтроз».

Как бы она жила сейчас, если бы на свою беду не попала в лапы милэрду Монтрозу? Да, самую гнусную роль сыграли тьен Оршез и враги королевского стряпчего, но если бы лэрд не обратил на нее внимания... Что бы с ней было? Вот сегодня пятница, весь Лунден отмечает окончание рабочей недели. А завтра и послезавтра кто-то уедет на пикник, а кто-то просто будет гулять в парке и по бульварам, смотреть уличные представления, кататься на лодках по Темезу и парковым прудам... Она тоже могла бы!

«Если бы не Корсар-Монтроз, ты бы себе не позволила даже задуматься о подобном, — возразил внутренний голос. — Сидела бы дома и строчила очередную работу. Какой парк и гулянья? Много ты на них ходила?» «Я была в трауре», — возразила Маред. «Траур закончился — и что? Помнишь, что сказала о вдовстве и новом замужестве твоя квартирная хозяйка, которую ты втайне презирала за невежество и глупость? А почтенная женщина поумнее тебя будет. Или ты решила всю жизнь оплакивать Эмильена? Очень добродетельно, не спорю. Только добродетель должна идти от сердца, а у тебя она от страха, мышь несчастная...» «Нет же, — попыталась сопротивляться беспощадной правдивости своих мыслей Маред. — Я просто хотела закончить Университет! Получить диплом, найти достойную работу, пережить боль...» «Как? Прячась от всех мужчин на свете? Как ты собиралась играть с ними на равных в их деле? Как надеялась превзойти их, если боишься высунуть нос из норки? Ты же избегаешь мужчин, как огня — в прямом смысле. А его светлость Монтроза избегать бесполезно — он знает, чего хочет, и берет это, не обращая внимания на чужие благоглупости. И ведь с ним ты еще как чувствуешь себя женщиной. И

удовольствие получаешь. Причем такое, которое с законным любимым мужем даже представить себе не могла и не знала, что подобное существует в жизни, а не только на страницах дамских романов. Но при этом врешь сама себе и во всех своих бедах винишь других. Оршеза — за то, что решилась на воровство. Чисхолма — за то, что уступила шантажу и стала постельной игрушкой. А Монтроза — за то, что тебе нравится делить с ним постель, но согласиться на это в открытую тебе стыдно, а отказаться — страшно. Добродетельная трусливая дура, вот ты кто, Маред Уинни...»

«Замолчи, — уже не понимая, кого просит, взмолилась Маред. — Замолчи, пожалуйста! Я все понимаю... И я поговорю с лэрдом. Но не сейчас же? Сейчас у меня отчет. Отчет!»

«Вот и думай об отчете, — успокаиваясь, отозвался голос. — Монтроз, может быть, и оставит тебя в конторе, когда закончится ваш договор, но сможешь ли ты остаться, если будешь знать, что это — плата? Нет уж, ты должна быть лучшей. Настолько, чтобы ни сама, ни кто другой не могли даже усомниться, что это заслуженно. А место — настоящее, законное — практикантам обещано только одно. И если хочешь подружиться с Тилли, купи конфет и угости ее сама — так будет вежливее».

Маред тяжело вздохнула, потирая виски пальцами. Дожилась — разговаривает сама с собой и при этом чувствует себя же душой.

Она все-таки домучила запланированную часть отчета, под конец даже испытывала ощущение прежнего азарта. Все-таки цифры и определения — это не люди. С ними ей легко, они не подведут и не умеют предавать и издеваться. Оптимизация, милочка... Как вы чудесно выглядите, дорогая моя!

В кофейне настроение только улучшилось. Настолько, что когда Маред, уже оказавшаяся почти у самой прилавка, заметила вошедшего Макмиллана, она рискнула поймать его взгляд и улыбнуться.

— Доброго дня, коллега, — отозвался Макмиллан, подходя и небрежно кланяясь. — Согласны пролонгировать наш договор? С меня — столик, с вас кофе и...

— Что-нибудь? — осмелилась пошутить Маред.

— Отличный выбор! — с ироничной серьезностью подтвердил лэрд. — О, а вот и столик освободился. Пойду-ка заявлю право на временное владение.

Маред посмотрела ему вслед и снова невольно улыбнулась. Как странно... Его светлость держится настолько просто, что трудно помнить о его титуле. И, пожалуй, это единственное, что роднит его с Монтрозом, — полное отсутствие напыщенности. При этом оба не позволяют окружающим и тени фамильярности, просто чувствуют себя настолько выше, что уважительное отношение подразумевается само собой. Но Макмиллан — аристократ по рождению, а как это дается выросшему в приюте Монтрозу?

Она взяла двойную порцию отбивных с неизменным салатом и два кофе — черный, без сахара и покрепче, будьте любезны — вспомнив о Тилли, добавила коробочку конфет. Лэрд, встав, принял у нее поднос и помог расставить тарелки, хотя по этикету... Запутавшись, Маред легкомысленно махнула на этикет рукой и, пожелав приятного аппетита сотрапезнику, принялась за еду. Макмиллан тоже не усердствовал в застольной беседе, но его молчание выглядело спокойным, доброжелательным и совершенно естественным.

За кофе они потянулись одновременно.

— Любимые конфеты тье Тилли... — не то сообщил, не то уточнил лэрд, мельком глянув на коробочку.

— Да... — слегка смутилась Маред. — Я подумала, что она расстроена из-за этих

пропаж... Интересно, кто это делает?

— Интересно не кто, а зачем, — сказал Макмиллан, отпивая кофе и слегка жмурясь от удовольствия.

Его худое, некрасивое и невыразительное лицо стало живым, словно оттаявшим.

— Да, конечно, — подхватила Маред. — Это же мелочь... Но если выяснится — такой позор!

Она сама глотнула кофе, покатила горьковатую маслянистую жидкость на языке, смакуя.

— Некоторые мысли у меня имеются, — признался лэрд. — Но я могу и ошибаться. Еще один любопытный вопрос — как? Стол Тилли всегда на виду, а тье Эстер почти не покидает комнаты. Подозревать почтенную даму — как-то слишком экстравагантно...

— Тье Эстер? — изумилась Маред. — Зачем бы ей?

— Вот и я думаю — зачем? — согласился Макмиллан. — Впрочем, это просто версия. Вы не передумали участвовать в охоте на франкский тендер?

Маред едва не поперхнулась горячим кофе от такой резкой смены темы.

— Не передумала. А... что?

— У меня случился небезынтересный разговор с дедом...

Лэрд извлек из жилетного кармана тонкий блокнот с карандашиком на цепочке, открыл его и нарисовал аккуратный овал, подписав его мелким четким почерком.

— С франкской стороны покровителем и куратором проекта выступает некто сир ле Парьез. По характеристике деда — личность чрезвычайно дотошная и пунктуальная, досконально знающая проект и чрезвычайно заинтересованная в успехе. Подозреваю, интерес у него личный... Сир ле Парьез также известен как горячий сторонник общеевропейского слияния деловых и юридических институтов, но, разумеется, с первенством Франкии. Его идеал — некое целостное пространство коммерции и правоправления, где Франкия будет выступать законодателем и арбитром. В нашем же случае важно, что сир безусловно будет настаивать на включении в работу над проектом определенного числа франков — для контроля... Следовательно?

— Особое внимание интеграции франкского отделения страхового общества с бриттским, — кивнула Маред, следя за тонко очиненным карандашом, изобразившим что-то вроде соединенных колец. — Изначально запланировать их тесное взаимодействие. И обязательно — она вспомнила рассказ Монтроза — аккредитовать всех иностранных сотрудников по требованиям Торговой гильдии и Судебной палаты. Причем не общая аккредитация для франкского филиала, а получение персональных лицензий на работу.

— Прекрасно, — с явным удовлетворением отозвался Макмиллан. — Вы меня чрезвычайно радуете, коллега. Вот вам первый козырь в игре. Второй — франки ориентированы на расширение. В настоящем виде бриттская компания интересна им исключительно как площадка под строительство собственной. Они собираются выйти на бриттский деловой форум всерьез, значит, им нужна ясная надежная перспектива сотрудничества.

— Репатриация полученной филиалами прибыли напрямую через столичное налоговое ведомство, — почти машинально отозвалась Маред. — Льготы, положенные иностранным компаниям, вкладывающим прибыль в деловые предприятия на территории Великобритании. Предварительное утверждение проекта в министерстве финансов согласно закону об антимонополии. И если сир де Парьез такой сторонник объединения, то совместная

регистрация будущей компании на территории Великобритании и Франкии под патронажем последней.

— Знаете, Уинни, — после паузы задумчиво отозвался Макмиллан, глядя на нее с как-то странно, — а вот теперь вы меня не просто удивили, но и щелкнули по носу, пожалуй... Не ожидал.

Маред жгуче залилась краской и опустила взгляд к блюдцу, рисунку — куда угодно.

— Это обязано сработать должным образом, — услышала она все такой же задумчивый голос лэрда. — Определенно обязано.

— Скажите, милэрд, — тихо спросила Маред, прекрасно понимая, что такие подарки в деловых кругах не делаются просто так. — Что я буду должна лично вам?

Она подняла взгляд, в упор посмотрев на человека, которому по рождению и положению в обществе не должно быть решительно никакого дела до подобной «коллеги».

— Чашку кофе, — усмехнулся лэрд своей обычной малопривлекательной усмешкой, словно режущей лицо изломом тонких губ. — Чашку кофе в любой кофейне на ваш выбор — и ничего более, клянусь тартаном нашего клана. Я, конечно, мог бы попросить фиктивное участие в проекте и тем самым обнадежить почтенного главу Макмилланов, моего деда, но именно потому не стану. Главное — постарайтесь выиграть. Мне бы очень этого хотелось.

В серых глазах Макмиллана светился азарт, делавший его почти привлекательным. Маред продолжила, чувствуя себя, словно ступает по тонкому льду. Возможно ли, что ей дарят что-то, не желая взамен выгоды и не готовя подвоха?

— А почему вы не предложили такую фору Финлисону? Или тьену Даффи? Они смогли бы помочь вам не хуже, а то и лучше.

Вокруг волнами плескался шум голосов, звяканье посуды, смех и звонки фонилей, а вокруг их столика будто дрогнула и застыла не тишина, но какая-то вязкая плотная преграда, отгородившая Маред и Оуэна Макмиллана от внешней суматохи. Отстраненно Маред слышала где-то вдалеке бой часов на башне Большого Тома. Половина первого — конец обеденного перерыва, пора возвращаться к трудам праведным. Макмиллан глянул на нее пронзительно, блеснув черными зрачками, пожал плечами.

— Финлисон — самовлюбленный дурак. Он в жизни не сможет правильно использовать то, что вы схватили на лету. А Даффи мог бы. Но я не собираюсь служить под его руководством, поэтому не вижу ни малейшего смысла делать столь дорогостоящие подарки.

— Однако сделали его мне? — прямо спросила Маред, и Оуэн усмехнулся уголками рта.

— Вам — да. Вы мне интересны, Уинни. О, ничего такого, не беспокойтесь. Сначала я заинтересовался женщиной, которая смогла превзойти меня на экзамене. Пусть ненамного — но обойти. Я не люблю коммерческое право, но не могу позволить себе не знать его — при моем воспитании и образовании это неизбежно. А вы в нем хороши, как в истинно любимом деле — это я быстро понял. А присмотревшись, заметил еще кое-что интересное.

— И что же? — напряженно спросила Маред, чувствуя, как сердце начинает стучать чаще и вовсе не от кофе.

— Многое, — снова улыбнулся Макмиллан. — Например, ваш фониль.

— Фониль?

Маред с недоумением глянула на старенькое устройство, выглядывающее из внешнего кармашка ее сумки.

— А что с ним?

— Ровным счетом ничего, кроме почтенного возраста, — в голосе Макмиллана ясно слышалась ирония. — Готов поспорить на ежедневный кофе до конца нашей практики, что ни у одного стряпчего в этой конторе такого раритета больше нет.

— Не все ли вам равно? — холодно отозвалась Маред, злясь, что нельзя ответить резкостью человеку, который только что оказал тебе столь ценную услугу. — Я к нему привыкла.

— Не обижайтесь. Я сам привязываюсь к старым надежным вещам. Речь не об этом. Например, в первый день у вас на шее был платок. Совершенно случайно пару недель назад я покупал точно такой в подарок своей матушке, лэди Макмиллан. В весьма дорогом магазине... И помню сумму на чеке — она была достойна того, чтобы даже я ее запомнил. А вы знаете, сколько стоит эта чинская безделушка?

Он смотрел на Маред, откинувшись на спинку стула, чуть покачивая в пальцах чашку с кофе, и говорил спокойно, бесстрастно, почти сожалеюще. Словно ожидал, что Маред вот-вот вскочит и уйдет.

— Это подарок, — с трудом выговорила она, кляня мерзавца Монтроза, поставившего ее в такое сомнительное положение. — Я представления не имею, сколько он стоит.

— Охотно верю, — кивнул Макмиллан. — Вы крайне интересная особа, Уинни. Я получал образование дома, но экзамены-то сдавал в Университете, и принадлежи вы к определенному обеспеченному кругу студентов из лучших семей Лундена, я не мог бы с вами не познакомиться раньше. Интересно, правда? Еще один повод для размышления: вы очень привлекательны, но совершенно не кокетливы и явно не находите ничего приятного в мужском внимании. А ведь с такой внешностью вы должны были привыкнуть в нем купаться. Да, вы вдова, но знали же вы мужчин и кроме вашего супруга. Наконец, мелочи вроде старого потрепанного фониля и отсутствия украшений. Вы одеты и причесаны, как респектабельная молодая ть с прекрасным вкусом, но не носите даже сережек. Я могу ошибаться, конечно, но чаще всего это говорит о том, что старые украшения не подходят к новому наряду, а новыми, по какой-то причине, вы еще не обзавелись... Любопытная картина получается в целом, не так ли?

— И... что? — на мгновение прикусила губу и тут же ее отпустила Маред. — Все, что вы сказали, имеет объяснение. Но я не обязана...

Она услышала в собственном голосе звонкую злость, но на самом деле испугалась. Как он смог так легко и глубоко заглянуть в ее жизнь? Он опасен! Да, здесь и сейчас она не делает ничего плохого, но привлечь чье-то внимание для нее сейчас — гибель репутации. А еще таинственные враги Монтроза... Неужели она совершила страшную ошибку, сблизившись с любопытным и пугающе проникательным лэрдом?

— Конечно, вы не обязаны мне ничего объяснять, — вздохнул Макмиллан. — И я еще раз прошу — не обижайтесь. Я ни с кем не поделюсь своими мыслями, обещаю, просто мой разум так устроен, что непрестанно строит какие-то дурацкие теории на основании не менее дурацких замечаний. Знали бы вы, как это мешает просто общаться с людьми.

Сейчас он выглядел почти виноватым, но Маред не обманывалась — настоящую ищейку не сбить со следа, а Макмиллан напоминал ей именно это — чуткого, умного и очень упрямого пса.

— Вы не думали о работе в полиции? — хмуро спросила она. — Или лучше в частном сыске. Затмили бы знаменитого лэрда Гилмура и тоже стали героем романов.

— О, вы читаете романы про Гилмура? — оживился Макмиллан. — Они

великолепны... И ради Луга, коллега Уинни, забудьте, что я вам тут наговорил. У любого человека хватает странностей.

— Ничего страшного, — сказала Маред и старательно улыбнулась.

Неизвестно, насколько хорошо у нее вышло прикинуться беспечной, но Макмиллан тоже с облегчением сменил тему, и через минуту, поднимаясь в отдел, они уже обсуждали последнее дело лэрда Гилмура, угодившего в заговор отставного адмирала королевского флота против князя вампиров, совратившего и погубившего его внучку. Макмиллан утверждал, будто понял интригу романа даже быстрее лэрда Гилмура, и приводил безупречные доказательства, так что Маред могла только удивиться, почему знаменитый сыщик не увидел всего этого сам... И как же было жаль, что ей стоит держаться как можно дальше от такого интересного собеседника, как Оуэн, то есть лэрд Макмиллан. Иначе, позволяя лэрду и дальше задумываться над ее странностями, Маред будет слишком похожа на любопытную бабочку, которая сама летит на огонь.

* * *

После обеда с неба, подгоняемое ветерком, умчалось единственное, застенчиво заглянувшее на него облачко, и каменная мостовая снова нагрелась, а в мобилер Алекса влетела тополиная пушинка. Села доверчиво к нему на предплечье, дрожа от ровного гула ветрогона, вцепилась крошечными крючками в рукав тонкого летнего сюртука. Эфемерная частичка жизни среди камня, кирпича и стекла городских улиц... Алекс покосился на пушистую тополиную снежинку, потом глянул на часы. Без четверти шесть, и забрать Маред в обычное время он уже не успевает. Откровенно говоря, он и в школу вождения предпочел бы не поехать, но ведь сам предложил и обещал, никто не заставлял.

Впрочем... если Маред проедет несколько улиц в наемном кэбе, то они как раз встретятся на полпути к школе. Алекс вытянул из кармана фониль и нажал кнопку вызова. Девчонка ответила почти сразу и так же бесстрастно, как и всегда, словно боялась сказать лишнее или выдать раздражение голосом.

— Слушаю вас...

Значит, рядом кто-то есть, и обратиться ни по имени, ни по титулу Маред не может.

— Я не успеваю, — негромко сказал Алекс. — Возьми кэб. Я буду ждать у фонтана Эппл-Гарден...

Отложив фониль, он снова сосредоточился на дороге, а то впереди показалась карета, едущая ровно посередине улицы, невзирая на правила. Когда уже мэрия Лундена выделит специальные дорожные полосы для мобилеров? Невозможно же пробраться по городу из-за таких вот любителей древности. То лошадь заупрямится, то в конские яблоки въедешь, а потом колеса воняют... Не современная столица цивилизованного мира, а Темные века какие-то!

Допустим, в школе они пробудут часа полтора. Туда еще нужно доехать, потом оттуда... Выходит, что раньше девяти уехать домой никак не выйдет. Остается надеяться, что оно того стоит. Но очень уж восхищенные глаза были у Маред за рулем «Драккаруса» — Алекс даже улыбнулся, вспоминая. Придется учить...

Маред выпорхнула из кэба точно, как он и рассчитал, — минут через пять после самого Алекса. На несколько мгновений он отвлекся на упрямую пушинку, так и проехавшую на его

рукаве изрядную часть Лундена, нацелился сбить ее щелчком — и вот уже тье Уинни стоит у дверцы мобилера, по обыкновению едва заметно хмурясь и пряча взгляд. Хотя нет, просто устала, кажется.

Конец недели. Кто-то задерживается на работе, чтобы успеть ее доделать, кто-то торопится в кофейню или собирается на пикник за город. Интересно, девочка, если бы не я... Будь ты обычной служащей в какой-нибудь конторе — куда бы ты пошла вечером? Домой, корпеть над очередным заказом? Похоже — да. Не сводить ли тебя в клуб? Можно даже не в «Бархат», а для начала выбрать место потише и поспокойнее. «Бархат» с непривычки способен изрядно напугать вольностью нравов и происходящего. По крайней мере, в пятницу вечером, когда там полно посетителей. Да и вообще — у нас же занятия.

Маред села рядом, сложив руки на коленях, обтянутых темно-синим шелком платья. Ожидая покосилась на Алекса.

— Едем на занятия, — кивнул он, трогая рычаг. — Вы голодны?

— Нет пока... Я недавно пила кофе.

— Тогда поужинаем после занятий, пожалуй. Где-нибудь в городе.

Он свернул с бульвара на соседнюю полупустую улицу, прибавил скорости. Говорить вроде было не о чем, он и сам устал. Сейчас бы все-таки домой, а по пути свернуть к реке и окунуться в прогретшуюся за день воду...

— Может быть, не надо? — тихонько спросила Маред и, опустив взгляд, пояснила: — Если у вас на этот вечер были другие планы, мне бы не хотелось... Вам вообще не обязательно тратить время на мои занятия.

— Зато выполнять обещания — обязательно. Все в порядке. Вы взяли с собой контракт?

— А-а-а... да! И я потом еще спрошу кое-что...

— Разумеется, — кивнул Алекс. — Сегодня запоминайте адрес школы, а с понедельника будете ездить сюда сами. Руководство по управлению и правилам езды вам дадут с собой. Что касается поездок... Сюда ходят omnibuses, но это слишком долго. На некоторых вещах экономить нельзя, и время — одна из них. Привыкайте, что ваше время стоит дорого.

Он достал из бумажника заполненный чек на предъявителя и протянул его Маред.

— Не нужно, — мгновенно вспыхнула девчонка. — У меня есть деньги!

— На кэб — возможно. А наш уговор про новые вещи вы помните? Время на исходе, и я сомневаюсь, что вас действительно устроит ходить дома без одежды. Хотя повторяюсь — лично я не против.

— Ваша светлость! Неужели вы не понимаете?

Девчонка разве что иглами не оцетинилась, как ёж или экзотический зверь-дикобраз.

— Нет, — бесстрастно отозвался Алекс. — Вернее, я понимаю это иначе. Для вас это будет крупной незапланированной тратой, для меня — пустяковыми расходами.

— Я... — Маред вдохнула, выдохнула, упрямо мотнула головой. — Не можете вы не понимать. И меня — тоже...

Насупившись, она уставилась в переднее стекло мобилера. Губы обиженно распухли, а на шее забила тонкая жилка, ранее незаметная.

— Не обижайтесь, — тоже вздохнул Алекс, призывая на помощь все свое терпение. — В чем-то вы правы. И брать вас на содержание я не собираюсь, поверьте. Но поскольку это я настаиваю на смене вашего гардероба в своих интересах, мне его и оплачивать. Следовательно — вы мне ничем не обязаны. Считайте, что это... — он хотел сказать

«униформа», но вовремя осекся, не без иронии решив, что не стоит давать добродетельной тье лишний повод оскорбиться — мой каприз, обязательный к исполнению. Заодно поучитесь общаться с модистками. А ваша учеба в любой сфере как раз под моей ответственностью.

— Под вашим контролем, скажите вернее, — все еще обиженным тоном съязвила Маред.

— Это одно и то же. Для меня во всяком случае. Трудно контролировать то, за что не отвечаешь, и наоборот, — улыбнулся Алекс.

На душе у него труднообъяснимым образом потеплело. Да, он привык оплачивать своих любовниц. Их ответная благодарность была приятна, но иначе, свысока, в рамках отношений покровителя и фаворитки. Незабудка присылала ему все свои счета, Анри никогда ничего не просила, но принимала дорогие безделушки и наряды, которые ему искренне нравилось ей дарить. Маред же упорно пыталась остаться с ним если не равных, то хотя бы в достойном положении. Не сравнить с той же Незабудкой, время от времени устраивающей набег на магазины с чековой книжкой Алекса. Разумеется, ему не было жалко денег, а для фаворитки такое поведение не является предосудительным, но... В Маред Уинни ему такого увидеть не хотелось бы. С другой стороны, попроси девочка о чем-то, что может доставить ей радость...

Алекс снова с иронией подумал, что окончательно запутался, а еще тье Уинни обвинял в проблемах с логикой. Что ж, неважно. Этот раунд остался за ним, а там видно будет. Они подъехали к воротам школы вождения.

* * *

Поняв, что за ошибки ее никто не ругает, а, напротив, наставник радуется возможности объяснить и показать, Маред окончательно успокоилась и вошла во вкус. После часа за рулем мобилера голова стала ясной-ясной, а все сложности налоговой оптимизации и франкского тендера не исчезли из мыслей, но перестали казаться такими пугающими, и Маред искренне наслаждалась этой легкостью.

Тело, правда, приятно ныло, хотя поначалу казалось, что крутить руль и вовремя нажимать на нужные рычаги совсем не сложно. А вот ведь — устала!

Зато под конец занятий ей позволили просто покататься по огромной ровной площадке, размеченной цветными линиями, и хотя рядом сидел наставник, Маред в полной мере снова ощутила напряженное удовольствие чувствовать мощь послушной машины. Здесь, конечно, мобилер был куда меньше, чем «Драккарус» Монтроза, но все-таки! Час пролетел стремглав, Маред совершенно забыла, что где-то за воротами его светлость сейчас читает позорный контракт, что этот час чистого незамутненного счастья кончится — и нужно будет ехать в особняк... Выходя на подгибающихся от усталости ногах к воротам, она чувствовала себя на вершине блаженства. И даже вид Монтроза, сосредоточенно изучающего контракт, не смог окончательно испортить ей настроение.

Контракт, между прочим, она заранее подготовила именно так, как показал в прошлый раз королевский стряпчий. Выделила цветом, подчеркнула нужное, сделала пометки на полях. Только все ухищрения показались жалкими, потому что, читая эту, уже исправленную, версию, Монтроз хмурился. Садясь в машину, Маред настороженно глянула на исчерканные рукой лэрда листы, но прочитав записи, сделанные тонким пером, не

получалось.

— Если не возражаете, заедем в кофейню, — сообщил лэрд. — Заодно и обсудим.

Маред молча кивнула: недавнее счастье стремительно испарялось из души.

Кофейню лэрд выбрал уютную, но далеко не роскошную, чуть ли не первую из попавшихся, видно, вправду был голоден. Конечно — девятый час вечера. Маред даже почувствовала укол совести, это ведь из-за нее Монтроз так задержался в городе. И зачем ему уделять столько времени и внимания, не говоря о тратах, чтобы научить ее водить мобилер? Ему бы, наоборот, в полной мере использовать возможность побыть с ней наедине, раз уж он купил эту возможность так дорого. Мотивы Монтроза были решительно непонятны, и Маред отложила эти размышления на потом, благо хватало более насущных дел.

Им принесли омлет с грибами и сыром под лангедокским соусом, тарталетки, запеченную ветчину и яблочный пудинг — не слишком изысканно, но сытно и вкусно. Монтроз ел с аппетитом здорового голодного человека, Маред старательно жевала, чувствуя, что это вроде бы приятно, но сосредоточиться на еде никак не получалось, потому что между ними на краю стола лежал проклятый контракт. Неужели дома нельзя было посмотреть?

Словно отвечая на незаданный вслух вопрос, Монтроз взял верхний лист, и Маред обнаружила, что его светлость уже поел, а сама она гоняет по незаметно опустевшей тарелке вилкой листик салата.

— Как вы думаете, Маред, какова моя главная претензия?

Вопрос был задан спокойно, благожелательно и без малейших признаков издевки в тоне. Маред честно подумала, уже привычно начала краснеть, но все же выдавила:

— Мало... уступок с моей стороны?

— Видите? — кивнул лэрд. — Вы и сами все прекрасно понимаете. Контракт составляется, чтобы удовлетворить обе стороны. И если одна изначально думает только о себе, это плохая работа стряпчего. Некачественная.

— А почему я должна заботиться о ваших интересах? — возмутилась Маред. — Вы и сами это можете!

— Могу, — со смешком согласился лэрд. — И еще как. Уверена, что хочешь этого?

Маред молча помотала головой, опустив глаза в пустую тарелку.

— Давайте посмотрим еще раз, — сжалился через полминуты молчания Корсар. — Дело не в моем удовольствии, а в том, что вы не можете поставить себя на место партнера. Точнее, не хотите. Попробуйте сыграть на моей стороне, Маред. Найдите такой вариант, который устроит меня и не станет воплощением ваших кошмаров наяву.

Маред послушно потянула к себе листы и не сразу поняла, что Монтроз встает и обходит столик, садясь рядом. В кофейне было почти пусто, лишь официант за стойкой занимался своими делами. И лэрд вел себя совершенно прилично, слегка облокотившись на столик и совершенно не пытаясь прижаться к Маред или даже коснуться ее. Только Маред все равно ощутила, как по спине бегут мурашки. Нет, целые жуки: крупные, тяжелые, с холодными толстыми лапками... Она попыталась отодвинуться, но справа, как назло, торчала кадка с чахлой пальмой, не давая сдвинуть стул. Монтроз покосился на нее, то ли насмешливо, то ли раздраженно дернул уголком рта и немного отодвинулся сам — даже дышать стало легче.

— Смотрите, — показал он тонким жалом автоматической ручки на место, которое

Маред, сомневаясь, перечитывала раз десять. — Это мы уже пробовали.

Пункт касался использования «игрушек». У Маред кровь бросилась в щеки, уши, шею. Пробовали, да... Дыхание перехватило, в горле встал ком. Неужели будет насмехаться?!

— Формулировка, — бесстрастно подсказал Монтроз. — Добавьте возможность наложить вето и свяжите обязательность добровольного согласия с возможностью выбора.

— Это как? — беспомощно спросила Маред.

— Вариативно, — терпеливо повторил лэрд. — Маред, вы же понимаете, что ничего страшного в этом нет. И уж из пяти-шести вариантов обычно выбрать можно.

— Я... — услышала она себя как со стороны, — не могу. Не могу и не хочу. Я, наверное, сделала глупость с этим контрактом... Простите...

Он сидела, опустив голову, чувствуя, как позорные слезы капаят на накрахмаленную скатерть, белые в розанах тарелки, скомканную салфетку, розовым пятном расплывающуюся перед глазами. И слушала сквозь шум в ушах негромкий ясный голос.

— Маред, вы просто устали. Я понимаю... Контракт — это ваш выбор, вы можете и вовсе от него отказаться. Давайте подумаем об этом позже. Маред, девочка...

В этот раз так злившее ее словечко «девочка» почему-то не раздражало. А может, просто не было сил на злость. Она послушно поднялась и вышла за расплатившимся лэрдом, села на заднее сиденье вместе переднего — и Монтроз ничего не сказал. Стемнело, иногда на обочине дороги попадалась остановка омнибуса с зажженным смотрителем фонарем. Маред бездумно ловила взглядом эти огни, летящие мимо, и дорога шелестела под каучуковыми колесами «Драккаруса». Слезы мгновенно высохли на горячих щеках, но даже стыда Маред не чувствовала — просто пустоту в душе. Сидела, смотрела на дорогу, не видя ее, дышала в открытое окно ночной свежестью, смешанной с запахом пыли и, почему-то, апельсинов. А может, апельсинами пахло в мобилере? Монтроз не стал включать музыку, и Маред мельком испытала благодарность за тишину, вот, пожалуй, и все чувства, что у нее остались.

А потом она поняла, что мобилер стоит у обочины дороги, и место ей знакомо: впереди, перечеркнутая серебристой лунной дорожкой, струится река, вода темна, но зыбко-прекрасна, и вокруг покой, о котором можно лишь мечтать. Монтроз молча вышел из мобилера, и Маред, посидев минуту, пошла следом.

Он сидел на толстом бревнышке у кострища, где они в прошлый раз так и не разожгли огонь — из-за боязни Маред, разумеется. И снова повеяло запахом дыма от волос и кожи Монтроза, речной сыростью, страхом и постыдным горячим удовольствием. «Приручение, — подумала Маред отстраненно. — Он меня приручает, как зверька. Воспитывает, приучает к рукам. За хорошее поведение гладит и кормит лакомствами... Но если сейчас хоть пальцем прикоснется — уйду. Вот прямо пешком уйду в город...»

— Идите, искупайтесь, — с непредставимой обыденностью сказал Монтроз, сползая с бревнышка и растягиваясь на траве лицом к ночному небу. — Полотенца, правда, нет. Поэтому снимайте все — я не буду смотреть. Потом наденете сухое.

Так же бездумно Маред отошла к воде, даже не удивляясь своему равнодушному согласию, быстро разделась догола. В самом деле, не надевать же потом мокрое белье. А на его светлость — плевать. Вошла в холодную и черную, как стекло, воду, только мелкая серебряная рябь показывала, где кончается вода и начинается берег. Нырнув, проплыла под водой, сколько смогла, не щадя тщательно уложенной прически, и вынырнула, только задыхаясь.

Время застыло. Она плавала, плескалась и ныряла до изнеможения, не боясь ни судорог, ни коряг на дне. И вылезла, только поняв, что руки-ноги налились свинцовой усталостью, а тело не чувствует холода. Отжала волосы, вытерлась рубашкой и с трудом оделась, не попадая непослушными пальцами по пуговицам и застегкам. Корсет даже трогать не стала, едва не рассмеявшись: после черной, почти бездонной пустоты ночной реки натягивать и зашнуровывать атласное орудие пытки? Это выглядело такой нелепицей, что сумасшествие обычного мира сразу вернулось на свое место.

Перекинув через руку мокрую рубашку, корсет и шейный платок — форменный, с корабликами — Маред вернулась к кострищу. Мобилер неярко светил фарами, Монтроз сидел немного в стороне от круга света, но даже так можно было разглядеть, что волосы у него мокрые. Тоже купался? Маред подошла и, по-прежнему не думая, присела рядом. Монтроз снял длинный сюртук и набросил ей на плечи.

Упрямитесь и возмущаться, как она непременно сделала бы раньше, не хотелось. Маред равнодушно сунула руки в рукава: пиджак был приятно теплым, а воздух — холодным, просто ледяным — хоть обратно в воду залезай. Сунув ладони в складки платья, чтоб хоть немного согреть, она спросила равнодушно, будто речь шла о ком-то другом:

— Я действительно порочна, раз могу получить удовольствие, отдаваясь мужчине за деньги?

— Не думаю, — так же спокойно отозвался Монтроз. — Способность получать телесное удовлетворение — это не порок, а дар богов. Деньги здесь решительно ни при чем, телу ведь нравятся не они, а ласки, слова, любовные игры.

— Почему тогда раньше...

Она остановилась не от стыда, а от невозможности правильно объяснить то, что хотела сказать, но Монтроз, кажется, понял.

— Иногда чувственность просыпается слишком поздно или не просыпается вовсе. Иногда принимает странные искаженные формы. Случается, что первый опыт оказывается неудачным или даже калечащим. Давление общественной морали, принуждение или развращение, грубость и безразличие к чужим нуждам, отрицание важности чужих желаний... Чувственность похожа на прекрасный, но очень хрупкий цветок, растущий среди множества опасностей. Любая из них — и цветок погибнет или вырастет уродливо искривленным. Или потребуется множество усилий, чтобы вернуть ему силу и красоту. Вы не порочны, тье. Вы просто вдруг обнаружили, что не все в вашем теле подчиняется велениям разума. И ладно бы разума, но вы пытались жить так, чтобы ваши тело и душа всецело подчинялись морали — а это плохой садовник. Он предпочитает не растить цветы, а выпалывать их и мостить сад красивой цветной плиткой по линеечке. Ни колючек, ни сорняков, ни гадких червей. Цветов, правда, тоже нет, разве кое-где торчат дозволенные и очень приличные вазоны...

— Понимаю, — сказала Маред, и в этот момент она действительно понимала, о чем говорит лэрд стряпчий. — Но то, что предлагаете вы... Что же, следует совсем отринуть мораль и думать лишь об удовольствии?

— Нет, конечно, — голос Монтроза, сидящего совсем рядом, звучал странно, как издалека. — Но вы не станете порочной, просто отдавшись мужчине. Деньги — совсем другой вопрос. Что вас больше беспокоит, Маред? Обвинение в продажности или то, что вам нравится спать с женщиной? Первое трудно отрицать, но посмотрите вокруг. Общество не считает пороком, когда юная девушка выходит за развратного богатого старика, ведь

откровенная продажа тела прикрыта свадебной церемонией. Право же, любая шлюха честнее. При этом ревнители морали осуждают шлюх, торгующих собой, чтобы прокормить семью, но где их помощь, пока эти женщины еще добродетельны? Что касается постельных игр, то повторю еще раз: что вы делаете плохого, чтобы стыдиться? Если вы свободная взрослая женщина, никому не обязанная верностью, то кто может вам указывать, что делать со своим телом? Наслаждаться любовью так же естественно, как едой, теплом или сном. Вы можете считать, что я вас искалечил, тье, пробудив чувственность. С точки зрения морали это верно, потому что жить по-прежнему вы уже не сможете. Но гусеница, ставшая бабочкой, тоже искалечена с точки зрения других гусениц, ведь небо — такое неприличное и небезопасное место.

Он встал и ушел в кусты, а Маред, замерев, смотрела на темную гладь реки.

«Я непременно подумаю об этом, — решила она. — Лэрд стряпчий убедителен... Но на то он и стряпчий, чтобы оправдать любую точку зрения. И все же... В нашем городке меня посчитали бы безнадежно падшей женщиной, но я-то знаю, что выйди я замуж за лэрда, и сплетни остались бы за спиной, а в глаза — лесть и лицемерное восхищение. Здесь же, в Лундене, даже фавориткой быть уже почти пристойно, ведь бриллианты и шелка любой даме добавляют респектабельности. И тот, кто брезгливо скривится при виде уличной шлюхи, поцелует руку красавице-фаворитке Монтроза. Смогу ли я жить по правилам этого мира и не потерять себя? И захочу ли потом считать это победой, а не поражением в самом главном бою? Не знаю...»

— Можно я отложу контракт на несколько дней? — сказала она вернувшемуся из кустов Монтрозу, с легким усталым презрением слушая свой бесцветный голос. — Мне нужно подумать...

— Разумеется, — безмятежно согласился Монтроз. — Но пока он не подписан, мы играем по моим правилам, понимаете?

— Да, — кивнула Маред. — Я понимаю. Если меня не устроят правила, я уйду из игры.

«Не уйду, — сказала она про себя с холодной пустой тоской. — Не могу. Но буду молчать об этом, пока возможно. Доверять нельзя никому. Бабочка вольна порхать, где вздумается, раз уж отравила крылья, но свечей все равно стоит опасаться».

Она села в теплый мобилер, на этот раз рядом с лэрдом, сняла сюртук Монтроза и, аккуратно свернув, положила на заднее сиденье. Собрала листы контракта и сунула в сумочку.

— Завтра я весь день буду в городе, — сказал лэрд, трогая пусковой рычаг мобилера. — Если вам куда-нибудь нужно, могу отвезти.

— Нет, благодарю, — отозвалась Маред. — Я лучше поработаю над конкурсным проектом. Времени и так мало — всего неделя.

Глава 5. Нет подарка дороже времени

На следующий день лэрд Монтроз не вернулся домой. Позвонил из города, причем не Маред, а тье Эвелин, и предупредил, что приедет лишь в понедельник вечером. И сообщил, что тье Уинни следует в понедельник отвезти в контору, а после занятий забрать из школы вожделения. Голос экономки был бесстрастен и очень-очень вежлив, но в глазах что-то мелькнуло, только Маред не смогла сообразить — что. Затем тье Эвелин мило улыбнулась, осведомилась, что подавать в обед, и исчезла в своем волшебном саду.

Поднимаясь вверх, Маред вдруг поняла: экономка уверена, что лэрд остался в Лундене у другой женщины. Самое простое и логичное объяснение, не так ли? И тогда похоже, что Маред ей попросту жаль?

Зайдя в комнату, она присела на кровать, запустила пальцы во влажные после ванной волосы, беспомощно поглядела на экран вычислителя с открытым документом по тендеру. Может, это неправда? Монтроз вполне мог просто задержаться в городе, а у него там апартаменты, те самые, где все началось. Вопрос в том, будет ли лэрд проводить в них время один. Память услужливо нарисовала хрупкую белокурую красавицу с небесными глазами, умелую и готовую абсолютно на все, что может пожелать ее покровитель.

И ведь теперь Маред куда лучше представляла, чего именно лэрд может потребовать от женщины.

Предательское воображение показывало картинку одна развратнее другой, опираясь на собственные воспоминания Маред. Ремни и наручники, непристойные «игрушки» в пальцах Монтроза, непроницаемое расплавленное серебро его глаз... Она судорожно вдохнула, пытаясь отвлечься. Да что же это! Даже в отсутствие лэрда от него нет покоя. Еще не хватало... Чего именно не хватало она не успела определить, потому что зазвонил фониль.

Вздрыгнув, Маред неохотно потянулась за аппаратиком. С некоторых пор она не ждала от звонков ничего хорошего. Но на экранчике высветилось знакомое и все равно неожиданное имя.

— Маред, милочка! — радостно защебетала Изабель Кармайкл. — Где же ты пропадаешь? Я заезжала к тебе домой, твоя хозяйка сказала, что ты за городом!

— Вы... приезжали? Зачем? Что-то не так с дипломом? И я же не отключала фониль...

Другой причины, по которой она могла бы понадобиться рыжему недоразумению, Маред просто не могла придумать. Но диплом хорош! В этом она была уверена. Да она ручалась за каждую работу своей репутацией, иначе давно умерла бы с голоду.

— Ой, причем здесь диплом? — звонко рассмеялась Изабель. — Маред, ну что ты все об учебе! Я хотела пригласить тебя на пикник? Помнишь, я тебе обещала! А приехала сама, чтобы ты не отговорила, как обычно. Ты же никуда не выезжаешь, так нельзя!

— На пикник? Но... я...

— Да-да, ты была в трауре, я понимаю. И маменька очень тебя одобряет! Она мне все уши прожужжала, как это достойно... Но год уже прошел, ты вполне можешь выезжать! Где ты сейчас?

— За городом, — в смятении отозвалась Маред. — Но я не собиралась...

— Послушай, — заговорщицким тоном сказала Изабель гораздо тише. — Я действительно все понимаю. Знаешь, я тут недавно перебирала гардероб и нашла несколько платьев, которые еще не надевала. Их никто не видел, я тебе папенькиным наследством

клянусь! У нас, конечно, разные фигуры, но пикник только завтра, и если ты приедешь сегодня, моя швея быстренько подгонит любое из них. Все остальное тоже найдется, даже не думай! Ну, Маред, мне так хочется, чтобы ты немного развлеклась! Будут фанты и катание на лодках! И ты же понимаешь, маменька приглашает только очень приличных мужчин... Нет-нет, я ничего такого не имею в виду, просто танцы! Приезжай, милочка! Хочешь, я пришлю за тобой экипаж? Или лучше мобилер — так будет быстрее.

— Нет! — испугалась Маред. — Я... не могу. Изабель, мне... очень жаль... Правда, я не могу.

Она лихорадочно придумывала достаточно убедительную отговорку, поражаясь самому факту такого внимания от тье Кармайкл. Сказать, что больна? Но Изабель может случайно увидеть ее в Лундене...

— Я уже обещала! — выпалила она. — Я... гощу у знакомых. И как раз завтра они тоже устраивают пикник. Я... мне очень-очень жаль, честное слово...

— О, и в самом деле... — огорчилась Изабель, у нее даже голос дрогнул, но тут же тье Кармайкл воспряла духом. — Хотя это ведь значит, что завтра ты повеселишься? Тогда я не буду сожалеть! А на следующий пикник мы обязательно поедем вместе, хорошо? Я тебе позвоню! И мое предложение насчет платьев... ты же понимаешь, оно в силе! Все, милочка, желаю приятного отдыха!

— Взаимно... — ошеломленно сказала Маред отключившемуся фонилю Изабель.

Вот это да... Изабель Кармайкл предлагает ей... дружбу? Ну, хотя бы общение... Как странно. Хотя если матушка Изабель действительно сочла Маред подходящим знакомством для взбалмошной дочери, это кое-что объясняет. Не иначе, хочет, чтобы Изабель проводила время в компании кого-то порассудительнее, чем такие же ветреные девицы из ее обычного круга. Но странно, Изабель вроде бы искренне обрадовалась, узнав, что Маред уже приглашена. Только неизвестно — чему? То ли и вправду желает ей повеселиться, то ли довольна, что навязанная компаньонка не приедет. Но ведь пригласила ее Изабель сама! Еще в тот проклятый вечер... А, да что об этом думать! Положим, купить платье она могла и сама, все равно придется ехать к модисткам, выполняя распоряжение лэрда, но как отпроситься у него на пикник? И что она будет там делать, никого не зная и вовсе не желая и не умея развлекаться. И вообще, у нее дело! Тендер!

Она потянула вычислитель, пристраивая его на коленях, и тут в памяти так ошеломляюще вспыхнуло одно за другим, что Маред даже зажмурилась. Тендер-контракт-Монтроз! Вкус поцелуя с привкусом бренди, запах кожаной обивки и одеколону Монтроза в салоне «Драккаруса», речная сырость, жесткие и нежные пальцы на коже Маред... И картинкой — багровый след на коже Монтроза, как раз между плечом и шеей! Сглотнув, Маред выдохнула воздух, ставший в горле плотным комком. Хватит! Не ее забота, кто так страстно целует лэрда стряпчего! Но неужели его фаворитка? Эта шелково-фарфоровая куколка? Быть того не может... Но тогда...

Маред с силой стиснула виски ладонями, встала, пошла в ванную. Долго плескала в лицо холодную воду, потом посмотрела в зеркало. Щеки почти вернулись к нормальному цвету, а вот глаза выглядели какими-то больными.

«Глупости, — устало сказала она себе. — Может, и фаворитка. Как ее там... тьеда Флория Бёрнс. Тебе-то что? Лэрд не обязан отчитываться в своих поступках и предпочтениях. Во всяком случае, не тебе. Ты даже не фаворитка, а просто купленная вещь. И вообще, уж не собираешься ли ты ревновать? К Монтрозу?! Дура...»

Вернувшись в комнату, она снова подтянула вычислитель, запретив себе думать о чем-то, кроме работы, и все, наконец, пошло как надо. Суббота пролетела. День, вечер... Дважды или трижды приходила горничная, но Маред отказалась спускаться в столовую, и обед, а затем чай и ужин ей подавали в комнату. Она торопливо ела и снова утыкалась в экран. Отрываться от тендера не хотелось. Это тоже был контракт, но настоящий, а не позорная лицемерная сделка, как с Монтрозом. Достойная работа, немыслимо интересная.

Когда в глазах зарябило и началась резь, будто песку насыпали, Маред с сожалением закрыла документ, приятно удивившись, сколько сделала, оказывается. Потушила свет, вытянувшись на постели, укрылась одеялом, привычно завернувшись в него и обняв край, закрыла глаза. Перед веками мелькали цифры, столбцы, буквы... Маред соскользнула в это море данных, отдаваясь их теплой дружбе и уверенности, задышала ровнее. Успела подумать, что впереди целых два дня без Монтроза, так что можно будет сделать еще больше — и уснула.

* * *

«Вот любопытно, — подумал Алекс, задумчиво оценив покрасневшие глаза Маред, — а она вообще заметила, сколько прошло времени? Не похоже...»

Оторвавшись от вычислителя, тье Уинни глянула на своего работодателя, как на пустое место и снова нырнула в работу. Алекс посмотрел на склоненную голову с тугим пучком волос, бегающие по клавишам пальцы — и вышел. Принял душ, переоделся в домашний костюм, спустился вниз. Эвелин подтвердила, что за выходные гостя выходила из комнаты всего несколько раз, да и то в ванную комнату. И сегодня, приехав из города, сразу ушла к себе. Даже к столу не спускалась. Впрочем, сейчас милэрд дома, так что, возможно...

— Да, мы будем ужинать вместе, — кивнул Алекс. — Я сам ее приглашу.

В дверь пришлось постучать трижды, прежде чем из-за нее послышалось недовольное:

— Войдите!

— Вообще-то, я только что заходил, — сообщил Алекс, усаживаясь в свободное кресло у стола. — Не знаю, правда, заметили ли вы?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сидящая на кровати Маред растерянно поморгала, подняла голову и недоуменно посмотрела на Алекса.

— Значит, не заметили, — улыбнулся он. — Ужин ждет вашего присутствия, тье. И я тоже, поскольку чрезвычайно соскучился.

Встал, шагнул вперед и остановился, будто натолкнулся на преграду. Девчонка смотрела... непонимающе. С такой искренней растерянностью, словно не осознавала, кто перед ней. Потом, снова поморгав, молча кивнула, с тоской покосившись на раскрытый вычислитель. Это уже начинало раздражать. Трудолюбие трудолюбием, но кое-кто здесь не только ради собственного удобства.

— Жду вас внизу, — сухо сказал Алекс и вышел.

Спустившись, он уже через пару минут недоумевал, почему разозлился. Словно раньше не знал, что Маред сосредотачивается на работе, забывая обо всем. Злиться на это — глупо. Но поговорить следует, и сегодня же. Девочка должна понять, что... «Собственно, а что она должна понять? — оборвал свое же возмущение Алекс. — Ведь этой увлеченностью она тебе

и нравится. Просто ты обиделся, что прошло три дня, а девчонка тебе не просто не рада — она бы от тебя на край света босиком сбежала. Но разве ее отношение для тебя новость? Чего иного ты ждал?»

Вздыхнув, он велел Эвелин подавать ужин, сообщив, что гостя сейчас спустится. Да, она очень увлечена служебными делами... Чрезвычайно переживает о карьере. И действительно, через пару минут Маред появилась в столовой. Села за стол, согласилась с «его светлостью», что погода сегодня просто превосходная, а спаржа в сливочном соусе замечательно удалась. Впрочем, ела эту самую замечательную спаржу с несчастным видом кролика, приглашенного на ужин к удаву и раздумывающего, не он ли здесь главное блюдо. Потом так же, с опущенной головой, воспитанно поблагодарила и улизнула. А в коридоре наверху, когда Алекс ее догнал и тронул за плечо, замерла, едва дыша.

— Устали, тье? — понимающе спросил Алекс, открывая перед ней дверь собственной спальни. — Ну-ну... Надеюсь, на меня у вас силы остались?

Ступив следом, удержал за плечо, развернул к себе и прижал девушку к стене у двери. Положив ладони ей на плечи, раздвинул коленом ноги Маред под платьем, потерся бедром и приподнял подбородок пальцем, чтобы заглянуть в лицо. Девчонка беззвучно ахнула, дернулась, в глазах вспыхнуло возмущение.

— Доброе утро, — сообщил Алекс и поцеловал ее, с удовольствием ощущая, как напрягаются в попытке сопротивления мягкие нежные губы.

С сожалением оторвался, глянул в яростно горящие глаза, улыбнулся, приподняв бровь.

— Вечер, ваша светлость... — процедила Маред, не отбиваясь, но привычно каменея всем телом.

— Неужели вы заметили? Я поражен! Много успели сделать?

— Много!

В голосе звенели обида и вызов, но это было куда лучше того измученного погружения в себя, которое застал Алекс.

— Показывайте, — велел он, окончательно отпуская девчонку, отходя и присаживаясь на кровать. — Если, разумеется, это не коммерческая тайна.

— А если тайна? — с тем же вызовом, но чуть более спокойно буркнула Маред.

— Тогда не обязательно, — легко согласился Алекс. — Я не настаиваю, мне просто интересно.

Чуть прищулив глаза и не собираясь напоминать, что вскоре и так увидит ее работу, он наблюдал за мнущейся у двери девчонкой. Та, уже забыв про недавний поцелуй, никак не могла решить: то ли бежать за вычислителем, то ли продолжить обмен резкостями.

— Нет, конечно, если вы предпочитаете провести вечер за более приятными и интимными занятиями, то... — помог ей сделать выбор Алекс.

Хмыкнув вслед выскочившей за дверь девчонке, он потянулся и лег, опираясь спиной на подушки. Пару из них сдвинул вбок: хочет девочка или нет, а пояснения ей придется давать, лежа рядом. А то отвыкла, расслабилась... Интересно, что же она там смогла? Проект непростой, а у Маред совершенно нет практического опыта. Кое-что приходит только со временем. Но каково упорство — прямо как у него самого в юности.

Алекс вздохнул. Да, они и в самом деле похожи. Только он всегда легко сходил с людьми, а Маред замкнута и обращена внутрь себя. К тому же болезненно переживает, если хоть немного отклоняется от предполагаемого совершенства. Последствия жесткого воспитания... Работать до изнеможения девочка научилась, а вот радоваться жизни — нет.

Маред, показавшаяся в дверях, его ленивые размышления подтверждала всем своим видом: плечи словно каменные, осанка жесткая, губы плотно сжаты, а под глазами — тени.

— Вы сегодня были на занятиях? — негромко спросил Алекс, подумав, что не стоило оставаться в городе так долго. Он хотел дать девочке отдохнуть от своего внимания, а она использовала это время, чтобы потратить все силы.

Маред молча кивнула, подходя и останавливаясь у постели с раскрытым вычислителем в руках.

— Садитесь рядом, — так же сухо и деловито сказал Алекс, принимая тяжелый вычислитель и ставя себе на колени.

Древнее устройство, однако. Корпус тяжелый, сейчас таких уже не делают, на стекле экрана несколько темных линий, а клавиши потертые — кое-где буквы едва просматриваются. Но при этом между клавишами ни следа пыли, экран сияет чистотой, а корпус без единой царапинки.

Маред обошла кровать, неловко опустилась рядом. Напряженно замерла, старательно глядя в экран и явно боясь пошевелиться. Алекс вздохнул, лег удобнее, левую руку просунул под шею девушки, обняв ее за плечико, обтянутое домашним платьем.

— Показывайте.

Чтобы коснуться клавиши, Маред пришлось протиснуть руку между собой и Алексом.

— Вот...

Вот — оказался немалый документ. То есть настолько немалый, что... Тье вообще не спала?! Структура, концепция... Пока еще наброски, но уже понятно... Так... И это? Ах, вот как... Девочка запомнила его рассказ о проигранном деле, на лету подхватив идею об аккредитации иностранных служащих. Какая же ты умница!

Алекс медленно пролистал полторы дюжины страниц убогистого текста, списков, таблиц... Ясно, четко, логично. И вполне оригинально. Нет, недоработки есть, разумеется, и работа далеко не закончена, но...

— Маред, вы собираетесь и дальше вести этот проект самостоятельно?

— Да, — хмуро ответила девчонка. — А что, все настолько плохо?

— Плохо? — поднял он брови с тщательно рассчитанным удивлением? — С чего вы взяли? Просто объем работы очень велик, вам бы пригодилась помощь.

Плечо под его пальцами, уже было расслабившееся, напряглось еще сильнее.

— Вы уже показывали работу кому-нибудь? — мягко уточнил Алекс.

— Тьену Даффи, начальнику отдела, — нехотя отозвалась Маред. — Сегодня. Он сказал, что работа слабая... совсем... Что вам ее на рассмотрение представлять нельзя.

Ах вот почему она не хотела показать ее сразу! Надеялась что-то еще переделать. Но почему Даффи так отозвался о проекте? Хотя Маред ведь только сегодня попросила разрешения взять ключ-камень с данными... Значит, Кормак решил, что девчонка набросала что-то быстренько, и даже не стал смотреть.

— Наверное, тьен Даффи не уделил ей должного внимания, — дипломатично сказал Алекс, борясь с желанием крепче обнять и прижать к себе гибкое, пышущее жаром тело, провести губами по шее к трогательно выступающим ключицам. — Но время у вас еще есть. Для трех дней результат удивительно хороший. А почему вы так уверены, что партнеры заинтересованы в интеграции предприятий?

— Мне... так кажется...

«И не просто кажется, — понял Алекс, возвращаясь на несколько листов назад. —

Девочка сделала это основой концепции наряду с предложением о расширении сферы влияния. Мысль неплохая, но рискованная — слишком зависит от намерений заказчиков. Франки в самом деле собираются это делать, но почему Маред так решила? Какие у нее могли быть источники? Хотя нет, это уже глупости. Кто бы мог ей подсказать? Просто девочка умная. И старательная — вон сколько успела сделать за три дня.»

— Смотрите, — выделил он несколько строк указателем. — Вот не очень удачное место. Сами сообразите — почему?

— Не вижу, — тихо и несчастно откликнулась Маред.

— Потому что устали. Вот же. Выше вы пишете о соответствии антимонопольным законам, а здесь...

Он еще раз тронул кнопку указателя и через несколько мгновений услышал счастливое:

— Вижу! Поняла! Но тогда... Можно мне?

Их пальцы столкнулись над вычислителем, но Маред вряд ли это заметила, и Алекс, решив не портить достигнутый успех, чуть отодвинулся. Девчонка увлеченно выделяла, меняла и правила, пальцы ее летали по клавишам, и руку Алекса на своем плече она уже не замечала.

— Так, — подтвердил он. — Теперь все безупречно.

И снова от простенькой похвалы щеки Маред вспыхнули до самых ушей. Склонив голову, она молча доделала начатое, облизнула губы, выдохнула. Алекс положил руку на край вычислителя, забавляясь азартом, с которым большинство известных ему женщин флиртуют, а тье Уинни — работает. Выделил следующее место, где увидел промах. Сказал мягко и расчетливо:

— Вы отлично поработали, тье. Я ожидал хорошего результата, но, признаться, не настолько.

Добавил, скосив глаза и любясь эффектом от своих слов:

— До сдачи еще целых три дня. У вас есть время...

Маред все так же молча кивнула. Открыла рот, собираясь сказать что-то, и тут же снова сжала губы.

Алекс взял вычислитель и, не закрывая крышку, положил его на столик. Потянулся к Маред, обнял ее, укладывая на подушки ниже, и лег рядом набок, нависая сверху. Девчонка посмотрела затравленным взглядом, не шевелясь, не сопротивляясь, и это было так непохоже на ее недавнюю вдохновенную радость, что Алекс снова тяжело вздохнул.

— Эти три дня можете ночевать у себя. До пятницы. Но после сдачи проекта — неважно, кто победит, — вы мне их возместите чем-нибудь особенным. Согласны?

— Да-а-а-а! — выдохнула Маред с выражением приговоренного, которому вдруг дали помилование, хотя формально это было лишь отсрочкой. — Благодарю, ваша светлость!

— Не стоит, — усмехнулся Алекс. — Сейчас будем смотреть дальше. Значит, мне это показывать нельзя? Ну-ну...

— Но... вы же ничего не скажете тьену Даффи? — дернулась Маред. — Это конкурс! Я вообще не должна была вам говорить!

— А вы ничего и не сказали, — улыбнулся Алекс, проводя пальцем по нежной щеке Маред к подбородку, потом легонько обрисовывая линию пухлых темно-розовых губ. — Успокойтесь, все будет честно. Оценивать все равно буду не я, а заказчики. И заметьте, я даже не претендую считаться компаньоном, — опять улыбнулся он. — Просто взглянем еще раз. Мне любопытен ход ваших мыслей. А завтра я останусь ночевать в Лундене.

Он склонился к губам Маред, легонько коснулся их своими и с удовольствием отметил, что девушка слегка подалась навстречу. Благодарность? Или самой начинает нравиться? Просунув ладонь между подушкой и затылком Маред, он запустил пальцы в душистый шелк ее волос, прошептал прямо в полуприкрытые глаза:

— Три дня, моя маленькая тье. Потом, на выходных, уже никаких отговорок. И я даю поблажку только потому, что вы устали и устанете еще сильнее. Понятно?

— Да, — так же так же тихо прошептала Маред, покорно лежа в его объятиях, только брови так и остались упрямо нахмуренными. — Я понимаю. И благодарю за помощь.

— Пока не за что, вы замечательно справляетесь сами. Кормак, то есть тьен Даффи, неправ, такую работу уже не стыдно показывать никому. Очень профессионально получается. Вот еще проверим финансовые выкладки и можете начинать делать представление — материала хватает.

Только что казалось, что щеки Маред и так горят — дальше некуда. Оказалось — есть. Она даже зажмурилась и сжала кулаки, отворачиваясь. Алекс усмехнулся. Кто-то млеет от комплиментов красоте, кого-то возбуждают дорогие наряды и драгоценные побрякушки, кому-то нужны рискованные забавы. А у вас, тье, слабое место — профессиональное честолюбие. Что ж, подарю вам эти три дня и помогу немножко. Мягкий подход в вашем случае окупается с лихвой.

Он снова качнулся вниз, целуя горячие и на этот раз послушно раскрывшиеся губы. Провел по нижней кончиком языка, скользнул им глубже, лаская изнутри. Прижался всем телом, чувствуя, как частит дыхание Маред. С трудом оторвался и рассмеялся неожиданно для самого себя. Отодвинулся, глядя в удивленно распахнутые глаза, сказал весело:

— Все, девочка, заканчиваем игры на сегодня. Я не целомудренный рыцарь, знаешь ли, чтобы терпеть подобное, не собираясь продолжить. Давай сюда вычислитель...

* * *

Эти три дня показались ему удивительно долгими. Разумеется, Алекс честно выполнял обещание, оставаясь ночевать в Лундене — подальше от искушения. Только к утреннему и вечернему ритуалу обмена звонками с Флорией добавился такой же — для Маред. В конторе же он постоянно ловил себя на желании зайти в контрактно-корпоративный отдел. Разумеется — по делу! Или спуститься в кофейню во время обеденного перерыва. Ну что, что обычно он обедает в городе либо заказывает еду прямо в кабинет? Иногда стоит лично взглянуть, за что именно его контора платит владельцам кофейни.

И каждый раз ему становилось смешно, потому что обманывать себя самого Алекс не собирался. Три дня — сущие пустяки. Только было слегка обидно, что девчонка отвечала на его звонки хоть и вежливо, но с явным нетерпением, сквозившим в интонации и старательной вежливости. А мучительные паузы, пока она подбирала слова для ответа, так и сочились невысказанным «у меня все хорошо, а когда вы оставите меня в покое — станет великолепно». Алекс прощался, нажимал кнопку, а потом еще несколько мгновений глядел на погасший фониль, недоумевая, зачем сотворил такую глупость.

С чего он вообще решил отказаться от Маред на эти три дня? Щедро оплаченных, между прочим! Подумаешь, тье устала... Отвлеклась бы на часик от своего драгоценного проекта — еще и на пользу пошло бы! Ведь не в первый раз уже он взял бы ее, а если не затягивать и

не доводить глупышку до нервного срыва, то... При одной мысли об этом тело сладко напрягалось, и хотелось снова нажать кнопку фониля и велеть выйти из здания, сесть в мобилер... Еще лучше было бы позвать девочку сюда, прямо в кабинет, где широкий письменный стол с такой удобной высотой — словно нарочно подобранной. Но сюда нельзя, слишком много глаз и ушей, хотя от мысли о Маред, лежащей на его столе, о Маред с задранным подолом и в тонких шелковых чулках на стройных смуглых ножках... От этой мысли Алекс прикрывал глаза и мрачно обзывал себя недоумком, прежде чем взять очередной требующий внимания документ.

В четверг он не выдержал: позвонил Флории и велел вечером быть в «Бархате». Все равно пора уделить внимание, давно они не виделись. Кстати, а насколько давно? Алекс посчитал — и изумился. Получалось, что в последний раз он приглашал Флорию еще до того, как Маред Уинни переехала к нему домой. Однако...

Слушая восторженный щебет из фониля — о да, это не тье Уинни с ее вечным сквозь зубы «благодарю, ваша светлость» — Алекс откинулся на спинку кресла, бездумно водя пальцем по лакированному подлокотнику. Что он пытается себе доказать, если купил девочку и имеет полное право получить удовольствие, когда захочет? Взять ее вот такую, как есть: упрямую, обиженную, погруженную в работу, уставшую или отдохнувшую — любую! Но от этой мысли стало совсем тошно.

Три дня — и Маред не выходит из головы. Но не может же он, Алекс Монтроз, оказаться настолько зависимым от двадцатилетней девчонки, согласившейся продаться за удачную карьеру? Не может... Думать об этом — и то глупо. Да, красивая девочка, горячая, свежая, интересная... Но та же Анриетта гораздо лучше по любым критериям и всегда рада встречам. О Незабудке и говорить не стоит: тьеда Бёрнс отдастся в любой момент с жаром и вдохновением — хоть в спальне, хоть на клубной сцене. А вот... не то.

Он смял ненужный лист с расчетами, поднялся. Все, хватит думать о глупостях. Сентиментальные мысли — чушь, а вот контракт с франками — это серьезно. И то, что в нем участвует Маред, ровным счетом ничего не меняет. Он нажал кнопку вызова секретарши и велел вызвать тьена Даффи.

Начальник контрактно-корпоративного отдела вошел в кабинет через несколько минут.

— Садитесь, Кормак, — кивнул Алекс на свободное кресло для посетителей, сам вернулся за стол. — Итак, чем собираетесь удивлять гостей?

— Найдем, — улыбнулся всегда излучающий старание и уверенность Кормак. — В процессе подготовки три проекта, есть из чего выбрать.

— Три? — приятно удивился Алекс. — Замечательно. Хорошо работаете, Кормак. И кто их делает?

— Первый я с тьедой Форс. Второй — Леонард Бигль, Тильда Эверетт и тьена Дорриш. Ну, тье Тильда разве что карандаши вовремя подавала. Но в списке, благодаря рыцарственности тьена Бигля, числится. И еще один проект делает Саймон Лоустиц. Не очень удачно, на мой взгляд, но для сравнения и количества неплохо пригодится.

— Пригодится, — подтвердил Алекс. — Лоустиц очень оригинально думает, но не умеет оформить эти мысли достаточно эффективно. А как же наши юнги-практиканты?

— Да... — небрежно махнул рукой Кормак. — Считайте, ничего подходящего. Тьена Уинни что-то пыталась набросать, кажется. На мой взгляд — сущие пустяки.

— Жаль, что пустяки, — равнодушно отозвался Алекс, закидывая ногу на ногу. — Лэрд Макмиллан?

Кормак покачал головой.

— Совершенно? — уточнил Алекс. — Жаль. Его дед будет разворован.

— Хотите, я включу лэрда в нашу с Жаклин работу? — оживился Кормак. — Предложу ему выполнить пару пунктов попроще...

— Не надо, — вздохнул Алекс. — Чужих заслуг мы юноше присваивать не станем. Я ничего не обещал почтенному главе его клана, кроме как дать его внуку возможность присмотреться к работе стряпчего. Не хочет работать — его дело. Лучше, Кормак, дайте тье Уинни возможность поучаствовать. Пусть работа не слишком сильная, но все с чего-то начинали.

— Ваша светлость... — в глазах Кормака мелькнуло вежливое удивление. — Вы уверены? Она же просто практикантка.

— А почему нет? — поднял одну бровь Алекс в ответном удивлении. — Вот именно! Мы берем практикантов, чтобы учить. Как ей получать опыт, если не работать? Да и четыре проекта солиднее трех.

— Как скажете, милэрд, — согласился Кормак. — Правда, срок сдачи завтра, а я видел работу тье Уинни только в понедельник. Но пусть попробует. Посмотрите, кстати, наш с тье Форс вариант?

Он открыл папку, которую держал в руках. Кивнув, Алекс честно и с удовольствием просмотрел действительно качественный материал, достойный двух ведущих стряпчих отдела. «Не хуже, чем у Маред», — поймал он себя на ревливой мысли.

— Что ж, прекрасно, — вернул он папку с облегчением вздохнувшему Кормаку. — Кто будет представлять, вы или тье Форс?

— Пожалуй, я. Вы же знаете, Жаклин всегда так волнуется, если нужно выступать.

— Тогда удачи во имя Луга Светлого, — кивнул Алекс и встал, давая понять, что разговор закончен. — Я загляну к вам завтра перед началом. Четыре проекта, Кормак, не забудьте.

Дверь за Даффи закрылась мягко, почти бесшумно. Алекс снова отошел к окну, оперся руками о подоконник между парой горшков с холеными зелеными кустиками — гордостью Кэролайн. На одном набухали толстые красные почки, обещая обильное цветение. Алекс рассеянно погладил глянцево-темно-зеленые листья, вспомнил оранжерею Эвелин и Маред в ее глубине — поджавшую на диванчике ноги, съежившуюся, с обиженно распухшими губами...

Кормак Даффи — опытный стряпчий, Жаклин Форс хоть и вечно на вторых ролях, тоже исключительно хороша. Маред с ними не тягаться. Наверное. Разве что франкам и вправду понравятся ее мысли о расширении. Ладно, если даже девочка не выиграет, можно потом включить ее в работу на основном этапе. А Кормаку нужно лучше смотреть работы служащих.

Остаток дня пролетел стремительно. Четыре часа пополудни — встреча с клиентом. Пять часов — документы. Шесть — все еще документы, а Маред сейчас выходит из здания. Семь часов — Алекс отложил стопку бумаг, накопившихся за дня, пока он занимался делом метрдотеля Ксавье и взрывом в «Бархате». Восемь часов. Маред, наверное, уже едет домой после занятий. Что ж, самое безотлагательное сделано, можно и в клуб?

Фониль рассыпался тревожной трелью, на экране высветился номер Эвелин.

— Милэрд, я прошу прощения, что отрываю вас от дел, но вы просили привезти тье Уинни после занятий, а она на них не явилась. Кучер не знает, что делать, поэтому

воспользовался фоном в школе и позвонил мне.

— Не явилась? — переспросил Алекс, стискивая в пальцах подвернувшийся карандаш. — Благодарю, Эвелин, пусть подождет еще немного, я перезвоню.

Едва нажав кнопку окончания разговора, он полистал номера в списке фоналя, нашел Маред. Куда она могла подеваться? От здания конторы до школы вождения довольно далеко, но у нее есть деньги на кэб. Если что-то случилось... Что могло случиться днем посреди Лундена? Да что угодно! От аварии до какого-нибудь приступа!

Алекс слушал гудки в трубке, нервно считая их: пять, шесть, уже восемь...

— Да? — послышался вдруг неуверенный, какой-то плывущий голос Маред.

— Девочка, где ты изволишь пребывать? — ласково поинтересовался Алекс, сразу успокоившись, только деревянный карандаш сломался почему-то.

— На работе, — растерянно и очень по-женски отозвалась Маред, через пару мгновений паузы охнув: — Школа! Я забыла!

— Ты забыла не только о школе, — подтвердил Алекс, откидываясь на спинку кресла. — погоди, как на работе? Ты все еще в конторе?

— Да... Я забыла, совсем забыла, простите...

Судя по голосу, девчонка растерялась всерьез. Алекс глянул на часы. Четверть девятого. Ну разумеется! Осталась доделывать завтрашний показ и забыла обо всем. Вот ведь...

— Выходи к стоянке мобилеров, — сказал он сухо. — Немедленно.

Перезвонив Эвелин, он велел отозвать кучера, сообщив, что сам разрешит недоразумение и, пожалуй, они с тье Уинни останутся ночевать в Лундене.

Закрывая кабинет — Кэролайн давно ушла домой и в здании остался только ночной сторож — Алекс не знал, злиться или посмеяться над самим собой. Можно было догадаться, где застряла эта воплощенная мечта работодателя-тирана!

Маред уже топталась на стоянке с несчастным видом, вцепившись в сумку с вычислителем. К «Драккарусу» подбежала торопливо, замаялась, не зная, куда сесть.

— Вы решили сегодня работать до обморока? — так же сухо спросил Алекс. — Садитесь рядом со мной.

Девчонка молча опустила рядом. Выглядела она... Отвратительно выглядела, честно говоря. Алекс сказал уже мягче:

— Вы, наверное, голодны. Заедем куда-нибудь?

— Не надо, — тихо попросила Маред. — Я не хочу есть, совсем не хочу.

Что ж, тогда он прав, решив остаться в Лундене. До коттеджа все-таки ехать немногим меньше часа, в таком состоянии девочка уснет прямо в мобилере, придется ее будить...

В лунденскую квартиру он ехал на пределе скорости, которую мог себе позволить по вечернему городу. Маред молча замерла рядом: то ли сил не было разговаривать, то ли скорость подействовала. Смотрела в окно, не отрываясь, а за стеклом мелькали огни витрин и окон. Только когда подъехали к огромному дому, Маред робко подала голос:

— Извините. Я действительно не хотела доставлять хлопоты.

— Ничего, — коротко отозвался Алекс. — Сейчас вам нужна теплая ванна, ужин и постель. В гостевой спальне. И никаких «не хочу», иначе завтра будете совсем больной.

Девчонка только кивнула, равнодушно поднимаясь по лестнице мимо консьержки и проходя в апартаменты. Пока Алекс исследовал содержимое холодильного шкафа, быстро ополоснулась, безропотно накинула халат.

Алекс уже внимательнее глянул на осунувшееся лицо и темные круги под глазами — и

снова от души себя обругал. Облегчил работу над проектом! А глупышка себя совершенно замучила. Куда смотрела Эвелин, почему не позвонила? Впрочем, самому надо было следить, нечего теперь винить экономку.

— Я сделаю вам легкий ужин и можете съесть его прямо в постели, — сказал он мягко, но девчонка упрямо покачала головой:

— Не могу!

— Как скажете, — не стал спорить Алекс. — Идите тогда, ложитесь.

Пройдя к бару, он плеснул в бокал на два пальца бренди, взял шоколадку. Постучал в гостевую спальню, куда ушла Маред. Тье Уинни — кто бы сомневался? — сидела на кровати, сомнамбулой уставившись в стенку и судорожно сцепив пальцы на коленях.

— Довели себя? — понимающе уточнил Алекс. — Ничего, сейчас уснете.

Сел рядом, протянул бокал, на который девчонка покосилась с явным испугом, обнял Маред за плечи.

— Пей как лекарство — одним махом.

— Да я и так... — попыталась вяло отстраниться она.

— Тье Уинни, — ласково и очень убедительно сказал Алекс. — Или вы сейчас это выпьете и ляжете спать, или, Лугом клянусь, я вас свяжу и выпорю. А потом поймею. После чего вы прорыдаетесь и уснете — гарантирую своей репутацией в любой сфере.

Зло глянув — если бы только у нее еще были силы на злость — Маред поднесла бокал к губам и как воду выпила крепчайший коллекционный бренди. Тут же закашлялась, разумеется, но Алекс сунул ей в рот кусочек шоколадки, дождался, пока девчонка с трудом прожует.

— Все? — уточнил ровно. — Тогда спать.

Встал с кровати, глядя, как Маред, не стесняясь, скидывает с себя халат, оставшись в одной тоненькой рубашке и забирается под одеяло. На голодный желудок даже такая небольшая порция бренди подействовала не хуже медицинского наркоза. Похоже, тье Уинни уснула раньше, чем ее голова коснулась подушки.

— Все, подытожил Алекс и тихо вышел, прикрыв за собой дверь сначала спальни, а потом и апартаментов.

Спустившись по лестнице во двор дома, он немного постоял у клумбы, дыша вечерним холодком, посмотрел на темные окна своей спальни и такие же — рядом — гостевой, где уснула Маред. А потом снова сел в «Драккарус».

В клубе было весело илюдно. Алекс мельком заглянул в танцзал, где сумрак рассеивался цветными огоньками светильников, но Незабудку искать не стал — успеется. Спросил у дежурного метрдотеля, где госпожа Анри, но тот не видел хозяйку около часа. Зато самого лэрда искала тье ап Дилвери и просила сказать ей, если его светлость появится.

— Ну вот я и появился, — улыбнулся Алекс, гадая, почему Шэннон просто не позвонила. — Она еще здесь? Ах, в баре. Прекрасно.

По дороге он проверил фониль. Так и есть, Шэннон звонила ему, пока он разговаривал с Эвелин и Маред.

— Прости, дорогая, — сказал Алекс, подходя к их общему любимому столику у окна. — Не увидел вызова, хорошо, что мне сообщили. Мы неприлично давно не виделись. Как твои дела? Как личная жизнь?

— Дела в порядке, Алекс... — вздохнула она, поднимая взгляд, и Алекс вместо эффектной красавицы слегка в возрасте, какой Шэннон ап Дилвери всегда являлась в клубе,

вдруг увидел уставшую женщину, со времени их последней встречи постаревшую лет на десять. — А вот остальное... У тебя найдется немного времени для разговора?

— Шэннон, милая, когда у меня не было для тебя времени? — тихо сказал Алекс, садясь напротив. — Что случилось? Я могу помочь?

— Можешь, — тихо и бесцветно отозвалась Шэннон, снова опуская взгляд к пепельнице, на краю которой лежала длинная тонкая сигарилла. — Но Алекс, я даже не знаю, как просить...

— Это потому, что просить ты в принципе не умеешь, — так же ровно отозвался Алекс. — И не надо. Просто скажи, что случилось.

— Дени заболела, — выдохнула Шэннон. — Опухоль мозга, злокачественная. Нужна срочная операция, причем наши целители не берутся, такое могут только в Холмах. А я... у меня...

Она снова отчаянно вскинула голову, в безупречно подкрашенных глазах блестели крупные капли, не проливаясь, но еще чуть-чуть...

— Шэнни, успокойся, — быстро сказал Алекс. — Раз операция — значит, это лечится. Вот и прекрасно! Сложность в деньгах, как я понимаю?

Шэннон молча кивнула. Взяла сигариллу, но не закурила, а просто стиснула в пальцах, да так и застыла, глядя куда-то мимо Алекса.

— Сколько? — спросил он. — И перестань паниковать, умоляю. У Денизы молодой крепкий организм, а в Холмах не берутся за безнадежные случаи. Она справится! Сколько нужно?

— Минимум двести тысяч за операцию, а потом лечение. Благие боги, Алекс, мне просто неоткуда взять... У меня есть сбережения, и я хотела продать дом, но все равно не хватает...

— С ума сошла? Шэннон, даже не думай об этом!

Алекс смотрел на женщину, которую знал уже... да и не вспомнить так сразу, сколько лет. Шэннон ап Дилвери всегда была очень правильной Госпожой и о своих девочках, потому что встречалась исключительно с девицами, заботилась отменно. Дениза жила с ней уже года три-четыре, попав в «Бархат» после такого же кошмара, что случился с Анри. Но у хрупкой молоденькой девочки не было характера и жизненной силы Анриетты Ресколь, она просто сломалась от пережитого ужаса и позора. Дениза смертельно боялась мужских прикосновений и чувствовала себя спокойно только в обществе женщин, а властную, но заботливую Шэннон боготворила, найдя в ней и любовницу, и подругу, и замену матери. Шэннон к ней тоже привязалась, но чтобы вот так... продать собственный дом?

— Даже не думай, — повторил Алекс. — Деньги будут завтра. То есть банк переведет через пару дней, но подтверждение пошлем в Холмы сразу. Дай мне номер поверенного клиники и больше об этом не думай. У тебя ведь есть номер?

— Алекс... Ох, Алекс!

Кивнув, она все-таки расплакалась. Без рыданий и даже всхлипываний, просто слезы переполнили глаза и побежали вниз, оставляя влажные дорожки на умело наложенной косметике, без которой Шэннон никто никогда не видел.

— Алекс... — повторила она беспомощно-благодарно. — Я верну... Продам драгоценности, заложу дом...

— О да, — буркнул Алекс, злясь неизвестно на кого. — Я ведь без этих денег встану с протянутой рукой, верно? Успокойся, Шэнни. И не вздумай продавать или закладывать дом,

слышишь? Оставь финансовые сложности на меня, а сама занимайся Денизой, ты ей сейчас нужна сильной и спокойной.

— Хорошо, — солнечно улыбнулась Шэннон сквозь слезы.

Старательно не замечая, как женщина достает из сумочки платок и пудреницу, он встал, подошел к барной стойке, оглядел ассортимент. Заказал, не торопясь, пару сложных в приготовлении коктейлей и сам вернулся к столику с парой бокалов через несколько минут. Шэннон, посвежевшая и подкрашенная, улыбнулась ему, только в глазах, не способная спрятаться, все так же билась тревога.

— Убирайте сигариллу, моя лэди, будем портить здоровье чем-нибудь повкуснее, — весело сказал Алекс, ставя на стол два бокала, разноцветно переливающиеся слоями сквозь тонкий хрусталь. — И выкиньте из головы драматические ужасы. Главное, что мы выиграли время.

И подумал, улыбаясь Шэннон и рассказывая что-то шутливое из практики конторы, что любой успех если не всегда, то часто — дело времени. Вот у Маред, к примеру, была неделя на подготовку проекта, но в одиночку. А Кормак и Жаклин работали вдвоем, так что у них оказалась изрядная форя. И хорошо бы с Денизой все обошлось, она и так натерпелась в жизни. Жаль и девочку, и саму Шэннон. Не дай боги такое случилось бы с Незабудкой! Ответственность за жизнь фаворитки или фаворита лежит на их покровителе, так что Алекс из кожи бы вывернулся.

— Милый, я поеду домой, — просительно уронила Шэннон. — Дени там одна.

— Конечно, я понимаю. Может быть, тебя подвезти?

Он поднял руку, прося счет.

— Не нужно, я возьму кэб.

Она встала, снова улыбнулась, уже спокойнее, только тревога так и билась жилкой под тонкой кожей на слегка увядшей шее: тик-так, тик-так. Прощла мимо, коснувшись поцелуем его щеки и на мгновение окружив тонким ароматом духов.

Расплатившись, Алекс вышел из бара и глянул в сторону танцевального зала. Звать Незабудку не хотелось. Усталость, поездки, разговор с Шэннон. Но он обещал. И стоило бы обещание выполнить, а потом вернуться в апартаменты, чтобы утром самому отвезти Маред в контору и успокоить по дороге. «Все-таки дело в Маред», — понял он, когда из сумрака зала торопливо выскочила знакомая фигурка, сияя серебристыми локонами и светлым платьем.

Незабудка почти подбежала к нему, радостно улыбаясь. Алекс тоже улыбнулся, поцеловал подставленную щеку и выслушал восторженное щебетанье о концерте модного скрипача, куда ей прислали билеты из дирекции театра, и показе мод, на котором она просто обязана быть, ведь его собирается посетить сама королева!

Все это было важной частью жизни его фаворитки, и следовало интересоваться и уделять внимание хотя бы из вежливости, но хотелось — домой. К Маред, вымотавшейся так, что даже уснуть не смогла сама, вечно настороженной, смотрящей исподлобья. Сесть рядом — тихонько, чтоб не разбудить. Просто посмотреть, а потом придумать это особенное, что он потребует в качестве компенсации за пропущенные ночи. И так придумать, чтобы девочке непременно понравилось, пусть она в этом и не признается.

Незабудка стояла рядом, по-щенячьи восторженно заглядывая в глаза, разве что руки не лизала. Алекс глянул на фониль — первый час ночи. И завтра сложный день. Что ж, завтра и выспимся.

— Поднимайся в синюю спальню, радость моя, — сказал он Незабудке. — Я сейчас приду. Надеюсь, ты соскучилась по-настоящему...

Глава 6. Победа не делится

Конкурсы — это так правильно! Ведь в них побеждает сильнейший. И пусть она не выиграет, зато получит потрясающий бесценный опыт, который обязательно пригодится позже. Только что же на душе так тоскливо?

Вцепившись в сумку с вычислителем, как утопающий — в веревку, Маред молча сидела рядом с ведущим мобилер королевским стряпчим, чувствуя себя последней дрянью. Когда хозяева Чисхолма разделаются с лэрдом Монтрозом, что будет с его конторой? Может, они переделают все по своему вкусу, уволят самых преданных его людей? Лакомка и кокетка Тилли, громогласный, похожий на викинга Леон, серьезная и очень милая Жаклин Форс, невозмутимая и добрая тье Эстер, вечно занятой тьен Даффи — пусть он и не оценил работу Маред, но ведь после конкурса обязательно оценит. Все эти люди не просто сослуживцы, они почти семья, а что с ними будет после ухода хозяина?

Думать о крахе Монтроза, который принесет ей свободу, было стыдно и еще противнее, чем вспоминать о ночах с ним. Лэрд делал для нее гораздо больше, чем они договаривались, а принимать от кого-то заботу, ожидая момента, когда его предашь, — это подлость. Самая натуральная и во сто крат безнравственнее, чем то, что делает с Маред сам лэрд.

Маред судорожно вздохнула, глядя в окно. Может, все-таки рассказать? Она ведь пока еще ничего не сделала, наказывать ее не за что. Но если Монтроз ее выгонит, а шантажисты исполнят свою угрозу — что тогда? Бесконечный позор в Университете, потеря малейшей надежды на карьеру и даже пристойную работу! Подумать страшно!

— Боитесь? — спросил вдруг лэрд, глядя на утренний Лунден, плывущий за стеклами мобилера, а не на Маред.

Вздвогнув, она не сразу ответила, потом сообразила, что вопрос не про то, о чем она думает сейчас, а про то, о чем должна беспокоиться на самом деле.

— Немного... — тихо отозвалась она.

— Это хорошо, — спокойно сказал королевский стряпчий и пояснил: — Кураж, замешанный на страхе, придает сил. Главное, чтоб он не мешал, а толкал вперед, как ветер в парусах. Я столько лет выступаю в суде, а все равно каждый раз — будто в Темез прыгнуть с моста. Но тебе сегодня и терять нечего, можешь только выиграть.

Маред молча кивнула — в горле стоял плотный комок. Пусть она справедливо ненавидит Монтроза, но ведь в «Корсаре» ее приняли как свою. И этих людей она тоже предаст, если сделает какую-то неведомую пока гадость лэрд.

Вспомнился проклятый даблион, и как лэрд играл с Маред, словно кот с пойманной мышью, собираясь воспользоваться ее виной и беспомощностью. Но если подумать, что он тогда должен был сделать? Простить и отпустить воровку? Даже предполагать глупо. Сдать ее в полицию? Да, наверное. Но тогда не было бы ничего: ни работы, ни учебы, ни проекта, ни даже кофейной болтовни с Макмилланом о похождениях сыщика Гилмура. Вообще ничего! Суд, тюрьма... И жизнь бы закончилась — из-за одной глупости. Но ведь и поступок Монтроза с ней оказался ненамного лучше...

Лэрд стряпчий молчал. Он вообще был с утра неразговорчив и хмур, хотя проснувшуюся Маред ожидал привезенный из ресторации завтрак и недурной кофе. За завтраком они едва обменялись парой слов, но это и к лучшему, у Маред у самой болела голова и в глаза словно песку насыпали.

Она вздохнула, понимая, что ничего толкового придумать просто не в состоянии, особенно сейчас. Признаться нельзя, не признаться — противно. Но... ведь прямо сейчас ничего решать не обязательно?

Так в молчании они доехали почти до конторы, совсем как в первые дни, когда лэрд возил ее на работу сам. Маред неловко двинулась вылезать, от спешки путаясь в юбке, едва не зацепилась подолом, холодея от ужаса выбралась и вдруг услышала в спину:

— Да благословит вас Луг, тье Уинни.

— Бла...годарю...

Обернуться после благословения — плохая примета. Маред помчалась к конторе, боясь опоздать, и уже на лестнице подумала, что пожелания пожеланиями, а настроение лэрда не сулит на вечер ничего хорошего, а ведь придется отрабатывать пропущенные дни. Но даже эта холодно-липкая и мерзкая мысль не смогла отравить ощущение предстоящего чуда. И вообще все, не касающееся проекта, само вылетело из головы, стоило окунуться в утреннюю суматоху.

Сначала она заканчивала и сдавала текущую работу, которая отчего-то срочно понадобилась, хотя еще вчера на нее дали срок до понедельника. Что ж, хорошо, что она была почти готова. Быстро отправив документ на ключ-камень, Маред подошла к лихорадочно стучащей по клавишам Тилли.

— Да-да, сейчас, — рассеянно откликнулась секретарша, вставляя ключ-камень в разъем, но почти сразу окликнула: — Тье Уинни, здесь нет отчета.

— Как нет? — растерялась Маред. — Я только что его записала.

— Значит, неудачно записали, — пожалала плечиками Тилли. — С ключ-камнем это бывает. Попробуйте снова.

Послушно вернувшись к рабочему вычислителю, Маред проверила ключ-камень — отчета в самом деле не было. Повторила запись — ничего не вышло. Более того, экран конторского вычислителя, на котором она делала отчет, мигнул раз, другой, по нему пробежали полосы, а потом само открылось окно недавней записи, только что выключенной.

— Коллега Уинни, ваш вычислитель сходит с ума, или вы управляете им силой мысли? — поинтересовался Оуэн Макмиллан, останавливаясь рядом с неизменным кофе, который словно материализовывался у него в руке каждые полчаса.

— А вы сами не видите? — огрызнулась от растерянности Маред. — И извольте отойти с кофе... коллега!

— Как прикажете, — хмыкнул Оуэн, делая шаг назад и напоказ перенося чашку в другую руку — подальше. — Теперь вам спокойнее?

Маред вздохнула, потеряла ноющие виски и изменила тон:

— Простите. У меня так сломался самый первый вычислитель — на него случайно опрокинули чай. Теперь я этого боюсь. Не подскажите, что происходит?

— Увы, — пожал плечами Макмиллан, с интересом наблюдая, как вычислитель мигает экраном, гудит и щелкает, — в списке моих многочисленных достоинств умение ладить с вычислителями не значится. Упущение, конечно. Боюсь накаркать беду, но надеюсь, вы сделали копию проекта?

— Да, конечно, — вздохнула Маред. — У меня есть копия на ключ-камне и своем вычислителе — вот он. Я на нем дома работала...

— Тье Уинни, — окликнул ее Кормак Даффи, — у вас все готово?

— Да!

Замявшись, Маред добавила:

— Что-то с вычислителем неладно, тьен Даффи.

— Ну так решите это заранее. Тилли, позвоните техникам, пусть пришлют мастера. А вы, Маред, подготовьте краткую выдержку из проекта. На страничку. Сильные стороны, основные направления деятельности... В общем, выжимку. И попросите Тилли напечатать десяток копий — для клиентов. Ваша светлость, у вас нет других дел, как консультировать тье Уинни?

— Представьте себе, — лениво подтвердил Макмиллан. — Отчет по судостроительной компании я сдал тье Форс, а новым подвигом во славу нашей конторы меня еще никто не озадачил. Неизмеримая досада!

— Извольте не паясничать, — отрубил Даффи. — Подойдите к тье Эстер, она даст вам новое поручение.

— Слушаюсь, — усмехнулся Макмиллан, шутовски салютуя Маред чашкой с кофе на почтительном расстоянии и неспешно уходя.

Маред с нетерпеливой злостью глянула на капризничающий вычислитель. Как некстати! Появление возле стола того же техника, что в первый день принес им вычислители, она восприняла, как подарок судьбы, нетерпеливо поглядывая в сторону настенных часов. Уже десять! Час до начала! Хорошо, что у нее есть копии на ключ-камне и собственном вычислителе. Бригитта милосердная, как же хочется кофе! Лэрд Макмиллан раздражил, теперь по всей комнате пахнет...

Техник, снявший крышку вычислителя и что-то высматривающий в его внутренностях, почесал кончик носа и поинтересовался, скосив глаза на табличку с именем Маред на столе:

— Тьена Уинни, вам сейчас необходим именно этот вычислитель?

— Хотелось бы, — кивнула Маред, помня про несданный отчет. — А что?

— Тут с накопителем данных какая-то беда... Мне придется хорошенько его перетрясти, и лучше бы сделать это у нас в отделе. Может быть, принести вам другой вычислитель?

— Пока нет необходимости, — вздохнула Маред. — Я воспользуюсь своим. Благодарю вас.

— Не за что, тье, — отозвался техник. — У вас точно все скопировано? Предполагаю, что здесь моя помощь бесполезна. Если накопитель выгорел, слить с него записи будет крайне сложно, если вообще возможно.

— Да, копии есть, — кивнула Маред, доставая из сумки своего верного старенького помощника. — Ничего страшного, тьен, благодарю вас еще раз.

Поставив свой вычислитель вместо унесенного техником, она терпеливо дождалась полного включения, нашла проект. Выжимка! А раньше нельзя было сказать? Полчаса до начала! Нет, сорок минут, но все равно мало. Пусть она знает проект почти наизусть, но надо ведь отобрать самое главное!

Маред почувствовала, как вспотели ладони — ее явно залихорадило. В прохладном офисе с ветродуями вдруг стало по-пустынному жарко, потом сразу снова холодно, по спине поползли мурашки, а корсет показался невыносимо тесным. Если это и есть кураж, о котором говорил лэрд, то Маред бы лучше обошлась без него.

Она еще раз пролистала проект, останавливаясь на главных пунктах. Сделала новый документ и принялась копировать, но спохватилась, что печатать придется на гербовой

бумаге, значит, сверху надо оставить место. Теперь собранный материал явно не влезал в указанный размер одного листа.

Маред повела плечами — рубашка под платьем неприятно прилипла к телу, в висках заломило сильной тупой болью. Так, что-то она прихворнула... Ничего, осталось немного. Это можно удалить, и это тоже. Луг и Бригитта, ну почему она должна это делать в последний момент? Хотя бы кто-нибудь подсказал раньше!

Тье Уинни, вы будете пользоваться своим вычислителем?

Маред вскинула голову, торопливо кивнула подошедшему Кормаку Даффи.

— Ваша очередь вторая, будьте готовы примерно к половине двенадцатого. Все в порядке?

Заглянув в документ, который Маред раскрыла на весь экран, он поморщился:

— А где герб нашего юридического дома? Место вы оставили, как я вижу, но резюме следует печатать не на готовых бланках, а на специальных, с широкими полями, герб там впечатывается из документа.

— Я не знала! — выдохнула Маред. — Мне никто не сказал, что нужен документ особого образца!

— А узнать заранее требования вам в голову не пришло? — сухо спросил Кормак. — Или я должен был сделать вашу работу? Подойдите к Тилли, у нее есть гербовый знак отдельным рисунком, который можно вставить на нужное место. Время у вас есть. Или вы еще не закончили с самой работой?

— Почти закончила, — тихо сказала Маред, понимая, что на глаза — вот уж чего не надо! — наворачиваются слезы. — Извините, я сейчас все сделаю.

Ну не говорил ей никто про этот проклятый герб! Хотя она ведь и не спрашивала... Но почему ее проект не проверили раньше, неужели он никому не нужен, коме нее самой?

Подтянув последний абзац, Маред кинулась к Тилли с ключ-камнем, морщась от нарастающей боли в голове, тяжелой и будто стянутой обручем. Но секретарша только покачала головой:

— Одну минутку, пожалуйста! Я его случайно удалила, теперь нужно найти, где еще он остался.

Минутка растянулась на три, потом на пять... Маред изнывала рядом, понимая, что сама виновата, потом не выдержала:

— А у кого-нибудь еще этот рисунок есть?

— У тье Жаклин — она оформляла их совместный проект с тьеном Даффи. У тьена Лоустица... Ах, Маред, простите, я совсем не могу...

В висках заломило еще сильнее и застучало молоточками, по ложбинке позвоночника побежала струйка пота, почему-то очень холодного. Кивнув, Маред помчалась искать Жаклин Форс, уговаривая себя, что ничего страшного, если даже она опоздает на пару минут. В крайнем случае, переставят ее очередь, верно? Сделают потом выговор, но с конкурса же за такой пустяк не снимут, верно?

Тьеды Форс нигде не было. Не было! А Лоустиц — это кто? Все вокруг занимались своим делом, не обращая внимания на растерянную Маред, замершую посреди соседней комнаты. В углу Леон и немолодая полужнакомая дама-стряпчая яростно спорили шепотом над разложенными листами, кто-то уткнулся в вычислитель, кто-то прошел мимо...

— Прошу прощения, у кого есть герб конторы для оформления документов? — как можно громче спросила Маред, не адресуясь ни к кому конкретному.

Поднялась пара голов, но тут же снова опустилась.

— Спросите у Тилли, — отозвался Леон, не отрываясь от бумаг. — Она как раз нам оформляла.

— У нее нет! — отчаянно сказала Маред, понимая, что никто не будет заниматься ее делом вместо собственного. — Неужели ни у кого нет, прошу вас!

— Ключ-камень у вас имеется? — буркнул высоченный здоровяк с бородкой, больше похожий на грузчика или фермера, чем настряпчего. — Свою дать не могу, на ней работа.

Ключ-камень? Маред потянулась к сумочке-кошельку на поясе, вспомнила, что оставила кристалл — принадлежащий лэрду, между прочим, — с проектом в своем вычислителе, бросилась, стуча каблуками, обратно...

Над ее столиком поднимался парок. Еще не понимая, но уже чувствуя неладное, Маред едва не налетела на угол стола, глупо и беспомощно посмотрела на коричневую лужу, растекающуюся от вычислителя, прошептала:

— Что это...

И только сейчас поняла, что в комнате — никого. Совсем никого... Собственно, почти никого и раньше не было, только Тилли что-то доделывала для Леона, но теперь ее стул пустовал. Маред глянула на мерцающий тусклой зеленью экран, нажала кнопку включения — ничего. Потом какое-то жужжание — и снова тишина. Перед глазами потемнело. Она всегда думала, что это говорится ради большей выразительности, но потемнело по-настоящему, всерьез, даже поплыло что-то...

— Маред! — ахнула Тилли от двери, следом влетел Леон, громогласно сообщая, что... И замолчал.

— Маред, дорогая, что случилось? — растерянно повторила Тилли. — Вы разлили кофе?

— Я... не... разливала, — шепотом сказала Маред. — Тье Тилли, вы не видели — кто?

— Я... выходила. На минутку, клянусь!

Она совсем по-детски шмыгнула носом, жалобно уточнив:

— Ах, Маред... Это же ваш вычислитель, да? Неужели с проектом? Как же вы теперь...

— Тьена Уинни, — вынырнул откуда-то Кормак Даффи, — сколько вас прикажете ждать? Так...

Маред, не слыша, снова беспомощно и упрямо нажала кнопку, еще раз, и еще...

— Где ваша работа? — повысил голос Даффи. — На ключ-камне имеется? Или позвоните техникам, пусть вернут тот вычислитель, если можно. Очнитесь, тьена! Благодарите Луга, что залили свой вычислитель, а не наш. Следует быть аккуратнее, знаете ли.

— Я не заливала, — сказала Маред, с трудом шевеля непослушными почему-то губами. — Я вышла на минутку, за гербом. Сюда, в соседнюю комнату...

Вокруг было шумно, кто-то что-то говорил, резко и пронзительно, потом засвистел. Нет, это в ушах у неё засвистело, будто Маред полетела на качелях с огромной высоты — сразу затошнило, тело поплыло на противных волнах, невесомых, но душно-тяжелых...

— Тье? Тье Уинни... Вам плохо?

— Я не заливала вычислитель, — упрямо повторила Маред, почти не слыша себя. — Я не пила кофе... Это не я.

— Тьена Уинни! — прорезал плотную пелену знакомый голос. — Что случилось, Кормак? У вас сейчас служащая в обморок упадет...

Голос был дико, невероятно знакомый, и ему надо было ответить, Маред откуда-то знала это совершенно точно. Только вот сказать не могла ничего, душная пустота лезла в уши, нос и горло, заставляла задыхаться, лоя ртом ускользающий воздух, а потом и вовсе стало темно.

* * *

В экономическом отделе происходило что-то явно неправильное. Алекс издали слышал возбужденный гомон, немыслимый для чинной обстановки в его конторе, потом кто-то выскочил в коридор и снова забежал в отдел, послышался испуганный девичий голос и раздраженный мужской... Алекс прибавил шаг. Что у них там? Неужели что-то с Маред? Почему-то первой мыслью оказалось, что причина в тье Уинни. Истерика от усталости? Лишь бы не сболтнула лишнего!

Додумать он не успел, влетев в открытую дверь. И сразу поймал взглядом изжелта-бледное лицо едва держащейся на ногах Маред — вот-вот упадет, глаза уже закатываются. Рядом бестолково суетились служащие, ожидая, как обычно бывает в толпе, что кто-то другой решит и сделает все необходимое. Алекс бесцеремонно проломился к Маред, рывкнул на мнущегося Кормака. Вдвоем они подхватили девушку, усадили на стул, и секретарша сунулась с листиком бумаги вместо веера — обмахивать.

— Вызовите доктора, — бросил ей Алекс. — Нашего, из «Дигиталиса». Что здесь случилось, может кто-нибудь объяснить?

Тесный кружок расступился, давая простор. Алекс сорвал с шеи девушки платок, расстегнул пуговицы воротника, пренебрегая приличиями. Маред все так же закатывала глаза, дышала тяжело, но ровно и даже со стула не падала. Но это не истерика и не притворный обморок — во времена работы в суде Алекс насмотрелся и того, и другого.

— Доктор сейчас придет, ваша светлость, — вернулась секретарша. — И — вот!

Алекс взял стакан с водой из ее рук, поднес к губам Маред, та сделала глоток и слегка покачала головой, отказываясь. Не хочет пить, или ее тошнит? Стакан — на стол, чтоб не мешал... Так, а это что?

— Тьена Уинни залила вычислитель кофе, — хмуро подтвердил Кормак. — С проектом.

Вот оно что! Тогда понятно. Очень даже понятно, почему девочке поплохело — от такого-то.

— При всем уважении к мнению тьена Даффи, я бы не был столь категоричен, — раздался рядом еще один голос, незнакомый. — Утверждать, что вычислитель испорчен самой тьеной Уинни, явно преждевременно.

Алекс обернулся, глянул на высокого молодого человека в форменных цветах «Корсара». Некрасивое худое лицо, взгляд в упор — острый, цепкий, холодный. И незнакомый. Стажер? Который из них?

— Лэрд Макмиллан, вы здесь присутствовали? — так же хмуро уточнил Кормак. — Если нет, то на каком основании утверждаете обратное?

— На основании презумпции невиновности, — с изысканной вежливостью сообщил тот. — О которой вы, тьен Даффи, слегка забыли, обвиняя тье Уинни. А если бы я здесь был, вычислитель вряд ли оказался бы залитым, полагаю.

Макмиллан? Так вот вы какой... И что это за намеки? Алекс вытянул из кармана

фониль, опять глянув на Маред. Бледность на лице девушки сменилась нездоровым, прямо-таки малиновым румянцем.

— Стивен? Вызови Кэролайн и принимайте франкских гостей без меня. Да, сложности. Ничего фатального, просто начнем показ минут через сорок. Устрой им экскурсию по конторе, вели подать чай и закуски, только не подпускай близко к экономическому отделу. Я подойду, как только смогу.

Дождавшись безмятежного: «Не беспокойся, все сделаем...», сунул фониль обратно в карман и перевел взгляд на Макмиллана.

— Лэрд, вы можете сказать что-то конкретное?

— Что-то могу, — согласился тот, шагая ближе к столу. — Позвольте?

Не дожидаясь разрешения, он бесцеремонно протиснулся мимо Алекса, мазнул по кофейной луже пальцем, облизал его, чуть склонив голову, и сообщил:

— Кофе.

— И что? — спросил Алекс, все еще не понимая.

— Взгляните на цвет — он со сливками. И сладкий. Сладкий кофе со сливками. А тье Уинни пьет исключительно черный без сахара, довольно крепкий. Это раз. Еще она принципиально ничего не пьет и не ест за вычислителем и даже других не подпускает к нему с чашкой ближе пары шагов — это два. Первый вычислитель, выданный конторой, час назад унесли в ремонт, этот был запасным и принадлежал лично тье. Когда два вычислителя разом ломаются прямо перед важным выступлением — это, наверное, три?

Алекс встретил жесткий, требовательный взгляд прищуренных темно-серых глаз, кивнул. Снова потянул фониль. За спиной Даффи и Макмиллана, теперь отгораживающих его с Маред от остальных служащих отдела, возбужденно загомонили.

Набирая номер, Алекс чуть поморщился. Если Макмиллан прав... А ведь выглядит так что прав. Маред действительно пьет только черный кофе, когда заказывает его сама. И ни разу Алекс не видел, чтобы девушка что-то пила или ела за вычислителем. Да, если совпадает первое и второе, третье — прав Макмиллан-младший — выглядит более чем странным. Подозрительным!

— Фергал? Жду тебя в экономическом отделе, срочно.

Тут же переключился на номер технического отдела. Ответили там не сразу, потом в фониле раздался жизнерадостный голос Леннерта Симмонса:

— Ваша светлость, чем могу служить?

— Ленни, — негромко сказал Алекс, глядя на людей, которые его окружили, ловя каждое слово. — Вам недавно из экономического принесли вычислитель — что с ним?

— А, было! — так же жизнерадостно отозвался Леннерт. — Накопитель данных сгорел. Бракованный, похоже.

— Точно бракованный? — ровно уточнил Алекс. — Поломалось само?

— Именно так, ваша светлость. Если вы интересуетесь насчет тьены, которая им пользовалась, то она не виновата, такой чистый расплав снаружи ну никак не устроить. Кристалл битый, точно вам говорю.

Лица вокруг. Алекс смотрел на них спокойно, не разглядывая в упор, но подмечая жадное любопытство в глазах, растерянность, удивление... Вина? Страх? Кажется, нет, но что-то же здесь не так.

— Ленни, а можно извлечь из него данные?

— Ну... — техник заколебался. — Это будет долго. Да и то не гарантирую. Говорю же

— сильный расплав. Безобразие, вообще-то, я как раз составляю реляцию производителю.

— Да Темный Ллир с ней, с реляцией, Ленни, попробуй все-таки вытащить, — попросил Алекс, нажимая кнопку прерывания и поднимаясь навстречу Фергалу Бреслину.

Маред так и сидела за его спиной, дыша тяжело, словно пробежала несколько миль. И корсет не расшнуровать — платье не снимешь, Ллир бы побрал дамские штучки и ложную стыдливость. Алекс снова обвел взглядом притихших служащих. Где баргестов доктор? Центр Лундена, сколько можно добираться?

Попросил мягко, пряча злость за маской привычного спокойствия:

— Коллеги, прошу вашего терпения и понимания. Происходящее крайне неприятно, однако мы все заинтересованы в выяснении обстоятельств. Тьен Бреслин?

Он бесстрастно излагал суть дела внимательному Фергалу, не позволяя даже лицу дрогнуть, хотя хотелось выругаться самыми черными матросскими словечками и пнуть хотя бы стул, чтоб отлетел подальше. Какая тварь?! Девчонка всю душу вложила в этот проект, сделала отличную работу, а для студентки-практикантки так и вовсе гениальную.

В дверях мелькнули бело-зеленые докторские балахоны, одетые в них двое мужчин и молодая женщина сразу оттеснили всех от пациентки. Алекс стоял рядом, изнывая от беспомощности. «Дигиталис» — отличная клиника, хоть и человеческая, там уж точно работают мастера. Не о чем беспокоиться, верно?

Первым делом врач потребовал распустить корсет, что и было ловко сделано его помощницей. Не нарушая приличий, та просунула в вырез платья длинные ножницы и попросту разрезала там что-то. Потом доктор принялся осматривать Маред, что-то негромко спрашивая. Девушка отвечала вяло, едва ворочая языком, пока ей измеряли пульс, долго вслушиваясь в его биение, светили в глаза маленьким фонариком, брали каплю крови, бережно помещенную в пробирку и рассмотренную на свет...

Фергал в это время тоже работал, аморфная толпа под его руководством мигом разделилась на тех, кому совершенно нечего было сказать, — их Бреслин отогнал к стенке, как опытная пастушья овчарка овец — и тех, кто хотя бы проходил мимо в последний час. А Алексу сейчас полагалось бы уйти к франкам, улыбаться и разговаривать с ними, щеголяя хорошо поставленным произношением, рассказывая о дальнейших перспективах, пока в зале все готовят для выступлений...

— Молодую даму мы забираем в клинику, — негромко сказал целитель, и Алекс вскинулся:

— Что с ней, господин доктор?

— Ничего страшного. Гипертонический криз на фоне общего нервного и физического истощения. Но необходимо сделать анализы и оказать всю требуемую помощь. Вы можете известить ее родных? Ей понадобится побыть у нас несколько дней.

Алекс подтвердил, что да, конечно, позаботится обо всем.

За его спиной послышались хриплые каркающие звуки — Маред стошнило, хотя желудок был явно пуст. Обернувшись, Алекс подал ей платок, который девушка прижала к губам и умоляюще-испуганно взглянула на Алекса.

«Франки, — бессильно вспомнил он. — Тендер, которого контора добивалась два месяца. Нельзя бросить все и уехать с девчонкой в клинику — никто просто не поймет. Или, что еще хуже, поймут так, что пожалеешь потом. Для всех ты ее начальник, не больше. Темный Ллир и все его приспешники...»

— Да скажите же вы, наконец, Тилли!

На звонкий голос обернулся даже доктор. Тихоня Жаклин Форс, вечный третий человек в отделе, возмущенно смотрела на секретаршу... Тилли, кажется? Точно, Матильда, но имя свое не любит...

— Тилли, скажите! — упорствовала Жаклин.

Секретарша сделала шаг назад, темные глаза, умело подведенные косметикой, стремительно наливались слезами. Обведя взглядом дюжину человек, столпившихся рядом, она всхлипнула и прошептала некрасиво искривившимися губами:

— Я не знала... Я хотела поймать вора... Я даже не знаю, что там за снимки получились...

— Какие снимки? Где? — резко спросил Бреслин и тут же смягчил тон: — Ну же, милая тье, успокойтесь. Какого вора вы хотели поймать?

— Который таскал мое печенье... — разрыдалась девчонка, сквозь всхлипы что-то бессвязно скуля про печенье, конфеты, медведя, камеру...

— Какого медведя? — Фергал Бреслин, почуявший след, был преисполнен цепкого терпения.

— Игрушечного!

— Тьeda Тилли принесла камеру, и мы спрятали ее в медведя, — негромко сказала Жаклин, снова переводя внимание на себя. — Понимаете, у нее таскали всякие лакомства. Долго, недели три. Вот мы и решили найти вора. У тье Тилли брат работает в Паучьей службе ее величества, он дал нам специальную камеру, она маленькая и работает сама по себе.

Толстобрюхий лупоглазый медведь, сшитый из ворсистой коричневой ткани, действительно восседал на полке шкафа над головой Тилли, держа в руках корзинку, посередине которой была аккуратно прорезана дыра. Ну, девицы! Авантюристки...

Маред, уложенную на носилки, подняли еще один молчаливый помощник доктора и сам доктор. Алекс шагнул к носилкам, поймал измученный взгляд девчонки, сказал тихо:

— Все будет хорошо, тьена. Лечитесь, ни о чем не беспокойтесь. Расходы контора берет на себя, и все необходимое вам привезут. Фониль у вас с собой?

И ничего другого нельзя было сказать при двух десятках человек, но Маред — умная девочка — все поняла, улыбнувшись беспомощно и испуганно, прошептала:

— С собой... Простите... за тендер.

— Ни о чем не беспокойтесь, — бесстрастно повторил Алекс, чувствуя, как изнутри поднимается горькая горячая волна. — Я позвоню...

Проводив носилки взглядом, он повернулся к столу, где Фергал уже снял мохнатого свидетеля и возился с миниатюрной камерой. Брат в Паучьей службе, значит? Тогда неудивительно, что смог одолжить сестричке такую редкую и дорогостоящую игрушку.

— Я... я... — всхлипывала непонятно почему Тилли, хотя ее никто ни в чем не винил.

— Тилли, ты с ума сошла! — вспыхнул Леонард Бигль, которому сейчас полагалось бы готовиться к выступлению. — Ну я таскал твои сладости! Я! Надеюсь, ты довольна?

— Ты? — ахнула секретарша, распахивая огромные глаза в непритворном изумлении и от неожиданности с головой выдавая себя поддержанием столь фамиллярного тона. — Зачем? Ты же не любишь сладкое!

— Да затем, что устал от твоих жалоб на фигуру. Ты так из-за нее переживаешь, но берешь конфеты и печенье корзинками! А потом у каждого зеркала или витрины смотришь на себя и снова переживаешь! Вот я и хотел собрать все твои лакомства за месяц и показать

тебе! Прости...

— А... шоколад? Зачем ты покупал мне шоколад?!

— Ты же от него становилась такая милая... — жалобно проговорил Леон, которому Алекс на мгновение даже посочувствовал. — Прости, Тилли. Верну я все твои конфеты. Или такие же куплю.

— Тьен Леон, вы дурак! — взвизгнула Тилли, окинув взглядом едва удерживающихся от улыбок коллег. — Вы... вы меня скомпрометировали! Я вас ненавижу! И ваш шоколад тоже!

Залившись краской, она выскочила в коридор, Леон дернулся было следом, но, понурившись, остался на месте.

— Какой потрясающий мотив преступления! — с искренним восхищением выдохнул Макмиллан. — Я бы ни за что не догадался...

— Молодость, молодость, — усмехнулся Бреслин. — Дайте вашей пассии успокоиться, юноша. Или вас, или шоколад она еще могла бы бросить, но если объедините силы с коробкой хороших конфет — не устоит. А у нас тут... Вот он, ключик! Ах, как любопытно. Ваша светлость?

— Есть снимки? — быстро спросил Алекс, обшаривая взглядом затаивших дыхание людей вокруг.

И раньше, чем глянул на экран камеры, куда Бреслин вывел снимки из кристалла-накопителя, уже знал, страдальчески морщился от понимания, внезапного, острого и болезненного, слишком уж тот, кто ему был нужен, побледнел и выпрямился под взглядом Алекса.

Снова хмыкнул рядом Фергал Бреслин, заглядывая через плечо, а вокруг ждали служащие Алекса, его контора. И солгать было нельзя, как ни неприятно оказалось знать правду, потому что доверял ведь, не ожидал такого. Да, Кон Аннуин предупреждал, и на его ключ-камне были сведения, но ведь казалось, что все в пределах допустимого...

Алекс поднял взгляд от маленького, в пол-ладони экранчика, на котором безупречно узнаваемый человек, оглянувшись на дверь, подходил к вычислителю Маред и выливал кофе из чашки, а потом ставил ее в шкаф к другим грязным — для уборщицы. Да, Алекс смотрел на ожидающих его слов людей и понимал — гниль надо резать по-живому, чтобы не пошла дальше. Он глубоко вздохнул и заговорил:

— Леонард, я понимаю, что у вас личная драма, но проект следует сдавать. Выступите первым, согласны? Тьен Лоустиц, вы последний. Тье Форс, вы ведь хорошо знаете вашу совместную с Даффи работу?

— Да, — отозвалась молодая женщина, снова пугаясь внимания. — А что?

— Пойдете выступать второй после Леонарда. Ничего, надо когда-то начинать. Вы изумительная умница и отлично все расскажете — я уверен.

— А... тьен Даффи? — захлопала длинными ресницами над трогательно-ланьими глазами Жаклин. — Ведь готовился он.

— А тьен Даффи у нас больше не служит, — буднично сообщил Алекс, нарочно не глядя в сторону замершего Кормака. — Он сегодня сдает дела тье Эстер и с понедельника может быть свободен от любых обязательств передо мной и конторой. За расчетом — к главному бухгалтеру, на отработке условленного при увольнении срока отнюдь не настаиваю.

— Ваша светлость, — чужим, каким-то деревянным голосом сказал Кормак, — милэрд, я объясню...

— Обязательно, — кивнул Алекс, чувствуя, как губы немеют от ярости. — Интересно будет послушать, чем можно объяснить такое. Но это позже. Тье Эстер, дорогая, вы ведь не занимаетесь тендером? Будьте любезны принять у тьена Даффи ключи от сейфа и служебные документы по описи. Тьен Бреслин вам поможет. И кстати, советую всем пересчитать наличные деньги и чайные ложки — вдруг тьен Даффи и этим не погнушался.

— Ваша светлость!

Пожав плечами, Алекс вышел, не оглянувшись на отчаянный вскрик за спиной. Да, можно было иначе. Но не нужно. Это необходимо тем, кто остался. Людей надо учить, а подлецов — пороть публично. Леонард — балбес, похититель сладостей, а этот... ублюдок. Маред Уинни истратила все силы до предела, до обморока и больницы, а холеный сукин сын, получающий в месяц больше, чем девчонка тратит на жизнь за год, украл у нее даже не победу, а шанс на нее. Шанс! У девочки-студентки!

Идя по коридору, Алекс изнывал от бессильной ненависти, вспоминая потерянный взгляд Маред. Ллирова тварь! Ведь с самого начала решил не пропустить ее проект, еще когда сказал девчонке, что такую работу нельзя показывать хозяину конторы. Ах, как хочется не просто выгнать, но еще и физиономию разбить в кровь, до хруста. Но сейчас — франки. И Маред... Пришла ли она в себя?

Лестница, коридор, тишина в фониле. И еще лестница, и снова молчание в трубке. Маред не отвечала. Выключила фониль? Кристалл разрядился? Алекс перезвонил Бреслину:

— Фергал, ты еще в отделе? Закончишь с передачей документов, скажи Леннерту, пусть сменит коды везде, где у Даффи был какой-то доступ. Да... Нет, Фергал, я не передумаю. Мне крысы не нужны.

Настроение, и без того с утра не лучезарное, испортилось хуже некуда. Но войдя в зал для показа, где пташкой щебетала Кэролайн и вторил ей басовитый говорок Стивена, Алекс уверенно просиял улыбкой. С порога заговорил по-франкски в знак уважения к гостям, приветствуя многоуважаемых почтенных партнеров и виду не подавая, что выступление задержалось. Поймал взгляд Хендерсона, кивнул успокоительно, и все пошло, как и было задумано: выступления, сдержанное одобрение франков, потом небольшой аперитив...

Кормак ждал его у кабинета. Встрепенувшись, кинулся к Алексу, проскользнул в кабинет следом за ним. Кэролайн после аперитива и отъезда гостей отпросилась, и Алекс сильно подозревал, что уедет она со Стивеном. Надо же, как у них расцвели отношения.

Пройдя к себе, Алекс опустился в кресло, поставил локти на стол и оперся подбородком на сплетенные пальцы. Кормак выпрямился у стены, даже не пытаясь сесть напротив. Выглядел он препаршиво: растрепанный, какой-то потускневший, с унижительным подобострастием во взгляде. И говорить начал сразу, не выдержав паузу:

— Ваша светлость, милэрд, простите, я виноват. Лугом клянусь, сам не знаю, что на меня нашло. Помутнение какое-то... Простите, умоляю!

— Кормак, — тихо уронил Алекс, и начальник отдела — теперь уже бывший — мгновенно замолчал, преданно глядя в глаза. — Вам не кажется, что в первую очередь просить прощения следовало бы не у меня?

— Разумеется! — яростно заверил Кормак, у него даже губы запрыгали от внезапной надежды. — Конечно, я принесу тьене Уинни извинения. Оплачу ей новый вычислитель...

— Утраченную веру в людей вы ей тоже купите новую? — ровно поинтересовался Алекс, откинувшись в кресле и разглядывая человека, которого, оказывается, очень плохо знал. — Вы мерзавец, Кормак. Притом дешевый мерзавец. Решили, что победа на двоих не

делится? Это вы правильно решили. А вот выводы сделали гнусные, не говоря уж о действиях. Получайте расчет и убирайтесь из «Корсара», пока вас не выкинули.

— Ваша светлость, — сорвался Кормак на хриплый шепот. — Я дурак, знаю. И мерзавец, вы правы. Простите! Я же хорошо работал. Я из шкуры выворачивался ради общего дела...

— Из шкуры вы ради себя выворачивались, Кормак, — мягко сказал Алекс. — Ради блестящей карьеры и отличного жалованья. И то вам не хватило. Вы ведь не по внезапной глупости это устроили, вам изначально проект Уинни спокойно спать не давал. Что, почуяли конкурента? В девчонке с четвертого курса? Я-то думал, вы не разглядели ее работу, пренебрегли. А вы как раз очень хорошо увидели, какой там потенциал, и сначала попробовали просто не пустить на конкурс. Потом оставили одну мучиться с таким объемом, хотя как начальник отдела должны были и помочь, и проконтролировать. Думали, девчонка не выдержит, бросит? А она взяла и сделала отличную работу, не хуже вашей.

— Нет! — выкрикнул Кормак. — Ваша светлость, я же не знал заранее! Откуда мне было знать, что вычислитель сломается?

— Неоткуда, — согласился Алекс. — Просто повезло. Наш вычислитель сломался, а единственная копия — вот она. Подарок судьбы! Остался бы кто-то в комнате, и ничего бы не вышло, но вам ведь привычно рисковать. Сколько вы за вечер оставляете в игорном доме, Кормак?

Вот на этой фразе, расчетливо и мягко брошенной Алексом, Кормака Даффи проняло всерьез. Алекс смотрел, как белеют и начинают трястись его губы, как дергается — еле заметно — щека, а взгляд наполняется беспомощным страхом. Вот только теперь Даффи поверил, что его действительно уволят. И был прав. Для серьезного бизнеса игрок не годится так же безусловно, как наркоман или алкоголик.

— Ваша светлость, — прошептал он, глядя на Алекса загнанным взглядом. — Я брошу, клянусь. Ни ногой больше в игорный дом. У меня семья, кредит в банке...

— Даже два кредита, — подхватил и продолжил Алекс, вспомнив сведения от Сида Данше. — И когда вы за вечер оставляете на зеленом столе столько, сколько получаете за неделю, то думаете о семье? Премия за проект собирались потратить на уплату процентов по кредиту? Не считайте меня идиотом.

— Я отработаю... Ваша светлость, я же с вами столько лет. А она не клиентка и не наша служащая. Понизьте в должности, в жалованье...

Голос у него срывался, но Алекс почувствовал не жалость, а холодную ясную безразличность. Игроки не бросают, как и любители дурмана. Да, бывают исключения, но Кормак не из таких. Не бросают люди, готовые ради своих слабостей ломать чужие судьбы. И даже физиономию бить уже неохота — только пачкаться.

Кормак глядел на него, все понимая, читая во взгляде Алекса и невысказанное презрение, и отказ. Понимал, но, кажется, еще надеялся:

— Нет, Кормак. Сегодня вы растоптали надежды ть Уинни, а завтра продадите меня за кучу жетонов. Мы оба это знаем. Вы уйдете, Кормак. И советую не просить рекомендации — я не собираюсь врать вашему будущему начальнику.

— Меня же без них никуда не возьмут!

Кормак отлепился от стены, на которую опирался, и шагнул к столу.

— Почему же? Возьмут. Не на такое место и не с таким жалованьем. Но работник вы хороший, и кредиты постепенно вернете. Если играть бросите. Все, Кормак, не отнимайте

мое время.

— Вы... вы пожалеете, ваша светлость. Обещаю. Темным Ллиром клянусь — пожалеете.

Губы у него подрагивали, но Кормак пытался держаться — Алекс не мог не отдать ему должное. И последняя фраза прозвучала не так жалко, как можно было предположить.

— Я уже жалею, — вздохнул Алекс. — Неприятно разочаровываться в людях. Уйдете сами или вызвать охрану? Не позорьтесь, тьен Даффи.

Вот это холодно-отстраненное, как к чужому, обращение все и закончило. Круто развернувшись, Кормак вылетел из кабинета, от души хлопнув дверью. Алекс еще посидел в кресле, потом встал, подошел к окну. Рассеянно погладил толстые зеленые листья, между которых все ярче набухали алые почки. А как же Маред Уинни? Ее ты простил. Жестоко наказал, но скажи кто-то, что Маред украла или сделала подлость... При всем твоим опыте копания в навозе, которым переполнены людские души, не поверишь. Да, Маред пришла за даблионом от отчаяния, но рисковала только собой. Кормак — другое дело. И кстати, не пора ли позвонить ей?

Он достал фониль, но, подумав, не стал набирать номер «Дигиталиса». Возможно, девушка отдыхает после процедур. Лучше он сам заедет туда попозже и поговорит с врачом. А сейчас неплохо бы вернуться к делам. И выпить, что ли, чашку чая с бренди, смыть гадкий привкус во рту? Впрочем, бренди от такого не поможет, грязи Алекс сегодня нахлебался нематериальной.

За окном солнце, пробиваясь сквозь тучи, грело стоянку мобилеров и кроны старых лип, что ее окружали. До вечера еще далеко. Да уж, вечер он собирался провести совсем иначе. Вместо номера клиники Алекс снова вызвал Бреслина.

— Фергал? Зайди ко мне. Нет, ничего срочного. Я готовлю документы по делу метрдоителя из «Бархата», нужно посоветоваться.

Глава 7. О знакомствах старых и новых

Как и следовало ожидать, Алекс освободился только к вечеру. Разумеется, он понимал, сколько сложностей связано с увольнением Кормака, но на деле их оказалось даже больше. Необходимо было срочно решить, кого теперь назначить начальником отдела. Тье Эстер, бессменный заместитель еще предшественника Даффи, решительно отказалась от подобной чести. Да, она будет рада оказать любую помощь следующему начальнику, но помилуйте, милэрд, на себя такую ношу не взвалит. Как ни грустно это сознавать, но возраст... И здоровье оставляет желать лучшего. А такая должность — это постоянные задержки на работе, переживания, огромная ответственность. Нет, нет и нет! Впрочем, несколько дней исполнять обязанности начальника почтенная тье Эстер милостиво согласилась, и Алекс был рад уже такой отсрочке.

Франки уехали, забрав документы по трем представленным проектам, и Алекс до последнего мига надеялся, что Ленни найдет способ извлечь работу Маред хотя бы с одного вычислителя. Увы. Сгоревший накопитель конторского устройства восстановлению не подлежал, а с тем, что принадлежал Маред, бился технический отдел, но Леннерт откровенно сказал, что здесь нужен не техник, а опытный некромант, если таковые умеют воскрешать вычислители. И лично он советует использовать данный раритет как пресс-папье — больше тот ни на что не годится.

Про себя Алекс посочувствовал Маред Уинни: неизвестно, что там у нее еще пропало, кроме проекта. Разве что тье Уинни с ее педантичностью хранила архивы где-то еще. Что ж, следует хотя бы купить ей новый вычислитель. И не от себя лично, а в порядке компенсации от конторы, чтобы девчонка не отказалась. Но это подождет, главное — что там у нее со здоровьем.

Секретарь «Дигиталиса» по фонилю подтвердил, что тьена Уинни находится на обследовании, но состояние ее здоровья не внушает опасений. Наблюдающий ее врач делает благоприятные прогнозы. Его светлость может не сомневаться, в клинике «Дигиталис» к сотрудникам лэрда Монтроза всегда относятся с высочайшим вниманием.

Фразы звучали сухо и обтекаемо, и хоть было ясно, что медики честно отрабатывают страховой контракт с «Корсаром», Алекс укрепился в намерении сегодня же съездить в клинику. Но стоило ему собраться, в кабинет вошел Фергал Бреслин. Подтянул от стены стул, присел к столу. Посмотрел на папку с документами Даффи, лежащую поверх других бумаг, и спросил:

— Уверен, что стоило его выгонять?

— Уверен, — сказал Алекс, садясь обратно. — А ты думаешь иначе?

— Не время, — лаконично ответил Бреслин, откидываясь на спинку стула. — Мерзавец, но полезный. И много знает. Хотя...

— Вот именно, — кивнул Алекс. — Слишком много. Фергал, а ты знал, что он играет и по уши в долгах?

Фергал поднял взгляд на Алекса, поиграл желваками на скулах и нехотя отозвался:

— Знал. Но по уши — это преувеличение. Даффи вполне держался на плаву. Пока держался...

— Все равно, сам понимаешь, это был вопрос времени. Хорошо, что он сорвался на тендере, а не продал нас Корригану.

— Мое упущение, — сумрачно отозвался Бреслин. — Полагаешь, теперь не продаст?

— Что-то, может быть, и продаст, — вздохнул Алекс. — Но теперь, без допуска к работе, ему продавать почти нечего. Что мы можем сделать, чтобы прикрыть себя?

— Симмонс сменил коды, — хмуро начал перечислять Бреслин. — Вычислитель Даффи опечатан, документы он сдал. Тье ван дер Пол их проверила и утверждает, что все на месте. В отделе, разумеется, шум. Не то чтобы Даффи любили, но его считали своим, а тье Уинни — птичка залетная, на пару месяцев.

— Может быть и не на пару, — уронил Алекс. — Я подумываю предложить ей постоянный контракт.

— Ах, вот как, — совершенно без выражения сказал Фергал. — Тогда, конечно...

— Что «конечно»? — мягко поинтересовался Алекс. — Девушка чрезвычайно способная и в высшей степени трудолюбивая. Или ты полагаешь, сделай она плохую работу, Кормак стал бы рисковать?

— Не стал бы, — все так же скучно согласился Фергал, сплетая пальцы на колене. — И я никоим образом не считаю возможным влиять на ваш выбор служащих, милэрд. Мое дело — проверять и присматривать.

— Так... — вздохнул Алекс. — Давай уж, договаривай. Фергал, я тебя не первый год знаю, как и ты меня. Почтительный подчиненный из тебя тот еще, не стоит и пытаться.

— Вот потому, что мы друг друга давно знаем, — сухо сказал Бреслин, — я вообще что-то говорю. Служебные обязанности и способности тьены Уинни — это ваше с ней дело. Но если катаешь ее по городу в собственном мобилере, учитывай последствия.

— Вот оно что, — тихо отозвался Алекс. — Понимаю... Ну так вот, Фергал, мои отношения с Маред Уинни касаются исключительно нас, ты прав. Но чтобы избежать неясностей... Красивых вдовушек в Лундене гораздо больше, чем свободных мест в моей конторе. Уинни отлично работает. Раз уж зашла речь, этот проект она делала у меня на глазах. И делала — заметь — полностью сама, я туда ни одной буквы не добавил. Мне, знаешь ли, самому было любопытно увидеть результат. И шанс на победу у нее был, поверь, не зря Кормак испугался. Кстати, откуда ты узнал? Нас видели в городе?

— Нет, на стоянке мобилеров. Я приплачиваю сторожу, чтобы смотрел, кто с кем приезжает и уезжает. Иногда это очень полезно.

— Понятно, — усмехнулся Алекс. — Фергал, постарайся, чтобы дальше тебя это никуда не уплыло. Я-то просто развлекаюсь, а вот репутацию тье Уинни погубить не хотелось бы. Никому ведь не докажешь потом, что жалованье в «Корсаре» она отработывает тем, что в голове, а не под юбкой.

Бреслин молча кивнул, но пальцы расплел и вообще слегка расслабился. Оперся локтем на стол и поинтересовался:

— Так о чем ты хотел поговорить? Что там с «Бархатом»?

Алекс вытащил из ящика стола пару листов с тщательно вычерченным планом клуба.

— Вот, смотри, здесь нашли официанта Роллинса. Это помещение для прислуги, посетители в нем не бывают.

Он поставил карандашом крестик и продолжил:

— Здесь кладовка, которую взорвали. В нее тоже ходят только служащие. Получается, оба случая — дело рук кого-то в самом клубе? Или нас пытаются в этом убедить?

— Алекс, а ты уверен, что оба случая связаны? — помолчав, спросил Бреслин.

Прежде чем ответить, Алекс потянул еще один лист, выгадывая несколько мгновений

подумать. Объяснять Фергалу, что клуб принадлежит ему самому, не хотелось. Не то чтобы он не доверял Бреслину, однако... Сейчас — прав Сид Данше — он никому не доверял по-настоящему. Но и совсем ничего не сказать, оставив Фергала выяснять уже известные обстоятельства, нельзя.

Он развернул к Бреслину лист со списком клиентов, бывших в клубе в оба вечера. Подчеркнул имя Венсана арМоаля.

— Вот этот франк предлагал владелице клуба продать «Бархат» ему. Очень настойчиво предлагал и до сих пор не взял свое предложение обратно.

— Ах, во-о-от как, — протянул Бреслин, взглядываясь в листок. — Погоди, так он и во второй вечер там был!

— Был, — подтвердил Алекс. — Только в коридорах все время полно посетителей и прислуги, незамеченным в кладовку ему было не пройти.

— Может быть, не пройти, — задумчиво проговорил Бреслин, все так же внимательно разглядывая план, — а может быть... Неужели он за эти два вечера в уборную ни разу не вышел?

— Туалетные комнаты для гостей в другой стороне. А эти помещения почти рядом. Но прислугу полиция проверила, они никого и ничего подозрительного не помнят.

— А зачем вообще устраивать взрыв? Кстати, владелица продавать «Бархат» отказалась? Это ведь та самая знаменитая танцовщица Ресколь? Полусирена?

— Она самая. Да, тье Ресколь отказалась. И я тоже не понимаю, зачем взрывать? Убийство, взрыв... Что-то здесь одно с другим не вяжется. Метрдотель, разумеется, вовсе ни при чем.

— А если все-таки одно действительно не связано с другим? — прищурился Фергал, отрывая взгляд от бумаги и в упор глядя на Алекса. — Если убийство само по себе, взрыв — случайность, а франк вообще обычный клиент? Я не слишком верю в совпадения, но нельзя сбрасывать их со счетов.

— Нельзя, — вздохнул Алекс. — Итак, что у нас есть? Венсан арМоаль, эльф-квартирон, признанный своим Домом, кстати. В Лунден приехал недавно, в Лютеции у него небольшой собственный клуб. Зачем ему еще один в Лундене — решительно непонятно. Хотя если найти хорошего управляющего для одного клуба, а вторым управлять самому... Но почему именно «Бархат»?

— Репутация? Это ведь довольно известное заведение? И с этакой... славой...

— Репутация у «Бархата» особая, — согласился Алекс. — И если он действительно хочет заведение с уже сложившейся клиентурой и традициями, то «Бархат» — неплохой выбор. Но зачем кого-то убивать, чтобы уговорить владельцев на продажу? Да еще и действовать самому?

— Может, он сумасшедший? — совершенно серьезно предположил Бреслин. — Алекс, а ведь ты все равно прячешь в темноте какого-то гремлина.

Упрек был справедлив. Не стоило ожидать, что опытный и неглупый бывший полицейский не увидит пробелов в показанной ему картине. Алекс пожал плечами, откидываясь в кресле.

— Фергал, пойми и ты меня. Допустим, я признаюсь, что Анриетта Ресколь — моя давняя любовница. Это сильно что-то изменит? Все, что я знаю про арМоаля, я тебе рассказал. И не могу объяснить, почему связываю его с этим делом. Просто чутье так и кричит. Общих деловых партнеров ни у меня, ни у Анриетты с ним нет. Друзей — тоже,

только светские знакомые. Мы вообще впервые встретились месяц назад на вечеринке. Он известный в богемных кругах камерограф, снимает обнаженную натуру. Говорят, очень хорошо снимает. Имеет репутацию порядочного человека, насколько ее можно иметь при таких увлечениях. Вот и все. Возможно, ему действительно просто приглянулся «Бархат» как возможное удачное вложение средств в Лундене. И официанта убил кто-то другой. А нагреватель в кладовой взорвался сам. Все это вполне может быть, но поодиночке. А вот вместе получается...

— Вместе получается целый мешок гремлинов в темноте, — согласился Фергал, устало потирая виски. — Хорошо, я попробую расспросить старых знакомых в полицейском управлении... На сегодня все?

— Все, — подтвердил Алекс, вставая. — И если будет что-то непонятно в традициях «Бархата», спрашивай. Я понимаю, неподготовленному человеку трудно понять, как думают и поступают его завсегдатаи.

— Да легче разобраться в жизни приюта для умалишенных, — буркнул Фергал, тоже поднимаясь. — Не сомневайся, еще как спрошу...

После ухода Бреслина Алекс невольно поморщился — разговор оставил неприятный осадок. Как объяснить окружающим, что мораль, основанная на взаимных договоренностях взрослых разумных людей, может быть такой странной, но вполне действенной? В «Бархате» никто никого не принуждает, устав клуба строго запрещает встречи со слишком юными или не способными управлять своими желаниями особами. Запрещены дурманные снадобья, не поощряется злоупотребление алкоголем... И самое главное — для многих людей посещение «Бархата» — единственная и бесценная возможность проявить укротить внутренних демонов.

Садясь в мобилер, он вспомнил Шэннон ап Дилвери, которую порядочные люди называли бы извращенной развратницей. Только вот хватило бы у них самих порядочности из всех сил спасти смертельно больную девушку, у которой, кроме Шэннон, никого нет? И в чем тогда истинная порядочность?

«Дигиталис» встретил его восторженным возгласом главного целителя, как раз пробегающего куда-то по просторному холлу:

— Алекс, милый мой мальчик! Вы ли это? Только не говорите, что решили позаботиться о своем здоровье и по этому поводу не выпьете рюмочку со старым Соломоном!

— Почтенный Соломон, как я могу отказаться? Но только рюмочку! Я не пью, когда вожу мобилер.

— Но вы-таки всегда водите мобилер, — всплеснул руками Соломон Цойреф, брат Эбенезера Цойрефа и давний знакомый Алекса, тот самый, что когда-то раз и навсегда отучил его от курения. — Вот и Эбенезер говорит, что вы всегда и весь в делах, так что ему просто стыдно работать меньше собственного начальника. А я говорю, что дела делами, но их все не переделать, а надо ведь и отдыхать. И это я как доктор говорю, прошу заметить, а братец отвечает, что мои медицинские советы ему не по карману, наглец мелкий. Идемте, Алекс, идемте, я вам решительно назначаю рюмку бренди — и не спорьте.

— Как скажете, почтенный Соломон, — улыбаясь, покорился Алекс. — Но если позволите, я все-таки по делу. Сегодня в вашу клинику привезли молодую женщину...

— Помню-помню, — закивал Цойреф, вцепившись в рукав Алекса и ведя его к себе в кабинет. — Такая милая девочка и такая глупая! Разве можно так себя мучить? Алекс, вы же

ее начальник? Объясните девочке, что живая и здоровая она вам гораздо полезнее.

— Непременно, — согласился Алекс, устраиваясь в уютном кресле возле окна, за которым стремительно сгущались сумерки. — Почтенный Соломон, так что с нею?

— Ой, Алекс, да что там, кроме глупости! — махнул рукой Цойреф, тоже садясь в кресло и звоня в старомодный колокольчик, на звук которого из приемной тут же показалась секретарша. — Лиззи, деточка, подайте нам чаю и бренди. И найдите Мелвилла, пусть принесет мне бумаги тьены Уинни... Так вот, Алекс, у вашей девочки, дай Создатель ей здоровья, от переутомления резко поднялось давление крови. В ее возрасте нужно хорошо кушать и вовремя ложиться спать, а кофе пить для удовольствия, а не для того, чтобы работать днем и ночью. Нет, в самом деле, молодые люди невыносимы! Пороть их некому!

— Целиком и полностью согласен, — поддакнул Алекс. — И что же, она должна у вас остаться надолго?

— А вот это уже зависит исключительно от вас, — заулыбался Цойреф, снова всплескивая руками и даже слегка подскакивая на кресле. — Собственно говоря, мы готовы отпустить девочку хоть бы и сегодня. Все угрожающие здоровью симптомы — ах, вы не знаете доктора Мелвилла, такой талантливый мальчик — так вот Мелвилл их убрал. Анализы мы сделали. И вот тут возникла непредвиденная сложность...

— Говорите же, — попросил Алекс, вдыхая аромат цветочного чая, поставленного перед ним миленькой блондиночкой Лиззи.

— Так вот, обследование показало, — заговорил Цойреф уже серьезно, — что сердце и кровеносные сосуды у девочки в превосходном состоянии. Если бы не это, все могло бы обернуться куда печальнее, все-таки подобный криз — это не шутки. Именно так и случаются инсульты. Но девочка здоровая на удивление. Дай Создатель всем детям моей матушки такое сердце и сосуды, это ведь прелесть что такое, а не сердце. И я бы хоть сейчас проводил вашу тьену Уинни домой, чтобы она не занимала место в моей клинике, но...

В дверь постучали. Цойреф сорвался с места, нимало не смущаясь ни почтенным возрастом, ни столь же почтенной должностью, подбежал к двери и вернулся с какими-то бумагами, продолжая:

— Так вот о чем я... Насколько я смог понять, юная тьена работает у вас, Алекс, недавно? Потому что остальные ваши люди свое здоровье так не запускают, благодарение нам и вам, их начальнику.

— Всего пару недель, — подтвердил Алекс настороженно. — Она студентка.

Соломон Цойреф снова покивал, одним махом опрокинул рюмку бренди, причмокнул, взял чашку с чаем и подул на него, вытягивая губы. Осторожно пригубил чай, но снова поставил на стол.

— Понимаю... И лечилась она до этого у сущего коновала. Я бы ему руки оторвал и погнал из нашей профессии пинками. Нет, вы только подумайте! Девочка даже не знала, что перенесла пневмонию! Не далее как этой весной! Вы представьте, Алекс! Да у меня крови стынет в жилах! Она ее переносила не в постели, а посещая занятия! С жаром! Без анализов, без правильного лечения, с непонятным диагнозом...

Соломон Цойреф возмущенно поджал губы, став совершенной копией своего брата-близнеца, когда тот находил в документах какую-то ужасную, по его мнению, ошибку. Алекс тяжело вздохнул. Оба Цойрефа были великолепными мастерами в своем деле и от всех остальных ожидали того же, отказываясь понимать малейшее упущение. То есть понимать-то они его понимали, но возмущались каждый раз просто с упоением.

— Почтенный Соломон, — попросил он мягко, — окажите любезность, объясните мне как можно проще, что случилось и как это исправить?

— Ну да, Алекс, извините, — виновато закивал Цойреф. — Беда в том, что девочка не долечилась, да и лечением это назвать нельзя, если по совести. Ей просто назначили сильнодействующие, но плохо подобранные препараты. Они не вылечили инфекцию целиком, а загнали ее внутрь легкого, где образовался воспалительный очаг. Внешне это почти ничем пока не проявляется. Девочку познабливает вечерами, она покашливает в дождь и быстрее устает. Любая болезнь при таком общем ослаблении здоровья переносится гораздо тяжелее. Вообще-то с этим можно жить еще долгие годы, если организм изначально достаточно сильный, но постепенно его способность к сопротивлению будет все сильнее изнашиваться. И рано или поздно маленький очаг в легком разрастется, приведя к большим неприятностям.

— Так... и что? — осторожно поинтересовался Алекс, допивая отличный бренди и принимаясь за чай.

— Случай не соответствует нашему контракту, — развел руками Цойреф. — Алекс, вы же понимаете, что хорошая медицина — это деньги и время. В нашем с вами договоре четко указано, что ваша контора оплачивает лечение, если заболевание началось в период работы служащего у вас. Вот сегодняшний криз у девочки — это наша работа, без всякого сомнения. А воспаление, о котором я говорю, началось уже давно. Какие там две недели! Алекс, я никоим образом не подозреваю вас в жадности, Создатель упаси, но если юная тьена работает у вас временно... Ей нужно полежать в клинике хотя бы неделю, а потом еще долго принимать дорогие препараты. Лучше всего — фейрийские, они уж точно убивают любую заразу, как бы та ни пряталась в человеческом теле. И если учесть, что жизни ее болезнь пока что никак не угрожает, то нужно ли вам платить за паршивую работу моего, с позволения сказать, коллеги? Чтоб ему самому так лечиться, мерзавцу!

— Я понял, — кивнул Алекс, сделав очередной глоток чая. — Почтенный Соломон, думаю, в порядке исключения мой юридический дом оплатит все необходимое для выздоровления тьены Уинни. В следующем году она оканчивает Университет, и я собираюсь подписать с ней постоянный контракт. Поэтому ее работоспособность в моих интересах.

— Ах, ну да, тогда конечно, — радушно заулыбался Цойреф, отхлебывая из чашки. — Если уж нам все равно заниматься здоровьем этой милой девочки в дальнейшем, то лучше начать пораньше. Значит, назначаем полный курс лечения?

— Всецело полагаюсь на вас, — церемонно склонил голову Алекс. — Она пробудет в клинике неделю, вы сказали?

— Самое меньшее. И потом должна будет посещать нас какое-то время. Лекарства, конечно, можно принимать и дома... Кстати, следует ли нам известить ее родных?

— Боюсь, что тьена Уинни их не имеет. Она одинокая вдова. Почтенный Соломон, а могу ли я с ней поговорить? Хочу сказать, чтобы не беспокоилась об оплате ваших услуг.

— Почему же нет, Алекс? Девочка, наверное, дремлет после процедур, но вы ведь не собираетесь причинять ей беспокойство, а совсем наоборот...

Маред, однако, не спала. Маленькая одноместная палата больше походила на комнату в недорогом, но очень приличном пансионе: кровать, стол, трюмо в углу, обои в цветочек и кружевные занавески им в тон. Только легкий запах лекарств, оставшийся в комнате несмотря на открытое окно, сразу ломал этот старательно наведенный уют.

Алекс подвинул к кровати стул, присел и негромко спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно.

Тихий бесцветный голос, взгляд мимо — в стену. И, немного помолчав:

— Вы не знаете, когда меня отпустят?

— Боюсь, что не раньше, чем через неделю, — вздохнул Алекс. — Мне очень жаль, что так получилось, поверьте.

Ответом было молчание. Что ж, чего он ждал? Девушка еще не пришла в себя после такого потрясения, да и наверняка ее напоили успокоительным.

Алекс протянул руку и легонько провел по ее волосам, освобожденным от обычной строгой прически — теперь темные блестящие локоны свободно укрывали плечи Маред. Так и хочется запустить в них пальцы на всю длину, погладить, наклониться к чуть припухшим губам... Нельзя. Не сейчас. И опять целую неделю терпеть — это же с ума можно сойти.

— Маред, вам привезти что-нибудь? Книги, журналы, новый вычислитель?

— Не надо, — откликнулась девчонка.

Голос у нее заметно дрогнул, и Алекс выругал себя, вслух мягко сказав:

— Ну и правильно. Отдыхайте. Считайте, что у вас отпуск от работы и от меня заодно. Вы ведь понимаете, я не смогу приезжать каждый день. Меня здесь слишком хорошо знают, такое внимание будет выглядеть неприлично. Маред, но если вам что-нибудь понадобится — просто позвоните мне, хорошо?

— Хорошо, — так же послушно и бесцветно отозвалась она, и было совершенно ясно: не позвонит и не попросит.

— Маред, — терпеливо сказал Алекс. — Сейчас главное — ваше здоровье. Никакой проект, даже самый успешный, его не заменит, поверьте. Так что лечитесь и постарайтесь не думать о плохом. В вашем контракте с «Корсаром» указано, что медицинские услуги в период работы у нас полностью оплачиваются. Вы здесь уважаемая клиентка, не забывайте об этом. И мне действительно очень жаль.

— Кто это был? — тихо спросила Маред.

— Тье Уинни, меня сюда пустили с условием, что вы не будете нервничать.

— Вы думаете, что неизвестность для меня лучше? Кто это был, милэрд?

В голосе девчонки впервые за разговор прорезалось что-то живое, и Алекс прекрасно ее понимал. Не сказать — изведется еще сильнее.

— Тьен Даффи, начальник вашего отдела, — сказал он и поправился: — Бывший начальник.

— Бывший? — напряженно переспросила Маред.

В дверь заглянул молодой доктор, который привел Алекса сюда, предупредив, что долго беспокоить пациентку не стоит. Как же его... Мелвилл! Состроил грозное лицо, нахмутив широкие светлые брови, вытащил из жилетного кармана часы и выразительно показал их Алексу — время.

— Конечно, бывший, — спокойно сказал Алекс. — И начальник отдела, и служащий. Не буду же я держать человека у себя после такой низости.

— А проект? Там, на вычислителе...

Девушка приподнялась на локте, не обращая внимания, что одеяло сползло, показывая грудь, прикрытую лишь тонкой рубашкой.

— Маред, — еще мягче сказал Алекс, поднимаясь, — ваш лечащий врач сейчас выбросит меня отсюда за шиворот и будет прав. Я приеду в понедельник, хорошо? Лечитесь

и не думайте о работе. Вы совершенно себя измучили, теперь придется взять немалый перерыв, чтобы прийти в себя.

Выходя, он не удержался — обернулся. Маред лежала на спине, глядя в потолок, и выглядела совершенно потерянной и несчастной. Да, для нее отдых — наказание. И даже навещать ее почаще нельзя — в клинике неминуемо пойдут слухи о такой заботе хозяина конторы к обычной служащей. Впрочем, кто сказал, что Маред будет рада его визитам? Скорее уж наоборот. Но теперь хотя бы ясно, почему она так быстро и сильно уставала по вечерам. Посмотрим, как будет после лечения.

Садясь в мобилер, Алекс думал, что подводных камней в их отношениях становится все больше. Вот уже и Фергал знает, и Соломона вряд ли удалось обмануть — старый енохианин проницателен. С самого начала приводить тье Уинни в «Корсар» было рискованной затеей, неминуемо влекущей неприятности. Но на иную приманку она, пожалуй, не клюнула бы. И не переводить же ее в другую клинику, чтобы чаще видаться эту несчастную неделю. Здоровье девушки дороже, а в медиках «Дигиталиса» можно быть уверенным.

Ничего, пусть. А он в эту неделю может, наконец, уделить время Незабудке. Анриетта при последней встрече обронила, что Флория слишком вызывающе ведет себя в «Бархате», кокетничая со всеми напропалую. Можно не сомневаться — рассчитывает, что Алексу моментально об этом сообщат. И вот такие попытки манипуляции следует пресекать.

А дома его ожидал сюрприз — пакет от Кон Аннуина. Сид, разумеется, подписывался просто тьеном Данше, но на печати красовалась остроухая и остромордая морда охотничьего пса — Алекс невольно улыбнулся.

Умывшись с дороги и велев подать ужин в кабинет, он нетерпеливо вскрыл письмо. Три камерографии — их Алекс отложил на потом. А вот несколько листов копий, снятых с полицейских протоколов, прочитал очень внимательно.

Доклад сержанта Гарвисса, прибывшего на место аварии первым. Показания тьены Уинни. Сухое изложение фактов, за которым никак не хотел слышаться знакомый голос — и хорошо, что не хотел. Алекс помнил ее захлебывающиеся крики при виде обычных свечей. Краткая справка о погибшем: тьен Эмильен Уинни, двадцать пять лет, инженер Королевского управления технических дел, женат на тьене Маред Уинни, свидетельнице гибели. Обычная авария? Нет, вот протокол исследования остатков мобилера...

Инженер Уинни, оказывается, работал над новым мотором. Куча непонятных терминов — Алекс поморщился: ну не силен он в технике. Одно ясно — мотор был экспериментальный. И при резком торможении, чтоб не сбить пешехода, что-то случилось. Мобилер врезался в дерево и вместо того чтоб заглухнуть, как положено порядочному устройству с астероновым кристаллом, загорелся.

А вот и свидетельские показания тьена Уэсли Дарриша, студента Университета, двадцати двух лет. Возвращался с прогулки, увидел огонь. Молодец парень! Не побоялся подбежать к уже горящему мобилеру. Успел вытащить пассажирку — и тут окончательно полыхнуло. Маред, значит, отделалась легкими ушибами. И боязнью огня, о которой тогда, при составлении протокола, еще вряд ли кто-то знал.

Одно непонятно: каким непредставимым идиотом надо быть, чтобы, испытывая новый мотор, во-первых, посадить в мобилер пассажира, во-вторых — делать это на ночной улице города, а в-третьих — еще и пить за рулем? Ради Темного Ллира, если бы тьен Уинни выжил, его следовало бы судить по полудюжине статей! Впрочем, судя по тому, что вдова Уинни осталась практически без средств к существованию, вышеназванный Эмильен вообще

не отличался интеллектом и хоть какой-то рассудительностью.

Он взял камерографии. Эта явно свадебная. На ступенях храма долговязый юноша в плохо сидящем костюме обнимает Маред за плечи. На ней скромное светлое платье, на темных кудрях — шапочка с фатой, в руке — букет белых роз. Фата с лица Маред откинута, и — боги! — какие же у тье Уинни счастливые глаза! Огромные, сияющие, шальные... Слегка подкрашенные губы тянутся в удивленно-радостной улыбке...

Вторая камерография — набережная Темеза, вот знакомые очертания Большого Тома на заднем плане. То ли ранняя весна, то ли поздняя осень. Маред в том же самом легком светлом платье — одно оно у нее было нарядное, что ли? На прошлой камерографии девушка казалась взрослее, а здесь личико без следа косметики выглядит почти детским. Маред приникла к мужу, прижалась щекой к его плечу, на ее плечах — мужской сюртук, а у тьена Уинни поверх рубашки надет только жилет, хотя небо затянуто тучами и деревья голые. Непогода застигла их на прогулке?

Третья камерография: тьен Уинни красуется возле мобилера — спортивный «Кельпи», но очень старая модель. Лицо у тьена прямо-таки лучится довольствием, а в руках — бокал игристого вина, судя по пене. Отмечает успех? Маред рядом нет. Возможно, именно она снимала?

Алекс смотрел на счастливую физиономию Эмильена Уинни и бокал в его руке, изнемогая от бессильной запоздалой злости. Тупой сопляк! Почему ты не проверил проклятый мотор триста, пятьсот раз, прежде чем сажать в этот мобилер свою жену? Если бы не другой парень, почти твой ровесник, из дотла выгоревшего «Кельпи» достали бы два обугленных трупа, а не один. И снова резануло всплывшее в памяти: «Эмильен! Там Эмильен! Помогите ему!» И еще: «Уберите огонь. Я все сделаю, правда, все, только уберите...»

Он отодвинул тарелку с едва тронутым ужином. Впрочем, особо голоден и не был: сначала аперитив с франками, потом сладкий чай в клинике. Нет, есть не хотелось. Вернуться в Лунден и остаться на ночь в «Бархате»? Но он уже неделю не высыпался по-настоящему. Значит, расслабляющая ванна вместо обычного душа — и спать.

Но вместо этого он еще раз проверил зачем-то фониль. Обычная весточка от Флории. «Спокойной ночи, мой лэрд. Я лежу в постели и представляю рядом вас...» От Маред — ничего, разумеется. Алекс быстро напечатал «Сладких снов, Незабудочка моя», отправил и отложил телефон. Хватит глупостей. Пусть Маред и в самом деле отдохнет — она более чем заслужила...

Но на следующий день, и в воскресенье, и даже в понедельник ее фониль не отвечал на звонки. Алекс позвонил часов в десять утра, потом еще раз — в полдень. И это уже начинало раздражать. Если бы что-то случилось, ему давно сообщили, значит, девчонка попросту отключила фониль. Зачем? А если бы она понадобилась по служебному делу? Можно было, разумеется, связаться через клинику, но...

В перерыв на обед Алекс позвонил еще раз. Против ожидания, Маред ответила, еще тише и бесцветнее, словно издалека:

— Да, ваша светлость?

— Тье Уинни, я звоню вам третий раз, — едва сдерживаясь, сказал Алекс.

— Извините.

И вот что с ней делать? Он глубоко вдохнул, унимая раздражение:

— Что вам привезти?

— Благодарю, ничего. И приезжать не стоит. У вас, наверное, есть более срочные дела!

В голосе слышалась самая настоящая злость и обида, Алекс даже опешил. Что с ней такое? Ведь он же предупредил, что приедет в понедельник, а позвонить раньше не мог — она сама отключила фониль.

— Маред, — ласково поинтересовался он. — Вы не хотите мне ничего сказать? Например, почему вы позволяете себе разговаривать со мной в таком тоне?

— Извините, — снова прозвучало из трубки, и на этот раз голос был совсем иным, срывающимся в плач, а потом девчонка выпалила: — Не трогайте меня, прошу! Просто оставьте в покое!

Алекс слушал гудки в трубке, не понимая вообще ничего. Попытался перезвонить — и снова наткнулся на отключенный фониль. Что ж, он все равно собирался в клинику!

В этот раз, по счастью, обошлось без проводов: Цойреф-старший, как он любил себя именовать, хотя был старше брата ровно на пять минут, оказался занят. Определенно к лучшему: у Алекса не было настроения пить чай.

К Маред его тоже провели без лишних вопросов, доктор Мелвилл только предупредил, что пациентку ни в коем случае нельзя волновать: с утра у нее снова повысилось давление. И обронил с явным сожалением, что отпускать ее вчера домой тоже не стоило, но тье очень настаивала.

Домой? Алекс шагнул в палату с твердым намерением узнать, наконец, в чем дело. Очень любопытно, зачем тье изволила ездить к себе домой и почему вернулась с ухудшением самочувствия?

Маред лежала лицом к стене, почти с головой укрывшись одеялом. Это в июльскую влажную духоту!

Алекс присел рядом и ровно поинтересовался:

— Как все это прикажете понимать?

С полминуты девчонка молчала, потом нехотя отозвалась:

— Я не просила вас приезжать. Оставьте меня в покое! Что, если платите за лечение, так можно...

Что можно — она не договорила, снова сорвавшись на всхлип. Алекс достал часы, глянул — полтретьего. Ничего срочного или обязательного сегодня в распорядке нет, но даже если бы и было...

— Маред, — сказал он так мягко, как только мог. — Что случилось? Обычно вы себя так не ведете. Чем вас обидел лично я?

И попал прямо в точку. Девчонка, явно ожидавшая иного, всхлипнула опять, сжалась под одеялом, замотала головой, пытаясь зарыться в подушку. Алекс немного подождал, потом протянул руку и осторожно погладил девушку по плечу, повторив:

— Маред...

— Ничем, — ответила она из-под одеяла, не поворачиваясь к Алексу. — Ничем вы меня не обидели. Простите. Я не хотела... Просто...

— Случилось что-то неприятное? — ровно продолжил Алекс. — И вы разозлились на меня, потому что рядом оказался именно я, верно?

— Простите, — измученно повторила Маред. — Не надо приезжать, правда. Вам совсем не обязательно... Если я не нужна по службе...

— Девочка, — вздохнул Алекс, — ты мне нужна, и далеко не только по службе. Мне не нравится твое поведение, но тебе ведь и самой оно не нравится, так? Не проще все-таки

сказать мне, что случилось? Вдруг я могу это уладить или исправить?

— Не можете, — после паузы, которую Алекс терпеливо переждал, отозвалась Маред. — Извините, но... вы действительно не можете. Я...

Она опять замолчала, потом сказала глухо:

— У меня на этом вычислителе был весь архив. Все мои работы и... камерографии. Отца, нашего дома и...

Она снова всхлипнула. Несложно догадаться, чьи там еще были снимки. Мужа, разумеется.

— И никаких копий не осталось? — бесстрастно уточнил Алекс.

— Бумажных — нет. Был альбом... Но его в прошлом году залило, когда у нас в доме испортилась водонапорная труба. Я... так радовалась, что остались камерографии в вычислителе! И когда собиралась к вам, все скопировала на ключ-камень. Оставила его в квартире. А вчера...

Едва сдерживаясь, чтоб не разрыдаться, Маред продолжила:

— Вчера я поехала домой. То есть в квартиру. Думала, возьму ключ-камень...

Что Алекс обещал ей привезти вычислитель, вслух не прозвучало, но понятно же... Он молча ругнул себя, что и вправду не сделал этого. Сладости купил по дороге, фрукты, а вот вычислитель не взял.

— А ключ-камня — нет, — почти шепотом закончила Маред.

— Ты уверена? Не могла убрать его в другое место?

— Нет... Он был в ящике стола. Пустом. Захочешь — не потеряешь. Ладно, что я...

— Да, — негромко сказал Алекс. — Здесь я действительно вряд ли помогу, прости.

— Вы тоже, — совсем по-детски попросила Маред, — простите меня, пожалуйста. Я не хотела быть грубой. И вам на самом деле не нужно приезжать, я же понимаю... Все равно я почти все время сплю.

И снова замерла, прячась в одеяло от Алекса и всего мира заодно.

Перед тем, как уехать, Алекс заручился уверениями доктора Мелвилла, что для тье Уинни делают все возможное. Лучшие препараты, массаж ароматными маслами и ванны с ними же, полный покой и деликатная забота персонала клиники.

Алекс кивал, старательно изображая, что просто оценивает качество услуг, предоставляемых его служащим, но думал совсем о другом. Допустим, купить новый вычислитель — пустяки. Но беда в потерянных данных. Маред в Лундене совершенно одинока, дом в родном городе она продала, и архив был ее единственной настоящей ценностью. Распечатать утерянные камерографии снова она то ли не собралась, то ли просто не могла: качественная печать снимков — удовольствие не из дешевых. Поистине беда. Но попытаться-то хотя бы можно?! С этой мыслью он и уехал обратно в контору.

Из-за плотно закрытой двери его технического отдела слышались странные звуки. Визг, скрипы и что-то вроде... выстрелов?

Войдя, Алекс застал картину, которой любой начальник просто обязан был возмутиться! Его отдел в полном составе собрался в углу, окружив стол с поднятым на подставку экраном. Поверх задранных голов на экране можно было рассмотреть какую-то игру из тех, что в последнее время стали появляться для вычислителей. По ночному городу бежал одетый в серебристые доспехи охотник, размахивая двумя мечами длиннее себя. Время от времени из подворотен и с крыш на него кидались твари с оскаленными пастьми, которых охотник героически поражал и мчался дальше. Алекс, никогда подобным не

интересующийся, все-таки знал, что для создания такой игры требуется огромное количество рисованных картинок и годы труда, поэтому даже копии игр пока что безумно дороги.

Сбоку от компании еще на одном столе высился ящик пива. Время от времени к нему, не глядя, протягивалась чья-то рука, нащупывала бутылку и утаскивала, передавая дальше. Очередной удар охотника оказался неудачным, тварь не легла сразу, а кинулась в рукопашную, и раздался слаженный стон-крик:

— А, баргест тебя разорви! Давай, Ленни! Кроши его!

Хмыкнув, Алекс подошел сзади, молча полюбовался рабочим единением отдела. Присел на край стола рядом с пивом и поинтересовался:

— Надеюсь, вы на стороне сил света, почтенные тьены?

Полдюжины голов, как по команде, повернулись к нему, и кто-то протянул:

— Ой, Ллир Темны-ый...

— Что-то вроде него, — согласился Алекс, доставая из ящика бутылку. — Практически мое второе имя. Не отвлекайтесь, коллеги, не отвлекайтесь.

— Ваша светлость! — взмолился Леннерт Симмонс, выбивая по клавишам дробь, которой позавидовал бы любой виртуоз-музыкант. — Хоть увольняйте, только позвольте доиграть! Мы всем отделом три месяца деньги собирали! Я первый так далеко прошел!

— Ленни, — усмехнулся Алекс, по старой привычке срывая крышку с бутылки прямо пальцами, — ну что ты, право. Играйте, я посижу, посмотрю.

Он глотнул из горлышка, забавляясь растерянностью молодых техников. Впрочем, о нем тут же забыли или сделали вид, что забыли. На большом экране, явно собранном из двух, если не больше, охотник уже раскроил тварь на лоскутки, но из-за узнаваемого силуэта королевского дворца вылезало поистине гигантское чудовище, герой-охотник рванул к нему — и про Алекса забыли по-настоящему.

Минут десять он терпеливо наблюдал, потягивая отличное пиво и слушая возгласы на жаргоне техников, где мог понять от силы половину слов, да и те наверняка имели значение, отличное от общепринятого. Не всерьез же они советуют Ленни бросить вертел и взять мешок апельсинов? Ах вот как! Взрывные снаряды вместо меча...

И, пожалуй, стоит поинтересоваться, кто производит эти игрушки? Может быть, удастся прикупить пакет акций или даже, чем Ллир не шутит, когда Луг отворачивается, вложить деньги в собственное производство? Сдается, рано или поздно эти игры станут не штучными забавами для избранных, а очень солидным делом. Как мобилеры или те же вычислители. Люди любят игрушки и не жалеют на них денег.

— Вали его, вали! Руби! Да! Да! Есть!

Отдел взорвался восторженным ором, почтенные техники хлопали друг друга по плечам и радовались, будто истребили подобную тварь на самом деле, ругались в Ллира, баргеста, боуги и всю нечисть вместе взятую, смакуя, как они — этих!

Алекс молча умилялся на великовозрастных деток, неторопливо допивая бутылку, остальные мгновенно расхватили жаждущие победители. А потом к нему пробился Симмонс и негромко сказал:

— Ваша светлость, извините. Это исключительно моя дурость, остальные ни при чем.

— Ленни, — слегка напоказ вздохнул Алекс. — Когда я был против забав, если они не в ущерб делу? Но теперь нам бы поговорить.

Кивнув, техник открыл перед ним дверь в стене общей комнаты, за которой оказалась

каморка. Здесь было тихо, закрывшаяся дверь словно отрезала их от всех звуков, только на столе шумел и попискивал странный агрегат, в котором смутно угадывались четыре вычислителя, частично разобранные и причудливо соединенные проводами. Агрегат подмигивал огоньками, внутри него шелестело. Симмонс жестом предоставил Алексу единственный стул, а сам по-мальчишески присел на подоконник.

— Ленни, я насчет того вычислителя, — сказал Алекс, садясь.

Гений и победитель нечисти тоскливо вздохнул:

— Милэрд, я же говорил. Только выкинуть.

— Говорил, — согласился Алекс. — Данные снять тоже невозможно?

Ленни скривился, словно откусил от лимона, и нехотя выдавил:

— Теоретически — возможно. Только это как... даже не знаю... горсть гвоздей по полю рассыпать, а потом собрать. Там согрело все почти дотла. Обычными методами не восстановить точно, а вручную...

— Ленни, — проникновенно попросил Алекс, глядя ему в глаза. — Попробуй. У тьены Уинни там остался весь личный архив. Она сирота и вдова, эти данные для нее — непредставимая ценность. Из-за этой истории она лежит в клинике, а виноват наш человек, хоть и бывший.

Симмонс почесал нос, тоскливо покосился на весело мигающий агрегат, вздохнул. Видно было, что ему смертельно хочется отказаться, но теперь, после игры и пива рабочим днем... Алекс ждал, понимая, что не исполнить прямой приказ Леннерт не может, но ведь можно выполнить его по-разному.

— Я попробую, — сказал техник уныло. — Не обещаю, милэрд, но попытаюсь. Что смогу — соберу по кусочкам. Но на это уйдет несколько дней.

Алекс вспомнил мельком увиденную в документах тье Уинни дату. Да, как раз скоро у нее день рождения. Раньше времени Маред обнадеживать не стоит, но если получится — подарок будет отличный.

Он вытащил чековую книжку, оторвал заполненный чек без суммы, протянул Симмонсу.

— Ленни, купи вычислитель сам. Возьми действительно хороший — это извинение от конторы. И все, что сможешь восстановить, отправь на него. За неделю будет готово? И если получится, я тебе останусь должен. Не как начальник, а лично.

— Ваша светлость!

— Не спорь с начальством, — улыбнулся Алекс, поднимаясь. — Скажешь, когда в следующий раз у вас игра — приду с пивом.

Глава 8. Подарки по поводу и без

Как и предупреждал, его светлость Монтроз в клинике больше не появлялся. Правда, исправно звонил утром и вечером, но говорил мало и сдержанно, только спрашивал, не нужно ли Маред чего-нибудь. Тогда, в понедельник, он, оказывается, привез фрукты, а в среду в палате Маред снова появилась корзинка, на этот раз с роскошной коробкой трюфелей. К конфетам прилагалась карточка «Отдыхайте и выздоравливайте. А. М.», и несколько светских журналов для легкого чтения. Маред пролистала их с отвращением и отдала миленькой горничной, убиравшей ее палату.

Пилули, микстуры, инъекции... Маред покорно подставляла сгиб локтя под блестящие тонкие иглы, принимала ванны, пила лекарства и ложилась под бесстрастно умелые руки массажистки, чувствуя себя, как на самой утомительной и скучной работе. В перерывах ковыряла обильную и вкусную, но не вызывающую никакого аппетита еду и спала. После утренних процедур — до обеда, потом до вечерних процедур, а после них укладывалась на ночь и снова засыпала почти мгновенно.

В сонном забытии потерялись вторник и среда, а в четверг она проснулась с совершенно ясной головой, но расслабленная, с тяжелым и непослушным телом, мягким, как у наполненной ватой куклы. Встала к завтраку, чувствуя, как лень даже шевелиться, подышала чем-то горьким, прижав к лицу пропитанную лекарством марлевую маску, выпила микстуру. И, лежа в ванне, думала, думала, думала...

Казалось, что провал с конкурсом был не неделю назад, а давным-давно и вообще не с ней. словно это стало некой границей: Маред — до, и Маред — после. Теперь она хорошо видела всю наивность своих надежд и глупость непременного предвкушения успеха. Бедные трудолюбивые сиротки получают награду за упорную работу только в сказках да поучительных историях для детей, а в жизни... В жизни все достается таким, как Даффи. Правда, Монтроз его уволил, но это скорее исключение, чем правило. Просто лэрд не прощает предательства — и ей стоит хорошо это помнить.

В комнату, отделенную от ванны ширмой, чтобы пациентка могла принимать ванну, не смущаясь сидящего рядом доктора, кто-то заглянул, и женский голос произнес:

— Доктор Мелвилл, к тьене Уинни пришли с визитом.

— Да-да, Кэти, — отозвался Мелвилл, — пусть немного подождут. Минут десять.

Посетитель? Маред напряглась, пытаясь угадать, кто мог бы ее навестить? Лэрд приезжать не собирался, он звонил после завтрака и ничего об этом не говорил? Решил сделать сюрприз? Или кто-то из отдела заглянул? Ох, лишь бы не Даффи!

— Можете выходить из воды, тьена, — сообщил Мелвилл, скрипя ручкой по бумаге. — Платье пока не надевайте, я еще раз послушаю ваши легкие.

Маред выбралась из ванны, вытерлась приготовленным полотенцем и накинула длинную хлопковую рубашку, закрывающую ее от шеи до пят, но тонкую — специально для осмотров.

— Еще чуть-чуть, — попросил Мелвилл, прижимая стетоскоп к ее спине. — Вдохните поглубже и задержите дыхание. Да, вот так... хорошо... Прекрасно! Вызвать вам горничную?

Маред покачала головой. Темно-синее платье, в котором ее привезли из «Корсара», вполне можно было надеть и самой, если без корсета, а его-то у Маред как раз отняли.

— Что ж, послезавтра, полагаю, вы нас покинете, — бодро сообщил доктор, деликатно

отвернувшись к окну. — Процесс выздоровления идет замечательно, организм у вас прелестно крепкий. Будете только ездить к нам два раза в неделю, пока окончательно не окрепнете.

Маред вздохнула, застегивая последнюю пуговку, вспомнив, что ездить придется прямо из конторы, а значит, в эти дни она будет пропускать занятия в школе вождения. Как жаль... У нее ведь уже так хорошо получается! Мобилер слушался ее идеально, и наставник, помнится, обещал, что со следующей недели они будут ездить по городу. Но вот не вышло...

Она вышла из ванной комнаты в коридор, потом на крыльцо небольшого двухэтажного здания — и сразу наткнулась взглядом на знакомое лицо, которое совершенно не ожидала увидеть!

— Коллега Уинни!

Сидящий на скамье перед цветочной клумбой Оуэн Макмиллан встал и поклонился.

— Ваша светлость... — от растерянности пролепетала Маред. — Вы?

— Только не титулом, умоляю, — серьезно попросил Макмиллан, окинув ее с ног до головы быстрым взглядом. — Если, конечно, вы на меня за что-то не обиделись. Нет? Прекрасно. Позвольте пригласить вас на чашку чаю? Здесь совсем рядом, за углом, недурная кофейня.

— А почему чаю? — не сумела спросить ничего умнее Маред, чувствуя, как губы сами собой расплываются в глупой счастливой улыбке.

— А вам можно кофе? Обычно, стоит попасть в лапы служителей медицины, они первым делом его запрещают.

— Мне можно все, — уверила его Маред. — Но мой вид...

Она с растерянностью вспомнила, что утром причесалась не как обычно, а гораздо небрежнее, рассчитывая уложить волосы после ванны. И туфли не на каблуке, а больничные, мягкие и на низкой подошве. И корсета нет!

— Замечателен, — твердо сообщил Оуэн. — То есть несколько непривычно видеть вас без темных кругов под глазами, но я свидетель, что эта перемена только к лучшему. В остальном вы выглядите прекрасно. И вообще, считайте, что я вас похищаю. Жертва похищения имеет право на некоторые нарушения этикета, не так ли?

Переложив под мышку небольшой сверток, который держал, он протянул ей руку, и Маред приняла ее, чувствуя, как теплеет на сердце. Оуэн вспомнил о ней! И даже не просто позвонил, а приехал! Бригитта милосердная, как же приятно! И особенно хорошо, что он держится так свободно, с обычной легкой насмешливостью, лишенной тени пошлости или навязчивости. Как друг!

Кофейня и вправду оказалась совсем рядом. Едва войдя, Маред вдохнула ароматы, пропитавшие воздух, и едва не застонала от наслаждения.

— Кофе! — выдохнула она счастливо. — Кофе...

— Коллега Уинни, — усмехнулся Макмиллан, — вы выглядите точь-в-точь, как кошка моей матушки, добравшаяся до клетки с канарейками. У вас горят глаза, а усы не топорщатся только потому, что их нет. Неужели вам совсем не давали кофе? Всю неделю? Какие негодяи!

Маред молча кивнула, действительно осознав, что не пила кофе с утра прошлой пятницы, а сегодня — четверг. Значит, прошла неделя. Что ж, попереживала — и хватит.

Первую чашку они выпили в полном молчании. Оуэн — вольно облокотившись на подоконник, возле которого сидел, Маред — напротив него, смакуя каждый глоток и млея от

удовольствия, чуточку непристойного и от этого более острого. Она покинула клинику, чтобы посидеть в кофейне! Мало того — не одна, а с молодым человеком. Не причесанная, не одетая, как полагается, в туфлях без чулок! И он смотрит на нее не с осуждением, а совсем иначе! Как именно смотрит на нее Оуэн Макмиллан — Маред побоялась даже обдумывать. Наверняка у лэрда всегда такие эксцентричные манеры — он ведь аристократ... И в этом приглашении нет ничего особенного... Наверное...

— Сварите еще две порции, — окликнул Оуэн официанта. — Коллега Уинни, что вам угодно из здешнего меню? Кажется, они подают не только обычные пирожные, но и мороженое.

— Кофе, — твердо сказала Маред. — Только кофе. Я совершенно не голодна!

— Как скажете. Кстати, это вам.

Он положил на стол сверток, упакованный в оберточную бумагу и по форме напоминающий коробку. Маред напряглась.

— Я... право...

— Не отказывайтесь, пока не развернули, — хмыкнул Оуэн. — Вам даже не любопытно?

Что ж, она ведь не может быть настолько невежливой, правда? Маред потянула за кончик ленты, распустила обвязку и развернула бумагу. Не коробка — книга! Бригитта и Луг...

— «Лэрд Гилмур и тайна принцессы Холмов», — прочла она неверяще. — Это... новый роман?! Но он ведь должен был выйти только в следующем месяце! Его ждут уже год!

— Открою вам секрет, — безмятежно сообщил Оуэн, едва заметно улыбаясь, — в типографии из первой партии сразу откладывают примерно дюжину книг задолго до поступления в магазины. Для ее величества — она поклонница творчества тьена Артемиуса, для премьер-министра и для главы Паучьей службы. А еще для Князя вампиров Лундена и двух-трех глав эльфийских домов. Ну и для меня в частности. Потом их доставляют тьену Артемиусу, и он подписывает экземпляры перед отправкой адресатам. Вышеупомянутые лица собирают коллекцию, насколько мне известно. Думаю, мне придется послать тьену на подпись другой экземпляр, потому что этот — ваш.

— Мой... — завороченно отозвалась Маред, погладив переплет кончиками пальцев и осторожно открыв его.

На белом форзаце книги черными чернилами красовалась надпись: «Драгоценной тьене Маред Уинни от автора с наилучшими пожеланиями».

— Вы... попросили его подписать книгу! — ахнула Маред, поднимая глаза на довольно щурящегося Макмиллана. — Для меня! Самого Артемиуса!

Лэрд являл собой иллюстрацию к собственному примеру про кота и канареек, только теперь кот удовлетворенно озирает уже пустую клетку.

Одна из дюжины книг, отложенных для самых влиятельных людей и нелюдей Великобритании! Задолго до официальных продаж! С автографом!

Маред чуть не задохнулась от переполнявших ее чувств, безмолвно глядя на Оуэна почти с испугом. Конечно, она и раньше понимала, что лэрд Макмиллан из очень влиятельной семьи, но как-то не осознавала — насколько.

— Ну, я подумал, что лежать в клинике — ужасно противное занятие, — пожал плечами Макмиллан, принимаясь за вторую чашку как раз принесенного кофе. — А это вам точно должно скрасить скуку. Правда, я не удержался и прочитал ее вчера вечером. Надеюсь,

вы не в претензии.

— Ох, благодарю, — только и смогла пролепетать Маред, вцепившись в драгоценный томик и прижав его к груди. — А вам точно подпишут еще одну? Я читала, что тьен Артемиус крайне нелюдим. Он никогда не показывается на публике и никого не принимает в своем поместье.

— Не беспокойтесь, — махнул рукой Оуэн. — Мне — подпишут. Я знаком с настоящим тьеном Артемиусом.

— Как — настоящим?

Маред вспомнила портреты в журналах. Немолодой осанистый мужчина с темной бородкой и неизменной трубкой — ни разу тьен не был изображен без нее. Он разве не настоящий?!

— Обещаете, что никому не скажете? — улыбнулся Макмиллан.

Маред завороченно кивнула и выдавила:

— Бригиттой клянусь.

— На самом деле никакого тьена Артемиуса не существует, — понизив голос, сказал Макмиллан, слегка наклоняясь к ней. — Не знаю, кто там на портретах, но подозреваю, что какой-нибудь садовник. С Ви вполне станется.

— Ви?

— Истинный автор. Ви — дочь старых знакомых нашей семьи. Она немного старше меня и очень милая.

— Но... зачем? — прошептала Маред. — Зачем ей скрываться?

— А вы как думаете? — сожалеюще вздохнул Макмиллан. — Пока все считают, что романы про лэрда Гилмура пишет пожилой бородач Артемиус, образованный, знающий жизнь и людей мужчина, все восхищаются логикой и изобретательностью автора. Но если станет известно, что автор — прелестная молодая блондинка... Романы Ви тут же обзовут женским чтивом. Так что молчите тоже, прошу вас. Уж вы-то должны понимать...

— Конечно, — растерянно сказала Маред. — Я никому и ни за что. Но... никогда бы не подумала... что женщина может — так!

— Многие не подумали бы, — хмыкнул Оуэн. — Вообще-то, стряпчий — тоже не женская профессия, никогда не слышали подобное мнение? Тьен Даффи очень своеобразно вступил с ним в полемику. И кстати, когда вы возвращаетесь на работу?

Маред не сразу сообразила, что вопрос адресован ей.

— Полагаю, в понедельник. Скажите, — набрав воздуха, она быстро продолжила, стараясь говорить как можно небрежнее. — А тьена Даффи действительно уволили?

— О да, — отозвался Макмиллан, задумчиво изучая меню. — В тот же день. Лэрд Монтроз был очень зол.

— А... конкурс? Кто его выиграл?

Голос все-таки предательски дрогнул, но Оуэн даже взгляда не поднял от перечня блюд, будто это было невесть какое интересное чтение, и Маред мысленно поблагодарила его за деликатность.

— Работа Даффи и Форс. Конечно, представляла ее сама тье Жаклин, Даффи и близкие туда не подпустили. Но у остальных тоже было неплохо. Франки были впечатлены.

Комок, сегодня то и дело застревающий в горле, на этот раз обосновался там так плотно, что даже дышать стало трудно. Маред глотнула кофе, почти не чувствуя вкуса, обожгла язык. А Макмиллан продолжил так же ровно:

— Разумеется, тьена Форс в одиночку ни за что не справится с таким колоссальным заказом. Так что лэрд Монтроз сказал, что работать будут все, кто изначально участвовал в конкурсе. Все шесть человек.

— Шесть? — Маред быстро вспомнила имена. — Но если тьен Даффи ушел... Осталось пять!

— Почему пять? Жаклин Форс, Леон Бигль со своей Тилли, тьена Дорриш, тьен Лоустиц и вы. Кстати! Представляете, это Леон таскал у Тилли печенье!

— Как Леон? Зачем? О, погодите... И я?

— Коллега Уинни, это вы кокетничаете или в самом деле не понимаете? — иронично поднял бровь Макмиллан, отрываясь от меню и поднимая взгляд на Маред. — Ваш проект видел тьен Даффи, так? И оценил его настолько высоко, что загубил, в итоге поплатившись службой и карьерой. Что это говорит о проекте? Или вы думаете, что лэрд Монтроз не способен сложить два и два?

— Я не думаю, — тихо сказала Маред. — То есть не думала...

— Вам вредно подолгу не пить кофе, — серьезно сказал Оуэн, только в глазах его плясали веселые и совсем не обидные искорки. — Список уже утвержден, потому я и спрашивал, когда вы выйдете на работу.

Маред в замешательстве отпила еще кофе. Обожженный язык побаливал, но не настолько, чтобы мешать смаковать восхитительную горечь, наполняющую рот.

— Да, кстати, — небрежно сообщил Макмиллан, — можете меня поздравить. Мы с лэрдом Монтрозом пришли к согласию, что в отделе судебного представительства я принесу меньше вреда его конторе и собственному душевному равновесию.

— Как жаль! — вырвалось у Маред. — То есть я хотела сказать...

Она замялась, чувствуя себя невежливой глупышкой и испугавшись, что Макмиллан, того и гляди, поймет ее неправильно, однако Оуэн кивнул:

— Ну, каждому свое. Вы в финансовых делах как рыба в воде, а меня они раздражают.

Третью чашку они пили тоже молча. Маред боялась нарушить хрупкое равновесие, установившееся между ней и ее странным знакомым. Оуэн Макмиллан поменяет отдел — и все? С одной стороны, будет намного проще: никаких неудобных вопросов и слишком острых взглядов, никаких проницательных догадок и сования носа в дела Маред. С другой стороны — как-то тоскливо...

Оуэн был особенным, совсем иным, чем большинство мужчин вокруг Маред. Умный, ироничный, резковатый, но искренний. Это Оуэн щедро поделился с ней шансами на выигрыш в конкурсе. А потом приехал к ней в клинику, да еще привез такой роскошный подарок! Роскошный не стоимостью, а вниманием. И ведь понятно, что Маред не привлекает его как женщина, во взглядах и интонациях лэрда Макмиллана нет ни капли мужского азарта и желания очаровать. Но тогда — почему?

И конечно, Оуэн имеет полное право заниматься тем, что ему интересно. Они ведь не дети, чтобы непременно играть в одной песочнице. А кофе горчит, потому что уже третья чашка. Хватит, пожалуй, а то Маред действительно покажет себя совершенно неучливой особой.

— Что ж, коллега Уинни, — мягко сказал предмет ее раздумий, поднимаясь. — Не смею и дальше откладывать ваше долгожданное свидание с лэрдом Гилмуrom. Но если в понедельник вы пожелаете скрасить обеденный перерыв обсуждением его нового расследования, то позвольте напомнить — за вами чашка кофе.

Маред подняла взгляд. Макмиллан смотрел... выжидающе? В углах его узких, резко очерченных губ пряталась усмешка, делающая некрасивое лицо лэрда еще более неправильным, но неожиданно очень обаятельным.

— О да! — радостно выдохнула Маред. — И благодарю вас! За книгу... и остальное...

— Пустяки, право.

Очередной взмах рукой, быстрая улыбка, поклон. Маред вышла из кофейни вслед за расплатившимся лэрдом и покачала головой на предложение проводить ее обратно в клинику. Нет-нет, она с удовольствием прогуляется сама. Настаивать Макмиллан не стал.

Маред проводила его взглядом, подняла голову, ловя раскрасневшимся лицом приятный ветерок. Сдула принесенную им и прилипшую к губам пушинку и залюбовалась на редкость ясным для Лундена небом. В вышине, словно нарисованные легкой кистью художника, плыли перья облаков, придавая пространству перспективу и глубину. На лицо упала еще одна пушинка, словно кусочек облака оторвался и опустился вниз. Маред сама улыбнулась этому детскому сравнению, но впервые за долгое-предолгое время ей стало легко и свободно. Все беды и сложности, навалившиеся в последнее время, если не исчезли, то будто отодвинулись, давая передохнуть. «Прав Макмиллан, нужно чаще пить кофе», — усмехнулась она про себя, прекрасно понимая, что кофе ни при чем. Просто... — Ах, да лети оно все по ветру, как тополиный пух!»

Она неторопливо дошла до клиники, дыша горячим и влажным летним воздухом с особенным удовольствием. Смущенно извинилась перед несколько обеспокоенным доктором Мелвиллом. Впрочем, почтенный медик сразу признал, что прогулка определенно пошла его пациентке на пользу, и порекомендовал гулять чаще.

А когда Маред вернулась к себе и присела на постель, впервые не чувствуя себя в уютной палате, как птица в клетке, на столе зазвонил фониль. Она глянула на экранчик с высветившимся именем, досадливо поморщилась, но аппарат все-таки взяла.

— Маред, ну куда же ты пропала? — раздался в трубке чистый звонкий голос Изабель Кармайкл. — Я звонила тебе пару дней назад... Хотела пригласить на мороженое в новой кофейне. И ты обещала приехать ко мне в гости!

— Изабель, прости... я не могу, — вздохнула Маред и подумала, что лучше не врать: — Я в клинике.

— Ой... — послышалось после паузы. — Ты заболела? Надеюсь, ничего серьезного?

— Нет-нет, — заверила Маред. — Пустяки.

— В самом деле? Но... погоди, ты ведь наверняка в муниципальной больнице?

А потом Изабель, помолчав, решительно высказала совсем не то, чего от нее ожидала бы Маред:

— Муниципальные больницы — это ужас что такое! Там совсем не умеют лечить! Скажи, где ты? Мы с матушкой приедем и заберем тебя к нам домой. У нас отличный семейный врач, а если понадобится, устроим тебя в приличную клинику!

— Да нет же! — запротестовала изумленная Маред. — Не стоит беспокойства! Я как раз в клинике и очень хорошей!

— В самом деле? Ну ладно, тогда я просто привезу тебе что-нибудь. Маред, мне правда не сложно! Болеть — это так мерзко и противно... Тебе можно сладкое?

— Не надо, Изабель. Я... меня выписывают уже послезавтра.

— Ах, значит, и правда ничего опасного? Я рада! Маред, милочка, не подумай, что я навязываюсь... Мне, право, до сих пор неловко, что я подвела тебя тогда с оплатой. Ты ведь

не обижаешься? Хочешь, мы приедем тебя забрать? Ты могла бы погостить у нас несколько дней. И если что-нибудь нужно... Лекарства, например... Ты ведь совсем одна в Лундене, я даже представить не могу, каково это. Только не вздумай стесняться, ради Керидвен!

— Да я... Изабель, я тебе очень благодарна... Очень-очень...

Маред перевела дух, снова глубоко вдохнула, растерянно и растроганно подумав, что от кого-кого, а от легкомысленной красотки Изабель она участия точно не ждала.

— Не беспокойся, — продолжила она как можно убедительнее. — Меня навещают, а потом я поеду к... родственникам. Они дальние, но все равно... И я пока поживу у них за городом.

— Ах, как чудесно! Ты будешь жить в поместье?

— Не совсем. У них коттедж в Мэйд Вэл.

Маред сама не знала, почему выпалила настоящее название пригорода, где жил Монтроз, но потом поняла: ей так хотелось хоть раз в жизни если не встать вровень с Изабель, то хотя бы почувствовать себя не хуже. Могут ведь у нее быть родственники? Пусть дальние, но заботливые и славные. И почему бы им не жить в респектабельном районе, который не стыдно назвать в любом обществе? Устраивать пикники, кататься на лодках и снисходительно, но тепло относиться к одинокой бедной родственнице из провинции?

Маред почти поверила на мгновение, что они есть. В конце концов, как сказал лэрд, если родственников нет, очень трудно доказать их отсутствие. Тогда, улыбнувшись шутке, она и не поняла, насколько грустно это звучит. Неужели лэрд тоже одинок? Не может быть, у него ведь есть фаворитка, друзья и знакомые...

Успокоившись и рассыпавшись в пожеланиях выздоровления, Изабель отключила фониль. А Маред, укладываясь в постель, открыла вожделенный томик Артемиуса, предвкушая чудесный вечер. Но как же странно... Она удивлялась визиту Оуэна, но тем более не подумала бы, что Изабель Кармайкл так великодушно предложит помощь. Они ведь никогда не были подругами. Пару раз Маред отдавала ей ненужные контрольные работы просто так, без оплаты, но это ведь пустяки. Прав лэрд Монтроз: Маред нужно работать исключительно с бумагами, в людях она ничего не понимает.

* * *

К пятнице Алекс окончательно понял, что возглавить контрактно-корпоративный отдел сможет только Жаклин Форс. Да, тье Форс молода, но Даффи — Алекс глянул в документы — был даже на год моложе. А Жаклин в свои двадцать восемь лет просто выглядит совсем юной: хрупкая, светловолосая, большеглазая... Зато проект франкам она представила отлично, а выйдя из тени Даффи и вовсе быстро приобретет уверенность в себе.

— Что ж, Алекс, — вздохнул Стивен Хендерсон, собирая документы тьеды Форс. — Стряпчий она, конечно, отличный, но уж слишком привыкла играть вторую скрипку при Даффи. Но попробуем?

— Попробуем, — кивнул Алекс. — И вот еще, Стивен, что между вами с Кэролайн? Хендерсон прищурился, опускаясь обратно в кресло, из которого, было привстал.

— Ничего. А что такое?

Алекс слегка поморщился, понимая, что лезет не в свое дело, но промолчать тоже не получалось:

— Стив, не крути. Ты ловелас еще тот, но зачем тебе Кэрри? Юная, наивная... Неужели не найдешь другую для интрижки?

— Вот как раз для интрижки кого-то найти — дело нехитрое, — буркнул Хендерсон, отводя взгляд, но тут же снова поднимая его на Алекса. — А может, ты сам на нее имеешь виды?

— Не имею, — спокойно ответил Алекс. — И никогда не имел. Но и обидеть не разрешу даже тебе.

Хендерсон потер поврежденное много лет назад колено, как всегда, когда нервничал.

— Без твоего заступничества обойдемся. Думаешь, если ловелас, так на всю жизнь? Набегался я, Алекс. Хочу семью. Ты-то сам не думаешь остепениться?

— Не обо мне речь. И если все серьезно, я первый пойду в храм Керидвен за вас помолиться.

— В храм, говоришь? — опять потер Стивен колено, морщась. — Да ты сам посуди, Алекс: ей двадцать, а мне сорок шесть. Ну, еще лет десять-пятнадцать побегаю жеребчиком, а потом? Она расцветет, а мне вставную челюсть примерять? Если бы не это — завтра же предложение сделал бы!

— Понимаю, — согласился Алекс. — А что сама Кэролайн думает?

Хендерсон махнул рукой.

— Да что она! Ведь сущее дитя, хоть и давно на выданье. Алекс, она на меня смотрит, как на подарок к Йолю — аж глаза сияют! Вот веришь — на меня никто так никогда не смотрел. Я скорее удавлюсь, чем ее обижу! Но жениться... Она ведь согласится, понимаешь? И получится, что я ее лучшие женские годы потрачу на себя, старика...

Он вздохнул. У Алекса потянуло внутри от сочувствия и, почему-то, тоскливой зависти.

— Сам думай, Стивен, — сказал он вслух. — В таком деле тебе никто не посоветует. Но если вы друг друга любите и расстанетесь только потому, что ты старше, — уверен, что кто-то другой сделает ее счастливее?

— Не знаю, — глухо ответил Стивен. — Ошибиться страшно... Мы с Кэролайн решили отпуск попросить. Она с детства мечтает побывать в Лютеции — вот я ей мечту и подарю. Тетка ее отпустит, Кэролайн ей сказала, что с подружкой поедет. А сама она... Она мне верит, понимаешь? Даже не думает, что я могу ею просто воспользоваться. Разве можно ее обмануть! Отпустишь нас на недельку, Алекс? Как раз после свадьбы Эйнджел? Кэрри у нас подружкой невесты, сам понимаешь, девушке такое пропустить нельзя.

— Да ради Керидвен, — кивнул Алекс. — Ты, конечно, незаменим, но уж постараюсь пережить ваше отсутствие.

— Ваша светлость, — очаровательный белокурый предмет разговора заглянул в дверь, посмотрел вначале на Стивена, потом, торопливо отведя от Хендерсона взгляд, на Алекса. — К вам тьен Бреслин.

— Без вызова? Кэролайн, у меня что-нибудь назначено на ближайший час?

— Ничего, милэрд. В три пополудни у вас совещание, до этого времени все свободно.

— Тогда проси его.

Хендерсон встал, прошел к двери, и Алекс увидел, как Кэролайн невольно тянется к нему взглядом, но тут же, спохватившись, опускает глаза. Да, действительно...

По случаю июльской жары Бреслин только сменил обычный черный костюм на серый, хотя, сними он сюртук, Алексу в голову не пришло бы его за это укорить. Лунден вторую неделю задыхался от влажной горячей духоты. Опустившись в кресло, начальник службы

безопасности раскинул на столе перед Алексом веер камерографий и будто нехотя разжал плотно сомкнутые губы:

— Кого-нибудь узнаешь?

Алекс пригляделся. Камерографии были сняты неумело, но лица... лица различить можно. Рассмотрев их, он нахмурился и ткнул карандашом в снимок, запечатлевший веселую вечеринку. Несколько молодых людей, нарядные девицы, у всех в руках бокалы...

— Вот. Это Виктор Корриган, сын Мэтью.

— Я сомневался, — бесстрастно сказал Фергал Бреслин. — Корригана-младшего я видел вживую всего пару раз, да и то мельком. А кого-нибудь еще можешь назвать?

Алекс вгляделся снова.

— Вот этот, с длинными волосами, музыкант-гитарист. Виктор играл вместе с ним. И этого, — карандаш указал на невысокого блондина в голубой рубашке, — я тоже как-то видел с Виктором.

— А этого? — указал Бреслин неприметного юношу на кушетке в углу.

— Нет, не знаю, — покачал головой Алекс.

— Это Джейми Роллинс, убитый в «Бархате» официант.

— Ах, вот оно что.

Алекс пролистал остальные камерографии.

Концерт в каком-то музыкальном салоне: Виктор и его квартет. В первом ряду сидит Роллинс. А вот фешенебельная ресторация. И снова Роллинс рядом с Виктором и его друзьями. Явно в компании он свой, потому что фамильярно обнимает за плечи жеманно улыбающуюся девицу.

На других камерографиях Алекс никого не узнал, только однажды мелькнул все тот же музыкант.

— И как это понимать? — спросил он, отодвигая камерографии.

— Это ты мне изволь сказать. Что общего могло быть у наследника Мэтью Корригана и какого-то официанта?

— Что угодно, — хмуро отозвался Алекс. — Виктор был очень неразборчив в знакомствах. Думаешь, это не совпадение?

— Возможно, и совпадение, — согласился Бреслин, снова раскладывая камерографии. — Только вот этот юноша, — указал он на гитариста, — Дэниел Харрис, за особую нравственность прозванный Дэнни Бордель, три дня назад найден убитым в собственной квартире. Разве что ему не горло перерезали, как Роллинсу, а свернули шею, будто цыпленку.

— Так, — слегка растерянно сказал Алекс. — Уже двое? И оба были связаны с Корриганом? Это уже не похоже на совпадение. Но тогда, получается, «Бархат» вовсе ни при чем?

— Это ты мне изволь сказать, — повторил Бреслин. — Корриган-младший при жизни там бывал?

— Да, случалось. Но быстро перестал.

— Почему? И в качестве кого он там появлялся?

— Да никого. Потому и бывать перестал. Обычных любопытствующих в подобных местах не любят. Кстати, если бы он там задержался, я бы сам позаботился о его удалении.

— Почему? Из-за Корригана-старшего? — бесстрастно поинтересовался Бреслин.

— Не только. О мертвых плохо не говорят, но Виктор был редкостный мерзавец. Я еще

удивлялся, как из милого мальчика, сына порядочных родителей, выросло такое... В последние годы он опустился на самое дно, а Мэтью ничего не хотел слышать. Стоило сказать про Виктора правду — он словно с цепи срывался. Мы с ним пару раз крупно поссорились — и я замолчал. А ведь Корриган не слепой, должен был видеть, куда катится его наследник.

— Понятно... То есть в клубе у него никаких связей не осталось?

— Их и не было. Возле Виктора всегда крутились продажные девки, и менял он их чаще, чем галстуки. Но постоянную фаворитку так и не завел. Впрочем... оставь мне эти камерографии. Я расспрошу, и если в «Бархате» кто-то помнит Корригана и его компанию, мне о них расскажут.

— Тогда тебе и карты в руки, — кивнул Бреслин. — Кстати...

Дослушать Алекс не успел — фониль залился трелью, высветив на экране «Даффи».

— Подожди, — сказал Алекс поднявшемуся, было, Бреслину, и нажал кнопку ответа.

— Ваша светлость? — раздалось в трубке. — Надеюсь, не помешал?

Кормак Даффи говорил быстро, скрывая нервность за поддельной уверенностью, и Алекс насторожился.

— Предлагаю встретиться и поговорить.

— Признаться, не вижу смысла, — прохладно ответил Алекс, откидываясь на спинку кресла и вертя в пальцах карандаш. — Все вопросы мы обсудили при вашем увольнении.

Бреслин, поднявшись, отошел к окну, его обтянутая серым спина была неподвижна — и Алекс мог бы поклясться, что Фергал прислушивается чутко, как кот у мышиной норы.

— Ошибаетесь, — с тем же лихорадочным придыханием сказал Кормак. — У меня завалилась одна прелюбопытная вещичка. Не знаю только, ваша или тье Уинни? Забавно: на одном ключ-камне и проект договора с франками и совсем иной... договор.

— Вы ничего не пугаете? — спросил Алекс нарочито скучающим тоном.

— Контракт между первой стороной, именуемой в дальнейшем сторона М, и второй, именуемой сторона У, подразумевает, что У признает себя собственностью М, с которой М вправе обращаться по своему усмотрению на протяжении всего срока действия настоящего Контракта, исключая оговоренные ограничения. Дальше продолжать, ваша светлость?

— Не нужно, — разрешил Алекс. — И какое отношение этот документ имеет ко мне? Особенно с учетом способа, которым вы его заполучили.

Карандаш, который он терзал, треснул, и Алекс бросил обломки на стол. Если бы он раньше знал, что копия работы Маред осталась на ключ-камне! Да еще на том самом, что он отдал Маред с собственными документами. А девчонка составила по ним контракт, тоже попавший, получается, к Даффи.

— О, самое прямое, полагаю. Конечно же, М — это не вы, милэрд. И личность У вам также решительно незнакома? Интересно, кто из них составлял контракт, М или У? Но это неважно. Главное, что есть некоторые обстоятельства, которые я бы хотел обсудить при личной встрече. Если вам любопытно, разумеется.

— Пожалуй, любопытно, — согласился Алекс. — Можем встретиться послезавтра в восемь вечера.

— Лучше бы сегодня, ваша светлость.

— Лучше для кого? У меня для вас есть время послезавтра и именно в восемь вечера, а там уж вам решать.

— Хорошо, — согласился после небольшой паузы Кормак. — Ресторация «Альбион»

вас устроит?

— Вполне, — безразлично подтвердил Алекс. — До встречи.

Отключив фонилю, он задумчиво посмотрел на обломки карандаша на столе.

— У нас неприятности? — поинтересовался от окна Бреслин, не поворачиваясь.

— Нет, пока просто хлопоты, — сообщил Алекс, откидываясь на спинку кресла. — Тьен Даффи изволит чудить. Что ж, почудим и мы в ответ. У тебя только что изрядно добавилось работы, Фергал.

* * *

Утро субботы Маред провела с доктором Мелвиллом, долго и тщательно объяснявшим, как ей теперь следует питаться, какую делать гимнастику и сколько отдыхать. На столе ждала коробочка с лекарствами, которые следовало принимать строго по расписанию, а еще оказалось, что два-три раза в неделю после работы Маред придется приезжать в клинику для процедур.

— Чтобы надежнее и быстрее, — непреклонно сообщил доктор. — Заботиться о здоровье следует с юных лет, моя дорогая тьена Уинни.

Зато Мелвиллом было твердо обещано, что когда она вылечится полностью, вечерне-ночные ознобы исчезнут и больше не вернутся.

Потом ее, наконец, отпустили с настоятельными пожеланиями появляться в клинике исключительно для профилактических осмотров, и Маред, выйдя на дорожку между тщательно обихожеными клумбами, вдруг сообразила, что у нее с собой ничего, кроме пакетика лекарств, драгоценного томика Артемиуса и фониля. И как она должна добираться до Мейд Вэл? Наверное, стоило позвонить лэрду заранее, вдруг он не сможет приехать за ней?

Однако Монтроз, откликнувшись по фонилю, ничуть не удивился и сообщил, что будет через четверть часа. Маред вышла за ограду клиники и снова пожалела, что нет денег — как раз хватило бы времени на чашку кофе. Как глупо: стоять посреди бульвара в дорогом шелковом платье, выглаженном горничной «Дигиталиса», с книгой в руках и без единой монетки.

И все-таки это было чудесно! Снова дышать полной грудью, чувствуя, как слегка кружится голова, и знать, что все уже закончилось и она здорова. Маред прошла перед кованой ажурной решеткой ворот, поглядывая на фонилю. Какая разница, сколько ждать? Сейчас придет его светлость, и все начнется заново. Но даже эта мысль только слегка подпортила настроение.

Темно-синий «Драккарус» — прямо в тон ее платью, забавно — появился даже раньше, чем было обещано. Опускаясь на переднее сиденье, Маред положила на колени томик Артемиуса, будто защитный талисман и поймала взгляд, брошенный на него Монтрозом. Однако лэрд только молча открыл ящик на приборной панели мобилера и подал Маред ее сумочку, оставленную в конторе.

— Благодарю, — с облегчением сказала она, убирая туда фонилю, книгу и лекарства.

Мерно шелестел ветродуй, за окном мобилера шумел полуденный Лунден, а его светлость молчал, управляя «Драккарусом» с уверенностью, которой Маред после занятий по вождению еще больше знала цену.

— С понедельника мы начинаем работать с франками уже по договору, — сказал, наконец, Монтроз. — Шесть человек и вы в том числе.

— Благодарю, я знаю.

— Знаете? — с легким удивлением переспросил лэрд. — Откуда?

— Меня навещали, — сдержанно сказала Маред, ругая свой длинный язык.

Вот что стоило помолчать? В визите лэрда Макмиллана нет ничего предосудительного, но его светлость королевский стряпчий может расценить его иначе. И уж в любом случае сунет в их дружеские отношения любопытный нос, а так хочется иметь что-то свое, личное. Даже не хочется, а попросту необходимо! Нет, дружба с Оуэном касается только ее самой и никого больше.

— Тилли, наверное? Во всяком случае, она должна была с вами связаться.

— Да, конечно, — подтвердила Маред, не уточняя, что согласие относится ко второй фразе лэрда, а не первой. — Ваша светлость, мы сейчас едем в Мэйд Вэл?

Она поерзала на сиденье, ощущая отчетливое неудобство. После трех-четырех ежедневных инъекций-то...

— Да, — бросил Монтроз и, глянув на Маред, уточнил: — Вы желаете заехать куда-то еще?

— Нет, — отозвалась Маред тихо.

Действительно, что ей делать в пустой квартире? Снова искать неизвестно куда пропавший ключ-камень с архивом?

— Как вы себя чувствуете, Маред? — помолчав, спросил лэрд.

— Прекрасно. И очень вам благодарна, ваша светлость. Полагаю, если бы не медицинская страховка по контракту с вашей конторой, все могло бы обернуться хуже?

— Возможно.

Они проехали мимо парка Роуз-Хиллс, даже издалека блистающего великолепными фонтанами, свернули к Адмиралтейству, а потом дальше, мимо площади короля Ронана. В какой-то момент Маред едва не уснула, убаюканная мерным покачиванием мобилера.

— Я так понимаю, тье, купаться в реке вам, наверное, нельзя? — вдруг задумчиво поинтересовался Монтроз.

— Почему же, можно, — медленно ответила Маред, пытаясь понять, что ее насторожило в безобидном предположении. — А почему вы так думаете?

— После пневмонии подобное долго не рекомендуют.

— Ваша светлость! — звонко от злости сказала разом очнувшаяся Маред. — Откуда вам известны такие подробности о моем здоровье?

— Предположение, что я о вас беспокоился, вы не рассматриваете?

— Неважно! Это... только мое дело!

От возмущения она глубоко вздохнула, и чуть побаливающая после утренних процедур грудь отозвалась нытьем.

— Тье Уинни, — утомленно отозвался лэрд, — вам стоит внимательнее читать, что вы подписываете. В вашем контракте есть пункт, что работодатель имеет право получать сведения о здоровье сотрудника, кроме оговоренных случаев.

— И... каких же?

— Способных скомпрометировать. Беременность, половое бессилие, непристойные болезни, что-то еще... ваш случай точно не из них, поскольку воспаление легких подорвать репутацию не может. Вы читали свой контракт?

— Да, — пристыженно буркнула Маред. — Но я не помню... Простите.

— Ничего, я понимаю твое недовольство, — после паузы отозвался лэрд. — Но совсем не контролировать, что с тобой происходит, я не могу. И ты сама на это согласилась.

— Исключительно в постели. А остальное — не ваше дело, милэрд.

— Твои сложности со здоровьем определенно мешали постели, — холодно заметил лэрд, сворачивая на дорогу к Мэйд Вэл. — Вы ведь из-за них так быстро уставали? Маред, не будем ссориться. Извините.

— Лучше обещайте, что не будете... — Маред замаялась, пытаясь выразиться учтиво.

— Совать нос в ваши дела? — безошибочно угадал ее мысль Монтроз. — Извините еще раз, но непременно буду. В том объеме и тогда, когда сочту необходимым. Вы феноменально не умеете доверять людям, а это серьезный недостаток для юриста.

— Неужели? А я полагала — наоборот, — съязвила Маред, старательно утыкаясь взглядом в переднее окно мобилера.

— Следует знать, кому, когда и как доверять, — все так же бесстрастно ответил Монтроз. — Я говорил с тьедой Жаклин Форс о том, что случилось. Она понятия, кстати, не имела, что Кормак собирался убрать вас с дороги, но речь не о том. Вы слишком замкнуты, Маред. Это плохо для любого человека, но для стряпчего еще и непрофессионально, потому что первый объект нашей работы — люди, а бумаги — уже второй. Те, кто считает иначе, успеха не добиваются, потому что бумаги пишутся людьми.

— То есть мне следовало подружиться с тьеном Даффи? — зло отозвалась Маред.

— Нет, — голос Монтроза был все так же спокоен. — Вас следовало поговорить о тендере с кем-то еще. Желательно с тем, кто в нем не был заинтересован. Тье Эстер, например, точно не отказала бы вам в небольшой консультации, рассказав про выдержку из текста, эмблему конторы и прочие мелочи заранее, не в последний день. А будь у вас запас времени и полностью готовый проект, Даффи было бы куда труднее.

Спорить было не с чем, и Маред просто замолчала.

— Маред, — через минуту заметно мягче сказал лэрд. — Я не говорю, что вы неправы в своем настороженном отношении к людям. Но все они разные и зачастую непредсказуемые. Я сам доверял Кормаку Даффи, просто потому что не было причин для обратного. Доверял в разумных пределах, понимаете? Но совсем обойтись без людей нельзя. Наша жизнь и работа стряпчих — это сотни связей, иногда настолько незаметных, что мы даже не понимаем, когда и как они работают. Какие-то двери открываются сами, а в иные нужно стучать. И открывать другим, если они стучатся. Попросить помощи — это не признак слабости, это просто еще одна нить между людьми, иногда очень важная.

Маред молчала, опустив голову. Все это было верно, только вот на практике получается, что ей самой следует просить помощи у лэрда Монтроза. А тогда есть шанс удавиться на другой ниточке, потолще, что тянется от Чизхолма. Потому что даже захоти лэрд помочь ей в благодарность за признание, убереечь ее репутацию он не сможет. Отправить снимки в газеты и по адресатам — дело пары часов, и стоит Маред не выполнить распоряжение шантажистов...

Они почти доехали до Мэйд Вэл, дорога здесь была гораздо пустынее, и Монтроз неожиданно спросил, нарушая тишину:

— Хотите повести мобилер?

— Да! — выдохнула Маред, цепляясь за возможность отвлечься от тяжелых мыслей.

— Хорошо, — улыбнулся лэрд, останавливаясь у обочины. — Только сначала еще кое-

что. Я хотел подождать до дома, но, надеюсь, вы не будете в претензии. Взгляните на заднее сиденье.

Маред оглянулась. На бежевой коже пятном идеальной формы чернел новенький вычислитель. Маред заялась, понимая, что и отказаться вроде бы нельзя, но и принять...

— Прежде, чем вы скажите очередное «нет, благодарю», — продолжил Монтроз, — пожалуйста, просто включите его и посмотрите. Я прошу.

Просит? Лэрд Корсар? Маред неловко потянулась за вычислителем, снова села, устроив плоскую коробку корпуса на коленях. Включить и посмотреть... Значит, там что-то записано? Маред внезапно похолодела, соотнеся речь о доверии и то, что можно увидеть на экране. Неужели... Монтроз узнал про снимки Чизхолма?

С бешено замолотившим сердцем она раскрыла устройство и нажала кнопку. Экран засветился. Да с чего она вообще решила, что это подарок? Лэрд и слова такого не сказал. Экран не совсем чистый, какие-то значки уже есть... Маред с трудом сглотнула. «Рефераты», «Дипломы», «Контрольные работы и сочинения». «Архив»... Не веря глазам, она нажала нужные кнопки, едва попадая по ним пальцами. Камерографии! Ее камерографии! Умное устройство листало их, как настоящие распечатанные снимки, будто щеголяя своими возможностями. Ее родной дом, отец с друзьями, Эмильен...

— С днем рождения, Маред, — негромко произнес рядом Монтроз. — Не знаю, сколько удалось восстановить. Но все, что поддавалось восстановлению, точно здесь.

— Я... — прошептала Маред, пытаясь сказать что-то, хоть что-нибудь. — Я забыла...

— Что у вас сегодня день рождения? — так же тихо и мягко сказал лэрд. — Ничего, это бывает. Знаете, Эвелин приуготовила праздничный обед и какой-то совершенно особенный торт. Сказала, что если я закажу в кондитерской, она будет оскорблена до глубины души. И я не зря спрашивал про купание в реке, потому что если вам нельзя, мы устроим обычный пикник. Подозреваю, что в понедельник вас поздравят и в конторе, так что нужно будет купить коллегам угощение, но это уже мелочи. Маред? Маред, ну что вы, право...

— Благодарю, — прошептала Маред, изнемогая от радости, отравленной виной за свое молчание насчет Чизхолма. — Благодарю вас... Вы не представляете...

Слегка повернувшись, она подняла глаза на Монтроза, чувствуя, что еще чуть — и сама не знает, что сделает. Расплачется, признается во всем... Нельзя...

Но Монтроз уже с привычной ласковой небрежностью проведя ладонью по ее волосам, первым отвел взгляд, бросив:

— Ну все, девочка, все... Не стоит. Садитесь-ка лучше за руль.

И вышел из мобилера.

Глава 9 О слабых местах и различных неожиданностях

Кормак Даффи появился в «Альбионе» ровно к назначенному времени. Подошел к заказанному Алексом столику, поклонился. Алекс кивнул в ответ на его сдержанное «Добрый вечер, ваша светлость», сел удобнее. Плечи ныли: днем он дал себе изрядную нагрузку в гимнастическом зале особняка, выгоняя внезапное желание валяться с книгой в постели, встав, самое раннее, к обеду. С настроением творилось что-то неладное, и Алекс, прекрасно понимая, что просто избегает Маред, решил сегодня остаться на ночь в клубе: проверить финансовые отчеты и заодно показать Анриетте камерографии с Виктором Корриганом.

— Как вам нравится «Альбион»? — решил начать Даффи со светской беседы. — Вы, кажется, предпочитаете ресторацию «Азимут»?

— Явно предпочитаю, — подтвердил Алекс, окидывая взглядом вычурно-роскошный зал. — Одно радует: их кухня замечательно соответствует моменту.

— Это как? — настороженно поинтересовался Кормак.

— Ах, не берите в голову, — лениво махнул Алекс. — Моя личная ностальгия, как говорят франки.

Взяв меню, он решил дать «Альбиону» возможность исправить свою репутацию места, где кормят не столько вкусно, сколько дорого. Выбрал оленину с брусникой, заливное из фазана с каперсами и сырное фондю. Кормак ткнул чуть ли не в первое попавшееся блюдо, зато заказал бренди.

В ожидании заказа Алекс опять огляделся. Все та же позолоченная лепнина на стенах и потолке, бархатные портьеры, инкрустированное дерево и хрусталь. И ничего-то не изменилось с тех времен, когда устраивать встречи в «Альбионе» считалось признаком преуспевания среди стремительно разбогатевших «детей Большого Взлета». А вот Кормаку Даффи следовало бы проявлять больше вкуса и скромности.

Он пригубил поданный аперитив, наслаждаясь моментом: словно и не было этой дюжины лет.

— Ваша светлость, — не выдержал Кормак, — вам настолько не интересно, о чем будет разговор?

— Нет, — безмятежно ответил Алекс. — Не слишком. Я и так его вполне представляю. Вам кажется, Кормак, что я настолько хочу скрыть свои интимные пристрастия, что вы сможете к чему-то меня вынудить угрозой их раскрытия.

— А это не так? — блеснул глазами Даффи, чуть наклоняясь к столу и опираясь на него локтем.

— Сами посудите, — усмехнулся Алекс. — У меня нет семьи, которую я мог бы шокировать или опорочить в глазах общества. Люди, которых я считаю друзьями, прекрасно обо всем осведомлены. Я деловой человек, поднявшийся в своей профессии на вершину карьеры, и моей репутации в юридической области никакие постельные подвиги не повредят, а клиентам — поверьте — безразлично, с кем и как проводит время юрист, который выигрывает для них безнадежные процессы и снижает налоговые ставки. Да, будет немного шума. Возможно, я даже подам в суд на газету, если найдется издатель, у которого хватит глупости и наглости связаться с королевским стряпчим. А может, и пренебрегу.

Грязную воду лучше не трогать — быстрее муть осядет. И что же у вас остается, Кормак? Ни одной козырной карты на руках.

— Выглядит убедительно, — растянул губы в напряженной улыбке Даффи. — Очень убедительно. Ну, допустим. Хотя место королевского стряпчего вы наверняка потеряете. Оплот законности — и вдруг такое пренебрежение моралью! Я ведь, ваша светлость, не сидел эти дни, сложа руки. Те же газеты рискнут, пожалуй, рассказать о ваших визитах в скандальный «Бархат». Или скажете, вы там юридические услуги оказываете?

— А как же иначе? — насмешливо поднял бровь Алекс. — Разумеется — услуги. И не сомневайтесь — юридические. Вы, Кормак, не осведомлены, но у меня и договор с «Бархатом» на оказание услуг поверенного имеется. Пятилетней давности. Очень хотел бы увидеть, как вы попыгаете меня обвинить в чем-то ином. А уж девочки из «Бархата» на это представление придут в полном составе. Вы сорвете такие аплодисменты, каких еще ни один танцор с раздеванием не получал. Глядишь — и о смене карьеры задумаетесь.

— Все шутите? — процедил сквозь зубы Кормак, наклоняясь еще ниже. — Ну-ну... А если спросить вашу тьену Уинни? Под магической присягой!

— Спрашивайте, — безразлично разрешил Алекс. — Только приготовьтесь к встречному иску о защите чести и достоинства. Ну, или просто публично получить от меня по физиономии. С каким удовольствием я за это штраф заплачу — вы не представляете. Кстати, тьене Уинни вы еще должны возмещение убытков и моральную компенсацию. Да и «Корсару» есть что вам предъявить, если подумать. Мне подумать, Кормак?

— Подумайте, отчего же нет? — Кормак нервно облизнул губы. — Значит, на репутацию вам плевать?

— Моя репутация пока что вне подозрений, — скучающе отозвался Алекс. — Это не меня поймали на грязной игре в отношении коллег и нанесении убытка деловой репутации собственной конторы. Впрочем, это все болтовня. Настоящая угроза — где?

Он поймал взгляд удивленно встрепенувшегося Кормака, улыбнулся сам, впервые за встречу. Заговорил негромко и на тон ниже, с мягкой утомленной безразличностью растягивая слова:

— Я, Кормак, считая вас редкостным дерьмом, отдаю вам должное, как стряпчему. Не могли же вы всерьез думать, что меня можно взять на такой дешевый испуг? Не могли. Иначе я напрасно платил вам все эти годы такое жалованье. И с пустяками вроде контракта без фамилий и подписи вы бы ко мне тоже не пришли. Поужинать в «Альбионе» можно и не по такому смешному поводу. Так чем вы решили прижать меня к стене всерьез, Кормак?

Тенью возник рядом вышколенный официант, расставив блюда, и испарился, провожаемый злобным взглядом Кормака. Да... вот так соглашаться на встречи в публичном месте — и не выругаешься всласть.

Усмехнувшись, Алекс подцепил на вилку кусок оленины, прожевал. Достал из кармана тренькнувший фониль, просмотрел сообщение от Фергала и положил устройство на стол. Кормак сидел, выпрямившись, будто вертел проглотил, на его щеках малиново цвел румянец то ли стыда, то ли злости. На свою тарелку он даже не глянул, пытаясь испепелить Алекса взглядом, потом разжал плотно стиснутые губы:

— Хотите серьезного разговора? Извольте. Как там наш договор с франками? То есть, простите, ваш. Успешно?

— Чрезвычайно! — с чувством подтвердил Алекс. — А что?

— Ничего, радуйтесь напоследок. Личную репутацию я вам, может, и не испорчу, вы

правы. Но вот деловую... Вы ведь, ваша светлость, не без греха. Вы взяли в контору свою любовницу — а это доказать вполне можно. Да хотя бы этим дурацким проектом. Думаете, кто-то поверит, что девчонка-студентка без опыта написала за неделю такую работу? Ясное дело, что это вы ей помогли.

И о каком честном конкурсе тогда может идти речь? А еще — заметьте — вы ей дали доступ к деловой документации. Вот выиграла бы тье Уинни, а потом конкуренты франков получили бы на блюдечке все их планы и секреты. Девицу, конечно, пришлось бы с позором уволить, зато вы, ваша светлость, остались бы чистеньким. И как думаете, если я скажу, что испортил ее вычислитель, чтобы сорвать вам грязную игру и защитить клиентов — неужели мне не поверят? Вот здесь-то и смазливое личико тье Уинни, и ваши клубные развлечения — все в одну колоду ляжет. А после такого скандала кто из серьезных эуропейских партнеров к вам хоть на пушечный выстрел подойдет? Даже если не поверят — побоятся испачкаться!

Выплюнув последнюю фразу, Кормак стиснул в побелевших пальцах салфетку, едва ли замечая это.

Алекс, не торопясь, отдал должное салату и снова вернулся к оленине. Сказал отстраненно:

— Кажется, я был несправедлив к «Альбиону». Кухня здесь стала определенно лучше. Кстати, о франках. Не устроить ли следующие переговоры именно здесь? Надо подумать... Что ж, Кормак, вы меня даже удивили. Хорошая попытка: оригинально и вполне могло бы сработать. Если бы не пара мелочей.

— Ах, мелочей? — ядовито прошипел Кормак. — И каких же?

Он едва не лег на стол, наклонившись, насколько мог, и сверля взглядом невозмутимо жующего Алекса.

— Ну?

— Сначала скажите, чего вы хотите? — улыбнулся Алекс, смакуя сочное мясо. — Вдруг у меня выиграет привычка к благотворительности? Нищим, правда, я подаю охотнее, их иной раз бывает жалко... Так что вам нужно, тьен Даффи?

Протянув руку с явно дрогнувшими пальцами, Даффи налил себе бренди, выпил, как воду, не закусив, и мрачно поглядел на Алекса. Весь прежний лоск с него слетел, и теперь перед Алексом сидел не успешный молодой стряпчий с блестящими перспективами, а измученный человек старше своего возраста и на грани психического срыва.

— Сами знаете, — прошептал он зло. — Помогите мне расплатиться с банком? Для вас это тьфу, не деньги. Вы нашим умом и старанием за год в десять раз больше зарабатывали, если не в двадцать. И я вас, Лугом клянусь, больше не побеспокою.

— Кормак, Кормак, — снова брезгливо скривил губы Алекс, до поры сдерживая бурлящую внутри ярость. — Вы же юрист. И даже не дурак, хотя теперь я в этом усомнился. Когда это шантажисты останавливались? Да, грязи вы на меня выльете от души. Отличная идея, кстати, обвинить «Корсар» в двойной игре, а себя выставить защитником законности — это вы меня позабавили. И кто-то поверит. И с франками неминуемо будут неприятности. А вам, что же, так все это с рук и сойдет?

— А что вы мне сделаете? — попытался улыбнуться Кормак, явно храбрясь. — Долги мои у банка без права передачи векселей, так что вам их не выкупить. Лицензия стряпчего действительна по всей Эуропе — могу хоть завтра уехать куда угодно. А сам я вас не боюсь. Мне, ваша светлость, терять нечего, да и в Бриттии сейчас эпоха правосудия, а не Большой

Взлет, когда такие, как вы, состояние сколачивали.

— Это точно, — грустно согласился Алекс. — Хотя некоторые вещи не меняются. Вы дешевый дурак и подлец, Кормак. Не потому, что неблагодарный скот — это бывает и у более умных людей. Вы подлец, потому что упорно живете так, словно на свете совершенно один. Сделайте одолжение, позвоните своей жене.

— А... при чем тут... — задохнулся Кормак, на глазах белея.

— Бренди еще глотните, — тихо посоветовал Алекс, наливая ему в стакан. — И позвоните жене. Просто совету.

Трясущимися пальцами Кормак вытащил фониль, набрал номер.

Алекс откинулся на спинку стула, поигрывая вилкой: есть расхотелось, пить он тем более не собирался. Как-то в одной дивной книге попалась ему замечательная мысль, которую он запомнил на всю жизнь: нельзя шантажировать того, с кем пьешь, и пить с тем, кого шантажируешь. А теперь Кормак смотрел на раскрасневшееся лицо Кормака, его судорожно сжатые на фониле пальцы — и понимал, что пить с Даффи точно не станет. Даже не из осторожности — просто побрезгует.

— Эмбер? Эмбер, милая, позови маму. Что? Как ушла гулять? С какой тьеной и ее мужем? С моей работы?! Эмбер, она давно ушла? А ты осталась с хозяйкой? Отнеси ей фониль, детка...

— Хватит, Кормак, — мягко посоветовал Алекс, испытывая странную смесь злости и жалости к недоумку. — Ну что вы, в самом деле. Почтенная тьена Даффи прогуляется по набережной и вернется. Дамам в положении гулянья очень полезны, а ее спутники — милая и заботливая компания. Вы ведь сами попросили их навестить вашу жену и развеять ее скуку — разве не помните? Нет? Неважно. Летний отдых в приморском городе — это прекрасно. А вы заботливый супруг... Выключите фониль. Выключите! — надавил он голосом. — Потом позвоните и убедитесь, что все в порядке. А теперь слушайте внимательно. Шантаж могут позволить себе только те, кому на самом деле нечего терять. Или те, кто защищен гораздо лучше. А вы, Даффи, думали, что отправите семью на отдых, — и все? Это их надс было так прятать... Вот потому я и говорю, что ты только о себе думаешь.

— Ваша светлость, — прошептал Кормак, глядя на него затравленным зверем. — Я бы не стал... Прошу вас... Не надо...

— Может, и не стал бы, — согласился Алекс. — Но трусливый и подлый дурак опаснее любого умника. Поэтому умникам надо беречься от таких врагов. Даффи, ты бы хоть подумал, кого собираешься скрутить. Да прикинул, на что способен человек, выживший в Большой Взлет, если его в угол загнать. Рассказать тебе, сколько людей в Лундене каждый день бесследно пропадает? Просто так, для сведения. Чем не тема разговора двух стряпчих за ужином?

Он улыбнулся, выпуская на волю тень кипящей в душе ярости, держа гаденыша взглядом и дожимая всем: ровным мягким тоном, спокойным, тяжело давящим взглядом и невинной словесной оболочкой, которую перепуганный Кормак слышал совсем иначе, как и задумывалось.

— Двойная игра, значит? — задумчиво продолжил Алекс. — И тьена Уинни в моих сообщениях.... Ключ-камень на стол.

— Что?

— Ключ-камень на стол, — бесстрастно повторил Алекс. — И помилуй тебя Темный Ллир, если окажется, что у тебя его нет с собой. Я ведь тогда точно решу, что его стоит

поискать у твоей жены.

Белый брусок металла поспешно шмякнулся на стол, блестя в хрустально-разноцветных лучах огромной люстры. Кормак заискивающе заглянул Алексу в глаза.

— Вот! Вот...

— Хорошо, — равнодушно уронил Алекс с трудом сдерживая плещущееся внутри бешенство. — Я надеюсь, копию ты не сделал? Но на всякий случай... Вот здесь на фониле, который все это время лежал включенным, у меня запись нашего разговора. Я и не думал, что ты столько лишнего наговоришь, да и в суде ее вряд ли примут, но мне и не нужно. Достаточно дать ее частным порядком послушать в коллегии стряпчих. От такого ты за всю жизнь не отмоешься. Так что ради беременной жены я тебе даю пару недель — а потом чтобы в Лундене ноги твоей не было. А еще лучше — и во всей Великобритании. Не дай тебе Луг появиться возле «Корсара», «Бархата» или тьены Уинни. Если отойдешь от испуга и захочешь все-таки испачкать ей репутацию напоследок...

В упор глядя в помутневшие глаза на оплывшем лице, Алекс сказал медленно, отмеряя каждое слово:

— Кормак, ты не хочешь знать, что тогда будет. Ты не хочешь этого знать, потому что любишь свою жену и дочь. Как умеешь — но любишь. А я, представь себе, тоже умею дорожить своими близкими людьми. Друзьями, любовницами, служащими — неважно. И если я хотя бы задумаюсь, что ты можешь причинить вред кому-то из них, — я тебе очень старательно и доступно объясню, что семью надо любить и беречь. Тебе понятно?

— Да, — прошептал Кормак, сглатывая слюну так, что дернулся кадык над накрахмаленным белым воротничком. — Да... Простите... Я никогда... никогда больше...

— Не заставишь меня вспомнить о твоём существовании? — сухо уточнил Алекс вставая. — Очень удачная мысль. Но если решишь продолжить, просто подумай, с кем садишься играть — и не садись. Попытка была неплохая, но здесь ставки повыше, чем в твоём казино.

Он достал пару крупных купюр, бросил на скатерть. Кивнул подлетевшему официанту, наметанным взглядом определившему, что счета перекрыт даже с учетом неплохих чаевых. Вышел, оставив за столом сгорбившегося Даффи, тянущего к себе бутылку бренди, и жадно вдохнул прохладный вечерний воздух, нажимая кнопку фоналя.

Бреслин подъехал на своем «Агурати» через пару минут. Алекс молча сел рядом, откинулся на сиденье и закрыл глаза, слушая, как ровно идет итлийский мобилер. Не «Драккарус», конечно, и даже не легкий быстрый «Кельпи», но тоже весьма неплохо...

— Как все прошло? — поинтересовался Бреслин.

— Как следует. Он трясется от страха, я будто в помоях искупался, — бесстрастно отозвался Алекс. — Хорошо, что этот кусок дерьма так любит семью. И плохо, что больше его прижать было нечем.

— Ну, ты хочешь, чтобы и надежно, и без грязи? — усмехнулся Фергал. — Да ладно... Ему не помешает сменить штаны с перепугу — лучше запомнит. А женщина вообще ничего не поняла. Подумаешь — коллеги мужа с визитом заглянули. Тьене Даффи — цветы от мужа, ребенку — игрушку. Сплошное удовольствие!

— Фергал, отвези меня к «Бархату», — попросил Алекс. — Покажу там камерографии.

— Как скажешь, — согласился Бреслин, поднимая с сиденья рядом брошенный Алексом фониль и нажимая кнопку прослушивания записи.

Дослушав до конца, он хмыкнул и поинтересовался:

— А что это за шутка была насчет «Альбиона» и ностальгии?

— Да так, — неохотно ответил Алекс. — Именно в «Альбионе» во времена Большого Взлета ночная братия очень любила встречи устраивать. Выяснять, кто кому сколько должен, кому какой район принадлежит, а кого пора в Темез отправлять с камнем на шее. Я сам пару-тройку таких встреч с трудом пережил, да еще на сотне, наверное, сидел приглашенным стряпчим, чтобы все по закону. По ночному закону, конечно, не королевскому. А большинство тех, кого по таким застольям помню, давно на кладбище.

— И впрямь ностальгия, понимаю, — хохотнул Бреслин. — Что ж, зато Лунден без них куда чище и спокойнее. А представь, он бы и в самом деле на твою красотку всех боуги повесил? Что бы ты тогда делал?

— Вызвал бы его на дуэль за честь добродетельной вдовы и пришиб к баргестовой матушке, — рассеянно буркнул Алекс. — Чтоб следующий болван задумался. Хоть какая-то польза от титула была бы.

— А что, лорд стряпчий умеет драться? — подколот Фергал. — Как лорд или как стряпчий?

— Как Сутяга Алекс из Западного, — без улыбки отозвался он. — Так, чтоб наверняка.

* * *

Первое, что Маред подумала, проснувшись: у нее давно не было такого чудесного дня рождения. Разве что в детстве. В Университете ее никто никогда не поздравлял, а с Эмильеном в тот единственный раз они глупо поссорились из-за какого-то пустяка. И ничего уже не вернуть...

А вчера она не успела опомниться, как оказалась королевой маленького, но очень уютного праздника. Никаких гостей, только лэрд и тьена Эвелин, подарившая Маред шкатулку для мелочей. Зато был пикник у реки, куда они отправились втроем, и Монтроз снова разрешил Маред вести мобилер, отметив ее успехи. И было шампанское, и восхитительный вишнево-шоколадный торт, испеченный тье Эвелин в виде книги с марципановой надписью «Свод законов». Какие именно законы имела в виду экономка, решительно непонятно, но какая разница?

Лэрд Монтроз же вел себя, как добрый дядюшка, не позволяя себе ничего лишнего, и лишь однажды Маред, разговаривая с тье Эвелин, поймала его горячий, откровенно бесстыдный взгляд. Похоже, сдержанность давалась Корсару нелегко. Но это ощущение, заставившее Маред поежиться, быстро исчезло от улыбок тье Эвелин и насмешливой ласковости самого Монтроза, умевшего быть неправдоподобно обаятельным, когда лэрд стряпчий того хотел. Одни его истории из практики чего стоили!

Да, все было чудесно. До самого конца, когда Монтроз все-таки оказался рядом, пока уставшая Маред поднималась по лестнице. Шагнув навстречу, он улыбнулся, уже совсем не так легко и просто, как на пикнике, провел рукой по волосам замершей Маред и почти шепнул, хотя рядом никого не было:

— Доброй ночи, девочка моя. Сегодня ложись у себя.

И ушел, оставив Маред на лестнице разжимать стиснувшую перила ладонь, которую свело судорогой, стоило представить, что вот, сейчас...

Но обошлось. А поздним утром, когда она настороженно выглянула из комнаты,

оказалось, что лэрд и вовсе куда-то уехал. К кофе Эвелин подала остатки вчерашнего торта и еще множество лакомств, а потом Маред, наконец-то, добралась до библиотеки, в которой глаза разбегались, руки тянулись ко всему сразу, а запахом страниц и переплетов хотелось дышать вечно, благоговейно листая тяжелые тома, пахнувшие волшебным и так вкусно — куда там даже торту!

Ванна с ароматными маслами, обед, снова библиотека... Утреннее расслабление никак не хотело исчезать, и Маред позволила себе разнежиться, забрав книгу в свою комнату и попросив подать туда ужин. Стемнело. Устроившись в гнезде из подушек, Маред с упоением читала, когда в сумочке зазвонил фониль. Отложив книгу, Маред дотянулась до него, нажала кнопку.

— Маред? — донесся какой-то странный голос Изабель Кармайкл. — Ты ведь в Мэйд Вэл? Помоги мне, прошу, ради Керидвен! Можешь за мной приехать?

— Куда? — растерялась Маред.

— Я на дороге милях в пяти от Мэйд Вэл. Под большим раздвоенным дубом. Маред пожалуйста! — судя по тону, Изабель была чем-то до полусмерти перепугана. — Я... сделала ужасную глупость! Просто ужасную! Но я не думала, что он такой... такой... мерзавец! Маред, прошу, заведи меня отсюда! Только не говори никому! И не отключайся!

Такое отчаяние звенело в голосе никогда не унывающей балованной красотишки Изабель, что Маред, в самом деле хотевшая выключить фониль, застыла с трубкой в руке.

— Изабель, что случилось? — спросила она. — Как я могу тебя забрать, никому не сказав? Почему ты на дороге в такое время?

— Я тебе все расскажу, только прошу — скорее. Мне... мне страшно. Я сбежала от... одного человека. Если он меня догонит... Маред, умоляю тебя! Мне просто некого больше просить!

В трубке фониля послышался мелодичный звон, и разговор прервался.

Маред беспомощно посмотрела на аппаратик. Может быть, это глупая шутка? Или какое-то дурацкое пари? Нет, вроде бы за Изабель никогда не водилось любви к розыгрышам, она даже с кем-то поссорилась из-за этого пару лет назад. И такой страх в голосе...

Так что же делать? Попросить у тье Эвелин экипаж? Но тут же вспомнилось: экономка ушла с визитом к какой-то приятельнице. Разыскать ее можно, но толку? В экипаже сегодня уехал Монтроз! Непонятно, почему он не взял мобилер, но это и неважно. Лэрд уехал до утра, тье Эвелин нет, в доме только две горничные и, наверное, садовник, но он точно ничем не поможет. А Изабель явно влипла в нехорошую историю. С одинокой девушкой ночью в пригороде может случиться что угодно, но точно — ничего хорошего. И она еще говорила, что за ней погоня!

Раздвоенный дуб у дороги Маред помнила отлично. Это и в самом деле было милях в пяти от начала Мэйд Вэл, да еще до коттеджа лэрда около мили. Добежать туда Маред быстро не сможет, вся обувь у нее либо домашние тапочки, либо туфли на каблучке. Просить о помощи прислугу — бесполезно. Она набрала номер Изабель — фониль молчал. Бригитта милосердная, если б хотя бы экипаж был дома! Уж с легкой летней упряжкой она бы управилась и сама. Но дома... только... мобилер.

Решение пришло само, простое и жуткое. Маред даже зажмурилась, дыхание перехватило от сладкого ужаса. Вывести мобилер даже легче, чем экипаж. Найти Изабель, довезти ее до предместий Лундена и пересадить в первый попавшийся кэб. А там тье

Кармайкл уж сама доберется, куда ей нужно. А самой — быстро домой! То есть сюда. Экономки дома нет, остальная прислуга Маред слова поперек не скажет, просто не поймет, что гостья взяла «Драккарус» без позволения. Притом за рулем ее часто видели! Может быть, лэрд даже не узнает ничего! А если узнает... Он сам говорил, что людям нужно помогать!

Маред уговаривала себя, понимая, что причина даже не в нравоучениях лэрда стряпчего о дружбе и помощи. Просто это был такой случай сделать что-то запретное, настоящее, неправильное, но нужное! Всего-то часа полтора! Ну, два — самое большее!

Как была, в домашнем платье и без корсета, она выскочила во двор и пробежала в каретный сарай, часть которого была отдана под мобилер. Спohватившись, вернулась и открыла ворота. Их потом придется закрыть за собой. Вставила в скважину на панели лежащий там же, рядом, ключ, повернула уже привычным движением. Мотор сыто и ласково заурчал. Маред нажала на педаль и на самой малой скорости выехала во двор.

Особняк стоял тихий и темный, ни в одной комнате не светилося окно: горничные пользовались отсутствием хозяина и экономки, чтобы выпасться. Маред выехала за ворота, каждую миг ожидая то ли грома небесного за такое святотатство, то ли сразу разверзшейся под колесами земли. Но «Драккарус» слушался ее радостно, ворота мягко закрылись за спиной, и Маред выехала знакомой дорогой так легко, словно ее выдергивали из-под колес.

Ночь била в открытое окно запахами, звуками, холодком и сыростью на коже. Мокрая дорога чувствовалась совсем иначе: Маред всегда ездила посуху, а теперь мобилер иногда будто проскальзывал. Но она вполне справлялась! Время то летело, то плыло медленно и вальяжно, она сама не могла бы сказать, сколько его прошло, когда лучи фонарей «Драккаруса» высветили сбоку от дороги огромный дуб с раздвоенной верхушкой. Подъехав ближе, Маред нажала рычаг сигнала. «Драккарус» утробно рявкнул — от дуба робко отделилась фигурка в светлом длинном платье.

Спотыкаясь на каблуках, Изабель добежала до дороги, юркнула в открытую Маред дверцу и восторженно ахнула:

— Вот это да! Откуда? И ты... сама водишь?!

— Это не мой! — нервно предупредила Маред. — Могу только до предместий доездить.

— Конечно-конечно, — уверила Изабель, ерзая на сиденье. — Ох, Маред, милая! Ты не представляешь, как я тебе благодарна! Ты меня от такого спасла... О, Керидвен, какой же я была душой!

Она выглянула в окно, явно опасаясь чего-то, окинула дорогу позади быстрым тревожным взглядом. Только сейчас Маред увидела, что подол платья Изабель изорван и в грязи, а руки до самых локтей в синяках. Неужели от чьих-то пальцев? Похоже, разыгршем здесь действительно и не пахнет.

— Так... — сказала вдруг Изабель тихо. — Маред, поехали. Быстрее...

Маред глянула в зеркальце у водительского сиденья: далеко в темноте на дороге светились какие-то огни. Погоня это или нет — неважно, близкого знакомства с ними она дожидаться не стала, вдавив педаль. «Драккарус» прыгнул с места, приблизившиеся были огни отстали. Изабель, вцепившаяся в сиденье, восторженно взвизгнула.

А дальше все случилось быстро и непонятно, как во сне. Руль вдруг перестал слушаться, а набранная скорость уже не позволяла остановиться. Маред крутанула руль, тяжелый мобилер на миг отозвался, но тут же снова заскользил по мокрой, покрытой слоем влажной глины, дороге. Неправильно! Совершенно неправильно, жутким косым движением. Впереди

в лучах корпусных фонарей вырос огромный камень, отмечающий поворот на Лунден. Рядом что-то визжала Изабель, но Маред ее почти не слышала, пытаясь остановить мобилер. Как в страшном сне, когда все понимаешь, но не можешь проснуться, она видела летящий на них камень и слышала тяжелый удар, отдавшийся во всем теле. Зубы Маред клацнули — она едва не прикусила язык. И, оглушенная ударом и собственным ужасом, не сразу поняла, что мобилер остановился.

Рядом поскуливала Изабель. Маред закашлялась, выбираясь из смятого сиденья, превратившегося сверху и снизу в подобие кокона. Этот кокон их, похоже, и спас, смягчив удар. «Драккарус» стоял, упираясь в валун напрочь изуродованным корпусом, погнутому, будто картонная игрушка, по которой ударили кулаком.

— Ой... — всхлипнула Изабель, выдираясь из своего кокона, будто нарядная бабочка, и с трудом открывая дверцу. — Маред... Прости...

Маред не ответила. Ей, наверное, надо было трястись и визжать от ужаса, вспомнив ту, первую аварию, но чувства словно замерзли. Да и не горело ничего. И они с Изабель целы... Она тоже выбралась наружу, глянула на искореженный мобилер, из-под днища которого поднимался едкий светлый дымок. Глянула зачем-то в ясное звездное небо, запрокинув голову. Плакать не хотелось. И не хотелось ни слова говорить с топтавшейся рядом Изабель, которая жалким голосом повторяла, что обязательно что-то придумает.

Жизнь была кончена. Теперь уже — окончательно и бесповоротно. Маред полезла в поясную сумочку, достала фониль, следя за собой отстраненно, будто со стороны. Набрала номер лэрда. Дождалась слегка удивленного «Слушаю?» и сказала безразлично, пытаясь только удержаться на ногах и выговорить каждое слово членораздельно:

— Ваша светлость? Я разбила ваш «Драккарус».

* * *

Фониль зазвенел, когда «Агурати» Бреслина уже подъезжал к «Бархату». Алекс ответил, недоумевая, что могло понадобиться Маред, которая не звонила почти никогда, мельком заметил время — двадцать пять минут одиннадцатого — и, услышав голос девчонки, замер с фонилом возле уха.

— Так... — медленно сказал он, осознавая услышанное. — Вы кого-нибудь сбили?

— Нет, — прошелестел далекий и какой-то неживой голос Маред. — Я... в камень.

— Где?

— У поворота... на Мэйд Вэл. Там еще дуб...

— Не раскисайте! — рявкнул в трубку Алекс. — У дуба? Ждите, я сейчас приеду!

Как же хорошо, что Бреслин тоже предпочитал экипажам мобилер! В карете они тащились бы час, а то и больше. «Агурати» домчал их до злополучного поворота минут за двадцать-двадцать пять. По сухой дороге вышло бы даже быстрее, но после дождя колеса скользили, и только опытный водитель вроде Бреслина или самого Алекса рискнул бы выжать на такой дороге значительную скорость. А неопытному и вовсе не стоило садиться за руль. Маред... Какого баргеста она позволила себе взять мобилер? Без разрешения, тайком! Покататься, что ли?! Ну, будет ей катанье...

В висках молоточками стучала злость, Алекс молча глядел в темноту, порезанную на ломтики яркими лучами корпусных фонарей. Фергал, умница, молчал, ведя мобилер на

пределе осторожности, выгадывая каждую возможную минуту.

И все равно даже эти минуты показались Алексу растянувшимися на пару часов. Свет «Драккаруса» был виден издалека, хоть и непривычно слабый. Понятно — уцелел только один фонарь.

Остановив «Агурати», Фергал вышел из него вслед за Алексом и длинно присвистнул.

У Алекса же захолонуло внутри, стоило взглянуть на смятый корпус. Это у «Драккаруса»-то! Одного из крепчайших мобилеров! Ради Темного Ллира, что ж ты натворила, паршивка?!

Он шагнул к застывшей столбом Маред — бледной, растрепанной, с застывшим взглядом — и остановился. За ее спиной стояла еще одна девица. Рыжие кудри рассыпались по плечам, дорогое платье запачкано и порвано. Маред на нее не смотрела, уставившись в темноту мимо Алекса. Живая... Насмерть перепуганная, но невредимая, кажется, только губы дрожат и в лице ни кровинки. Дура!

— Представьте нас, — сухо велел Алекс, кивая в сторону рыжей девицы.

Маред, не отвечая, смотрела на него, как на привидение, потом закусила губу, пытаясь прийти в себя.

— Добрый вечер, — звонко сказала рыжая. — Я Изабель. Тьeda Изабель Кармайкл. Пожалуйста, простите Маред! Она оказала мне огромную услугу! Маред не виновата, это я просила ее приехать.

— Чрезвычайно рад знакомству, тье Кармайкл, — убийственно вежливо сообщил Алекс. — Хотя предпочел бы познакомиться при других обстоятельствах. Что у вас с руками?

— О, пустяки, — бледно улыбнулась девица, выказывая неплохое самообладание.

Подойдя ближе, она встала перед Алексом, будто пытаясь загородить от него Маред.

— Мне действительно очень жаль, тьен...

— Лэрд Александр Монтроз, — процедил Алекс. — К вашим услугам...

— Очень жаль, милэрд, — повторила рыжая Изабель. — Мой отец возместит вам убытки, разумеется.

Сделанный ею реверанс на ночной дороге выглядел настолько неуместно и при этом элегантно, что Алекс против воли восхитился. А на руках у девицы явно были синяки, причем полученные не при крушении мобилера, а раньше. Именно такие остаются на нежной женской коже от грубых пальцев.

— Простите... — сказала вдруг рыжая, прищурившись. — Вы тот самый Монтроз? Королевский стряпчий?

Алекс молча поклонился.

— Милэрд, сама Керидвен мне вас послала, — решительно заявила тье Кармайкл. — Я нуждаюсь в вашей помощи!

Алекс едва удержался от богохульного высказывания, что Керидвен могла бы свести его с клиенткой как-нибудь иначе, а это явно работа Темного Ллира.

— По какому делу? — уточнил он, поражаясь невероятной наглости рыжей тье Кармайкл.

— Бракоразводный процесс, — невозмутимо сообщила та. — Обман доверия, мошенничество, принуждение... Сегодня утром меня угораздило выйти замуж за отвратительного ублюдка! Я хочу немедленно развестись и засадить его за решетку так надолго, как только возможно. Но без лишнего шума.

— Очень противоречивые пожелания, — заметил молчавший до этого Бреслин. — А учитывая гонорары лэрда Монтроза, вам дешевле было бы супруга похоронить. Но я этого не говорил.

Происходящее все больше напоминало Алексу дурной сон. Зато он вдруг понял, что ему напоминает имя девицы. «Верфи Кармайкла». А это, значит, их наследница. Любопытно.

— Так, достаточно, — сказал он устало. — Тье Кармайкл, поговорим о вашем деле позже.

Понятливая девица, она же новобрачная, шмыгнула на заднее сиденье «Агурати», Бреслин вернулся в водительское кресло, и возле разбитого «Драккаруса» остались Алекс и Маред, по-прежнему слепо глядящая в темноту.

— Ну? — поинтересовался он очень мягко. — Рассказывайте.

— Изабель ни при чем, — с трудом шевельнула губами девчонка. — Она оказалась на дороге одна, ночью... Позвонила мне, умоляла ее забрать. Я сама решила взять мобилер.

— Восхищен вашим взаимным благородством, — не удержался Алекс. — Каждая берет вину на себя! Дальше?

— Что — дальше? — прошептала Маред. — Я думала: отвезу ее до предместий, посажу на кэб — и назад. У нее все руки в синяках... Она так боялась! А мобилер... Он заскользил — и в камень!

Она зажмурилась на мгновение и тут же снова открыла глаза, глядя куда-то мимо Алекса и продолжая с ужасающей монотонностью:

— Это я виновата. Я отвернула — а мобилер занесло. Занесло... Я виновата...

Хлоп! Очнувшаяся Маред удивленно посмотрела на Алекса и медленно поднесла ладонь к щеке, по которой тот влепил несильную пощечину.

— Это от истерики, — любезно пояснил Алекс. — Что мобилер на каучуковых шинах скользит по влажной дороге, вы, конечно, не предполагали?

Маред молча кивнула. Взгляд у нее был теперь не такой мертвый, но все равно очень нехороший. И как же Алексу хотелось выругаться! Покрыть черной портовой бранью неизвестного ублюдка и потряхнуть за плечи дуреху, что сама едва не погибла и рыжую подружку не убила только чудом. Две дуры! Как только остались живы и невредимы. Главное — живы...

Пройдя мимо Маред, он подошел к сиротливо темнеющему у обочины «Драккабусу», ласково и виновато провел рукой по искореженному металлу. Как жаль... Может, еще удастся восстановить?

Вздыхнув, Алекс отвел взгляд и повел с трудомдвигающуюся девчонку к «Агурати». Усадил на заднее сиденье рядом с притихшей тье Кармайкл, сам сел впереди. До коттеджа они доехали в полном молчании. Так же молча вышли, а Бреслин повез юную авантюристку в Лунден.

Эвелин дома не оказалось. Горничных, сунувшихся, было, с предложением помощи, Алекс отправил спать. Чуть ли не силой заставил Маред подняться по лестнице, втолкнул в свою спальню и заставил сесть на постель, где девчонка замерла, уткнувшись взглядом в колени и опустив плечи.

— Маред, — тихо сказал Алекс, подвигая пуфик и садясь напротив нее. — Девочка, послушай меня.

Она подняла голову, глядя в стену за спиной Алекса.

«А ведь она мысленно там, — с пугающей ясностью вдруг понял Алекс. — В том,

первом крушении. Снова авария, только теперь за рулем была она сама. И никто — слава всем богам! — не погиб. Ох, баргест раздери...»

— Маред, — сказал он устало, — успокойся. Все не так страшно, как ты думаешь. Главное, вы обе целы и невредимы.

— Мо... би...лер, — шевельнулись ее губы.

— Мобилер жаль, — согласился Алекс, беря руки Маред в свои растирая холодные, прямо-таки ледяные ладони. — Но все могло быть хуже. Девочка моя, приходи в себя. Ты жива. Твоя подруга — тоже.

Маред зажмурилась, помотала головой, и вправду пытаюсь очнуться, словно выныривая из забытья. Прошептала, кривя непослушные побелевшие губы:

— Я же не смогу... возместить...

— Ты ничего не должна возмещать, — терпеливо сказал Алекс. — Маред... Маред, ты меня слышишь? Ты ничего мне не должна.

— Должна! — отчаянно выдохнула она. — Я не могу! Не... могу... Я сама... виновата! А денег у меня нет. И я... И вы...

— Маред, — тихо сказал Алекс, продолжая растирать ее руки, уже слегка потеплевшие. — Маленькая ты дурочка. Ты думаешь, если бы ты погибла или покалечилась, я бы сожалел о мобилере? Ты так обо мне думаешь? Ну, говори!

— Нет, — растерянно сказала девчонка, поднимая на него удивленные, беспомощные и наивные, как у котенка, глаза. — Не думаю. Но...

— Никаких «но», — вздохнул Алекс, чувствуя горечь и щемящее чувство где-то внутри, в горле и ниже. — Ты мне ничего не должна. Как говорит старый мудрый Цойреф, «благодарю, Создатель, что взял деньгами». Да, мне жалко мобилер. Да, ты дурочка, что поступила так необдуманно. Об этом мы еще поговорим... Но ты спасала подругу — и это правильно. Правильно, понимаешь? Я не могу и не хочу тебя за это осуждать или наказывать. Все, девочка. Все хорошо.

Не переставая говорить, он стянул с нее платье, нижнюю рубашку и лиф. Помог снять чулки и панталоны. Мягко надавил на плечи, укладывая девушку в постель. Наверное, стоило бы отвести ее в ванну, но девочка совсем измучена, рук поднять не может. Пусть поскорее ляжет.

— Все равно, я виновата, — прошептала Маред, покорно ложась. — Это неправильно, что я вам не должна. Неправильно... Нечестно.

— Девочка, — отозвался Алекс, придвигаясь ровно настолько, чтобы она чувствовала его тепло. — Давай уж я сам это решу. У нас и так очень сложные отношения, не будем отягощать их еще сильнее. Это просто мобилер. Не последний кусок хлеба, знаешь ли. Да и тот надо делить с друзьями, если приходится. Я просто испугался за тебя. За тебя, не за мобилер, понимаешь?

— Да, — сказала Маред после долгого молчания. — Но я так не могу.

— Тогда что-нибудь придумаем, — мягко пообещал Алекс. — Вместе. И потом. Главное, вы обе живы. Хочешь, я тебе чаю принесу? Или немного бренди?

Маред замотала головой, так что завитки локонов рассыпались по плечам. Повернувшись, уткнулась лицом в подушку, замерла. Алекс молча лежал рядом.

И дождался. Через несколько долгих минут, уснуть за которые ему не позволило только напряжение взведенного спускового крючка, Маред тихонько всхлипнула. Потом еще раз, и еще. Проговорила что-то, приглушенное подушкой, и Алекс осторожно придвинулся, едва

дыша, положил руку на горячий, чуть влажный затылок, будто на шерсть испуганного, загнанного в угол зверька, прошептал:

— Все хорошо. Все обошлось.

— Я не хотела, — давясь всхлипами, повернулась к нему Маред. — Я не хоте-е-ела! Опять! И мобилер! Уже было так... Только Эмильен погиб. Почему он? Почему его не вытащили? А в этот раз я... и Изабель... Если бы... если бы она...

— Все обошлось, Маред, — ласково повторил Алекс, глядя взъерошенные волосы, придвигаясь ближе с напряженной осторожностью. — Обошлось ведь. Ты не виновата, девочка моя, так бывает. Мокрая дорога, понимаешь? Ты училась на сухой — вот и не знала. Все обошлось...

Девчонка потянулась к нему сама, рывком поворачиваясь и вжимаясь в раскрытые навстречу объятия. Простонав что-то, закинула руки ему на плечи, спрятав лицо на груди. Лежала молча, всхлиывая, и крупная дрожь колотила ее тело.

— Все хорошо, — прошептал Алекс, утыкаясь лицом в ее макушку. — Все. Хорошо...

Нутро выворачивало от запоздалого страха за эту маленькую дурочку, рванувшую в ночь по мокрой дороге на послушном, но тяжелом «Драккарусе». Светлые боги, благодарю вас! Да, злился... Выпороть бы ее! Но не за мобилер, всеми богами клянусь, а за этот вот страх. Две юные дуры! Как хорошо, что это был «Драккарус»! Не легкий «Кельпи», который размазало бы в лепешку вместе с людьми, а массивный, надежный, замечательно прочный «Драккарус».

— Все хорошо, — шептал он, предательски изнывая от почти раскаленного влажного тела, прижавшегося так тесно, что все их изгибы, ямки и выпуклости сошлись, как в сложной головоломке.

С трудом он заставлял себя думать о чем угодно: о франкском тендере, о взрыве в «Бархате», о последнем разговоре с Корриганом, — только не о том, что Маред себя не помнит, если так откровенно трется об него и обвивает руками и ногами в отчаянной попытке спрятаться от страха. И Алекс терпел это, еще находя силы мрачно поиздеваться: ну не дурак ли он сам? Потерять дорогой мобилер и быть откровенно, непристойно счастливым лишь оттого, что на этой паршивке, что не доверяет ему и на пенни и боится, как людоеда, нет ни царапины. Хорошо-то как, что нет!

«А ведь пропал ты, Алекс, — пришла безупречно ясная и горькая мысль, когда Маред затихла, мгновенно уснув в обнявших ее руках. — Вот, значит, как это бывает? Да нет, быть не может. Это же смешно! Второй раз — и снова неудачно? В таком возрасте, зная заранее всю безнадежность и неправильность? Нельзя, Алекс. Ты же не умеешь любить, Сутяга, Корсар... Ты же искалечишь эту глупую наивную девчонку, порвешь ей душу куда хуже, чем тело рвут кнутом. И отказаться — сил нет. Что угодно сделаю, лишь бы она еще раз ко мне вот так — всем телом. Чтоб сама, по своей воле, да не от страха, а... ну, хотя бы от желания. Если уж иначе — никак. Что же я творю, девочка моя?»

Маред сопела рядом, изредка вздрагивая во сне, распластавшись на Алексе и бесстыдно просунув колено ему между ног. Боясь шевельнуться, Алекс обнимал ее, грея дыханием мочку уха, шею и плечо.

«Что же я творю? — повторил он себе. — Я же чистую правду говорил Кормаку Даффи: близкие — это слабость, это уязвимое место, в которое обязательно кто-то ударит. Непременно! Зачем же мне это сейчас? За что мне это? И если бы сегодня мобилер оказался послабее... Ничего бы не было? Никогда? Не было бы... её? Хватит. Хватит дамской

истерики, Корсар. Все ведь обошлось? Да. Пока обошлось...»

Глава 10. О кактусах, незабудках и прочей флоре

Солнечный луч, пробившийся сквозь шторы, назойливым пятном лег на щеку. Маред проснулась от этого лишнего тепла, заворочалась под одеялом, потягиваясь разомлевшим в мягкой постели телом. Переложив голову на подушке, не открывая глаз, спросонья еще не понимая, где она, и чувствуя только, что постель хорошо знакомая и уютная. Двинув колено вперед, наткнулась на горячее и упругое, замерла. Но было уже поздно. Монтроз придвинулся ближе, бесцеремонно сгреб ее в объятия, почти заставив уткнуться в плечо носом. Маред, полностью обнаженная, судорожно вдохнула его запах, боясь шевельнуться.

Память о вчерашнем обожгла острой болезненной вспышкой: разбитый мобилер, Изабель, истерика в объятиях лэрда! И как теперь себя вести? Что делать? Монтроз сказал, что прощает, но...

— Доброе утро, — прозвучало над ее головой. — Как вам спалось?

— Хорошо, благодарю, — сказала чистую правду Маред. — Простите, мне нужно в ванную.

Прикрываясь одеялом, она накинула халат и сбежала в ванную. А там, подставляя загоревшееся лицо под прохладные струи, тоскливо подумала, что в Лунден ей все равно предстоит ехать вместе с лэрдом. Ох, как ужасно получилось!

До красноты растерявшись самой жесткой мочалкой, словно можно было смыть страх и стыд вместе с вчерашней пылью, Маред переоделась у себя, а на лестнице замаялась, не зная, спускаться к завтраку или вернуться в спальню лэрда. Но тот и сам вскоре появился в коридоре, уже полностью одетый.

Завтракали почти молча. Маред едва не давилась тонкими кружевными блинчиками с медом и сливками, ей казалось, что тье Эвелин смотрит на нее осуждающе — и неудивительно. Однако после завтрака экономка вручила ей большой пакет.

— Шампанское и торт, — пояснил лэрд. — Угостите коллег, которые будут вас поздравлять.

— Благодарю... — с трудом сглотнула Маред вставший в горле ком.

— Рада помочь, — с привычной сдержанностью улыбнулась экономка. — Ваше светлость, вы возьмете экипаж?

— Да, конечно, — отозвался лэрд. — Полагаю, его уже прислали из Лундена. А завтра что-нибудь придумаю с новым мобилером. Лошади по-прежнему не пользуются моей любовью... Маред, у вас ведь дела в Лундене?

— Да, — поспешно откликнулась она. — Мне нужно посетить клинику и съездить на свою квартиру.

— Тогда можете остаться там на ночь, — безразлично сообщил лэрд.

— Остаться у себя? Маред едва не споткнулась, выходя из столовой и изумленно обернувшись на лэрда стряпчего. Это ведь из-за вчерашнего? Может быть, он решил, что такая хлопотная и дорогостоящая игрушка ему больше не нужна? Неужели отпустит?

Спросить прямо язык не поворачивался. Маред сбежала вниз по лестнице, выскочила во двор, где уже дожидался присланный ночью экипаж. Монтроз подошел следом, открыл перед ней дверцу, и Маред шмыгнула на заднее сиденье, отвернувшись к окну, когда лэрд стряпчий сел рядом. Ее снова окатило привычным чувством, что все вокруг знают, какой нелепой и жалкой она себя ощущает и думают только о ней, подмечая все недостатки. И за

спиной смеются!

Глупость, конечно. Разумом она это понимала, но сейчас не могла не думать, что рядом с лощеным, светским, всегда уверенным в себе лэрдом выглядит совсем ему не парой.

Всю дорогу они с Монтрозом промолчали. Но когда до здания конторы оставалась пара кварталов, Монтроз вдруг велел свернуть к небольшому скверу с кофейней. Открыл дверцу перед Маред, у которой опять сердце затрепыхалось, и бросил:

— У нас еще есть время поговорить.

Маред, мгновенно застыв изнутри, последовала за ним. Опустилась на плетеный стул за веселым расписным столиком, чувствуя, как дрожит, будто заячий хвост, а в горле пересохло. Лэрд, глянув на нее, спросил у официанта воду с лимоном.

— Не стоит так переживать, — спокойно сказал он, опускаясь напротив. — Разговор будет не слишком приятный, но ничего такого уж страшного.

Маред кивнула, жадно глотая прохладную кислую воду и боясь поднять взгляд от чашки.

— Во-первых, — прозвучал все такой же равнодушный голос Монтроза, — ты мне ничего не должна за мобилер.

— Нет, — прошептала Маред, закашлялась, глотнула и снова упрямо повторила: — Нет, так нельзя. Ваша светлость, я виновата... Я только не знаю, как...

— Расплатиться?

Монтроз тоже пригубил воды и продолжил с пугающим спокойствием:

— Ваша подруга, кажется, изъявляла желание возместить убытки. Считаю это справедливым, тем более что она как раз может позволить себе расходы на глупость. В отличие от вас. Но даже если она забудет об этом долге, я не собираюсь попрекать вас после того, как сам же проповедовал святость дружбы. За все надо платить, знаете ли. Опыт стоит особенно дорого. Но вы должны пообещать, что больше подобного не повторится.

— Да, конечно, — тихо сказала Маред, поднимая взгляд. — Благодарю вас.

— Надеюсь, пойдет на пользу, — усмехнулся лэрд. — Теперь второй вопрос. Ваше поведение, тье Уинни, меня беспокоит больше, чем потеря денег. Вы сами-то понимаете, в чем именно ошиблись?

— Я не должна была вмешиваться в дела Изабель?

— Должны были. Если ваша подруга попала в беду, это и ваша беда тоже. В этом вы были правы, тье. Но почему вы просто не позвонили мне? Фониль придумали уже лет восемьдесят назад и, подозреваю, как раз для подобных случаев. Один звонок на час раньше! Неужели даже не подумали?

— Подумала! Но... вас ведь это не касалось...

Монтроз тяжело вздохнул, ставя чашку на стол, и наклонился вперед.

— Маред, — сказал он с какой-то безысходностью, — если бы вы позвонили, всего этого удалось бы избежать. Я прекрасно понимаю, что такое сложная жизненная ситуация, требующая деликатности. Я стряпчий, в конце-то концов, это мой хлеб. Позвони вы мне — я бы за несколько минут нашел вам свободный экипаж и сопровождающего. Кстати, что вы, две безоружные женщины, собирались делать, если бы вас действительно догнали обидчики тье Кармайкл? Читать им статьи уголовного и гражданского права, которые они нарушают? Или вы посчитали, что я чудовище, обратиться к которому опаснее, чем встретиться с похитителями?

— Нет! — вскинулась Маред и повторила тише. — Нет, я так не думала. Я...

Лэрд терпеливо ждал, и Маред обреченно выдавила:

— Вы правы, я... совсем не умею общаться с людьми. Просить о чем-то... Дело не в том, что это вы! Я ни с кем не умею...

— Хвала Лугу, вы это поняли, — кивнул Монтроз. — Значит, учитесь. В этот раз вы отделались небольшим испугом, но жизнь полна неожиданностей. В любой момент может случиться что-то, с чем вы не справитесь.

— Вот сейчас! Сейчас был идеальный момент! У Маред даже в глазах потемнело от страха и напряжения, стоило представить, что можно рискнуть — и рассказать. О проклятый камерографиях, о и о том, что ее силой втянули в грязную историю, из которой она не может выбраться. Правда, если лэрд не поможет, Маред рискует всем! Ужас увиденных в газете камерографий был еще свеж в ее памяти, но... Если лэрд просто выгонит ее из дома, возможно, шантажисты сжалятся? Поймут, что она им бесполезна, что просто надоела Монтрозу... Зато все наконец закончится... Она набрала воздуха, изнемогая от дикого слепого ужаса, но тут на узорчатую столешницу лег светлый брусок металла с синим парусником.

— Узнаете? — мягко поинтересовался Монтроз.

Маред посмотрела на ключ-камень, потом на лэрда, беспомощно сглотнула, вспоминая...

— Да, ваш ключ-камень. Вернее, мой. С контрактами моего клуба, а теперь еще и проектом для франков. Где вы ее оставили?

— В вычислителе, — прошептала Маред, боясь шевельнуться.

— Верно. А Кормак, заливая его, выдернул для полной гарантии. Но там, как я уже сказал, был не только тендер. И слава Лугу, что не оказалось ни одной фамилии, только инициалы. Разумеется, Даффи не дурак и сделал вполне определенные выводы по тем данным, что все-таки нашлись. Содержание контракта, упоминание Мэйд Вэл, оплата Университета и работа в «Корсаре». Маред, вы все понимаете?

— Да. Я вас скомпрометировала.

Собственный голос звучал со стороны совершенно мертво. Маред смотрела на ничего не выражающее лицо Монтроза, но никак не могла на нем сосредоточиться.

— Вы едва не скомпрометировали себя, девочка моя, — снова вздохнул лэрд стряпчий. — Неужели вы думаете, что ваша репутация пережила бы подобный скандал, поделись Даффи своими догадками с кем-нибудь еще? Я мужчина, мне гораздо легче оправдаться в непристойных связях вне брака, но репутация женщины либо безукоризненна и хрустально-чиста, либо ее просто нет. Подобный позор похоронил бы вашу карьеру юриста задолго до ее начала. Но меня радует, что в первую очередь вы думаете о репутации клиента и партнера, а в случае с этим контрактом я выступал именно в такой роли, делали-то его вы. Ну хорошо, про ключ-камень вы в тот момент забыли — неудивительно — но как не вспомнили потом? Решили, что все само собой образуется?

— Я забыла, — беспомощно повторила Маред, пытаясь сморгнуть пелену в глазах и думая только о том, что сказал лэрд про ее репутацию и возможный скандал. — Я не знаю, как...

— Вы устали и плохо себя чувствовали, — кивнул лэрд. — Это понятно. Маред, просто помните, что следует очень тщательно хранить любые сведения. От всех. Даже то, что вам кажется совершенно безобидным. Поставить на свой вычислитель систему защиты, не оставлять открытыми никакие документы на столе и следить за тем, что заметно на ваших полках... Даже если вокруг — замечательные люди, ваши коллеги. Не вводите их во

искушение, ради Луга. До этого случая Кормак Даффи прекрасно работал, я бы никогда не предположил, что он способен на подобную подлость. Сначала обидел вас, потом еще и меня решил шантажировать содержимым этого ключ-камня.

— Как... вас?

— Оригинально, — хмыкнул Монтроз. — Но на редкость неудачно. Полагаю, результат ему весьма не понравился. Больше он ни меня, ни вас не побеспокоит. Но речь не о нем, понимаете?

Маред молча кивнула. В милосердие лэрда Монтроза она давно не верила. Кормаку Даффи досталось той же тяжелой мерой, что и неизвестному стряпчему, взявшему деньги у противника «Корсара» по медицинскому иску. И как достанется ей, можно не сомневаться, если она еще раз подвергнет опасности не только свою репутацию, но и репутацию Монтроза. Бригитта милосердная, ведь Маред едва не призналась! Снова чуть не совершила ту же ошибку, сунув голову в пасть хищника, который может простить расходы на дорогой мобилер, но карает за любой намек на измену.

— Ничего, девочка, — голос Монтроза смягчился, а может, Маред просто отчаянно хотелось это услышать. — Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Сегодня вы можете остаться в Лундене и провести вечер с ночью по собственному усмотрению. Вам не помешает еще немного отдыха и возможности поразмыслить. А завтра я заберу вас после работы. Фониль и деньги у вас с собой?

— Да, — почти прошептала Маред. — Простите, я пойду. Время...

Дождавшись кивка, она подхватила сумочку и пакет с угощением. Рассказать про Чисхолма? Сейчас? Нет, ни за что! Одно непонятно, как Монтроз терпит столько неприятностей? И, главное, зачем? Ведь он же учит ее не только умению ублажать мужчину, но и тому, о чем не пишут ни в одном учебнике? Жизни... Неужели все это ради сомнительного удовольствия овладеть ею, Белой Вороной, неуклюжей, замкнутой, не умеющей находить дорогу ни к сердцу, ни к телу своего случайного и почти ненавистного любовника?

Одно Маред поняла твердо, влетая в дверь отдела на последней минуте перед опозданием, так что каблучки недопустимо громко простучали по паркету. Она не сможет сделать то, что потребует Чисхолм, — что бы это ни было. Просто не сможет! Но... ведь он еще ничего и не требует. А пока она не предала Монтроза по-настоящему, рассказать ему все не поздно. Вот дождется приказа шантажистов — и расскажет...

— С днем рождения, милая-милая Маред! — пропело слаженное трио Леона, Тилли и Жаклин Форс.

В руках Леона красовался роскошный букет, Тилли держала какую-то коробку, а Жаклин улыбалась, по обыкновению застенчиво и очень мило.

— Поздравляем вас! Поздравляем вас! Поздравля-я-я-ем вас!

* * *

В «Бархате» все было, как обычно: шумно и весело внизу, чинно и спокойно на втором этаже. И дверь кабинета Анри оказалась заперта. Алекс нахмурился: в общем зале, Анриетты тоже не было. Разумеется, это пустяки, мало ли где может находиться вечно занятая хозяйка, но сегодня вечером раздражала каждая мелочь. Пожалуй, это из-за утреннего разговора. Не

был ли он слишком суров с тье Уинни? Маред и так замкнута и слишком осторожна. Это не Флория, у которой любое нравоучение влетает в одно прелестное ушко и еще быстрее вылетает из другого, разогнавшись в пустом пространстве.

Кстати, о Флории. Что-то нарушилось в их отношениях с Алексом, причем серьезно. Не обычные полудетские обиды, что Алексу некогда пойти на очередную вечеринку, и не привычные всплески ревности, стоит ему только посмотреть в чью-то сторону. Это прекрасно исправляется обычным внушением и горячей постельной встречей, после которой Незабудочка долго как шелковая. Нет, что-то разладилось в самой глубине. Редкие встречи, приносящие все меньше подлинного удовлетворения, нечастые разговоры и уходящая, как вода в песок, страсть.

А вот и тье Флория, легка на помине! Спустившись вниз, Алекс махнул рукой, заметив тонкую фигурку в серебристо-голубом платье, увенчанную короной светлых волос. Против ожидания, ему не обрадовались. Приблизившись, Флория присела в изящном реверансе, но взгляд спрятала.

— Добрый вечер, милая, — кивнул Алекс, подходя ближе.

Суженные зрачки, чуть заметная ломкая неуверенность в позе, слегка растрепавшаяся прическа. Знакомый запах, сладковатой вуалью смешивавшийся с духами Незабудки, окончательно выдал ее.

— Пойдем, поговорим, — предложил Алекс, подавая Флории руку, которую та приняла с неуверенной опаской, и снова поднимаясь по лестнице.

Дойдя до первой свободной комнаты, он открыл ее универсальным ключом, пропустил Флорию вперед и вошел, закрыв за собой щелкнувшую замком дверь. Сел на диван, посмотрел снизу вверх. Флория поспешно опустилась на колени, чтобы оказаться рядом и чуть ниже, умоляюще заглянула ему в глаза.

— Ваша светлость, простите! Я даже не курила!

Алекс продолжал смотреть, и Незабудка заюлила, попыталась отвести взгляд, облизнула острым розовым язычком губы, покрытые почти стершейся помадой. Даже подновить забыла...

— Один раз всего затянулась. Клянусь...

— Полагаешь, этого мало? — тихо спросил Алекс. — Я вот думаю, что это ровно на одну затяжку больше, чем нужно.

— Я же не знала, что вы приедете! — в полупритворном отчаянии надула губы Незабудка, снова умоляюще заглядывая ему в лицо.

— Перестань, — поморщился Алекс. — Мне не нравятся маленькие девочки, на одну из которых ты стараешься быть похожей. Флория, дурман не бывает иногда и понемножку. Он либо есть в твоей жизни, либо его нет. И у нас с тобой его быть не должно. Я хочу услышать, почему ты курила. Знаю, что давно не пробовала, потому и пытаюсь понять, что случилось. Но дешевые гримаски оставь.

— Простите, — уже обычным голосом сказала Незабудка, виновато опуская глаза. — Я сделала глупость. Встретила давнюю подругу, поговорили, она предложила. Знаете, эти легкие сигариллы из Нового Света. Только с начинкой... И я не удержалась. Простите, милэрд.

Алекс молча погладил склоненную белокурую голову, притянул к себе ближе, и Незабудка, порывисто вздохнув, прижалась к его коленям.

— Вы почти не бываете в клубе, — прошептала она отчаянно, опираясь рукой на колени

Алекса, укладываясь на них. — А мне так плохо одной. Милэрд, я вам больше не нужна?

— С чего ты взяла, милая? — спокойно спросил Алекс, продолжая поглаживать хрупкие плечики под тонкой тканью. — Просто у меня много дел.

— На Анри вам времени всегда хватает!

— А вот это тебя уже не касается. Фло, ты снова ревнуешь?

— Да, ревную, — огрызнулась Незабудка. — Вы постоянно с ней, даже ночуете здесь. А я как наскучившая игрушка!

Похоже, одной затяжкой здесь не обошлось. А может быть, Флория и до этого была на грани истерики. Алекс почувствовал укол совести: побыть с фавориткой следовало уже давно. Однако сейчас снова неудачный момент.

— Ваша светлость, я в самом деле всего разок затянулась, — прозвучало снизу. — Просто смелости все время не хватало с вами поговорить. Вы... хотите меня бросить?

— Флория, Незабудочка моя, — Алекс крепче обнял девушку, — с чего ты взяла? И разве ты вещь, чтобы бросить тебя? Если я решу расстаться, то скажу об этом честно.

— Уже решили, — бесцветно проговорила Незабудка, не отстраняясь, но и не принимая, как непременно сделала бы раньше. — Я не настолько дурочка. Вы зовете меня два-три раза в месяц. И не приглашаете никуда... Я просила бывать со мной почаще, хотела переехать к вам. Но вам ведь это не нужно, да? Потом труднее будет отделаться...

Она говорила нервно, быстро, и Алекс подумал, что дело действительно не в дурманных сигариллах. Что ж, пусть выскажется.

— Флория, — вздохнул он. — Ты хочешь переехать ко мне? И как мы будем жить? Ты встаешь к полудню, тратишь пару часов на внешность, потом едешь развлекаться до утра. Я не говорю, что это плохо. Это твое право, как проводить время, но я просыпаюсь, когда ты едешь домой из клуба. В полночь ты веселишься, а я стараюсь уже быть дома в постели. Ты откажешься от ночных развлечений? Или я должен бросить загородный дом, перебраться в Лунден и сопровождать тебя ночами?

— Но с Анриеттой же вы встречаетесь! — упрямо мотнула головой Незабудка, и шелковистые пряди, из которых вылетели шпильки, рассыпались по коленям Алекса.

— Мы не живем с ней вместе. И хватит об Анриетте. Сейчас мы говорим о тебе.

— Хорошо. Но я все равно хочу жить с вами. Я так больше не могу, милэрд. Я устала от одиночества. Я хочу быть вашей полностью.

— Нет, милая, — мягко сказал Алекс. — Ты хочешь меня сделать своим. Это совершенно другое. Помнишь, о чем мы договаривались? Я обещал, что ты не будешь ни в чем нуждаться, и тебе это понравилось. Но никакой ревности, никаких попыток завладеть моей жизнью.

— И никакой близости...

— Никакой лишней близости, — так же мягко поправил Алекс. — Флория, пойми, я не буду сопровождать тебя на светские вечеринки и показы мод по два-три раза в неделю. Мне это не нужно. Мне и бесконечные разговоры о нарядах не интересны, я просто стараюсь проявлять внимание, слушая тебя. Да, мы очень разные люди, но я с самого начала предупреждал тебя об этом. И просил, чтобы ты не надеялась на многое.

— А многое — это что? Две-три встречи в месяц? Иногда поужинать в клубе? И то Анри всегда рядом. Нет, погодите! Милэрд, пусть я ревную, но что в ней такого, чего я лишена?!

Она рывком подняла голову, глянув в лицо Алексу, снова нервно облизала губы и

продолжила:

— Выслушайте, прошу! Да, я обещала, что не буду ревновать. Но в чем ее секрет? Она красивее? Она сирена? Она не говорит о нарядах? Но о чем еще я могу говорить, я же не стряпчий!

— Она тоже, — тихо сказал Алекс, уже изнывая от душевной усталости. — Но она хозяйка клуба, танцмейстер и одна из мастеров-распорядителей. Так что нам всегда есть, о чем поговорить. Вести дела такого заведения — очень непросто, Флория.

— Ах, да... она хозяйка, — с отчетливым презрением протянула Незабудка, запрокидывая красивое, словно точеное из слоновой кости личико. — Я и забыла. Это она танцами из шлюх перескочила в состоятельные дамы? Где бы научиться таким танцам?

— Не смей, — тихо и очень ровно сказал Алекс. — Никогда. Больше. Не смей. Флория, я не шучу. День, когда ты снова повторишь оскорбление в адрес Анриетты Ресколь, будет последним днем наших отношений. И сегодня я тебя за это даже наказывать не буду. Пошла вон.

— Ваша светлость!

— Пошла вон, я сказал, — устало повторил Алекс. — Мне повторить третий раз?

— Ваша светлость! Не нужно! Простите!

Как он упустил миг, в который все полетело к Темному Ллиру, Алекс и сам не успел понять. Но только что презрительно кривящая губки Флория прильнула к его коленям, цепляясь за них, рыдая в голос, умоляя забыть, а она больше никогда-никогда-никогда...

И вроде бы ничего неправильного в этом не было, Флорию давно следовало осадить в ее неприязни к Анри, но вышло все грубо и мерзко.

Обняв Незабудку, он прижал ее к себе, едва не силой заставив сесть рядом, уткнулся губами в светлую макушку, говоря:

— Ну все, девочка моя, не бойся. Поплачь, если хочешь. Не собираюсь я тебя бросать. Слово какое глупое...

— В самом деле? — прошептала Незабудка, даже из истерики ухитряясь извлекать пользу, как ей сейчас казалось. — Обещаете?

— Флория, ты от меня расписку в вечной любви требуешь? Или брачный договор?

Алекс ослабил объятия, и Незабудка, мгновенно почувствовав, что позволила себе лишнее, замотала головой.

— Нет, простите! Я все поняла. Я глупая, правда?

— Немножко, — улыбнулся Алекс, поднимая ее подбородок и нежно касаясь губ девушки своими. — Не ревнуй меня, это неразумно. Я подумаю, как нам встречаться чаще.

— Благодарю, — прошептала Незабудка.

Краска на ее ресницах потекла, запятнав безупречное личико некрасивыми темными потеками, и Алекс достал платок.

— Благодарю, — повторила Флория, садясь рядом и ожесточенно вытирая лицо. — Я на баньши похожа, да?

— Зато на молодую и прелестную баньши, — серьезно повторил Алекс, стараясь не рассмеяться.

— Да уж, молодую...

Незабудка зябко передернула плечами, покосилась на Алекса, с тоской глянула на испорченный платок.

— Ваша светлость, мне уже... двадцать семь. А рядом столько юных красоток!

— Это совсем другой разговор, — Алекс отобрал грязный платок и бросил его под стол. — И я рад, что ты на него решилась. Флория, милая, почему бы тебе не открыть собственное дело? Швейную мастерскую, например. У тебя прекрасный вкус, ты будешь иметь успех. И скучать перестанешь. Деньгами я помогу, зато мастерская обеспечит твоё будущее.

— Как помогли Анри? — с тихой утомленной злостью огрызнулась Незабудка, запрокидывая голову назад и сцепляя тонкие пальчики перед собой.

— Пусть как Анри. И раз уж тебе так нравится сравнение с тьё Ресколь, она — заметь! — работает до изнеможения. Разве что вечером на час-два выходит в зал, и то не развлекаться, а присмотреть за делом. Флория, молодость проходит. Ты очаровательна, но нужно подумать о будущем, понимаешь?

— Еще как понимаю, — недобро усмехнулась Незабудка. — А потом вы от меня избавитесь, как от старой рубашки, поменяв на кого-то моложе и смазливее. И я буду сидеть в собственной мастерской, вспоминая счастливые времена и ожидая, когда соизволите заглянуть от скуки. Вы же так поступили с Анриеттой? А теперь она вам обязана, так что как собачка — из рук ест и хвостиком виляет. И совесть у вас будет чиста, вы ведь обеспечили мое будущее.

Она вскочила с дивана к двери, дернула ручку, беспомощно огляделась на Алекса.

— Выпустите! Откройте!

— Прекрати, сейчас выпущу, — равнодушно от усталости отозвался Алекс. — Придешь в себя — позвони.

Достав ключ, он подошел и открыл замок. Флория вылетела в коридор, изо всех сил хлопнув дверью, но ту делали на совесть, проложив каучуком, чтобы не беспокоить других посетителей шумом.

Алекс снова бездумно глянул на фониль. Девять часов. Стоило бы поехать домой, но придется приезжать завтра, потому что без разговора с Анриеттой не обойтись. Какой бесконечный день...

* * *

На этот раз Анри оказалась у себя. Она сидела за столом, закопавшись в бумаги так, что на вошедшего Алекса только глянула отрешенно и снова опустила взгляд к документам. Но сразу же их отложила и посмотрела на него уже внимательнее.

— Алекс? Что-то случилось?

— Ничего особенного, — махнул он рукой, почти падая в свободное кресло. — Не хочешь выпить со мной?

Она поднялась из-за стола, потирая виски, подошла к бару. Сказала, не оборачиваясь:

— Выглядишь так, словно на тебе боуги катались. Коньяк или бренди?

— Коньяк.

Приняв бокал, Алекс с упоением вдохнул густой аромат, благодарно кивнул. Анри присела на подлокотник своего кресла, отсалютовала бокалом. Отпив, поморщилась:

— Что-то нет настроения, — сказала рассеянно. — Ты пей, я просто посижу, отдохну. Кстати, тебя искала Флория.

— Уже нашла, — Алекс невольно скривился.

— Устроила сцену? — понимающе уточнила Анри. — Из-за чего на этот раз?

— Из-за тебя, — не удержался Алекс.

— Глупышка, — вздохнула Анри. — Это из-за скуки. Ты стал реже бывать в клубе, Алекс. Хотя, может быть, вы еще где-то встречаетесь?

— Не встречаемся.

Алекс снова выпил, чувствуя, как растворяется напряжение. Прикрыл глаза, смакуя послевкусие. Высокий торшер бросал яркий круг света только на стол Анриетты, а здесь, у стены, царил шоколадный полумрак, настоящее блаженство для утомленных глаз.

— Порезать лимон? Или поужинаешь?

Алекс молча покачал головой. Долгий сложный день вдруг неподъемно навалился на плечи, словно он, как в юности, разгрузил целую вагонетку угля.

— Алекс, — донесся, будто издалека, голос Анри. — Ты бы прилег. Хочешь, я тебе массаж сделаю?

— Ты святая, — улыбнулся он и с трудом потянулся вперед, ставя опустевший бокал на стол. — Я тебя обожаю.

— Всего лишь за коньяк и массаж? — насмешливо фыркнула Анриетта, вставая у него за спиной. — Немного же тебе нужно для обожания. Откинь голову и расслабься. И сюртук сними!

Пальцы Анри были сильными и умелыми. Алекс едва не застонал от удовольствия, когда горячие ладони прошли по его плечам, сначала поглаживая, потом легонько разминая мышцы, потом все крепче и крепче. Послушно откинув голову на грудь Анри, он прикрыл глаза, наслаждаясь и разливающимся по телу теплом, и просто тем, что рядом человек, который принимает его таким, какой он есть.

— Плечи — ужасны, — сообщила Анри, принимаясь за шею. — Ты себя загоняешь, как рабочую лошадь. Сегодня я немного разомну, а потом непременно пройди курс настоящего массажа.

— Ты восхитительна, — благодарно отозвался он. — Анри, где ты этому-то научилась?

— В балетной школе, разумеется. Ты представляешь, как болит и устает тело после занятий? Это только из зала кажется, что танцовщицы порхают по сцене, как мотыльки. А девочки плакали от судорог, когда растирали друг другу спину и икры. И все равно снова шли к станку...

— Жалеешь? — негромко спросил Алекс, вслушиваясь в спокойный голос.

— Какой в этом смысл? — судя по легкому движению рук, Анриетта пожала плечами. — Из меня бы все равно не вышло балерины. Я не хотела искать покровителя, а без этого не получишь даже роль цветочка в третьем ряду. Я же хотела служить искусству, надеялась остаться чистой. Даже когда понадобились деньги, нашла клуб, в котором меня обещали не трогать. Только танцы...

— Анри, — еще тише сказал Алекс. — Прости. Я не хотел тебе напоминать.

— Ничего, — ему ласково взъерошили волосы. — Все перегорело и стало пеплом, поверь. Ну какая из меня балерина? Да и возраст. Мне уже двадцать семь. Все равно скоро пришлось бы уходить из театра и искать новое занятие. Нет, тебе определенно нужен хороший массажист. Ты останешься сегодня?

В голосе Анри не было ничего, кроме простого любопытства. Или она очень уж хорошо научилась скрывать все остальное. Алекс подумал. Да, он приехал, чтобы показать камерографии, но чего скрывать — хотелось просто остаться. Выпить еще немного коньяка,

остановившись на блаженной грани расслабления, но еще не опьянения. Вернуть Анри массаж, выгладив гибкое смуглое тело так, чтоб слышать прерывистые вздохи. А потом и чем-нибудь другим побаловать. Но сначала — дело.

— Я подумаю, — сказал он.

Анриетта отошла к столу и вернулась с какой-то баночкой. Окончательно стянула с Алекса рубашку и щедро мазнула по уже разогретым плечам прохладным скользким кремом.

— Все-таки тебя надо было уложить, — сообщила, широкими движениями втирая крем в кожу. — Алекс, а почему бы нам не открыть при клубе небольшой массажный салон? В левом крыле здания даже вход отдельный сделать можно.

— С интимными услугами?

— Ни в коем случае. С ними, конечно, выгоднее, но «Бархат» превратится в обычный бордель, а этого я не хочу. Нет, обычный массаж, но с экзотическим оттенком. Сейчас очень модно все восточное. Чайна, Халифат...

Анри на мгновение остановилась, выдавила еще крема и снова вернулась к шее Алекса, теперь проходясь пальцами вдоль позвоночника.

— Ты ведь сам меня учил, — сказала она негромко, — что дело — как пожар, либо разгорается, либо тухнет. Между прочим, я приготовила тебе ведомости. За последние годы у нас отличная прибыль, но постоянная, совсем не растет. А массажный салон — это всплеск интереса клиентов. Я знаю, где нанять настоящих мастериц из Чайны. Кое-кто даже в «ивовом домике» работал, как у них бордели называются. И еще... У нас столько всего заказывается для клуба в розницу! Масла, крема, духи, ароматные салфетки... Для салона потребуется еще больше. Почему бы не закупать все это оптом и не открыть маленький магазин? Места флакончики и баночки много не занимают, можно для начала приспособить несколько пустых комнат под склад. Только торговать не здесь, а с доставкой, по каталогу. Магазин окупит себя и сократит расходы на клуб.

— По каталогу? — заинтересовался Алекс. — Как крупные магазины? Полагаешь, это окупится? Я всегда думал, что женщинам нужно понюхать, помазать...

— Есть женщины, которые очень редко выходят из дома. Как моя матушка, например. Она терпеть не может магазины, но в собственной гостиной с радостью полистала бы каталог и еще подруг позвала. А несколько женщин, которые не хотят показаться одна беднее другой, могут заказать очень много товара. Я вот сама покупаю писчебумажные принадлежности по каталогу, чтобы не тратить время. И косметику заказывала бы. Правда, все это действительно сложно. Придется нанимать специалистов по созданию таких каталогов, заказывать печать в типографии, закупать товар. Значит, нужны еще служащие — одна я со всем этим не справлюсь. А для салона, если решимся, нужно оформлять лицензию, устраивать помещение, нанимать массажистов...

— Кажется, ты долго об этом думала.

— Очень долго, — призналась Анри и вдруг лукаво рассмеялась: — Алекс, ты заметил, как я сейчас похожа на обычную фаворитку? Поймала тебя, уставшего, подло расслабляю коньяком, улещиваю массажем и клянчу денег на очередную побрякушку. Скажешь, не похоже? А если всерьез... Клуб ведь твой, как решишь — так и будет. Если тебе все нравится в нынешнем положении вещей...

Вместо ответа Алекс положил ладонь на пальцы, глядящие ему плечи, чуть повернул голову и ткнулся губами в пахнущее кремом нежное запястье. Помолчал, замерев так, потом заговорил негромко, чувствуя, как тоже застывшая Анриетта ловит каждое слово:

— Знаешь, ты великолепная женщина. Просто восхитительная. Мне невероятно повезло встретить тебя. Хочешь расширять дело — будем его расширять.

— Так я начну считать бюджет?

Алекс улыбнулся радостному азарту в голосе Анриетты, кивнул, не отпуская ее руку. Подумал, что вот это и есть то, чего никак не может понять Незабудка. Наступает момент, когда рядом хочется видеть не послушную куклу для удовлетворения желаний, а женщину, равную себе. Друга и партнера. Пусть в другой сфере — неважно. Лет через пятнадцать-двадцать Анриетта Ресколь будет состоятельной дамой, владелицей собственного предприятия. Пусть не слишком респектабельной, но и это можно исправить, отмыв пятна с имени благотворительностью и скромной жизнью — если она пожелает. Принимают же в обществе лэрда Монтроза. А Флория... Дело не в том, что она не способна к делам, она просто привыкла, что достаточно улыбок и слез, чтобы мужчины принесли ей все необходимое на блюдечке. Опасная ошибка. И очень глупая.

— Считай, — сказал он спокойно. — И вот что... «Бархат» принадлежит мне, но салон и магазин... Ты их придумала, ты будешь их создавать, от меня требуются только деньги. Хочешь долевое партнерство? И если дело пойдет, свою половину я тебе обещаю продать за первоначальную стоимость и в рассрочку. Иными словами, выплатишь постепенно сумму моего вклада — и дело твое.

— Алекс... я...

А вот теперь к азарту добавилась нешуточная растерянность, и Алекс опять улыбнулся, потерся щекой о горячую, мягкую от крема ладонь.

— Уровень управляющего ты уже далеко переросла, — сказал он. — Полагаешь, я этого не вижу? Считай расходы на открытие салона и магазина, а там посмотрим. Если сможешь вложить половину — отлично. Если нет — подумаем. И прости меня. Ты сама здесь устаешь, а еще меня успокаивать пришлось. Я эгоист и мерзавец, если требую от тебя столько.

— Ты дурак, — вздохнула Анриетта, забирая у него ладонь. — Или слишком много слушаешь Незабудку. Всегда подозревала, что это заразно. Алекс, когда меня перестанут устраивать наши отношения — я сама тебе скажу. Этому ты меня тоже научил.

Накинув рубашку, он посмотрел на Анри, вытирающую руки салфеткой. Не остаться ли и вправду здесь? Флория, можно не сомневаться, уехала на очередную вечеринку. Снова выпьет лишнего, потом будет плакать и просить прощения. С этим нужно что-то делать: глупо потакать прихотям и порокам своей фаворитки, когда все должно быть наоборот — за это он и платит ей немалое содержание. Воспитывать Флорию уже поздно, расстаться...

Маред Уинни все равно уйдет, об этом не стоит забывать. В лучшем случае — через пару месяцев, даже меньше. И все станет по-прежнему, и места в постели будет гораздо больше, чем нужно одному, и для Незабудки появится больше времени. Вернется налаженная жизнь. Обыденная, тоскливая.

Если же сейчас расстаться с Незабудкой, то осенью у него останется только Анри. Может быть, это наилучший выход? Анриетта его ценит и понимает. И даже любит! Правда, не взаимно, но неужели он, Корсар, всерьез верит, что любовь всегда должна быть взаимной? Его увлечение тье Уинни пройдет, это лишь интерес к забавной девочке и вспыхнувшее желание. С Анри у них все прекрасно в постели, она подходит ему по характеру, она умная зрелая женщина. Чего еще искать? И никаких больше истерик Незабудки и возни с колючкой Маред — как там называются эти толстые игольчатые растения из колоний? Кактусы!

Алекс вздохнул, поднимаясь из кресла. Анри разбирала бумаги, иногда отвлекаясь на допотопный арифмометр, который по старой памяти очень любила. Отправив матушку на воды, она даже ночевала в клубе, домой заезжая только за почтой и дать указания горничной. Тоже влюблена в работу, как и тье Уинни. И почему ему с такими странными женщинами легче и проще?

— Вот, взгляни.

Он достал из внутреннего кармана сюртука конверт с камерографиями, разложил перед Анри. Та взяла снимки, глянцево блестящие в свете торшера, присмотрелась.

— Джейми Роллинс — наш убитый официант. И этот... как же его... сын твоего партнера.

— Бывшего партнера, — поправил Алекс. — Виктор Корриган, верно. Он бывал в клубе помнишь?

— Помню, да... И вот этот — тоже. С Корриганом приходил.

Анриетта указала кончиком карандаша на убитого гитариста Дэнни.

— Как они вели себя?

Алекс присел напротив, покрутил в пальцах второй карандаш.

— Обычно, — слишком, пожалуй, быстро и ровно отозвалась Анри. — Он ведь умер, кажется?

— Сгорел от фейской пылицы, — подтвердил Алекс. — Вспомни, прошу. С кем он встречался, кто ему нравился? Почему перестал у нас бывать? Любые мелочи!

— Алекс, — поморщилась Анри, — это очень важно?

— Да. Очень. Смотри, на камерографиях они вместе. Виктор умер, приняв слишком много наркотика. Случайность? Допустим. Роллинса убили у нас в клубе. А вот этот, — карандаш Алекса указал на Дэнни, — тоже недавно убит. Шею ему свернули.

— Оу...

Анри снова взглядела в камерографии. Потом заговорила, не поднимая взгляда от цветных прямоугольников — окошек в прошлое, где трое улыбающихся парней еще были живы, не захлебнувшись собственной кровью или ошметками легких, не сгнив в запертой квартире.

— Хорошо, я расскажу кое-что. Но это исключительно между нами. Тем более что доказательств у меня все равно нет. Возможно, я ошибаюсь...

— Возможно, — мягко согласился Алекс. — Расскажи.

— Не исключено, — медленно, явно подбирая слова, заговорила Анри, — что Виктор Корриган играл в белую ленту. Слышал о ней?

Алекс покачал головой. Анри скривилась, откладывая снимки.

— Мерзость, — брезгливо сказала она. — Отвратительная гнусная мерзость. Богатые молодые люди развлекались так пару-тройку лет назад. Потом притихли почему-то. Представь, с симпатичной девушкой на улице знакомится привлекательный молодой человек. Ситуация компрометирующая, но девушки бывают легкомысленны, а юноша ведет себя учтиво и умоляет всего лишь выпить с ним чашку кофе. В очень приличной кофейне! Если девушка соглашается, в кофейне ей становится нехорошо. Галантный кавалер исчезает, зато появляется пара девиц или девушка с молодым человеком. Тоже очень приличные, прекрасно одетые, образец респектабельности. Всплескивают руками и заявляют, что эта бедняжка, страдающая обмороками, их сестра — и увозят, посадив в свой экипаж. Понимаешь?

— Алиби? — поймал суть Алекс. — Наркотик и похищение, но кавалер не виноват, он ведь ушел.

— Именно, — кивнула Анри. — Незаметно отравить бокал или чашку прямо на столе получается только в авантюрных романах. Девушка ничего не опасается, а чашку приносят уже с наркотиком. Кофейня одна и та же...

— Нужен... официант, — медленно сказал Алекс. — Возможно, и не один, если они меняли место. Не будешь ведь часто выводить бесчувственных девушек из одного заведения.

— Официант, кучер — это такие мелочи. Девушку привозили в уединенный загородный дом и... Дальше продолжать? Но, правда, не убивали. Всего лишь оставляли ночью где-нибудь на улице или в парке. Если повезет, она приходила в себя до Темного Часа... Да, а на руку жертве привязывали белую ленту — вроде знака. Игра...

— И... Виктор? Виктор Корриган в этом участвовал?

— Я же говорю, — вздохнула Анриетта, — не знаю. Но я своими ушами слышала, как его приятель пошутил. Заведение, мол, славное, но белая лента на запястье кое-кому не помешала бы. Откуда приличному юноше вообще знать про эту гадость? О ней в газетах не писали, да и слухи ходили очень смутные.

— Безумие...

Алекс потер занывшие виски. Виктор — извращенный насильник? Он, конечно, часто влипал в некрасивые истории, но такое — уже слишком.

— Джейми Роллинс — официант, — сказал он вслух. — Мог входить в эту банду. Потом устроился сюда. Погоди, не получается. Виктор умер три года назад, а Роллинс появился недавно. Где он раньше работал?

— В кофейне какой-то, — пожала плечами Анриетта. — У него пять-шесть рекомендаций из разных заведений — попробуй разбери. И вообще это может быть совпадением. Или дурацкой шуткой услышавшего о белой ленте развратного мальчишки.

— Может. А может и не быть. Получается, Корриган умер примерно в то же время, как банда притихла. И это мотив преступления, понимаешь? Если теперь кто-то ищет этих белоленточников и уничтожает по одному!

Знакомый азарт плеснул горячим в кровь, смысл усталость. Алекс выпрямился в кресле, вспоминая, кому можно позвонить в полиции из старых знакомых. Да и Бреслин должен знать.

— Молчи об этом, — сказал он, сгребая камерографии. — Никому ни слова! Дальше я сам.

Анриетта кивнула. Сложила бумаги в стопку, педантично подровняла краешки, сдвинула на край стола.

— Так ты останешься?

— Уеду, — вздохнул Алекс. — Прости. Настроение совсем исчезло.

— Тогда заberi почту, здесь кое-что пришло на твое имя.

Она протянула большой конверт с аккуратно подписанным адресом «Бархата» и надписью «Для Корсара, в собственные руки». Обычная практика клубной переписки без настоящих имен, чтобы случайно кого-то не скомпрометировать...

Алекс вскрыл конверт ножом для бумаг, лежащим тут же на столе, и порадовался, что отвернулся от Анриетты, подойдя ближе к светильнику. В конверте оказалась камерография. Большая, четкая, яркая. Джейми Роллинс лежал на полу, заливая его потеками крови из распоротого горла. Кровь алела на белоснежном форменном смокинге с эмблемой

«Бархата», распахнутые глаза невидяще уставились в потолок. Алекс перевернул камерографию — на белой изнанке листа четким ровным почерком было выведено: «Это первый. Добро пожаловать в кошмар, милэрд Монтроз».

Глава 11. Разговоры за кофе, чаем и не только

Каким же странным оказался этот день. Неприятный разговор с милэрдом стряпчим, казалось, забылся, смазался веселым продолжением. Торт, игристое легкое вино в бокалах, которые с лукавой ухмылкой принес откуда-то Леон, поздравления и улыбки. И все было прекрасно, только вот Маред, по праву именинницы раскладывая торт, никак не могла отделаться от подленькой мысли: кто она для людей, которые с Кормаком Даффи работали не один год. Случайная гостя на пару месяцев, камешек в отлаженном механизме. А если бы выбирать между начальником отдела и чужой девицей-студенткой пришлось не лэрду Монтрозу, а им? Вряд ли стоит обольщаться на этот счет.

А вдобавок из головы не шли уроки королевского стряпчего о доверии и защите. Как он там сказал? «Не вводи во искушение»? Получается, что Маред сама виновата, что Кормак уничтожил ее работу? Потому что дала ему такую возможность? Да нет же, бред! Все равно что встать на сторону преступника, потому что жертва, якобы, его чем-то привлекла. Кошельком в плохо закрытой сумочке, слишком яркой одеждой... Не потерпевшие виноваты! Уж лэрду Монтрозу, как стряпчему, полагалось бы это знать!

Маред представила мир Корсара, мир хищников и жертв, где доверие обязательно приводит к тому, что тебя съедят, — и ее передернуло. Зачем нужен успех такой ценой? Но... ведь она сама пытается изо всех сил в этот мир попасть? И даже оказалась между двумя крупными хищниками, делящими добычу — глупая Белая Ворона с короткими крыльями.

Праздник быстро закончился — все торопились к работе. Маред тоже вернулась к уже привычному столу, забрав подарок. В картонной коробке обнаружилась чудесная сумка, не дамская, а деловая. Гораздо больше обычной, прямоугольная и жесткая, с особым отделением для вычислителя. Тисненная кожа цвета красного дерева, множество кармашков, а на блестящем металлическом замке — неизменный кораблик «Корсара».

Маред погладила кораблик пальцем, застегнула мягко щелкнувшую застежку. Вещь не просто дорогая, но солидная. Всем видно, что ее владелица не легкомысленная вертихвостка, а деловая дама. Только вот когда лето закончится, она будет напоминать слишком многое из того, о чем Маред предпочла бы забыть.

— О, смотрю, вас уже поздравили? — поинтересовался знакомый голос с неподражаемой ленцой в интонациях, и Маред, вскинувшись, смущенно улыбнулась:

— Да. А вы пропустили угощение...

— Ничего страшного, моя репутация лентяя, приходящего сюда попить кофе, все равно вне конкуренции, — усмехнулся Оуэн Макмиллан, ставя перед Маред необычную чашку, странной формы и отливающую эмалью. — Кстати, о кофе.

На глянцевого синего боку, расписанном лианами в чайнском стиле, среди цветов и листьев прятались буквы. Маред пригляделась и прочла: «Стряпчие бывают от Луга; ну, с Лугом! и не дай Луг...»

Хихикнув, она взяла подарок в руки и удивилась его неожиданной тяжести.

— Я помню, что вы не пьете кофе за работой, опасаясь его пролить, — пояснил Макмиллан. — Но эта чашка особой конструкции. Видите, она слегка расширяется ко дну? А дно с утяжелением. Ее очень трудно опрокинуть — я пробовал. Так что можете не бояться за документы.

— Благодарю... — смутилась Маред, понимая, что и этот подарок Макмиллана был заказан персонально для нее — судя по шутливой надписи. — Она великолепна! Мне, право, неудобно...

Макмиллан просто пожал плечами.

— И как вам теперь работается в этой чудной змеиной яме? — спросил он.

Маред вздохнула, не зная, что ответить. Следовало улыбнуться и сказать что-то учтивое, жизнерадостное, чтобы не смущать своими проблемами собеседника, который решил просто проявить вежливость. Но Макмиллан, кажется, спрашивал всерьез, с настоящим интересом.

— Пока не знаю, — призналась она. — Еще не поняла.

— Это прекрасно, — растянула усмешка узкие губы лэрда Макмиллана. — Когда человек все знает и понимает, он точно безнадежен. Собственно, я заглянул только поздравить вас...

— Да, я помню, вы перевелись...

Маред с трудом улыбнулась, старательно скрывая огорчение. Действительно, кто она такая, чтобы настаивать на продолжении знакомства с его светлостью? Но... Оуэн смотрел, словно ожидая чего-то, не торопясь уходить, и Маред решилась, понимая, что если не сделает хоть крошечный шаг навстречу этой зыбкой иллюзии близости, то второго шанса не будет.

— А я ведь еще должна вам чашку кофе, — сказала она предательски дрогнувшим голосом. — Может быть, в перерыве...

Усмешка Оуэна стала лишь чуть-чуть шире, еще не получив право называться улыбкой, но даже этого хватило, чтобы пасмурные глаза Макмиллана блеснули.

— Только не внизу, умоляю. Они варят какой-то новый сорт, который можно пить только от полной безнадежности. Вы позволите похитить вас после работы, коллега Уинни?

Он шутливо поклонился, а проходящий за спиной у Макмиллана Финлисон бросил на него неприязненный взгляд. И днем раньше или позже пришлось бы отказаться, потому что после работы Маред ждал Монтроз, но сегодня все складывалось замечательно! Свободный вечер! И не свидание, конечно, но так волнующе близко... Маред смущенно кивнула, только теперь понимая, как она хочет просто поговорить с кем-нибудь, не переживая о каждом слове и взгляде, не опасаясь собеседника.

Глядя в спину уходящему Макмиллану, она зачем-то потрогала кактус, за неделю ее отсутствия растолстевший и позеленевший. Даже иголки распушились, воинственно торча в разные стороны. Надо же, как ему понравился частый полив...

— Тье Уинни! — окликнула ее Жаклин Форс. — У вас сохранились наметки проекта?

Теперь у нее была вся работа целиком — на ключ-камне, который вернул Монтроз. И снова потянуло неприятным смущением за поступок Кормака Даффи. Хотя с чего стыдиться самой Маред? Но она с детства не любила комические сценки в театре или книгах, когда кто-то попадал в глупое или пошлое положение. Стыдно и гадко смеяться над чужой неприятностью или нелепым поступком. И хотя действия Даффи были как раз безупречно логичны своей подлой расчетливостью, стоило вспомнить — и внутри стягивало стыдом.

— Да, есть полный вариант, — послушно отозвалась Маред. — Мне восстановили накопитель.

— Тогда сдавайте дела тье Эстер, а завтра начинаем работать, — улыбнулась тье Форс.

Улыбка ей замечательно шла, освещая изнутри лицо, в полном соответствии с приличиями едва-едва тронутое краской. Разве что ресницы над огромными лань ими

глазами пушились не без скромной помощи туши, да губы розовели с едва уловимым блеском. Сейчас, улыбаясь, Жаклин выглядела молодой и очень милой, гораздо изящнее Тилли. И синее форменное платье «Корсара» сидело на ней безупречно, хотя пошито было довольно скромно. Маред даже подумала, что стоит купить себе что-то похожего фасона на смену. Не точно такого же, упаси Бригитта, но вот этот воротничок — прелесть же...

На перерыв она спустилась, невольно ища глазами Оуэна, но его в кофейне не было. Привычные салаты, пудинг и отбивная не вызывали аппетита, но Маред поковыряла овощи и мясо, а потом принялась за кофе, пытаясь сбросить навалившееся вдруг оцепенение. Впервые за время, что она здесь работает, не хотелось возвращаться в отдел. Кстати, а сколько? Три недели? Из которых, впрочем, она одну провела в больнице. Зато за две другие успела поработать настоящим стряпчим, сделать конкурсный проект и проиграть из-за чужой подлости. Научилась водить мобилер, познакомилась с большим количеством людей, чем за последние пару лет, послужила причиной увольнения одного из ведущих юристов конторы, стала любовницей аристократа и разбила его мобилер...

Кофе явно горчил. И вообще был ужасного качества. А ведь Оуэн предупреждал! Вот, кстати, почему его нет — ушел обедать в другое место. Очень хотелось обидеться, но Маред одернула себя: лэрд Макмиллан ей ровно ничего не должен, да и встретиться они договорились после работы. И вообще, не стоит придумывать себе несуществующие отношения! Можно подумать, его светлость Макмиллан, молодой человек из богатой и знатной семьи, только и дожидался встречи с ней, Маред, полунищей вдовой из среднего класса общества. Смешно... И это еще, хвала Бригитте, Оуэн ничего не знает о ее договоре с Монтрозом!

Маред нехотя допила кисло-горькую жидкость. Что ж, пора идти. Пожалела себя — и хватит. За две недели с тобой случилось больше, чем за четыре года в Лундене, так с чего ты решила, что все случившееся непременно должно быть хорошим? Судьба отмеряет горстью, не отделяя шипы от цветов. Да и к шипам стоит присмотреться внимательнее. В отделе она ловит косые взгляды? Вот и возможность понять, кто чего стоит, а заодно получить хороший урок на будущее. Оуэн Макмиллан больше не будет работать рядом? Зато он приезжал к Маред в больницу и вроде бы не против продолжения знакомства. И с разбитым «Драккарусом» обошлось — спасибо Монтрозу. Последняя мысль прозвучала фальшиво, испортив общий жизнерадостный хор — быть благодарной и обязанной лэрду стряпчему никак не хотелось. Хотя он того заслуживал. Простить такое...

Поднимаясь в отдел и вспоминая искореженный мобилер, Маред невольно поежилась. Как Изабель объяснила все это своему отцу? И действительно ли она собирается оплатить ущерб? И... она в самом деле вышла замуж за какого-то мерзавца? Позвонить бы, конечно, но вдруг Изабель решит, что Маред интересуют только деньги за мобилер? Или хуже того — сплетни! Или не решит? Но как и что сказать, чтобы не показаться неделикатной? Ах, прав Монтроз, снова безупречно прав: Маред совсем ничего не понимает в людях! У нее не было подруг, с которыми можно было посекретничать, она не знает, что позволительно в таком тонком деле, как женская дружба, а что нет. И даже понятия не имеет, нужно ли Изабель ее сочувствие? Ну какой из нее стряпчий? С бумагами все просто и легко, а люди — такие странные!

Изнывая от тоски и осознания собственной никчемности, она быстренько дописала отчет, принципиально доведя его до блеска, и сдала тье Эстер.

— Вот, тьен Финлисон, — поучительно изрекла та, демонстрируя лист крутящемуся

рядом второму практиканту. — Обратите внимание. Отчет должен выглядеть именно так. А вы написали какое-то невнятное безобразие, уж простите. Возьмите отчет тьены Уинни и сделайте свой по его образцу. Маред, задержитесь на минутку.

Дождавшись, пока очень обиженная спина Финлисона скроется за дверью, тье Эстер тяжело вздохнула и повернулась к Маред.

— Садитесь, милая. Жаклин сказала, что с завтрашнего дня вы будете работать над контрактом с франками...

— Да, — кивнула насторожившаяся Маред, присаживаясь на краешек стула.

— Дорогая, у меня к вам просьба. Вы не возражаете оставить за собой пару текущих дел помимо проекта? Вы умная старательная девочка, а там ничего сложного, обычная рутина. До судебное урегулирование налоговых споров. Просто служащих теперь так не хватает...

Это она на Даффи намекает? Маред в очередной раз прокляла свое уникальное умение в каждой фразе видеть подвох. Но отказать теперь, когда она хоть и косвенная, но причина в сбое работы отдела?

— Да, конечно, — растерянно согласилась она, не очень представляя, как и когда будет заниматься этими дополнительными делами, и тут же получила от ласково улыбающейся тье Эстер две увесистые папки, а в придачу ободряющее напутствие, что такая умная девочка обязательно разберется.

Дотащив папки до стола и сдвинув в сторону кактус, Маред бегло пролистала набор разномастных бумаг — и не взвыла только потому, что горло перехватило, а в глазах потемнело от ужаса.

— Поздравляю с собственноручно оформленной каторгой, — несколькими часами позже меланхолично вздохнул Оуэн, помешивая ложечкой кофе смоляной густоты. В идеально белой чашке поверхность кофе казалась черной дырой, таинственной, как волшебный лаз под эльфийский Холм. — Коллега Уинни, вы меня умиляете и поражаете. Это не вы виноваты, что у них якобы не хватает служащих, а напротив — контора должна вам моральную и материальную компенсацию ущерба. Надеюсь, хоть вычислитель вам купили?

— Да, разумеется.

Наблюдать за дымящимся в чашках кофе было отличным поводом не поднимать глаз. Но ведь то, что Монтроз купил ей вычислитель, для всех и должно выглядеть справедливым возмещением, не более того.

— Слава Лугу, — иронично хмыкнул Макмиллан, осторожно пробуя кофе. — Уинни, а вы никогда не слышали, что кто везет, на того и грузят? Могу поспорить на свой титул, что Финлисону не дают и половины ваших заданий.

— Но я не Финлисон, — насупилась Маред, тоже делая маленький глоток. — Пусть он хоть совсем не работает.

— Вы далеко не Финлисон, — согласился лэрд. — И все прекрасно это понимают. Хорошо еще, что здесь оплата сдельная. Но я подозреваю, что вы просто не умеете работать в полсилы, поэтому, получая оклад, тянули бы воз точно так же. Уинни, я не говорю, что это плохо, просто осознайте, что вы не обязаны отвечать за чужие промахи. Вам так понравилось в клинике? Хотите туда вернуться из-за нового переутомления?

— Не хочу, — вздохнула Маред. — Но... не все так страшно, правда. Я только сначала растерялась. Там такая неразбериха в этих бумагах, я просто не знаю, с чего начинать.

— Это как раз элементарно, — фыркнул Макмиллан, смакуя кофе и жмурясь от

удовольствия. — Начинайте с определения сроков. Подойдите к тье Эстер и спросите, за сколько времени вы должны разгрести эти завалы. Иначе, с вашей святой наивностью, уж простите, окажется, что работу следовало сделать еще вчера — и прощай, премия. Уинни, вы и правда думаете, что все дело в нехватке служащих? Подозреваю, что все просто шарахались от этих дел, как пугливая лошадь от мобилера, пока не появились вы.

— Не исключено... Но я ведь справлюсь? Не отказываться же...

— Вы? Даже не сомневаюсь, что справитесь. И отказываться не стоит. Насколько я понял, вы собираетесь остаться здесь на постоянной службе? Будь я не Макмиллан, а Монтроз, я бы подписал с вами пожизненный контракт — где еще найдешь такое чудо? Только учтите, на работе вы весь день будете заниматься договором с франками. Хотя вы и практикантка, но раз уж вам доверили такой проект — работать заставят в полную силу. А когда вести эти дела? Пра-а-авильно, в свое личное время. И вдобавок вам понадобятся консультации — об этом тоже скажите тье Эстер.

— А она не подумает, что я ничего не понимаю сама и потому прошу помощи? — нерешительно поинтересовалась Маред и по молча возведенному к потолку взгляду Макмиллана поняла, что все-таки ляпнула глупость.

— Ни в коей мере, — с терпеливой мягкостью, вдруг напомнившей Монтроза в его лучшие минуты, сказал Оуэн. — Тье Эстер — умная дама с большим опытом руководства. Полагаю, она проникнется к вам еще большим уважением за такой серьезный подход. Не нужно ничего требовать, разумеется, просто объясните, что будете тратить личное время после работы. И договоритесь, чтобы кто-нибудь давал вам справки и проверял уже сделанное. Поверьте, ей самой так будет гораздо спокойнее.

— Откуда вы это знаете? — не выдержала Маред, краснея. — Вы ведь даже учились дома! Но...

Она покачала над чашкой ложечкой, пытаясь подобрать слова, и Макмиллан кивнул:

— Разбираюсь, как все здесь устроено? Коллега Уинни, у меня все родственники на королевской службе в разных министерствах. И когда в столовой и гостиной целыми днями обсуждают, как управлять другими и не позволить управлять собой, а ты, маленький и незаметный, тихонько сидишь в уголке... Усвоить основы, право же, нетрудно. Тем более, когда знаешь, что от тебя впоследствии ожидают того же самого. Мне лет с трех начали внушать, что происхождение — это куда больше обязанностей и сложностей, чем прав.

— Так рано? Ужас... — вырвалось у Маред, она сразу осеклась, но Оуэн, вместо того, чтобы обидеться, кивнул:

— Ужас, разумеется. Но очень полезно. Так что мои советы всегда к вашим услугам, коллега.

Он мягко улыбнулся, и Маред благодарно улыбнулась в ответ. Кофе изумительно пах незнакомыми специями, такого она еще не пробовала. Оуэн заедал свой солеными орешками, и когда Маред попробовала сделать так же, оказалось непривычно, однако вкусно. И вообще в маленькой кофейне, куда они приехали в экипаже Макмиллана, было так уютно! Созданный плотными шторами приятный полумрак, несколько столиков далеко друг от друга и нежная ненавязчивая музыка. А божественный кофе! И маленькие кремовые пирожные со свежими ягодами, марципаном и шоколадной крошкой! И если бы Оуэн не вел себя так подчеркнуто по-дружески, Маред вполне могла бы подумать, что у лэрда Макмиллана к ней особый интерес, мужской. Очень уж это было похоже на свидание. А ведь со стороны — так и есть!

Она слегка покраснела от этой мысли и поторопилась доест последнее пирожное, особенно соблазнительное. Лэрд Макмиллан как-то очень своеобразно понимал их договор насчет «чашки кофе за помощь с франками», потому что на предложение Маред хотя бы разделить счет пополам, вскинул бровь и посмотрел едва ли не с ужасом. С упреком — точно.

И уходить не хотелось. Но она вспомнила, что сегодня еще нужно заехать в клинику. А завтра ее встретит Монтроз. И занятия в школе вождения... Хотя, наверное, после вчерашнего лэрд их отменит? В любом случае, неизвестно, когда они теперь смогут встретиться с Оуэном, потому что до конца лета Маред себе не принадлежит.

— Благодарю вас, — только и смогла она сказать, подняв на Макмиллана взгляд. — Благодарю... за все.

* * *

Если Фергал Бреслин, вызванный во втором часу ночи, и подумал про Алекса что-то неприличное, то вслух, разумеется, не озвучил. Хотя Алекс бы не удивился — Бреслину по старой памяти позволялось многое.

— Вот, значит, как...

Он уже несколько минут рассматривал присланную камерографию, словно надеялся увидеть там нечто, сокрытое от обычного взгляда.

— Что ж, это уже ниточка...

— Еще какая, — подтвердил Алекс, ставя на стол в гостиной бутылку бренди и пару бокалов. — Теперь хотя бы ясно, что дело касается лично меня... Фергал, если будешь коньяк или что-то другое — возьми сам в шкафчике.

— Пить в присутствии начальства? Дурной тон, знаешь ли... — ехидно отозвался Бреслин и не удержался: — Хотя время, конечно, уже далеко не служебное.

— Начальство с радостью надралось бы само, если б могло себе позволить такую роскошь, — устало признался Алекс, опускаясь в кресло. — Ну извини, что до утра не дотерпел.

Апартаменты, купленные в прошлом году, он так до сих пор и не обжил, как следует. Прошлая квартира была гораздо меньше, но уютнее, она еще помнила их с Корриганом ночные посиделки, смех приезжавшей в гости Маргарет, детские проказы Виктора... А в этой он почти не бывал, разве что на тот день рождения, устроенный самым близким кругом из «Бархата». День рождения, подаривший ему Маред Уинни...

— Переживу, — хмыкнул Бреслин, поправляя манжеты рубашки, слегка выбившиеся из-под неизменного темного сюртука — и это душной летней ночью! — «Белая лента», значит? Не слышал... Но я давно ушел из полиции. Что ж, спрашиваю у старых приятелей. Я так понимаю, тот, кто рассказал тебе про эту мерзость, с полицейскими говорить не станет?

— Ни в коем случае, — твердо сказал Алекс. — И я его имени не назову.

Бреслин молча кивнул. Вынул из портфеля лист бумаги, карандаш, разложил на столе. Нарисовал две большие многолучевые звезды и подписал одну «Бархат», а другую — «Корриган».

— А причем здесь Корриган? — поинтересовался Алекс, откупоривая бутылку и разливая дурманно пахнущий бренди по бокалам.

— Притом, что он существует и активно интересуется нами, — резонно ответил Бреслин. — И мы не можем сказать с полной уверенностью, что он не имеет к этому касательства. Связано-то все с его сыном. А теперь слушай и поправляй меня, если ошибаюсь.

— Слушаю, — покорно согласился Алекс, беря бокал и украдкой косясь на большие напольные часы у стены.

Стрелки показывали третий час ночи.

— Поскольку ты отказал Корригану, он должен понимать, что законным путем ему твою контору не получить. Значит, он планирует что-то еще. Например, поставить тебя в такое положение, когда ты сам отдашь ему «Корсар», чтобы избежать неприятностей. Что это может быть?

Алекс пожал плечами, отпив бренди.

— Шантаж, угрозы, давление со стороны? — уточнил Бреслин. — Где сейчас твои самые уязвимые места?

— Не имею ни малейшего понятия, — спокойно отозвался Алекс. — Шантажировать меня, пожалуй, нечем. Грехи молодости надежно похоронены, да и раскапывать их — дело опасное, можно самого Корригана ненароком зацепить. Мне ведь тоже найдется, что ему припомнить.

— То есть сейчас ты чист? — прищурился Бреслин?

— Относительно. Игры в «Бархате», разумеется, с точки зрения общества предосудительны, но у закона ко мне претензий быть не может. Все девицы там совершеннолетние, каждая пришла по собственной воле, а я холост и ничем не связан. Выплыви что-то на свет, это будет неприятно, но отнюдь не смертельно. Всего лишь мужские забавы! А вот угрозы... Я не думаю, что Мэтью зайдет так далеко.

— Кто-то уже зашел.

Кончик карандаша указал на лежащую рядом с листом камерографию.

— Это может быть кто угодно, — парировал Алекс, потирая виски. — Глупо угрожать мне, убивая случайного официанта. Я его даже не видел живым.

— В самом деле? — мягко уточнил Бреслин. — Алекс, ты же понимаешь...

— Понимаю не хуже тебя, — огрызнулся Алекс. — Фергал, либо ты мне веришь, либо непонятно, почему ты еще здесь, а не в полиции. Лугом и всеми богами клянусь, я впервые услышал про Джейми Роллинса, когда его убили. А если бы меня решили запугивать, то куда проще и логичнее было бы начать с моей фаворитки, например. Или с кого-то из друзей, близких служащих... Ничего подобного и близко не было.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А я, кстати, спрашивал техников, — задумчиво сказал Бреслин, пририсовывая к одному лучику «Корригана» маленький, но очень похожий вычислитель. — Они говорят, что попытка взлома нашей системы была. Только говорят со слов того же Симмонса, так что круг замкнулся. Его-то не проверишь. Но примем за исходную точку, что он говорит правду. Значит, кому-то нужен архив конторы. Не разрозненные дела, хранящиеся в папках, а все сразу, куском. Если кто-то заполучит архив, что будет?

— Что угодно, — мрачно сказал Алекс. — Представляешь, сколько там грязных секретов? Причем очень разных людей. Если кто-то украдет архив...

— Он сможет ставить условия?

— Сможет, — коротко уронил Алекс.

— Значит, это, скорее всего, Корриган, — удовлетворенно сказал Бреслин, обводя крошечный вычислитель жирным кольцом. — Или те, кто работает вместе с ним. Контора сама по себе куш приятный, но архив можно использовать еще интересней и выгодней. Так, теперь клуб.

Кончик карандаша двинулся к другой звездочке, удлинил несколько лучей и запорхал, подписывая их: «Монтроз», «Корриган-мл.», «оф. Роллинс», «Дэнни Бордель», «белая лента», «взрыв», «франк». Первые два луча вытянулись как раз в сторону звезды Корригана, и Бреслин даже соединил их пунктиром.

— Полагаешь, три убийства — это цепочка? — тихо спросил Алекс.

— Узнаем, если тебе пришлют еще что-нибудь. Вторую камерографию, например. Твой неизвестный поклонник весьма убедительно намекает, что это начало. Но почему бы и нет? Смотри, Корриган-младший, Роллинс и Дэнни Бордель тесно связаны между собой, но к «Бархату» отношения не имеют. Редкие случайные визиты не в счет. А вот почему камерографию прислали тебе, Алекс? Вот что любопытно.

— Ни малейшего понятия не имею, — честно отозвался Алекс, снова растирая ноющие виски. — Хоть пытай — не знаю. Кстати, почему Роллинс в подписи назван первым, если из этой компании умер вторым? Виктор же раньше на тот свет отправился.

— Хороший вопрос, — согласился Бреслин, рисуя орнаменты вокруг имен погибших. — Допустим, кто-то методично уничтожает игроков в «Белую ленту». Мы же не знаем, что было с их жертвами! Кто-то, оказавшись ночью на улице, не пережил Темный Час, кто-то выжил, но после мог и с собой покончить от позора. Остались безутешные родственники, друзья, женихи... А кто-то мог просто рассказать все дома. В полицию обращаться не стали, — опять же, боясь огласки — но те же родственники и женихи начали выслеживать ублюдков. Только вот Корриган-младший, жалость какая, уже отправился к предкам условно естественным путем. Для наркомана естественным — эта публика все равно подолгу не живет. Тогда Джейми Роллинс — первый труп, ставший таковым от рук мстителя. Дэнни Бордель, получается, второй. И неизвестно, сколько их еще предвидится.

— Последнее вызывает особенный оптимизм, — устало согласился Алекс, допивая бренди, к которому Фергал так и не притронулся, блюдя профессиональные принципы. — Но причем здесь я? Если кто-то чистит мир от подобной мрази, я первый пожелаю ему успеха и остаться безнаказанным. Только я про эту проклятую ленту впервые услышал сегодня вечером.

Мелькнула мысль, что Анриетта могла рассказать ему не все. Но зачем тогда ей вообще было что-то рассказывать? Могла бы просто сделать вид, что ничего не знает. Или она хотела намекнуть на что-то, но могла сказать прямо? И от кого, если на то пошло, она сама про эту мерзость слышала?

— Вот если узнаем, причем здесь ты, то и на след убийцы встанем. А гость из Лютеции больше не объявлялся? Как его... АрМоаль?

Алекс помотал ноющей головой и сразу понял, что это было лишним: в висках заломило всерьез. Поморщившись, он сильно нажал на них кончиками пальцев, будто пытаясь вдавить внутрь. Помогло, но тут же опоясывающей болью занял затылок.

— Не объявлялся, — измученно сказал он. — Фергал, я тебе еще раз чем хочешь поклянусь: к развлечениям этих ублюдков я не имею никакого отношения. И «Бархат» — тоже. Это настолько далеко от того, чем там занимаются, что даже сравнения быть не может. В «Бархат» приходят сами, добровольно. За удовольствием или за деньгами —

неважно. Главное, что силой никого не заставляют — это основное условие клуба.

И тут же непрощено всплыло в памяти: у Маред Уинни дрожат губы, а в глазах плещется страх и отчаяние, когда она слушает его угрозы. Не насилие? А что это было? Не врете уж самому себе, милэрд Корсар. «Но я не прикрывал это кодексом «Бархата», — упрямо сказал сам себе Алекс. — Да, это был шантаж. Использование безвыходного положения, в которое девчонка сама себя поставила. И разумеется, наказывать следовало не ее, а скотину Эдварда. Но тье Уинни расплатиться собой согласилась вполне сознательно, пусть и под давлением. Одурманивать ее наркотиками, а потом насиловать, я бы уж точно не стал. Ведь остановился же, стоило ей сорваться в истерику и утратить контроль над собой. А то, что делали эти твари... Есть преступления, прощать которые нельзя.

— Тебе виднее.

Кончик карандаша рисовал какие-то круги, пересекающиеся овалы, линии. Наконец, Бреслин посмотрел на Алекса в упор, подняв тоже изрядно усталый взгляд.

— Будем искать, — сказал он просто. — А ты пока побереги собственную шкуру. Если у кого личный счет именно к тебе, он ведь может не ограничиться письмами, как романтическая девица. Вспоминай, Алекс. Хорошо вспоминай, где и кому ты перешел дорогу. Люди — удивительно злопамятные существа. Ты, может быть, уже давно забыл какую-то мелочь, а тебя считают личным заклятым врагом.

— Дорогу? — усмехнулся Алекс. — Я их столько перешел, что тех дорог, если сложить, хватило бы до самой Чайнской империи. Фергал, к моей могиле очередь выстроится, чтобы плюнуть. Но это же бизнес. Исключительно бизнес! А что-то личное... Невест ни у кого не уводил, невинных девиц не позорил и последнее не отнимал.

— Просто святой, — хмыкнул Бреслин. — Но на всякий случай, давай-ка я к тебе охрану приставлю? Не помешает.

— Помешает, — сразу отозвался Алекс, выпрямляясь на стуле. — Фергал, с этим погоди пока.

— Не хочешь своих женщин показывать? — уточнил Бреслин, скептически разглядывая его со своей стороны стола. — Зря, люди у меня надежные, болтать не будут.

— Не хочу, — коротко сказал Алекс. — И не только в женщинах дело. Если кто-то хочет добраться лично до меня — пусть попробует. А охрана его спугнет.

— Не боишься?

— Не боюсь. Я все-таки не Джейми Роллинс — глотку себе перерезать, как барану, не дам. А вот охрану конторы усиль. И к Симмонсу обязательно приставь людей. Полного доступа к архиву у него нет, но он бывший взломщик все-таки. Если его украдут или прижмут...

— Приставлю, — согласился Бреслин, поднимаясь и одергивая снова чуть задравшиеся манжеты, белоснежные и накрахмаленные. — Сегодня ты ночуешь здесь?

— Здесь, — вздохнул Алекс, тоже вставая и выходя за Фергалом в маленький холл. — И завтра, возможно, тоже. Не люблю ездить в экипажах. А новый «Драккарус» доставят только через пару дней.

— Дорогое удовольствие...

— Могу себе позволить, — пожал плечами Алекс. — Притом, лэрд Кей, хозяин завода, предложил скидку. Если подтверждаю для репортеров, что вышел из аварии без единой царапины.

— Тогда, конечно, — согласился Бреслин, застегивая верхнюю пуговицу сюртука,

которую расстегнул за столом в порядке особой вольности. — И даже не соврешь ведь. Кстати, тье Изабель Кармайкл решительно настроена разводиться. Я навел справки о ее супруге...

— Аферист?

— Разорившийся бездельник с претензиями. И почтенный тьен Кармайкл, получив дочь на руки, предложил добавить стоимость нового мобилера к счету, если развод пройдет тихо и без участия прессы.

— Помнится, ты предлагал его просто похоронить? — рассеянно уточнил Алекс. — Ну, если уж прекрасная тье и ее отец предпочли законопослушный вариант, отправь людей покопаться в прошлом и настоящем счастливого супруга. Пригодится при обсуждении развода.

— Уже, — усмехнулся Бреслин, и Алекс устало подумал, что с начальником охраны ему в свое время очень повезло.

* * *

К хорошему привыкаешь быстро. Только вставляя ключ в замок, Маред вспомнила, что в кухонных шкафчиках у неемыш с голоду повесилась. Ругнулась про себя, посмотрев на фониль. Восемь часов — еще вполне приличное время, чтобы выйти на улицу, но идти в лавку не хотелось. Правда, есть запас овсянки, но варить ее на воде и без масла? Избаловались вы, тье Уинни, а ведь когда-то считали жидкую постную кашку вполне приличной едой.

Впрочем, на дне овощной корзины завалялась пара крупных вяловатых картофелин, а на самой нижней полке, прикрытая коробкой с мылом, стояла жестянка говяжьей тушенки — неприкосновенный запас на самый-самый черный день, припрятанный в наивной суеверной надежде, что раз уж Маред к этому дню готова, может, он и не наступит?

До черного дня было куда дальше, чем до обещанной через неделю зарплаты, так что Маред решительно пообещала себе вернуть ставшую талисманом тушенку на место, купив точно такую же банку, а пока сполоснула запылившуюся сковородку и прикинула, что ужин точно есть. А на завтрак... Кстати, у нее же в новой сумке коробочка с тортом! Тильда, невзирая на все отнекивания Маред, завернула ей изрядный кусок с собой, сообщив, что милая тье Уинни за эту неделю так похудела! Нет, конечно, если сравнивать с самой Тильдой, то да — но об этом Маред благоразумно промолчала.

Картофельная кожура ползла из-под ножа тонкой ленточкой, на сковороде шипела разогретая тушенка, а в открытое окно пахло соленой рыбой, керосином и угольной гарью — ветер был от порта. У Монтроза вечерами под окном благоухали только клумбы...

Сполоснув и нарезав картошку крупными кусками, Маред закинула ее в сковороду, досолила, перемешала и накрыла крышкой. Не помешала бы луковица, но чего нет, того нет. Ничего, тье Уинни, это вы и вправду разбаловались. Лука вам не хватает, пахнет не так.

Картошка тушилась, теперь в комнате витал аромат мяса, от которого слюнки текли. Маред спохватилась, что платье, которое она сняла перед готовкой, переодевшись в старенькое домашнее, пропахнет этим вкусным, но очень уж не деловым запахом. Беспомощно огляделась. И повесить-то некуда! Ее простенький гардероб висел на прибитом к стене карнизе, сверху накрытый занавесочкой. Спасет ли она от столь бесцеремонного

аромата? Вздохнув, Маред открыла окно пошире, а платье повесила к остальным, рядом с темно-синим шелком показавшимся совсем жалкими. Нет, обязательно нужно купить сменное! Она, конечно, с вещами очень бережна, но ходить в одном и том же как-то неприлично.

Сняв с плиты картошку с мясом, она выложила ее на тарелку, поставила чайник. Кофе снова закончился, но нашлось немного чая. Это сколько же ему месяцев, если не лет? Красивую банку, белую с золотыми цветами, купил еще Эмильен, когда ухаживал за ней. Он же этот чай и выпил, обижаясь, что Маред не оценила подарок. И ведь прекрасно знал, что она предпочитает кофе, но считал это блажью. Вот отец ее понимал... И даже Монтроз, который кофе, кажется, вовсе не пил, не навязывал никому свой вкус. В его доме каждому подавали то, что ему нравится.

Маред вздохнула. Картошка, даже без лука и специй, все равно пахла чудесно, да и на вкус была хороша. А может, все дело в том, что Маред впервые за долгое время оказалась в одиночестве? Вот этого в доме лэрда ей не хватало. Не было возможности замереть в полном безмолвии и внутренней неподвижности, подумать, что же с ней происходит.

Вот в клинике одиночества хватало. Там она отоспалась, отлежалась, глядя в потолок и за окно, передумала множество всего. Однако каждый прожитый день добавлял новые и новые сложности. Неужели это и есть настоящая взрослая жизнь, когда самое трудное — это не выучить все заданное к сроку, и даже не заработать денег, а решить, как относиться к тому, что в этой жизни случается.

Например, лэрд Монтроз — ей враг? Раньше Маред безусловно сказала бы «да», а теперь? И получается, что он и раньше не был врагом, это Маред изначально следовало вести себя иначе. Но можно ли теперь исправить хоть что-то? В дверь постучали...

Насторожившись, Маред проверила, в порядке ли ее платье и чулки, а подойдя к двери, спросила, кто там.

— Тье Уинни, доброго вечера!

Домохозяйка? Маред растерянно открыла, вспоминая, не задолжала ли квартплату? Нет, все оплачено вовремя и немного вперед. Тогда зачем...

— А я вот решила заглянуть, поинтересоваться, как у вас дела, милая.

Тье Румстронг решительно оттеснила растерявшуюся Маред в комнату, быстро и внимательно огляделась. Особенного внимания удостоилось платье, роскошно поблескивающее с вешалки. Надо было прикрыть его все-таки!

— Смотрю, у вас изменились обстоятельства? — задумчиво сообщила тье Румстронг. — Приехали на кэбе, да и одеваться стали... хм...

Вот уж не ее это дело! Услышав в голосе хозяйки недвусмысленный намек, Маред вспыхнула, собираясь так и заявить, но осеклась. Слухи все равно пойдут. И, главное, несправедливые! Все, на что тье Румстронг намекает, Маред честно заработала сама!

— Да, — сказала она вслух, улыбаясь несколько принужденно, но очень старательно. — У меня ведь практика. Я только на один вечер заехала... Мне так повезло с местом! Хотите взглянуть на мою новую форму?

— Так это форма такая?

Вскинув бровь, тье Румстронг с удовольствием воспользовалась приглашением. Подойдя ближе, разглядела платье в подробностях, погладила шелк, поцокав языком. Маред наблюдала, как подозрительное выражение на лице почтенной тье сменяется вполне одобрительным. Ну да, красивое, но скромное же! Явно дневное, никакого декольте.

Воротник стоечкой, кружево на кокетке плотное. Совершенно пристойное платье, не допускающее никаких неуважительных мыслей.

— И в самом деле отличное место, надо полагать, — вынесла тье Румстронг окончательный вердикт с величием коронного судьи, и Маред вздохнула с облегчением. — Платят неплохо, значит?

— Очень, — подтвердила она. — А еще вот... У меня вчера день рождения был... Подарили, представляете?

Толстая кожа и солидная форма сумки убедили тье Румстронг окончательно.

— Ну и хвала светлым богиням! — выдохнула она. — Ох, я этим сплетникам... Ведь испугалась, что ты попала в беду, девочка.

— Хотите чаю, тье Румстронг? — предложила Маред, испытывая нечто вроде смущения. — У меня есть торт, очень вкусный.

Вдруг захотелось провести вечер не в одиночестве, хотя еще несколько минут назад Маред была рада ему. Но успеется еще. Разве она не может угостить свою домохозяйку чаем? В первый раз за столько времени, что живет здесь!

Тье Румстронг, не чинясь, уселась за стол, наблюдая, как хлопчет Маред. Вульгарная картошка была отставлена в сторону, нашлась еще одна чашка и пара блюдец, а отсутствие остальной посуды ей милостиво простили — что взять с бедной студентки?

— Я вам подарю сахарницу, чайничек и молочник, — пообещала тье, вкушая ложечкой торт. — Вдруг в гости кого позовете. Подругу, например, или даже...

Она осеклась, но, снизив голос, заговорщицки продолжила:

— Если все прилично, так отчего же нет? Ночевать постороннему мужчине я здесь, конечно, не позволю, у меня дом приличный. Но если с серьезными намерениями, так и незачем ему ночевать. Жениху в гости зайти можно...

— У меня нет жениха, тье Румстронг, — сказала Маред, улыбаясь уже по-настоящему. — И вряд ли будет.

— А вот это, милая, одной Керидвен ведомо! — решительно подняла тье ложечку, как судья — молоток перед ударом по столу. — Я смотрю, вы похорошели... Глазки загорелись, щеки зарумянились, личико посвежело. Уж верно, не в одной службе дело? Служба на женщин так не действует. Наверное, нашелся все-таки кто? Пусть бы и на службе...

— Не знаю... — смутилась Маред, хотя стоило убедительно протестовать.

Ну, в самом деле, не считать же причиной улучшения ее внешности лэрда Монтроза? Вот уж бред... А Оуэн... Считать его кавалером и кандидатом в женихи тем более глупо. Отчаянно глупо!

— Так ведь сразу и не узнаешь, — философски согласилась тье, расправляясь с тортом. — То ли жених, то ли надо гнать его веслом от шлюпки. Ты не торопись, девочка, присматривайся получше. Мужчины-то измельчали совсем. Эх, вот в мое время... Помнится, лет пятнадцать тому сдавала я эту комнату молоденькому стряпчему. Вот везет мне на стряпчих, однако. Ах, какой был юноша! Тоже... глаза горели.

— И что? — из вежливости спросила Маред.

— И ничего. Пожил у меня пару лет да переехал. Ну да я не в обиде: всякий ищет, где ему лучше живется. Что умному человеку делать в Западном районе? А уж как он работал... Ночами сидел, вот точно, как ты. Только не овсянку ел, а все картошку вареную... Я же не слепая, вижу, с чем каждый жилец из лавки приходит. И наверняка выбился ведь в люди. Чтобы такой да не выбился? У старой Румстронг глаз на людей верный.

— Картошку? — переспросила Маред, подозревая, но еще не в силах поверить. — Наверное, овсянку он не любил?

Вспомнилось, как лэрд стряпчий, забирая ее отсюда, недоуменно оглядывался по сторонам, будто пытаясь найти знакомые черты.

— Терпеть не мог, — подтвердила почтенная тье, поднимаясь. — Приютский он был. Говорил, что на всю жизнь там наелся. Ну, удачи тебе, девочка. А подарок я занесу, как в следующий раз приедешь. Не промахнись, главное. Нам, женщинам, нужно прицел иметь вернее, чем любому охотнику. Тому-то оленей да куропаток всегда хватит, а вот женщине ошибка дорого обходится.

«Ошибка дорого обходится, — повторила про себя Маред, закрыв за тье Румстронг дверь. — Как верно. Ошибешься — и не будет работы, о которой ты мечтала. Такой, чтобы трудиться до изнеможения, но видеть результат. Не будет круга общения, которому нужно соответствовать, но которым можно гордиться. Не будет повышений по службе и новых проектов. А еще не будет редких, но таких интересных разговоров с лэрдом стряпчим. Как объяснить ему, что Маред просто хочет работать рядом, наслаждаясь этим больше, чем любой роскошью?

И что теперь? Да, она пообещала себе, что признается Монтрозу, когда узнает от Чисхолма, чего тот хочет. Тогда — придется. Просто не будет иного выхода. Но неизвестно, сколько времени до этого придется жить у Корсара, жесткого и циничного королевского стряпчего, которого тье Румстронг помнит юнцом с горящими глазами. А если называть вещи своими именами — жить с Корсаром. И никто в целом мире не решит за нее, не подскажет, как поступить правильно.

Глава 12. О длинных юбках и коротких рубашках

Утром она едва не проспала. Ночуя в своей комнате, привыкла просыпаться от стука горничной или экономки, а в спальне лэрда ее будил сам Монтроз. Иногда — нарочно, а иногда просто обычным шевелением просыпающегося человека. Лэрд стряпчий утром вставал легко и радостно, словно всегда высыпался, и Маред изрядно завидовала этой его особенности. Тем более, что не спать допоздна он тоже умел не хуже Маред, всегда считавшей себя полуночницей. Вот ведь повезло королевскому стряпчему!

Завидовать совершенствам лэрда пришлось на бегу. Маред спасло только то, что от Западного района до центра Лундена все-таки было гораздо ближе, чем из Мэйд-Вэл. Подскочив в измятой и сбившейся постели, она торопливо помчалась в ванную. Вода из крана текла еле теплая и с запахом ржавчины — как обычно. Впрочем, волосы мыть все равно уже поздно, а для душа сгодится как-нибудь. Свежее белье в шкафу, корсет придется затягивать самой, хоть это и неудобно, платье... Платье Маред оглядела тщательно. В порядке, только юбка слегка помялась. Ничего, почти незаметно.

А вот на завтрак времени уже нет, да и готовить его не из чего. Ничего, до ланча она потерпит — не впервой. Да и кофе же можно попить в отделе! Из подаренной Оуэном Макмилланом чашки!

А потом был с трудом пойманный кэб, потому что на омнибусе Маред опоздала бы точно, да еще и платье могли помять в толчее. И тревожное посматривание на фониль. Но все же она успела! Влетела, торопливо цокая каблучками, в здание конторы минуты за две до того, как в окна вплыл колокольный звон Большого Тома. Посмотрела на себя в зеркале холла: щеки горят, из прически выбилось несколько прядей, окружив лицо, наспех повязанный платок сбил на сторону. Незнакомый молодой человек в форменном сюртуке и галстуке поклонился ей, пропуская к лестнице, и Маред смущенно улыбнулась в ответ на его заинтересованный взгляд.

— Тье Уинни, милая, вы приготовили свой проект?

Жаклин Форс была свежа и безупречна, словно только что выпорхнула из дамского салона.

Маред кивнула, на миг испугавшись, что забыла ключ-камень, но нет, тот лежал в выделенном ему кармашке. Ох, надо бы пометить его как-нибудь или прицепить брелок. А то все конторские ключ-камни одинаковые, можно снова попасть в неприятную ситуацию, если кто-то их перепутает.

— Великолепно, — улыбнулась Жаклин. — Жду вас в соседней комнате.

Значит, кофе откладывается. Что ж, сама виновата. Маред со вздохом посмотрела на свой стол с ожидающей чашкой. Подарок Оуэна укоризненно подмигнул солнечным бликом на эмали. Но проект... Неужели она все-таки не зря работала столько дней!

В соседней комнате за отдельным большим столом уже собрались остальные. Сама тье Жаклин, Леон и Тилли уже были хорошо знакомы Маред. Но кроме них за стол сели пышная немолодая блондинка с высокой прической и тот самый тьен, который не успел дать Маред ключ-камень.

— Тьена Дорриш, тьен Лоустиц, полагаю, нашу милую новую коллегу вы знаете, — представила ее Жаклин.

— Можнопросто Элизабет, — улыбнулась блондинка слишком сильно накрашенным

ртом.

Лоустиц молча поклонился, но посмотрел тоже заинтересованно, очень похоже на того молодого человека в холле. Да что это такое происходит? Каким ветром в ее сторону принесло столько мужского внимания и, главное, почему? Права, что ли, тье Румстронг, вчера разглядевшая в ней какие-то перемены к лучшему?

Выкинув глупости из головы, Маред слушала Жаклин, коротко и четко подытожившую требования франкских клиентов к окончательной версии договора. Потом показывала свою работу, и как же было приятно, когда ее читали с неподдельным интересом, а хмурый тьен Лоустиц приговаривал: «Любопытно, крайне любопытно у вас вышло...»

— Вышло замечательно, — тепло улыбнулась Жаклин, и у Маред счастливо дрогнуло сердце, а губы сами собой потянулись в ответной радостной улыбке.

— Ах, Кормак, Кормак... До чего же глупо... — покачала башней искусно уложенных волос тьена Дорриш. — Жаклин, дорогая, насколько я понимаю, этого франки не видели? Можно представить предложение тье Уинни по интеграции на предварительном слушании, только вот здесь я бы кое-что изменила...

Да, это была настоящая работа! И через несколько минут Маред с изумлением поняла, что спорит, отстаивая свое мнение. Сделать это, не выдавая Макмиллана, было нелегко, но ее слушали внимательно и даже соглашались. Леон сам предложил сходить и распечатать спорный раздел, чтобы раздать его присутствующим, тьен Лоустиц что-то черкал в записной книжке, а потом задавал каверзные, но полезные вопросы, Жаклин поддерживала Маред... И ради этого стоило вытерпеть почти что угодно, лишь бы на нее и дальше смотрели, как на достойного и равного соперника, коллегу-стряпчего.

— Однако, обед уже, милые тье и почтенный тьен Лоустиц.

Леон откинулся на спинку стула, щурясь вальяжно и томно, как сытый царь зверей — его тезка. — В столь прекрасной компании время летит незаметно.

Жаклин легким движением встала и выскользнула из-за массивного стола. Поправила выбившуюся на виске светло-пепельную прядь, обвела всех взглядом, улыбнулась немного растерянно:

— Мы успели так много? Как чудесно! Тье Уинни, задержитесь, вы идете со мной к его светлости лэрду Монтрозу.

— Зачем? — испуганно вскинулась Маред, прежде чем по-настоящему поняла смысл услышанного.

Замерев под скрестившимися на ней взглядами, она в панике дернула шнурки папки, едва не оторвав их, успела за несколько мгновений задохнуться от ужаса разоблачения, сообразить, что никто здесь о ней с Монтрозом ничего не знает, и понять, что ведет себя глупо.

— Показать проект, — удивленно отозвалась Жаклин. — Маред, его светлость не видел вашу работу, он специально попросил, чтобы я вас привела.

— Успокойтесь, дорогая, — с интонацией гувернантки проговорила тьена Дорриш. — Лэрд Монтроз очень заботлив со стажерами. А у вас отличный проект, не сомневайтесь.

Не хватало еще, чтоб ее начали утешать и успокаивать. И вправду, глупо как.

Из комнаты Маред выскочила с горящими ушами и щеками — тьен Лоустиц едва успел галантно придержать перед ней дверь. Жанна вышла следом, подарив Маред еще одну милую понимающую улыбку, а потом повела ее на третий этаж. Маред послушно шла рядом, постепенно погружаясь в беспокойство: зачем лэрду ее проект, который он не просто видел,

а даже проверял?

В памяти вспыхнуло: вот лэрд стряпчий лежит рядом, просунув руку ей под шею, обняв, прижав к себе. От него веет жаром тела и свежим ароматом одеколona, горячая ладонь лежит на плече Маред уверенно и властно. Вот, чуть наклонившись, он показывает нужное место, заставляя вздрогнуть от нарастающего напряжения между ними. Часть Маред ничего так не хотела, как сбросить эту наглую руку, но другая, забыв обо всем, восторженно плескалась в пространстве юридических положений и связей... Монтроз видел франкский тендер! А раз так, зачем ему Маред?

Дверь кабинета ничем не выделялась из ряда других в длинном коридоре, только серебристая табличка гласила: «Александр Монтроз, личный стряпчий Ее величества». Действительно, вполне достаточно для человека, который даже титул аристократа считает приятным приложением к должности королевского стряпчего — вершине юридической карьеры в Великобритании. Затаив дыхание, Маред вошла.

В приемной миленькая кареглазая блондиночка улыбнулась и кивнула Жаклин. Это секретарша? Какая хорошенькая... Впрочем, это уж точно Маред это не касается. Просто забавно, сколько вокруг его светлости блондинок! Его фаворитка, эта девушка... И даже тье Форс и тье Дорриш светловолосы. Совпадение, конечно, но не потому ли лэрда заинтересовала Маред?

Взгляд Кэролайн, как обратилась к блондинке Жаклин, скользнул по Маред с равнодушной приветливостью. Всего на мгновение секретарша задержалась на ее прическе, окинула взглядом с ног до головы, наверняка отметив и чуть помятую юбку, и чистые, но запылившиеся туфли... Маред поклялась себе, что будет носить в сумочке салфетки и больше никогда не допустит ни пылинки на обуви. Вот так всегда, стоит один раз появиться на работе не совсем безупречно одетой, как ее видит половина конторы и сам лэрд впридачу.

— Проходите, милэрд ждет вас, — пропела блондинка Кэролайн, снова опуская глаза к бумагам.

И снова Маред покорно пошла за Жаклин Форс, которой уж точно не о чем было беспокоиться, представ перед глазами хозяина конторы. От малейшей прядки светлых волос до кончиков темно-синих замшевых туфель в цвет платья тье Форс была самым совершенством. А ее, Маред, лэрд сейчас увидит и...

Что — и, она додумать не успела. Все-таки кабинет его светлости Маред представляла себе как-то иначе.

Стол. Огромный письменный стол в форме угловатой подковы, светлое дерево блестит на солнце, отшлифованное так, что каждая прожилка выделяется, и покрытое золотистым лаком. Несколько стульев у стены, а возе стола пара кресел. Окно почти во всю стену, светло-кремовые шторы отодвинуты, и солнце играет на глянцевых зеленых листьях растений в горшках. Шкаф с книгами — темные корешки солидно поблескивают золочеными буквами, на стене в рамках под стеклом какие-то документы. Диплом, конечно же. Лицензия королевского стряпчего... Маред невыносимо захотелось подойти и хотя бы взглянуть на вожденную бумагу, но она сдержалась.

Взгляд скользнул дальше, упорно избегая задержаться на самом хозяине кабинета, стоящем у окна. Маред рассмотрела дубовое резное панно на стене над спинкой кресла лэрда, и само кресло, в цвет столу светлое, с широкими подлокотниками и кожаной оббивкой. А еще — дивной красоты макет парусника, стоящий у другой стены на высокой подставке. Она как-то видела похожую модель, заключенную в бутылку, но та была гораздо

меньше. Этот корабль от носа до кормы, был, пожалуй, длиной в размах ее рук. Снасти из шпагата разной толщины, сияющие на солнце металлические детали, крошечные фигурки матросов и множество искусно сделанных мелочей от крошечных лестниц до капитанского мостика.

— Это «Катти Сарк», знаменитый чайный клипер, — негромко и очень нежно сказал Монтроз, как-то незаметно повернувшись к ним лицом. — До начала астероновой эпохи в технике клиперы были самыми быстрыми кораблями, перевозя дорогой чай с Востока. Ее имя означает «Короткая рубашка», в честь некой ведьмы, по преданию умевшей летать. Впрочем, прославилась «Катти Сарк» не только скоростью, но это долгая история...

Маред оторопело кивнула. Наверное, ее замешательство для той же Жаклин выглядело вполне естественно: студентке простительно любопытствовать на кабинет самого королевского стряпчего, но самое смешное, что так оно и было. Она жила в доме Монтроза, делила с ним постель, но в его рабочий кабинет вполне могла бы не попасть до конца практики, да и потом — тем более. И это понимание снова дергало изнутри потаенным страхом зачем Монтроз ее позвал?

— Дорогая тья Форс, вы сегодня особенно обворожительны. Садитесь, пожалуйста. Тья Уинни... Маред, кажется? Присядьте, прошу.

— А... простите!

Маред, наконец, очнулась и торопливо отошла от парусника. Села на краешек стула, покраснев и надеясь, что не ведет себя совсем уж глупо. Хотя вряд ли стоит на это рассчитывать, вон с каким тщательно скрываемым удивлением и веселой насмешкой смотрит Жаклин.

— Люблю красивые корабли, — признался Монтроз, обходя стол и сядя напротив них на свое место. — «Катти Сарк» не просто чудесное создание человеческого ума и духа, это легенда... А модель — прекрасный подарок от моих служащих. На день рождения... Ну что же, Жаклин, я вас слушаю.

Глядя, как Монтроз улыбается молодой женщине, Маред поймала себя на на глухом, смутном и очень неприятном чувстве, словно у нее забирают что-то, принадлежащее лично ей. Что-то, что она никому не хотела бы отдать. Неужели... ревность? Да быть этого не может! Она не имеет никаких прав на лэрда! И вообще была бы только рада лишиться его внимания! И уж точно ничего не значит эта пара учтивых улыбок и вежливый комплимент, но... что же так неприятно?

Жаклин Форс рассказывала и показывала документы, потом раскрыла взятый с собой вычислитель, такой же тонкий и изящный, как она сама, даже цвета серебристого. Монтроз кивал, иногда негромко уточняя или спрашивая, а Маред молча маялась, изнывая от беспричинной тоски и еще более беспричинной глухой обиды.

— А теперь вы, тьяна Уинни.

Голос обратившегося к ней лэрда был мягок, равнодушен и безупречно... заботлив, как сказала тьяна Дорриш. Ни тени чувства, как и положено между чужими людьми, начальником и подчиненной. Маред вдруг волной накрыла безрассудная детская злость. Она для Монтроза такое же украшение, как модель клипера, еще один подарок на день рождения, только этот его светлость сделал себе сам. Дорогая игрушка. И тоже красивая, наверное, если можно их сравнить, но если снять и убрать — ничего не изменится, только можно будет на освободившееся место поставить что-то другое, новое.

Судорожно вздохнув, она загнала совершенно неуместную сейчас глупость подальше и

принялась рассказывать. Излагать то, что они прекрасно знали оба, но следовало делать вид для Жаклин, и Маред говорила так, как говорила бы с настоящим начальником, которому принесла выполненную работу. Как могла четко, сухо и ясно, выделяя главное, подчеркивая выигрышные стороны. И снова убеждаясь, что хотя бы за это ей стыдиться не приходится — работа и вправду хороша.

— Что ж, замечательно, — прервал негромкий голос лэрда эту пытку. — Тье Форс, вы ведь используете труд тье Уинни в полной мере?

О да, тье Форс обещала использовать. И снова эти взаимные улыбки, от которых Маред уже бесилась, сама не зная, почему. И красивый, со вкусом отделанный кабинет с глубоким отпечатком личности хозяина, и красотка-секретарша, и дурацкие горшки с цветами, словно его светлости дома зелени не хватает...

— Благодарю, тье Форс, — прорезал ее тоскливые мысли отвратительно жизнерадостный голос. — Вы можете идти, а тьену Уинни ненадолго оставьте мне. Хотелось бы побеседовать.

— Да, конечно, — Жаклин встала, подарив Маред ободряющий взгляд. — Маред, вы можете потом задержаться и пообедать, когда его светлость вас отпустит.

Ах, какие все заботливые! Передают ее с рук в руки, как... Да что же с нею такое-то?

Маред судорожно вдохнула и выдохнула, глядя, как Монтроз провожает Жаклин к двери, говорит что-то секретарше и через несколько секунд поворачивает в двери ключ изнутри.

— Жаклин Форс о вас очень хорошего мнения, — так же негромко сказал лэрд, возвращаясь к столу и рождая у Маред чувство, с которым птичка смотрит на приближающуюся змею. — Это немного странно, учитывая, как долго она была заместителем Даффи, но приятно, разумеется. Как вы провели вечер, тье? Отдохнули?

— Да, — настороженно отозвалась Маред, невольно поднимаясь и жалея, что ускользнуть из просторного кабинета, ставшего ловушкой, совершенно некуда.

— Вижу, — кивнул Монтроз, рассматривая ее с доброжелательным любопытством, под которым обострившимся чутьем угадывалось еще что-то. Впрочем, понятно — что... — Надеюсь, соскучились по мне хоть немного.

Это был не вопрос, конечно же. Утверждение, почти приказ. И сразу же ладони подошедшего вплотную лэрда легли Маред на плечи, обжигая привычно и каждый раз по-новому. Так, словно она и вправду могла почувствовать их тепло через плотный шелк платья и рубашку под ним.

— Перестаньте, — прошипела Маред, невольно дернувшись назад. — Секретарша...

— Ушла на обед. А после него отпросилась в парикмахерскую, а это, поверьте, надолго. И тье Форс вас в ближайшее время не ждет. Кстати, я всегда беседую с каждым практикантом, в этом нет ничего подозрительного.

И голос у него, вроде, был обычный, насмешливо-ровный, но отчего-то у мадер дрожало все внутри, а во рту появился кисловатый привкус. Ключ в двери...

— Вы уже смотрели проект, — сказала она отчаянно, надеясь, что все обойдется и то, чего она опасается, не случится. — И обо мне все знаете.

— Верно, поэтому времени на беседу терять не будем.

И снова этот насмешливо-ласковый тон. Маред заставила себя посмотреть в окно поверх обтянутого светлым сюртуком плеча, загородившего и «Катти Сарк», и все остальное, включая надежду, что это был просто визит вежливости. По-мужски широкие плечи, запах

одеколона, который она уже опознала бы из сотни других, горячее дыхание Корсара, наклонившегося к ней... Маред всхлипнула, уговаривая себя не вырываться. Да когда же это кончится? Неужели каждый раз сердце будет вот так трепыхаться, а низ живота скручиваться узлом от томительного предвкушения пополам с отвращением?

— Маред, посмотри на меня.

Ладони Монтроза медленно прошлись вверх по ее рукам, погладили сквозь шелк плечи, скользнули на грудь, талию... Тело отозвалось постыдной дрожью, и Маред взмолилась про себя, чтоб это осталось незамеченным. Ну неужели лэрд хочет прямо здесь?

— Посмотри на меня, — повторил он повелительно, и Маред покорно подняла взгляд, щурясь, словно стояла лицом к солнцу, хотя оно давно ушло за угол здания. Разглядела щеку, ухо, завитки черных волос на виске.

Так же медленно Монтроз распустил узел ее шейного платка, сдернув и уронив на стол. Шепнул, стоя мучительно близко, обжигая ухо дыханием.

— Видела бы ты себя со стороны. Моя прелестная юридическая фея, влюбленная только в право. Документы, казусы, налоги... В голове и сердце только они.

Голос обжигал не меньше дыхания, а то и сильнее, лился кипящим медом по обнажившейся от страха душе, слова словно падали на кожу каплями топленого воска — горячие, полные откровенного желания и внутренней злости, томной и яростной одновременно.

Маред закусила губу, но тут же ее лицо развернули жесткие пальцы, взяв за подбородок, по губам быстрым поцелуем прошлись чужие губы, наглые, бесцеремонные, одна рука обняла за плечи, а вторая задрала юбку. Прижатая к столу, едва не сидящая на нем, Маред почувствовала, как пальцы лэрда гладят ее колено, поднимаясь все выше, к резинке чулка.

— Ты определенно должна сводить мужчин с ума, — шепнул Корсар, не позволяя ей ни отодвинуться, ни даже вздохнуть полной грудью. — Такие невинные глазки... как у котенка. Словно ты не понимаешь, какие желания вызываешь... И рот. Хочется то ли целовать, то ли потребовать совсем другого. Ну же, девочка моя...

Его рука откровенно играла с чулком Маред, поглаживая кожу то выше него, то ниже. Пальцы гладили обнаженную кожу легко и уверенно, а через миг снова спускались на тончайший батист, и Маред не могла бы сказать, где прикосновения чувствуются более дразняще.

Ухитрившись вывернуться из-под руки лэрда, она яростно замотала головой, разве что не отплевываясь от вкуса его губ. Но другую руку с бедра сбросить не удалось. Шелк задранного платья складками обволакивал и ноги Маред, и мужскую руку, объединяя их в непристойном союзе. Маред закусила губу. Внизу живота кипящим медом растекалась истома, сливая воедино стыд, беспомощность, страх и все-таки предвкушение удовольствия. Нет... это слишком...

— Пустите, — отчаянно сказала она, не позволяя себе повысить голос, но приготовившись вырываться, если понадобится. — Я не хочу так!

— С какой стати? Ты моя. Ты сама на это согласилась, никто силой не заставлял. Полагаешь, я каждый раз должен терпеть, жалеть и ждать, пока ты разнежишься? Девочка, ты меня с кем-то перепутала. У нас с тобой совершенно другой договор, помнишь? Я и так очень долго ждал. Давай, просто присядь на стол.

— Нет, — прошептала Маред, ухитряясь глядеть мимо, куда-то в радужную пелену подступающих слез, и ненавидя себя за это. — Не надо, я прошу. Только не здесь. Не здесь,

пожалуйста...

— Почему?

Одно-единственное слово, отсрочка приговора, но Маред уцепилась за него, лихорадочно выпалив:

— Потому что это работа. Вы обещали, что она будет ни при чем. Я не хочу каждое утро идти в контору и думать, что вы... что там... опять...

Голос все-таки сорвался, и пришлось зажмуриться, сморгнув пелену перед глазами, но Монтроз хмыкнул то ли удивленно, то ли раздосадованно.

— Девочка, — сказал он с каким-то веселым раздражением, — ты даже не представляешь, сколько нового и увлекательного принесла в мою жизнь. У меня даже невыполнимые интимные фантазии появились, оказывается. В моем-то возрасте и с моим опытом...

Если он и злился, то как-то не всерьез, потому что запустил пальцы в волосы Маред и слегка оттянул ее голову назад, вынуждая посмотреть на себя. Маред посмотрела, снова щурясь, как от солнца. Упрямо и безнадежно встретила изучающий взгляд серых глаз, холодный взгляд, задумчивый.

— Значит, боишься, что это войдет в привычку?

— Нет, — замотала она головой, почуяв ловушку в благожелательном вопросе и стараясь не думать, что там лэрд Корсар имел в виду, говоря про фантазии. — Не боюсь. Просто... не хочу так. На работе!

— Можешь, но не хочешь? — уточнил он все так же мягко, уже явно забавляясь, если Маред хоть немного успела изучить оттенки его интонаций. — То есть это не отказ, а просьба?

— Да, — выдохнула Маред, изнывая от обволакивающего ее запаха одеколona, теплого, с тонкой горечью, и уже не понимая, где парфюм, а где собственный запах лэрда. — Это просьба. Пожалуйста.

Рука Монтроза так и лежала на ее бедре, пальцы другой, едва касаясь, погладили щеку Маред и подбородок, приласкали шею. Маред замерла, боясь шевельнуться, глянуть, сказать — хоть чем-то напомнить, что она и так перед лэрдом в долгу, словно тот не знает. Все он помнит и понимает, учитывает, рассчитывает, и если сейчас отпустит, то уж точно не из великодушия. И следовало бы забыть про гордость, исполняя договор, но... Этот кабинет, и само здание конторы, и «Катти Сарк», которой Монтроз так явно восхищался — все скрутилось вокруг Маред в единый узел, не позволяя отступить. Будто что-то изменится, если она не позволит уложить себя, как непотребную девку, именно на этот стол, рабочий!

— Поцелуй меня, — сказал лэрд очень просто, совсем обыденно, и от этой простоты, за которой стояло неизвестное Маред решение, у нее защемило в груди.

Потянувшись, она неловко коснулась губами его суховатых губ. Спohватившись, подняла налитые свинцом руки и сама положила ладони на плечи лэрда, напрягаясь, вытягиваясь в струнку не столько телом, сколько душой. Поцеловала снова, насколько могла старательно, подтверждая, что это не бунт. Всего лишь просьба...

Поцелуй длился и длился, горячие руки гладили ее по спине и внизу, под юбкой, и Маред почти смирилась с неизбежным, когда Монтроз все-таки оторвался от нее, вздохнув с явным сожалением.

— Вечером, — уронил он, блестя глазами, как голодный волк, если бы только нашелся волк с глазами цвета расплавленного серебра. — И тогда уж извольте не ломаться.

Сделал шаг назад, отпуская, и только теперь Маред вдохнула полной грудью — даже голова закружилась. Монтроз, отойдя к окну, смотрел на нее снова непроницаемо, даже скучающе, будто не случилось ничего, и только его запах, впитавшийся то ли в шелк платья, то ли в душу Маред, подтверждал — было.

Она кивнула и одернула юбку, сглотнув ставший в горле комок и боясь проронить хоть слово. Глянула на дверь кабинета, перевела умоляющий взгляд на Монтроза.

— Отдышитесь, — посоветовал он равнодушно. — Постойте минутку. И если спросят, о чем мы разговаривали, не впадайте в панику. Я действительно беседую с каждым практикантом, иногда и не по разу. Скажете, что спрашивал о планах на будущее. Все уже поняли, что вы скромны и застенчивы, так что если покраснеете и разволнуетесь, никто не удивится.

Маред снова молча кивнула, умом понимая правоту его слов, но не в состоянии осознать их по-настоящему. Опять тоскливо покосилась на дверь. Выглянувший из-за шторы солнечный луч осветил «Катти Сарк», запутался в белых парусах, пробежал по начищенным до яростного блеска накладкам на штурвале. Чайный клипер... Лучше бы пиратский фрегат заказал!

Злость помогла прийти в себя, выпрямиться, и Монтроз одобрительно улыбнулся. Открыл дверь кабинета, отступил в сторону, выпуская, и Маред на подгибающихся ногах вышла в коридор, с трудом веря, что все обошлось. Хотя бы сейчас. До вечера, да. Но обошлось. И завтра она сможет переступить порог здания фирмы без тошноты.

* * *

Тье Уинни вышла с таким выражением лица, словно ей уже на плахе отменили смертный приговор. Алекс раздраженно кинул ключ на стол, передернул плечами, возвращаясь к окну. Ожидаемо, но все равно противно. От безнадежной тоски во взгляде льдисто-голубых, таких ярких на смуглом личике, глаз, от мгновенно вспыхивающего в них испуга и от брезгливости, которую Маред скрывает, то есть думает, что скрывает. И ведь при всем при этом постельные забавы ей нравятся! Глупая девчонка млеет под его ласками, изнемогая от удовольствия, но каждый раз краснеет до слез и пытается спрятаться от самой себя. Маленькая ханжа! Улитка в непробиваемой раковине фальшивой нравственности!

Злость сменилась усталостью. Ночью, проводив Фергала, он уже не поехал в Мэйд Вэл, разумеется, а бренди оказался отличным способом успокоить нервы. Кстати, надо за собой последить, чтобы это не вошло в привычку. Особенно сейчас, когда со всех сторон падают неприятности. Корриган, высказав угрозу, тянет с ее осуществлением, если не считать попыток добраться до архива. И еще дышит в спину неизвестный мститель с камерографиями. Вот уж где Алекс не виноват ни словом, ни делом! Но если это безумец, у него свое видение мира, опасное для вовлеченных в него людей. А еще Флория...

Перед тем, как лечь спать, Алекс позвонил, но Незабудка выключила фониль. С утра ничего не изменилось. В «Бархате» тьеду Бёрнс тоже никто не видел, но это ничего не значило: ночной Лунден Флория знала, как свою сумочку, и нашла бы, где развлечься после их ссоры.

В очередной раз услышав нудные гудки, Алекс нажал кнопку отказа и выругался вслух грязной бранью, чего не позволял себе уже давненько. Сам посчитал бы глупцом и слабаком

любого мужчину, не способного управиться с собственной фавориткой, но вот... Что ж, хорошо, если Флория просто испытывает его характер, проверяя, насколько далеко может зайти, или таким образом напрашивается на наказание. А если что-то случилось? Плюнуть на позор и отправить людей на поиски?

Когда Жаклин, которую он утром попросил зайти с новостями и привести будущую надежду юриспруденции, появилась в его кабинете, Алекс уже был изрядно зол. Полубессонная ночь, переживания с утра, не самая лучшая неделя и раздражение, что пришлось пользоваться экипажем вместо мобилера — все слилось воедино. Да, он злился! Но не на Маред Уинни, а, скорее, на самого себя. Какие чувства он себе выдумал? Откуда им взяться? Просто еще одна красивая девица — мало ли их было? Безусловно, умная, старательная, даже талантливая, но все это касается только работы, а за границами сферы правоведения тье Уинни мгновенно превращается в скованное приличиями и запуганное собственными представлениями о морали существо. Три недели уже прошло, а они были в постели — по пальцам одной руки пересчитать можно! И надо отбрасывать дурные сантименты, иначе лето закончится, а удовольствия так и не получишь, пока будешь беречь невинность и щадить гордость.

Но вот что сегодня вид Маред на него так подействует, заставив вспыхнуть, как мальчишку, Алекс не ожидал. Тье Уинни выглядела... непонятно! Всегда безупречно аккуратная даже в ущерб живости, в этот раз она была сама на себя не похожа. Растерянный взгляд, не вовремя растрепавшиеся волосы, удивление на лице, когда увидела кабинет... Это потом Алекс сообразил, что последнее время о внешности Маред заботились горничные, а сегодня она собиралась сама, потому и прическа не идеально гладкая. Но светлые боги, как же ей шло быть такой милой и настоящей!

Он хмыкнул, садясь за стол и вместо бумаг подвигая к себе ежедневник. Полистал страницы с планами на ближайшую неделю, откровенно отлынивая от работы. Да, на фоне изящной фарфоровой куколки Жаклин Форс Маред выигрывала. Ее хотелось взять прямо здесь, в кабинете, так хороша была девушка — сама невинность в доспехах из респектабельности, морали и деловых принципов. Вот это все и хотелось сдернуть вместе с кружевным бельем, усадив тье Уинни на стол, который видел всякое, но, признаться, не такое. Не с кем как-то было его использовать по подобному назначению. Не приводить же в любимый кабинет, сердце конторы, Флорию. Хотя как раз та с упоением согласилась бы отдаться хоть на столе, хоть на подоконнике. Но, наверное, потому и не хотелось.

А еще вспомнилось, как Маред смотрела на «Катти Сарк» — восхищенно и в то же время с какой-то обидой, а потом и вовсе хмурилась, стоило взгляду ненароком упасть на красавицу-клипер. Глупая девочка... Словно приревновала. Но самое удивительное и привлекательное, что она действительно не понимает своего очарования. Не видит себя в зеркале восхищенных мужских взглядов, не замечает завистливых женских. Теперь, когда бабочка отрастила яркие крылышки и выпорхнула в сад, ее так легко разглядеть.

Алекс сцепил пальцы, хрустнул косточками и поморщился от резкого звука. Перестань... Маред Уинни не твоя собственность, пора уже принять это и успокоиться. Пройдет лето — и ее придется отпустить. В лучшем случае, она останется работать в «Корсаре», а может, это как раз будет худший случай, потому что забыть прошлое у вас обоих не получится. Но, так или иначе, она будет свободна. Молодая вдова, отчаянно красивая, умная, талантливая и работающая. Мужчины вокруг не слепые, это лишь вопрос времени и упорства, кто успеет первым привлечь ее внимание и завоевать доверие.

А ты, Корсар, останешься ее грязным секретом, ненавистным воспоминанием, скелетом, который тье Уинни постарается затолкать поглубже в самый дальний шкаф и прикрыть виноватыми оправданиями перед самой собой. И стоит ли тогда мучиться и надеяться на что-то? Возьми то, что хочешь, а хочешь ты не глупых, вам обоим не нужных чувств. Маред ты хочешь, ее золотистое горячее гибкое тело, ее стоны, всхлипы, сумасшедшие взгляды, в которых страх, стыд, возбуждение — все разом. И никакая это любовь, даже не думай. Вот испробуешь такое соблазнительное тело тье Уинни во всех позициях, какие успеешь за оставшееся время, — и успокоишься. А письменный стол и в особняке ничуть не хуже, так что можно начать прямо сегодня.

Но где же все-таки изволит носить шальным ветром Флорию? Знать бы только, что с ней все в порядке...

* * *

Хорошо, что тье Форс разрешила задержаться на обед. Сначала Маред показалось, что после домогательств лэрда кусок в горло не полезет, но потом желудок вспомнил, что она не завтракала, и предъявил счет к оплате. В кофейню Маред спустилась чуть ли не бегом, придерживая на лестнице юбку, чтоб не споткнуться. Хорошо мужчинам с их брюками!

Посетителей уже почти не было, так что она спокойно выбрала обед, съела его, взяла за свой счет еще один десерт и, лишь допивая вторую чашку кофе, поняла, что наелась до тяжести — как только корсет позволил.

Вот за что Монтроз на нее разозлился? Вчера сам разрешил переночевать в Лундене, был по-обычному насмешливо ласков, а сегодня... Маред передернуло, стоило вспомнить яростный блеск его глаз и прорывающуюся в голосе злость. Вечером будут неприятности...

Весь остаток дня она чувствовала на себе взгляды. Леон, тьена Дорриш, тьен Лоустиц, Тильда и сама тье Форс — все они смотрели на Маред, будто примеряясь, решая что-то. Старательно не обращая внимания, Маред работала, гоня мысли о вечере и ночи, прячась от них за юридическими положениями и формулировками. Проекты остальных она раньше так и не увидела, а там было столько интересного! Особенно у Даффи и Форс. Любопытно, ктс из них такой специалист в консалтинге?

— Маред, милая, вы собираетесь идти домой?

— А... да... — отозвалась она рассеянно и тут же вскинула голову. — Да, тье Форс, я сейчас! Вот, посмотрите!

— Я завтра взгляну, хорошо? — вздохнула Жаклин и улыбнулась. — Дорогая, за один день все не переделать. Седьмой час уже...

И точно — остальные ушли. Маред и не заметила! А Жаклин? Ждет ее? Краснея, Маред отдала ей документы, с которыми работала. О, боуги! А ей ведь на занятия! Монтроз, когда она робко упомянула про вождение, только плечами пожал и сообщил, что не видит ни одной причины их прерывать. Напротив — учитывая случившееся, тье Уинни следует заниматься особенно усердно. Колкую насмешку Маред пропустила мимо ушей, вне себя от счастья, что учебу вождению у нее не отнимут.

А вот с тье Эстер она не поговорила, как советовал Оуэн. И... Как все успеть?

Листы, которые она спешно собрала, выскользнули из рук и разлетелись. Маред снова сгребла их, в панике посмотрев на часы.

— Вы куда-то торопитесь?

Жаклин терпеливо ждала ее, не выказывая ни тени нетерпения.

— На... занятия по вождению, — призналась Маред, укладывая все обратно в папку.

— О, как мило! Неужели я перестану быть единственной женщиной в «Корсаре», не пугающейся механических монстров? — рассмеялась тье Форс. — А вам далеко ехать?

— В Эппл-форест... С вашего позволения, я... пойду?

— Нам почти по пути. Хотите, я вас довезу? На мобилере будет гораздо быстрее.

Онемев от счастья, Маред кивнула.

Тье Форс водила «Кельпи». Светло-серый, отделанный посеребренными накладками, небольшой и удивительно... женский. Легкий и изящный, как сама Жаклин. Маред села рядом на переднее сиденье и с удовольствием оглядела салон. Да, «Кельпи» далеко по мощности до «Драккаруса», но приборная панель показывает, что скорость и он может развить немалую. Может быть, стоит внести некие коррективы в свои безумные мечты о будущем мобилере?

А Жаклин, терпеливо преодолевая ее смущение, мило болтала, расспрашивая Маред о прошлом. Семья, замужество... Ах, какая жалость, пусть милая Маред простит ее нетактичность! Но теперь ведь все хорошо? А родственники? Тоже нет? Ничего, теперь Маред может быть уверена, что ее не оставят в трудную минуту. Его светлость очень внимателен к служащим, да и все они относятся друг к другу по-семейному...

На этом месте Жаклин осеклась, припомнив, видимо, недавнее происшествие с Даффи. Впрочем, в семьях тоже всякое случается.

На бульваре Эппл-Форест Маред выскочила из машины, торопливо рассыпавшись в благодарностях. Она опаздывала! И если бы не любезность тье Форс, ни за что не добралась бы вовремя. Вот истинная леди, несмотря на происхождение из второго класса, не аристократического. Милая, воспитанная, не кичится ни красотой, ни положением в обществе... Стоя возле учебного мобилера, Маред невольно вспоминала и безупречную прическу Жаклин, и тонкий запах нежных цветочных духов, и вежливую улыбку, когда тье Форс разговаривала с Монтрозом. О такой женщине даже подумать нельзя, чтобы кто-то обошелся с ней недостойно! Вот у кого следует поучиться умению себя вести...

Фониль тихонько звякнул, и Маред, извинившись перед наставником, отошла в сторону. Изабель?

— Ну, наконец-то! — зазвенел из аппарата голосок рыжего недоразумения, именуемого тье Кармайкл. — Маред, милая, куда ты опять пропала? Никогда не звонишь первой...

— Я... не хотела беспокоить...

— Беспокоить? Глупости какие! — возмутилась Изабель. — После того, чем я тебе обязана! Хотя на самом деле ничего не случилось — ты же понимаешь?

— Понимаю, — послушно ответила Маред, гадая, зачем же тогда Изабель объявилась.

— Я просто хотела сказать, чтобы ты не волновалась насчет расходов... Папенька, конечно, ужасно злился, но все оплатит. Так что ты даже не думай переживать. И... неужели ты не заедешь ко мне в гости?

— Я... не знаю, — неуверенно выдохнула Маред. — Времени совсем нет, я ведь работаю...

— Ну вот что, — решительно заявила Изабель, — слышать ничего не хочу! Мы должны увидеться и поговорить. И не бойся, я совершенно не собираюсь расспрашивать, как ты

раздобыла мобилер того мужчины. Ну ты понимаешь, да? Маменька всегда говорит, что женщина имеет право на тайны. Тем более, ты же вдова. А он такой... Молчу-молчу. Но хоть о моих делах мы поговорить можем?

— Да... конечно... Если ты сама не боишься...

Маред запнулась, не зная, как выразить, что Изабель стоит подумать и о своей репутации, но та хихикнула:

— Чего? Даже если кто-то и узнает... Я же вышла замуж! Неудачно, признаю, но вполне честно. Теперь бы еще развестись побыстрее. Ненавижу этого мерзавца! Маред, знаешь...

Она помолчала, а потом сказала удивительно серьезным и грустным голосом, которого Маред никогда не слышала у легкомысленной болтушки Изабель:

— Я ведь позвонила тебе четвертой. И только от отчаяния, честное слово. Три раза! Три мои подруги, самые близкие, стоило им услышать, что я попала в беду, заявили, что ничего не могут сделать. Вот совсем ничего! И лучше бы мне им не звонить со всякими глупостями. А ты приехала — сразу. Хотя мы-то подругами никогда не были.

— Изабель, мне... очень жаль, — отозвалась Маред в трубку. — Жаль, что они так поступили...

— А уж мне-то как жаль, — спокойно и очень ясно отозвалась Изабель. — Потому что у нас, Кармайклов, память хорошая на все: и на доброе, и на дурное. Папенька всегда говорит, что люди, как и корабли, проверяются штормом. Вот и я проверила. Хорошо, что теперь знаю кое-кому цену. А ты запомни: если когда-нибудь случится такое, что я смогу помочь, от Изабель Кармайкл отказа не будет. И приезжай в гости, очень прошу!

— Хорошо, — пообещала Маред, окончательно смутившись. — Я обязательно приеду! Только сейчас действительно не могу.

— Ну, как сможешь, конечно! — защебетала Изабель, возвращаясь к прежнему легкомысленному тону. — Я буду ждать, милочка...

Она почти успела сунуть фониль в сумочку, как тот снова зазвонил. Номер, засветившийся на экране, был совершенно незнаком, в отличие от голоса.

— Здравствуйте, дорогая, — жизнерадостно сказал тьен Чисхолм, парой безобидных слов заставив внутренности Маред скрутиться в узел от страха. — Очень хотелось бы с вами увидеться. Вот завтра, например. Что вы на это скажете?

А она-то была уверена, что обещанный вечер с Корсаром — худшее из возможных зол.

Глава 13. О злости и несладком чае

— Завтра? Во сколько? — спросила Маред, с отвращением слыша свой испуганный голос.

— А это как вам будет удобно. Вы ведь заняты весь день, да и после работы под присмотром. Так что, скажем, в обед. Встретимся в приятном местечке, выпьем чаю, побеседуем. Хотя вы ведь кофе предпочитаете?

Маред покорно выслушала указания, куда и во сколько выйти, не обманываясь мнимой любезностью тьена Чисхолма. Посмотрела на погасший фониль и подумала, что лэрд Макмиллан был прав: старый аппаратик следует менять. Хорошо бы вместе с именем, городом и даже страной, потому что Великобритания на самом деле очень мала, если нужно кого-то разыскать, обладая деньгами и связями. Надо же, какая внимательность, даже про кофе помнит!

Она вернулась на учебную площадку, села в мобилер и поехала, старательно руля между расставленными по полю деревянными пирамидками. Три десятка пирамидок, и две шгуки из них Маред сбила. Целых две!

— Очень неплохо, — почему-то довольно сказал наставник, поднимая сбитые ею фигурки. — Не безупречно, но для женщины... Вы запомнили, что ошибаетесь на поворотах? В следующий раз поучимся делать именно их. А теперь попробуйте еще раз.

Ах, почему в жизни нельзя так? Ошиблась — попробовала проехать заново. Ситуацию, отношения, разговор... Но что она могла бы изменить? С какого момента все рухнуло в пропасть, и уже ничего нельзя было исправить?

Кража даблиона? Но не встретить она с Монтрозом, сейчас уже была бы отчислена за неуплату. Не конец света, но крах лично ее, Маред, жизни. Наверное, следовало иначе вести себя с лэрдом стряпчим там, в его спальне. Честно все рассказать, попросить отпустить, обещать, что больше никогда не пойдет на подобное. Мог бы Монтроз отпустить ее без всяких наказаний? Уже не узнать...

Или окончательно пропало, когда она поддалась на шантаж? А что ей было делать? Репутация порядочной женщины — единственное состояние, которое у нее осталось. И даже возможности самого королевского стряпчего бессильны против пары гнусных снимков, отправленных в газету или ее декану. Ведь это так просто! И, главное, ничем не остановить!

Присланный лэрдом экипаж уже ждал ее возле ворот школы. И весь путь до Мэйд Вэл Маред угрюмо думала то о завтрашнем разговоре с Чисхолмом, мучаясь предположениями, чего от нее могут потребовать, то тоскливыми предчувствиями сегодняшнего вечера.

А в особняке ее первой встретила экономка, поливающая цветы в холле. Маред она приветливо улыбнулась и сообщила, что его светлость ждет тье Уинни после ужина. Да, он сам уже поужинал и занимается в библиотеке.

Маред вздохнула, представив роскошный письменный стол, стоящий там. Что там говорил Монтроз про интимные фантазии? Неужели обязательно осуществлять их именно с ней?

На ужин Эвелин подала курицу в белом итальянском соусе с розмарином, молодой картофель и салат из зеленой фасоли со спаржей. В этот раз Маред ела одна, и огромная сияющая столовая показалась особенно холодной и чужой, несмотря на букет простеньких цветов — явно с клумбы — посреди стола. Цветы были те самые, огненно-оранжевые, с

пестрыми лепестками и резными листиками, но в круглой вазочке из белоснежного фарфора смотрелись чудесно. Наверное, правильная упаковка может выгодно подать любое содержимое, как дорогое платье — девушку-простушку. Маред еще сильнее помрачнела — сегодня все мысли упорно сворачивали на то, что ей здесь не место.

В ванную она пошла, словно на каторгу. Быстро ополоснулась, заколебавшись только в одном — стоит ли переодеваться. Про ее наряд лэрд ничего не говорил. Но ведь это пока ее единственное приличное платье для конторы, и если шелк испачкается или порвется... Маред решительно свернула к себе и переделалась в платье из светлого муслина в цветочек. Тонкое, летнее, купленное еще в первый году учебы и уже изрядно потертое, а потому переведенное в домашние. Юридическая фея? Ну и баргест с вами и вашими фантазиями, милэрд!

На порог библиотеки она и подавно ступила, как в логово дракона, вздохнув облегченно — Корсара там не было. Это ничего не значило, но вдруг передумал? Хотя бы относительно стола...

Она прошла по светло-коричневому паркету, потрогала зачем-то подоконник, глянула в окно, за которым сгустились сумерки, подошла к полкам.

— А я вас уже заждался.

Вздрогнув, Маред обернулась, расставаясь с надеждой, что все обойдется без... фантазий.

Монтроз, уже в халате и с влажными волосами — тоже только из ванной — смотрел на нее без обычной усмешки. Наверное, это было плохо...

Во рту мгновенно пересохло. Маред невольно сделала шаг назад под изучающим холодным взглядом. Позади был стол.

— Вторая попытка, — усмехнулся все-таки Корсар, не двигаясь с места. — Вы напрасно не оставили то платье. Это вам совершенно не идет.

— Вы не давали указаний, — напряженно ответила Маред. — Мне... переодеться?

— Не стоит. Просто снимите его.

Что, прямо вот так? Маред стиснула зубы, стараясь смотреть прямо, но не встречаясь с лэрдом взглядом, замешкалась, потом ожесточенно дернула непослушными пальцами шнуровку. Распустила ее и стянула платье.

Что дальше? Корсет она нарочно надевать не стала, так что теперь осталось только белье. Рубашка и панталоны прилипли к влажной после мытья коже, и Маред уже взялась за кружевной край сорочки...

— Достаточно. Теперь повернитесь.

Это она сделала почти с радостью — лишь бы не видеть ненавистного лица. Сжалась, замерла, вцепившись пальцами в край стола, стоя в одном тонком белье, такая беспомощная и несчастная...

Монтроз подошел бесшумно. Маред только по ладоням, легшим ей на плечи, да по горячему дыханию на шее поняла, что лэрд уже рядом. А через мгновение почувствовала запах — едва уловимый горький миндаль. Его любимое мыло.

— Вторая попытка, — задумчиво, в растяжку повторил Корсар, и снова в его голосе проскользнула спокойная холодная злость, от которой Маред поежилась даже раньше, чем от скользнувших по спине пальцев. — Немного не то, конечно... Но знаете, дорогая тье, так вы тоже замечательно выглядите. Да, пожалуй... Наклонитесь. И ноги чуть-чуть шире. Ну же, тье, неужели вы никогда в жизни даже пошлых открыток не видели?

Не видела! Ну, почти... Как-то при работе над очередным дипломом ей понадобились книги по истории Востока, и вот там... Но Маред их даже не разглядывала, поспешно вернув книги библиотекарю. И уж точно не примеряла к себе такие гадости!

Закусив губу, она скользнула ладонями по столу, уперлась животом в его край. Застыла в неудобной, совершенно естественной позе, желая провалиться под землю, только бы это не началось Или хоть быстрее закончилось.

— Ниже, девочка. И я попросил раздвинуть ноги.

Станный у него был тон. Равнодушие мешалось в нем со злостью в пропорциях, от которых Маред вдруг стало страшно. Не боли, нет. Просто это был какой-то незнакомый Монтроз. Непонятный, неизвестно почему изменившийся, совсем... другой. Но почему?

— За что? — не выдержала Маред, вздрогнув, как от удара, и запрокинув голову назад.

— Простите? Не понял...

Показалось — или удивлен? Пальцы, небрежно мнущие ее рубашку, остановились, потом продолжили перебирать тонкую ткань, лаская и прикасаясь будто нечаянно.

— На что вы злитесь? — звонко от страха спросила Маред, чувствуя, как ладони липнут к полированной поверхности стола. — Что я сделала не так? Хоть скажите!

Она глубоко выдохнула и облизала пересохшие губы, снова опустив голову и видя свое лицо в темных разводах лакированной столешницы смутной тенью.

— Так... — почему-то растерянно сказал Монтроз. — Погодите... Я злюсь?

Вопрос был глупый, и Маред не понимала, к чему он, но это была зацепка, совсем как днем в конторе, и она выпалила, стараясь не сорваться в очередной позорный всхлип:

— Вы на меня в кабинете злились! И сейчас... Я же чувствую. В чем я виновата?

Ответом было молчание. Маред успела пожалеть, что спросила и вообще заговорила, потом подумала, что и молчать нельзя было, и вообще, пусть уж объяснит...

Лэрд так же молча потянул ее за плечо, разворачивая. Притиснул столу всем телом, и сквозь тонкую ткань своего белья и его халата Маред почувствовала мужское возбуждение, пока еще не полное.

— Посмотрите на меня.

Маред нехотя подняла голову и встретила все тот же внимательный взгляд, только злость в нем явно сменилась... удивлением.

— Девочка, ты поражаешь меня каждый день, — подтвердил ее мысли Монтроз, вглядываясь в Маред, как их городской аптекарь в белую клеточную мышь, накормленную опытным лекарством. — Скажи, тебе не приходило в голову, что злость и агрессия не одно и то же? Особенно у мужчины.

— То есть как... не одно...

Наверное, все недоумение было написано у нее на лице, потому что лэрд тяжело вздохнул, немного отступив назад, но не убрав ладони с ее плеч. А потом проникновенно сказал, глядя в глаза растерянно моргающей Маред:

— Вы восхитительны, тье. Я даже не подозревал, что общение с порядочными женщинами столь забавно, хоть и утомительно. Неужели вам никогда не объясняли, что мужчины — существа с низменными желаниями, и к этому надо относиться с соответствующим пониманием?

Насмешливые слова, чей тон так противоречил обидному содержанию, падали, словно горячие капли воска на кожу. Маред дернулась, невольно зашипев, но вырваться, не оттолкнув лэрда, было невозможно, а Монтроза оказалось невозможно сдвинуть. Он же

продолжал, роняя слова с той же удивленной ехидцей:

— Милая Маред, злость — это отклик на что-то. На неверное поведение, слова, происходящее... Злость — это когда вы что-то хотите изменить, но не можете. Или собираетесь это сделать и копите злость для придания себе сил. За что, скажите, мне на вас злиться? А если бы причина была — я бы непременно об этом сказал. Именно вам. И сразу, поверьте. Потому что вы не можете прочесть мои мысленные пожелания, чтоб им соответствовать. Вы же принимаете за злость совершенно другие чувства. Ну скажите, для вас новость, что я хочу вами обладать? Отвечайте.

Маред покачала головой, с тоской думая, что напрасно затеяла этот разговор. Или не напрасно?

— А то, что в постели, условно говоря, мне нравятся игры с принуждением и покорностью — вы помните?

Она кивнула.

— Тогда, милая тье, сделайте, будь любезны, следующий мыслительный шаг и осознайте, что желание кого-то подчинить — это не злость. Это именно что желание. Взять, удержать, использовать, присвоить. Естественное для мужчины, иногда жесткое, но не равнозначное желанию сделать больно или унижить. Иногда подобные вождения совпадают, но далеко не всегда. Попробую объяснить проще, невзирая на вашу высокую и нежную мораль. Если мужчина хочет уложить привлекательную женщину на кровать, стол или любой другой предмет, а потом взять ее, это не зло и порок в чистом виде. Это вождение. Страсть. А она может быть грубой и нежной, смотря по вкусам и обстоятельствам. Не закрывайте глаза!

От последней фразы Маред вздрогнула, послушно прекратив жмуриться, и Корсар снова вздохнул, на этот раз с явным утомлением.

— С ума можно сойти, — пожаловался он куда-то в пространство. — Им дали право голосовать, учиться в университетах и водить мобилер. Но хоть бы кто-нибудь научил их действительно полезным вещам! Например, пониманию своих и мужских желаний. А то ведь мораль в сочетании с телесной неудовлетворенностью и кипением чувств — это ужасно...

— Перестаньте! — не выдержала Маред и увидела, что Монтроз улыбается. — Хватит уже, я поняла!

— Будем надеяться, — согласился проклятый Корсар, протягивая руку и неожиданно ласково гладя Маред по голове. — Но для верности придется закрепить. Вы ведь понимаете?

— Да... — выдохнула Маред, снова опуская взгляд.

Она понимала. И была готова даже к баргестову столу, чтоб его слуги Темного Ллира побрали вместе с хозяином. Было стыдно и обидно, но почему-то легче, чем несколько минут назад. Если это не злость, а желание, то...

— Пожалуй, мои намерения изменились, — лэрд отступил еще на шаг и окинул ее оценивающим взглядом. — Идемте в спальню.

— Зачем? — не нашла ничего умнее спросить Маред и заслуженно услышала ехидное:

— На практические занятия, тье студентка. По очень важному предмету.

Лучше бы промолчала... В спальне Монтроз, бросив ей небрежное «раздевайтесь», отошел к шкафчику в углу. Тому самому... Маред покорно сняла и повесила на спинку кресла рубашку, замялась с панталонами.

— Снимайте, — кивнул вернувшийся Корсар, положив на столик у кровати несколько

предметов.

Салфетки, прозрачная баночка с мазью, уже знакомые наручники, широкая лопатка с короткой ручкой... На лопатке, обтянутой кожей, взгляд Маред задержался, и о столе в библиотеке подумалось, что сменить баньши на гремлину не самое большое достижение.

— Ложитесь на живот и вытяните руки.

Маред покорно легла, слишком уставшая бояться и переживать, подставила запястья под плотные мягкие наручники, стиснула зубы и решила, что вытерпит все, что бы с ней ни делали. И будет молчать! Хватит уже просить, лэрду это только в радость.

— Значит, мою злость вы изволили заметить, — задумчиво сказал Монтроз, присаживаясь рядом с ней. — А как насчет вашей собственной?

От неожиданности Маред дернулась и приподнялась, скосив глаза на Корсара.

— Чем вам не угодил «Катти Сарк»? — весело спросил тот. — Вы на нее так смотрели... Ну же, отвечайте.

— Ничем, — буркнула Маред, рассудив, что совсем молчать не выйдет, что не злить Монтроза попусту. — Какая мне разница, что у вас там стоит?

— Вот и я думаю — какая? И не люблю, когда врут.

Ох, как ласково это было сказано. Маред напряглась, чувствуя неладное, и нечаянно охнула — пониже спины ее ожег увесистый шлепок.

Это была не штука из шкафчика, она так и лежала на столе, а лэрд бил рукой. И сразу же — по другой половинке.

— Ничем! Я о ней и не думала!

— Не верю, — равнодушно, даже скучающе произнес Монтроз. — Думай, девочка. На что ты сегодня злилась в моем кабинете? И на что ты злишься сейчас? Боишься сказать?

Маред замотала головой, вспомнив, что решила молчать. Ткнулась лицом в подушку, закусив ее угол зубами. Наручники плотно держали руки, а на ноги сел ее мучитель, придавив их так, что шевельнуться Маред еще могла, а вот увернуться — никак. Шлепок! И еще! И следующий... Монтроз по-прежнему бил голый ладонью, неожиданно тяжелой, но все равно было не так уж больно, только горячо. И с каждым ударом — горячее.

— Так на что ты злилась?

Насмешливый голос, почти не сбившееся дыхание. И, не прекращая размеренных ударов:

— Девочка, я считал тебя изобретательнее. Ну, хоть придумай что-нибудь.

— Идите вы к боуги! — не выдержала Маред, выплюнув подушку. — Ни... на... что!

Говорить под шлепками оказалось труднее, чем она думала. Вроде бы ладонь — пустяк, даже не ремень. Но зад уже горел, а каждый удар отдавался внизу живота и между бедер, что было даже немного приятно. Только унижительно до отвращения!

Маред снова сжалась, попыталась втиснуться в постель, сбросить наплывающую истому. Откуда? Никогда она такого не хотела! И не хочет!

— Прошлый раз вы меня послали на мужское достоинство, — меланхолично напомнил Монтроз, не снижая темпа шлепков. — Это было смелее и даже как-то чувственнее. Неужели начинаете приручаться?

Он играл, дразнил, и Маред, понимая это, все-таки яростно выдохнула:

— А вы так и не дошли? Могу еще раз послать! Ни на что... я... не злилась...

Она знала, что лжет. Но даже захоти сказать то, что пытался Корсар наказанием, больше похожим на игру, не смогла бы объяснить. В самом деле, на что она злилась? Не на

игрушечный же корабль! Ой...

Это уже оказалась лопатка со столика. Маред дернулась, но вырваться было невозможно, и следующий удар, хлесткий, резкий, смешал почти привычное жжение с настоящей болью. Ублюдок! Извращенец...

— Ложь, — спокойно сказал лэрд. — Глупая наглая ложь. И трусливая к тому же. Подумай еще, девочка.

Маред замотала головой. Ох, ладонь, это, оказывается, было совсем не больно. Нет, терпеть можно было и сейчас, но каждый новый удар приходился по уже пылающей коже, и сколько это могло длиться — неизвестно. Но стыд от нарастающего возбуждения был хуже боли — и Маред не выдержала.

— Да не знаю я! — крикнула она, сжимая кулаки. — Вам что, повод нужен для порки? Без него никак? Идите вы к Ллиру! Или куда хотите! На вас я злилась! На вас — довольны?! — За что?

Ненавистный голос был так же ровен, хоть бы чуть исказился, и Маред почти с наслаждением продолжила, изливая злость, что так долго кипела внутри:

— За все! За все, что вы делаете! Думаете, если купили — так мне это должно нравится? Ненавижу! И вас, и этот дом, и ваши подарки, и заботу клятую! Я же просто игрушка, так? Подарок на день рождения! Как эта... «Катти Сарк»! А я не кукла, я живая! Я не хочу — так! Не могу! Захотели — приласкали, захотели — задрали юбку. Не могу...

Она кричала, выгибаясь под ударами, и не сразу заметила, что они кончились, но остановиться не могла, все еще выкрикивая и не думая об осторожности:

— Ненавижу вас, слышите? И себя! За то, что согласилась. Что сразу вас... к Ллиру не послала! И что теперь... терплю... И за то, что мне это нравится...

Невыносимый жар тек по всему телу, сладко скручивал низ живота, и Маред чувствовала, что плавится в нежеланном вожделении. Ну и пусть!

Монтроз погладил ее по спине и ниже. Очень нежно, кончиками пальцев. И Маред невольно всхлипнула, таким острым прикосновением показалось разгоряченной коже. Не больно, нет, а непонятно как. И если бы еще...

— Вот это уже правда, — ласково сказал Корсар. — В этом и беда, верно, девочка? Ты говори, говори...

Холод на раскаленной — так показалось — коже почти заставил Маред закричать. Сначала от мгновенной боли, потом от невозможного облегчения. Ладони Монтроза очень аккуратно втирали что-то скользкое, бесподобно холодное, и Маред кусала губы, чтобы не податься им навстречу, не попросить... чего?

— Говори, — так же мягко повторил лэрд. — Кричи, если хочешь, плачь. Ты никогда не ругаешься? Напрасно. Нельзя все держать в себе. Но можешь и молчать, конечно. Если так уж боишься.

Прохладный жесткий палец скользнул между ног по ложбинке, погладил ее и проник дальше, в самое укромное... Снова погладил, уже внутри, нажал... Маред заерзала на постели, пытаясь вдохнуть внезапно кончившийся воздух, но тут же вторая рука — снова рука — совсем легонько шлепнула ее по смазанной зельем, вроде уже успокоившейся половинке зада. И воздух вдохнулся — а потом и выдохнулся — с криком. Негромким, больше похожим на всхлип, но молчать было совсем невозможно. Так этот легкий шлепок отдался внутри через ласкающий Маред палец...

— Хватит, — проскулила она, когда дышать стало возможно. — Пожалуйста...

— Мы остановились на ненависти.

Монтроз привстал, потянулся к ее рукам, щелкнув застежкой наручников, и одним движением перевернул Маред на спину? Она закусил губу, ожидая боли, но та куда-то ушла, притихла. Остался только жар, он расплылся по всему телу плавящим его сладким маревом, и кожа чувствовала каждое касание. Грудь, живот, бедра. А под горящим задом была мучительно шершавая простыня...

— Маред?

Лэрд склонился над ней, взгляделся в лицо и удовлетворенно кивнул. Снова заговорил тем же невыносимо спокойным голосом:

— Ненависть, да? И злость. Ты злишься на меня, на себя, на обстоятельства... Злишься, но молчишь. Стараешься быть хорошей девочкой, как тебя учили. Только хорошая и послушная — это очень разные понятия. Согни ноги в коленях.

Что? Он хочет... Маред замотала головой, боясь разомкнуть губы, вцепившись в простыню, комкая ее в пальцах.

Монтроз погладил ее грудь, приласкав соски, провел пальцами к самому низу живота. Снова склонившись, почти лежа на ней, тихо и нежно напомнил:

— Злишь, девочка. Сколько хочешь, сколько можешь. Дай себе волю.

Уверенно согнул и развел ее ноги, дернул Маред на себя, поднимая вверх и вперед, укладывая бедрами себе на колени. Прижался к входу в ее женское естество своим, горячим, твердым.

— Ну, говори!

Один толчок — и у Маред перехватило дыхание. Всякое неудобство ниже спины потерялось в ощущении пальцев лэрда, скользнувших по ее пылающей коже, а внутри стало горячо и наполненно.

— Ненавижу, — выдохнула Маред прямо ему в лицо. — Ненавижу... вас...

Еще один толчок, и медленно скольжение назад. И жесткие сильные пальцы держат ее за бедра, не давая уклониться, да уклоняться уже не хочется, потому что внутри разгорается пожар, и затушить его может только одно.

— Знаю, — так же нежно согласился Монтроз. — Говори.

— Тварь... мерзавец... скотина...

Узкие горячие губы — никакой мягкости и нежности — коснулись ее рта, приникли, влажный кончик языка провел по нижней губе Маред, словно пробуя на вкус, нырнул в полуоткрытый рот и вынырнул, дразня, мучая.

— Чтоб вас... самого... так...

— Какая забавная мысль. Я подумаю, но вряд ли...

Издевается, негодяй! Сволочь, скотина, Корсар!

Маред безнадежно всхлипнула, уронила ладони на чужое обжигающе знойное тело, вцепилась в плечи, подаваясь навстречу. Мотнула головой, ловя воздух и ритм движения, взмолилась:

— Ох, да скорее же!

— Обними меня.

Неужели он все-таки не железный? Вон, капли пота на висках, и губы дрожат, и глаза — яростный серебряный расплав. Обрадовавшись подсказке, Маред потянулась, обхватила приникшее к ней тело, глухо ахнула — Монтроз приподнял ее, стиснул пальцы на бедрах, направляя, и новый толчок внутри пришелся именно туда, куда следовало. И снова —

раскаленным удовольствием, жаркой сладостной истомой.

— Ненавижу... — всхлипнула она отчаянно, теряясь в ощущения, мыслях, чужих и своих вдохах...

Жгуче, остро, и с каждым разом острее, беспомощнее... Что-то она шептала, зло и отчаянно, наслаждаясь немыслимой свободой, что-то шептали ей. Этой злости хотелось еще и еще, как воды в жаркий день, она была живая, яркая, пьянящая. И когда стала совсем невыносимой, мешаясь с наслаждением, Маред почти потеряла сознание, судорожно извиваясь в крепких, до боли сжавших ее руках.

— Тише... Ну все... Маред... моя девочка...

Она пошевелилась, но не потому, что хотелось двигаться, а проверить — послушается ли тело. И сразу опять замерла, боясь потерять ощущение покоя, что обволокло её и пропитало насквозь.

— Ненавижу, — снова прошептала она из чистого упрямства, едва шевеля губами и не надеясь, что будет услышана, но лэрд, не просто обнявший ее, а приникший всем телом, лениво уронил единственное слово:

— Убедили.

Глупо, конечно. Глупо, пошло и... Мысли оборвались, никак не желая сворачивать на привычную тропу самопорицания. Слишком уютно и спокойно было лежать вот так, чувствуя блаженную пустоту в мыслях. Словно она очистилась изнутри, со словесной гадостью излив накопленную злость и страх. А ведь Монтроз прав, она боялась. Показать раздражение, выглядеть невоспитанной, глупой, никчемной. Копила все это в себе. Но... что теперь делать? Наговорив столько — и такого!

— Ваша светлость...

— Да?

Глаза Маред закрыла, но Монтроз ощущался всеми другими чувствами: жаркая мягкая тяжесть, запах, дыхание...

— Я... сказала...

— Да. Успокойся, девочка. Я помню, что ты сказала. Каждое слово. Ничего нового, ты уже это говорила. Или давала понять, какого мнения обо мне. Лучше скажи, как себя чувствуешь?

Не злится? Или ему все равно? Ох, да какая разница, нельзя же вечно просчитывать каждое слово и движения, боясь наказания! Но вот как ответить?

— Не знаю, — сказала она осторожно.

Самолюбие и остатки стыдливости мешали признать, что восхитительно, хотя каждая частичка блаженно нежащегося тела просто мурлыкала об этом, и Маред, подумав, с трудом выдавила:

— Хорошо...

— Боги, какой немыслимый прогресс правдивости! Только каждый раз выбивать ее из вас подобным способом несколько утомительно.

— Я вас не просила! — вспыхнула Маред, дернувшись из объятий, но Монтроз, хоть и тоже разомлевший, обладал тяжелой вязкой цепкостью огромного удава.

— Не просили, — согласился он, удобнее прижимая Маред и для верности закидывая на нее ногу. — Но напрашивались. Лежите, успеете еще принять гордую позу. Во всех смыслах...

— Да ну вас, — буркнула обнаглевшая Маред. — Мне нужно в ванную.

Бедра и промежность были скользкими, да и надо же посмотреть, что у нее там сзади...

— В ванную или в уборную? — так же лениво уточнил лэрд. — Если только первое, то на столике салфетки, пропитанные лосьоном. Я знаю, что вы аккуратистка, Маред, но после такого не грех побыть в постели.

Он снова был прав. Стоило приподняться, как тут же захотелось лечь обратно. И не вылезать до утра. Нежиться, подставляться под ленивые, такие же расслабленные ласки...

Маред честно постаралась содрогнуться от подобной аморальности, но что-то изменилось. Та Чернильная Мышь, которая готова была в слезах вырываться из спальни лэрда, куда-то исчезла. Да, это было неправильно. Гадко, безнравственно, а стоило вспомнить шлепки — еще и стыдно до изнеможения. Только вот лэрд стряпчий, которому она наговорила такого, первым делом спросил, как Маред себя чувствует. Выходит, ему не все равно?

— Подайте салфетки, пожалуйста, — вздохнула она, смиряясь.

А выспаться надо. Завтра сложный день: проект, разговор с тье Эстер, встреча с Чисхолмом. Вот о последнем сейчас и вовсе думать не хочется.

— Лежите, — сказал Монтроз, протянув руку к столику. — Я сам.

Без всякого стеснения обтер ее влажную грудь и живот ароматной тканью, потянулся к бедрам, но тут уж Маред не вытерпела, выхватив у него салфетку.

На столике смущенно звякнул фониль, потом снова, набирая громкость. Монтроз, поморщившись, взял аппаратик. Сел на кровати, выслушал что-то и очень спокойно — Маред уже знала это пугающее спокойствие — сказал:

— Да, разумеется. Сейчас приеду. Я очень благодарен вам, тьен АрМоаль. Позвольте адрес?

Дослушав, выключил фониль, поднялся, накинув халат, у самой двери обернулся к Маред. Так же тихо и спокойно сказал ей, настороженно замершей:

— Прости, девочка, мне придется уехать. Видимо, на всю ночь. Ты можешь идти к себе, а можешь остаться здесь. Без меня выспишься лучше.

Вот и все. Глупо обижаться. Видно же, что дело серьезное и неприятное, судя по застывшему лицу лэрда. Маред и не стала. Просто ускользнула к себе, пока Монтроз был в ванной. Села на кровати, ожидая звука отъезжающего мобилера, комкая в пальцах уже ненужную салфетку. Лучше тоже пойти в ванную. Смыть следы и запах, словно ничего не было, попробовать смыть и память, только она куда упрямее. И подумать, что же завтра сказать тьену Чисхолму.

* * *

Венсан АрМоаль, на четверть эльф из дома Терновника, а на остальные три четверти франк, ресторатор, камерограф и в высшей степени подозрительная личность, снимал небольшой коттедж в районе Грин-Хилл у набережной. Отличное место, и далеко не всякому по карману. Оставив кучера с экипажем ждать у ворот, Алекс прошел по дорожке к дому и был встречен хозяином. Внутри было по-ночному тихо и как-то очень пусто.

— Я держу только приходящую прислугу, — как бы ненароком заметил АрМоаль. — Не люблю чужих людей в доме. Прошу в гостиную.

Алекс, мельком заглянувший в полуприкрытую дверь, увидел почти пустой зал,

освещенный астероновой лампой. Задрапированные светлой тканью стены, какие-то треножки, прозрачный экран то ли из промасленной бумаги, то ли из мутного стекла...

— Нет, это рабочая комната, улыбнулся хозяин. — Студио, как говорят итальянцы. Нам сюда.

Гостиная оказалась гораздо меньше «студио», и, войдя, Алекс невольно поморщился. В воздухе стоял густой запах алкоголя и духов. Очень знакомых духов. Флория лежала на софе, укрытая легким покрывалом, и Алекс невольно задался вопросом, в порядке ли у нее платье. Неважно, впрочем. И так достаточно. Глядя на слипшиеся волосы, тоже, кажется, в бренди, и лицо с потеками косметики, он с трудом сдерживал злость и стыд. Сейчас Флория выглядела лет на десять-пятнадцать старше, причем очень нелегкие лет десять. Довести себя до такого состояния всего за сутки! Ллир Темный...

— Еще раз примите мою благодарность и прошу прощения за неудобство, — поклонился Алекс. — Право, мне очень жаль.

— Совершенные пустяки, милэрд. Она уснула часа два назад. Я бы не рекомендовал сейчас ее будить, иначе дорога для вас обоих окажется нелегкой. Не хотите ли выпить чаю? А девушка пусть еще немного поспит.

АрМоаль, мерзавец, был учтив и безмятежно-спокоен, слово подобрать чужую фаворитку в непотребном состоянии и вызвать ее покровителя — самое естественное дело.

— Не хотелось бы вас затруднять, — мрачно отозвался Алекс, чувствуя себя препаршиво. — Время позднее...

Он взглянул на карманные часы — три ночи. Самое время пить чай, что и говорить.

АрМоаль пожал плечами. Он был одет по-домашнему, но не в халат, а в свободные брюки и яркую шетландскую рубашу. Красно-синяя клетка шла франку просто до неприличия, подчеркивая эффектную смуглость кожи и смоль волос. В ухе поблескивала золотая серьга. Камерограф эксцентричен, однако.

— Я полуночник, — блеснул он улыбкой. — Все равно еще буду работать. Ночь — дивное время для вдохновения. Не отказывайтесь, прошу. Будет не слишком неучтиво, если мы сядем не в гостиной?

Что ж, кажется, он приглашал гостя не только из вежливости. Значит, к чаю особым угощением станет разговор?

— Где вы ее нашли? — хмуро поинтересовался Алекс, следуя за гостеприимным хозяином.

— Возле «Кантри-клаба». Я снимал ночной Темез, там очень красиво отражаются огни набережной. А тьeda Бёрнс сидела на скамейке. Ей было... нехорошо.

— Понимаю, — с трудом улыбнулся Алекс, оглядываясь вокруг.

Комната, куда его привел АрМоаль, была так же эксцентрична, как ее хозяин. Похоже, перегородку между кухней и столовой снесли, превратив две комнаты в одну. Стена, у которой располагалась плита, была выложена старым кирпичом, а сама плита оказалась древней, чугунной, хоть и явно с астероновым нагревателем. Остальные стены лишились обоев, но по светлой штукатурке вилась роспись: плющ, из которого выглядывали мордашки малышей-малышей-писки. Присмотревшись, Алекс понял, что удививший его изумительной точностью изображения плющ — местами живой. К нарисованным ветвям тянулись плети, растущие из крупных глиняных горшков в углах комнаты. Светлый паркет, кремовый потолок, большие окна, занавешенные легкой тканью... Это место отделывали с любовью и странным, но несомненным вкусом. Пожалуй, Алекс и сам нанял бы такого декоратора.

— Нравится? — поинтересовался франк, заметив его интерес. — Признаюсь, я очень эгоистичен в вопросах устройства быта. Могу жить только там, где устрою все по собственному усмотрению. Присаживайтесь, — указал он на низкий круглый стол с тремя низкими же креслами. — Какой чай предпочитаете? Хинди? Чайна? У меня дюжина сортов — для разного настроения.

— Тогда на ваше усмотрение, — покорно согласился Алекс. — Я не знаток.

Кивнув, АрМоаль встал к плите и принялся священнодействовать.

— Тогда «Черный дракон» из Чайны, — сообщил он. — Крупная скрутка и долгая выдержка — прекрасно для беседы. Так вот... Я хотел отвезти тьеду домой, но она не назвала адрес, а оставить ее там... Темный час был уже достаточно близко, да и кроме него на ночных улицах хватает опасностей. И тут я вспомнил, что видел эту девушку в вашем клубе.

В чьем клубе? Оговорка? Отрицать или пропустить мимо ушей?

— В «Бархате»? — спокойно уточнил Алекс. — Да, я там часто бываю. Вы видели Флорию со мной?

А действительно, почему франк позвонил именно Алексу? Если Флория не смогла назвать собственный адрес, то неужели сказала номер? Или АрМоаль проверил ее фонишь? Некрасиво, но в данных обстоятельствах простительно.

Камергораф, больше похожий на пирата времен Великих Походов, старательно и красиво заваривал чай, скрупулезно следуя какому-то ритуалу. Хотя Алекс сейчас с удовольствием глотнул бы и обычного. За неимением ликера даже просто с сахаром.

— Нет, мне подсказала госпожа Ресколь, которой я позвонил.

Анриетта? Еще хуже... Что ж, все верно, ее номер у франка есть.

— Так сама Флория ничего не говорила? — поинтересовался Алекс, принимая белую чашку с темно-коричневой жидкостью подозрительного вида и невольно оглядывая стол.

— Про вас? Ничего. Ищете сахар? Этот сорт обычно пьют несладким. Но вы попробуйте, а я поищу сахар — он определенно где-то был.

Алекс не без опаски пригубил результат кухонной ворожбы франка, медленно попробовал. Станный вкус... Какой-то... древесный? Но кроме того явно чувствуются цветочные нотки. Душистый дым... что-то еще... Пожалуй, сахар и впрямь лишний — не даст почувствовать оттенки вкуса в полной мере. А вкус того стоит.

АрМоаль, услышав это, радостно улыбнулся, словно Алекс сделал комплимент лично ему, и вернул на место извлеченную из шкафа сахарницу. Вел он себя непринужденно и даже по-дружески, нимало не смущаясь краткостью их делового знакомства.

Алекс отпил еще диковинного чая, понимая, что слишком устал для злости. Да и на кого злиться? На Флорию — бессмысленно, с ней разговор будет потом, а поведение франка заслуживает только благодарности. Но вот что делать с чутьем, которое с упрямством баньши воет, что франк опасен? Слишком много вокруг него неясностей, слишком некстати он появляется рядом. Или, наоборот, кстати. Вот как сегодня.

— Очень вкусно, — подтвердил он, привыкая к необычному букету и окончательно распробовав его прелесть. — Вы изумительно готовите чай.

— Благодарю. Недавно увлекся, — отозвался АрМоаль, наливая чашку себе и садясь напротив Алекса. — Знаете, ваша светлость, у меня ведь к вам небольшое дело. Так что мы очень удачно увиделись.

— Можно просто Александр, я предпочитаю без церемоний. Если вы не против.

Пират-камерограф сообщил, что считает предложение честью, и перешел на имя так непринужденно, словно знал Алекса уже давно. Разумеется, оставшись на вы. Что касается дела... Его снова интересовал «Бархат», но на сей раз как камерографа. АрМоаль задумал сделать серию художественных снимков и теперь искал подходящие модели. Сложность была в том, что камерографии предполагались чувственные до грани пристойности. И, возможно, за этой гранью. Поэтому обычные модели франку не подходили.

Алекс задумался, медленно, по глоточку попивая окончательно распробованный чай. Снимки, значит. А затем выставка... Что ж, «Бархат» совершенно не нуждался в рекламе, но Анри задумала расширяться, и вот здесь реклама будет как раз к месту. Если бы предложение исходило не от франка, за него стоило бы хвататься изо всех сил, но Венсан АрМоаль вызывал у Алекса доверия не больше, чем обещающий исполнить желание лепрекон. Всем известно, что это путь к неприятностям.

— А кто именно вас интересуется? — спросил он, припомнив, кстати, слова Незабудки. — Флория нечто такое упоминала...

— Боюсь, что не она, — извиняющимся тоном сказал АрМоаль, крутя в пальцах опустевшую чашку из белоснежного фарфора с красными иероглифами. — Я к ней присматривался, но нет. Простите, Александр, она без сомнения красива, но тьеду Флорию не любит камера.

— Камера? — всерьез удивился Алекс. — Но она отлично выходит на камерографиях. Я сам видел в журналах.

— Это совсем другое, — покачал головой франк. — Я же говорю, она красива. И обычные снимки это передают. Но камера ничего не видит в ней внутри, понимаете? Эффектной внешности мало, многие великие актрисы были дурнушками. Камера, как и сцена, извлекает на свет внутреннюю суть человека, его талант и душу. А внутренний огонь либо есть, либо его нет.

Венсан говорил сожалеюще, и Алекс кивнул, действительно понимая. Не зря же он в свое время с первого взгляда увлекся Анри, больной и измученной? В ней сиял внутренний огонь, как и в Маред Уинни. А Флория... Неужели она действительно всего лишь красивая кукла?

Думать о ней так не хотелось и казалось несправедливым. Незабудка хороша по-своему. А франку в его ремесле виднее, кого снимать.

— Тогда о ком речь?

Чай незаметно закончился, и АрМоаль, в это время снова наполнивший чайник кипятком, подлил Алексу еще порцию — более светлую, чем первая.

— Попробуйте теперь. «Черный дракон» заваривают несколько раз, и вкус всегда отличается, раскрываясь постепенно.

Алекс, очень сомневаясь в ценности второго заваривания, из вежливости пригубил и понял, что из данного правила есть исключения. Действительно, «Дракон» стал еще лучше. Мягче, богаче...

— Я разговаривал с тье Шэннон апДилвери, — сообщил франк, зорко следя, как Алекс пьет, и удовлетворенно кивая. — У нее очень интересная внешность. И присмотрел еще пару моделей. Эмбер... помните, рыженькая такая... Ник Абсент...

Эмбер и Ника по прозвищу Абсент Алекс, конечно, помнил. И не мог не признать, что глаз у франка верный — оба были отчаянно хороши. Хотя и не отличались классической красотой.

— И тье Ресколь, — невозможно закончил пират.

— Анриетта? Она согласилась?

Алекс едва не выдал себя, оставалось надеяться, что АрМоаль не осведомлен об их истинных отношениях, а фамильярность примет за следствие длительного делового знакомства. Или хотя бы дружеского.

— Пока еще нет, — безмятежно ответил франк. — Но я не теряю надежды и рассчитывал, что вы поможете ее уговорить. Конечно, степень откровенности на усмотрение самой тье Ресколь, но она могла бы стать жемчужиной выставки. Огромная редкость, когда такая внешность сочетается с таким талантом.

— Понимаю, — ответил Алекс как мог бесстрастно. — Но тье Ресколь сама может решать, хочет ли у вас сниматься. Я, уж извините, вмешиваться не буду. Да и влияния особого на нее не имею.

— В самом деле? А я думал...

Алекс насторожился, внешне оставаясь расслабленным, как и должен был бы. Двое уважаемых людей, объединенных общими интересами и только что оказанной услугой, разговаривают об этих самых интересах. Корсар и... еще один пират. К чему нервничать? Только вот не напрасно ему в «Азимуте» показалось, что интерес франкак Анри вышел за рамки делового. И это теперь тоже следует учитывать. Конечно, при образе жизни Анри некоторая вольность в камерографиях вреда ей не нанесет. Танцовщиц и так никто не считает порядочными женщинами. Но...

— И что вы думали? — с интересом спросил он у Венсана, ответившего таким же невинным взглядом.

— О, ничего такого! Видимо, тье Флория ошиблась. Она упомянула, что вы достаточно... близкие друзья.

Проклятье. Незабудка. Пьяная Незабудка, наверняка выложившая участливому спасителю все, что знала. А тот, столь же наверняка, знал, о чем спрашивать. Да, сегодняшняя выходка Флории может дорого обойтись. Если франк действительно враг, то умный и опасный.

Алекс медленно допил чай, поставил чашку и бесстрастно пожал плечами.

— Не стоит придавать значение болтовне Флории — она редкая сплетница. Анриетта Ресколь — мой давний друг и партнер в делах, но именно поэтому я не стану советовать ей, как поступить.

А если ей придет в голову согласиться на твои услуги — постараюсь отговорить.

Вслух это не прозвучало, но АрМоаль отнюдь не был глупцом. Он кивнул, принимая как данность и ответ Алекса, и то, что стояло за ним. Заметил только:

— Рад, что вам понравился чай.

— Очень понравился, — с чувством сказал Алекс, поднимаясь. — Полагаю, я тоже стану поклонником этого сорта. А сейчас не смею злоупотреблять гостеприимством. Примите еще раз мою благодарность за помощь.

Потом, уезжая домой в обнимку с Флорией, которая не проснулась даже вынесенная из дома на руках, он перебирал разговор и снова мучительно думал, кого ему напоминает Венсан АрМоаль. Алекс был уверен, что не встречал его раньше, но в облике франка, его смуглой коже и голубых глазах, виделось что-то удивительно знакомое.

Глава 14. О цене свободы

— Тье Уинни! Маред!

Эвелин звала уже тревожно, и Маред, с трудом выплыв из тяжелого сна, накинула халат, прошла босиком к двери и открыла, сонно хлопая глазами.

— Извините... Я нечаянно вчера прикрыла на задвижку...

— Ничего страшного, — улыбнулась экономка. — У вас прекрасный молодой сон, можно только позавидовать. Горничная сейчас подойдет, чтобы причесать вас, и завтрак уже готов. Его светлость в Лундене, поэтому вас отвезет кучер.

Значит, лэрд, оставшись ночевать в городе, прислал экипаж в поместье, чтобы она могла утром им воспользоваться? Маред тряхнула головой, сбрасывая остатки сонливости, и бегом кинулась в ванную. Как же хорошо, что не нужно самой затягивать корсет и укладывать волосы — она вечно не знала, что делать с этой пышной мягкой массой, норовящей рассыпаться под шпильками. Потому и затягивала их потуже.

Но Монтроз! Вот зачем ему коттедж в таком районе, если лэрд приезжает сюда лишь переночевать, да и то постоянно возвращается в столицу по срочным вызовам? И какие вызовы ночью могут быть у владельца юридического дома, который давно выбирает себе дела не по необходимости, а по желанию? Он ведь не врач, в самом-то деле. И не чей-то личный стряпчий.

А впрочем, мало ли какие дела у лэрда Корсара и его окружения? Чем чаще он ночует вдали от Маред, тем ей спокойнее.

В экипаже, тщательно расправив платье, чтобы не помялось, Маред клятвенно пообещала себе, что как можно быстрее купит еще одно. Жалованье, кстати, уже скоро. И если ей заплатят даже за те дни, которые она пролежала в клинике, выйдет немногим меньше, чем за обычную ее работу. Или не меньше? Что гадать — вот получит и увидит.

Да и понадобится ли ей еще одно такое платье? Тьен Чисхолм звал ее не для того, чтобы попить кофе. Сегодня он наверняка скажет, чего хочет, и начнутся неприятности.

Пытаясь отвлечься, Маред отпустила кучера и торопливо добралась до «Корсара». Сразу четверо старших стряпчих, включая тье Эстер и Жаклин Форс, уехали на слушание дела в суд, и сегодня работы по договору с франками не предвиделось. Поэтому Маред разложила документы, выданные тье Эстер, пытаясь определить, с чего начинать.

Взяв карандаш, она заставила себя вчитаться в первую бумагу, сбилась, разозлилась сама на себя. В голову лезло все, что угодно: вчерашние слова Монтроза про злость, сегодняшняя встреча — только не документы, с которыми следовало работать здесь и сейчас.

А ведь она всегда гордилась, что умеет заниматься делом всегда. Больной, голодной, уставшей... Сначала учеба и заработок — потом все остальное. Оказывается, тревожные мысли отбросить в сторону труднее, чем физическое неудобство.

Отдел кипел обычной жизнью. Рядом кто-то вежливо кашлянул, Маред подняла взгляд от бумаг и увидела мрачного Финлисона.

— Тье Эстер распорядилась, что я должен вам помогать, — сдержанно сообщил тот.

Помощь? Благослови, Бригитта, почтенную начальницу! Маред пару мгновений осознавала неожиданное счастье, затем выпалила:

— Великолепно! Прошу вас, тьен Финлисон, возьмите документы «Снорри» и сделайте

выписку по их налоговым декларациям за последние три года. Сначала ежемесячную, потом по годам. Объедините в одну таблицу и как можно скорее принесите мне. Буду очень вам благодарна!

Поклонившись, Финлисон ушел с папкой, а Маред подтянула к себе вторую. Через пару-тройку часов бумаги уже крутились перед ее внутренним взором каруселью, нахально подмигивая окошками таблиц и растягиваясь гигантскими бумажными змеями. Откинувшись на спинку стула, Маред потерла уставшие глаза, посмотрела на часы. Финлисону давно следовало вернуться. Вот-вот обед, а у него работы было на полчаса.

Неловко поднявшись со стула — даже тело затекло — Маред прошла в соседний отдел, подошла к сидящему у окна Финлисону. При ее приближении тот накрыл каким-то документом лежащий на столе журнал. Маред только успела увидеть яркую камерографию лошади и слово «скачки» в заголовке.

— Вы сделали таблицу, тьен?

— О да, почти. Осталось совсем немного. Я непременно доделаю после обеда. С вашего позволения, милая тье.

Финлисон глянул на карманные часы, сунул их в щегольской жилет и, встав, прошел мимо Маред. Вот ведь помощник... Она с тоской вспомнила о Макмиллане. Тот терпеть не мог экономическое право, но выполнял все порученное в срок и без нареканий. Как легко и просто было бы работать с ним. А что делать с Финлисоном?

«Пока — ничего, — подсказал внутренний голос. — У тебя есть более важные дела, если забыла».

Да уж, по сравнению с Чисхолмом тьен Финлисон — мелкая неприятность.

Вокруг уже все собирались на обед, и Маред выскользнула тоже, но у входа в кофейню свернула на улицу. Как глупо и противно. Когда она пила кофе с Макмилланом, в голову не приходило прятаться или бояться объяснений, а теперь так и кажется, что в спину уставились любопытные взгляды!

Темно-серый мобилер неизвестной Маред марки и вправду ждал на бульваре именно ее. Плечистый водитель вежливо открыл перед ней дверцу салона. Маред послушно подошла и села на заднее сиденье рядом с приветливо улыбающимся тьеном Чисхолмом. Водитель закрыл дверцу, вернулся на свое место, и мобилер тронулся.

— Кажется, милая тье, у вас дурное настроение? — с отвратительной ласковой бодростью поинтересовался Чисхолм. — Понимаю, нелегко приходится. Ничего, осталось совсем чуть-чуть.

Протянув руку, он щелкнул кнопкой на дверце, и между водительским сиденьем и салоном вдруг опустилась из потолка черная шторка из непонятного материала. Засветилась тускло и погасла, только отдельные искры продолжали бегать по ее поверхности.

— Для конфиденциальности, — так же мягко пояснил Чисхолм.

Магия... Маред впервые видела так близко применение магического артефакта, но никакого восторга не испытывала. И даже облегчения, что хотя бы водитель не услышит их разговор, — тоже. Понятно ведь, что собеседник защищает свою репутацию.

— Что вам нужно? — спросила она угрюмо, глядя на черную шторку со звездочками-искрами.

— А как же обед? — с той же безмятежной веселостью напомнил тьен Чисхолм. — В ресторацию не поедем? Я-то о вас беспокоюсь, милая.

— Что вам нужно? — с тихой яростью повторила Маред.

— Ну, не поедем, так не поедем.

Наклонившись вперед, он тронул еще одну кнопку на перегородке и велел в открывшуюся щель:

— Майкл, покатай нас по бульварам.

Закрыв переговорное устройство, снова повернулся к Маред, источая приветливость:

— Значит, сразу к делу? Ну, вот и хорошо. Раньше договоримся — раньше освободитесь. Вам ведь самой уже не терпится, понимаю.

Он сделал паузу, ожидая то ли подтверждения, то ли еще чего-то, но Маред упорно молчала. Как там говорил лэрд Монтроз? Пусть собеседник скажет все, что хочет, — выслушай, не перебивая. Похоже, плохих советов королевский стряпчий не давал.

— Да... так вот... — продолжил Чисхолм, кинув на нее быстрый взгляд. — Просьбочка к вам будет, милая тье, самая простая. Вы ведь живете в Мэйд Вэл почти постоянно?

— Да.

— А лэрд ведь частенько в Лундене ночует?

— Да, — снова подтвердила Маред, рассудив, что это не секрет, Монтроза наверняка видят в столице.

— Чудненько. И что вы изволите вечерами делать, когда его нет? Читаете, наверное? У него, говорят, библиотека дивная.

— Послушайте, — не вытерпела Маред, — да говорите вы уже, что вам нужно! Что вы тянете боуги за хвост?

Чисхолм заулыбался, словно этого и ждал.

— Ах, молодость, все-то вам не терпится. Скажите, милая, а работать вам в его доме случается? По вашим делам, юридическим. Ну, бумаги там посмотреть вечером, документы... Вы ведь в его конторе на хорошем счету. Мы о ваших успехах наслышаны. Его светлость, говорят, лучшего сотрудника не пожалел, уволил ради вас.

— Не ради меня, а ради репутации конторы, — огрызнулась Маред. — А он тоже... ваш?

— Нет, что вы, — сожалеюще вздохнул Чисхолм. — Просто Лунден тесен. Слухи, дорогая Маред, слухи... Молодой человек, конечно, с вами нехорошо обошелся, да только и его тоже жаль. Семья, ребенок, а жена, говорят, в ожидании второго. Вот и влез в долги, бедняга, запутался. А тут протеже самого хозяина так явно его подсиживает...

— Перестаньте! Я его не подсиживала. И при чем тут протекция? Он же не мог знать...

— Так слухи! — развел пухлыми руками Чисхолм. — Они, проклятые. Вы думаете, дорогая, Корсар вашу маленькую тайну так уж свято бережет? Он вас на стажировку-то взял отдельно, мимо обычного набора. И дела ваши у него на особом контроле. В городе вас видели, опять же. Мелочь к мелочи складывается, милая моя.

— Хватит, — глухо сказала Маред, сцепляя пальцы на колене, чтоб не дрожали. — Я поняла...

— А вы не расстраивайтесь, — мягко сказал Чисхолм, участливо трогая ее за локоть и тут же убирая руку. — Никто пока ни о чем плохом не думает, мало ли какие у кого связи. Может, вы чья-то родственница или вовсе внебрачная дочь, к примеру. А что, всякое в жизни бывает. Признать-то вас человек не может, а вот протекцию оказать да пристроить на хорошее место — позаботился. Ну, это, конечно, для тех, кто не знает о вкусах лэрда Корсара. Ничего, Маред, ничего. Скоро у сплетников другие интересы появятся. Вот как пойдет кораблик лэрда на дно, так всем и станет ясно, что вы к нему отношения не имели. А

мы-то своих людей не бросаем, вам судьба Даффи не грозит...

— Хватит, — безнадежно попросила Маред, отчаявшись выпутаться из этой липкой словесной паутины. — Что вам нужно?

— Так сущий пустячок, — словно удивился ее непонятливости Чисхолм. — Забудьте вычислитель на работе и скажите его светлости, что вам нужно срочно документ какой-то сделать. Пусть он за свой вас посадит, что в библиотеке стоит. Посидите, сделайте бумажку... Не будет ведь лэрд за плечом у вас стоять? В его хранилище вы не полезете, оно защищено, да вам и нужды нет. Просто суньте в вычислитель этот ключ-камешек.

На колени Маред упал, как в дурном повторяющемся сне, белый ключ-камень с синим корабликом, точно такой, как и все в конторе.

— И не бойтесь, если даже лэрд заинтересуется, ничего такого на нем нет. Смело открывайте и работайте. У вас ведь и у самой точно такой, верно? Только пусть камешек в гнезде постоит с полчаса. А потом заберете его спокойненько, и на этом ваше дело закончено. Нам — ключ-камень, вам — свобода. Можете хоть в тот же день домой возвращаться. Так, мол, и так, хватит с меня...

— А Монтроз? — тихо спросила Маред, вспоминая другой ключ-камень, украденный Даффи.

— А что Монтроз? Он вам ничего не сделает. Ему не до вас будет. А вы через месяцок приходите снова в «Корсар» устраиваться. Место вас подождет, даже не сомневайтесь. Можете на море съездить, пока все образуется. Отдохнуть душой и телом, смыть с себя все это... Средства мы вам предоставим...

Голос успокаивающе журчал, плел, опутывал. Маред покорно взяла еще теплый от чужих рук ключ-камень, глубоко вздохнула...

— Вы только не тяните, милая тьена, — попросил мягкий, как растаявшее сливочное масло, голос. — Чем быстрее, тем лучше. Вам ведь самой там лишний день быть не хочется, не говоря уж о ночи.

О ночи, да. Такой, например, как прошлая. Маред вздрогнула, ее снова окатило стыдом и страхом перед болью, но этот страх неожиданно отрезвил. Значит, просто сунуть ключ-камень на полчаса в вычислитель Монтроза? И все! Можно уйти из особняка, бросить работу... Уехать к морю и переждать на теплом песочке крах лэрда королевского стряпчего, а потом вернуться к новому владельцу. Да это просто мечта! И, главное, не придется делить постель с лэрдом, терпеть его поцелуи, прикосновения, слова... Даже получится себя убедить, что у нее просто не было другого выхода. Получится ведь? Обязательно!

Ключ-камень больно врезался в руку — она слишком стиснула его в ладони. Маред разжала пальцы, позволив белому кусочку металла снова упасть на ее колени.

Как там говорил Корсар? Злись, кричи, только не ври самой себе. Кричать и вправду хотелось. Изнутри поднималась дурная горячая злость, слепя и заставляя забыть о том, что нужно быть милой послушной девочкой. Еще пару дней назад Маред обязательно загнала бы ее внутрь, а потом страдала и мучилась, но вчера она получила слишком хороший урок. Может, и не тот, на который рассчитывал лэрд, но доходчивый.

На мгновение Маред будто глянула на себя со стороны. Она сидит рядом с человеком, который хочет использовать провинциальную дурочку, а потом вышвырнуть за ненадобностью. Хозяева Чисхолма станут ее презирать за то, на что сами и толкнули. Ей дадут работу? Не бывает работников настолько ценных, чтобы простить предательство — спасибо милэрду Монтрозу еще за один урок.

И даже не в этом дело. Как она сама потом будет жить, зная, что погубила человека, не ожидавшего от нее подлости? Чем она тогда лучше Кормака Даффи? Месть? Да какая, к баргесту, месть? Она сама виновата во всем, что с ней случилось. Ее глупость, трусость и слабость!

— Знаете, тьен Чисхолм, — сказала она, стараясь говорить спокойно, хотя внутри звенела тугая, до предела натянутая струна. — Пожалуй, я проживу и без «Корсара». Без конторы, я имею в виду. Слишком дорого мне обойдется место в ней. И не стоит пугать меня камерографиями. Вам известно, что я сирота и вдова. В этом мире нет ни одного человека, которому мой позор причинит боль.

— Не считая вас, — вкрадчиво заметил Чисхолм.

— Не считая меня, — подтвердила Маред. — Но если вы их опубликуете, я обвиню вас. Скажу, что меня похитили, напоили наркотиками, угрожали и насиловали, чтобы принудить к контракту с лэрдом.

— Не забывайте, милая, существует экспертиза Паучьей службы. Уж вранье они определяют легко.

— Не всегда... — выдохнула Маред. — Если вы отнимете у меня карьеру и репутацию, вы отнимете у меня все, ради чего я живу. И зачем мне тогда жить, а? Если разразится скандал, Бригиттой клянусь, я покончу с собой. Но не молча, а с посмертным письмом, что ухожу из-за позора и домогательств. Не Монтроза, а ваших, тьен. Паучья служба могла бы обвинить во вранье живую Маред Уинни, но мертвой им придется поверить на слово. И начать расследование.

— Не побоитесь? — с великолепным хладнокровием, но нехорошим прищуром спросил Чисхолм. — Такими обещаниями не бросаются. Особенно в вашем нынешнем положении.

— А вы не боитесь, что такое письмо уже есть? — заявила Маред, ужасаясь собственному безумному блефу. — И если я не вернусь с этого обеда, меня начнут искать...

Сейчас она жалела только об одном. Что месяц назад была совсем другой. Что та Маред, Чернильная Мышь, не была столь яростной и наглой, как хотя бы эти несколько минут. Нет, внутри она не настолько изменилась. По-прежнему страх публичного позора окатывал ее кипятком, заставляя сжиматься от еще не случившейся боли. Но так же, как вчера она кричала Монтрозу, что ненавидит его, так сегодня слова сами слетали с губ, словно их кто-то подсказывал, Маред только боялась, что это восхитительное и жуткое ощущение закончится раньше, чем она выйдет из проклятого мобилера и разрыдается.

— Вот как, значит, — задумчиво протянул Чисхолм, окончательно сбрасывая маску добрячка. — Не пожалеть бы вам.

— Обязательно пожалею, — с той же сумасшедшей веселостью подтвердила Маред. — В любом случае — это я уже поняла. Но вот вопрос — о чем больше? Хотите меня убедить, что лэрд Монтроз не поймет, кто его предал? Я тогда от него не то что на курорте, на задворках Чайны не спрячусь. А вам я уже буду не нужна.

— Глупая вы девочка, тье Уинни, — вздохнул Чисхолм, ерзая на сиденье. — И что же, побежите о нашем разговоре докладывать его светлости?

— Не побегу, — старательно улыбнулась Маред, чувствуя, как сводит губы близкая истерика. — То, что я вам сказала, это на самый крайний случай. Мне еще пожить хочется. Просто забудьте обо мне и враждуйте с Монтрозом сами. А я скажу ему, что разрываю контракт и ухожу. Хочет — пусть оставляет в конторе, не хочет — обойдусь.

— Зубки показываете, — понимающе кивнул Чисхолм. — Ну-ну... А может, вам и не

уходить от него, милочка? Похоже, вы легко приспособились.

— А это уже не ваше дело! Велите, чтобы меня высадили. И не звоните мне больше. Тогда и я ничего не скажу Монтрозу о вас. Вам это только на руку, полагаю.

— Ну-ну... — снова протянул Чисхолм.

Щелкнул задвижкой переговорника и попросил спокойно, будто в противовес едва держащейся на грани срыва Маред.

— Майкл, езжай побыстрее обратно. А то у нашей гостьи вот-вот закончится перерыв.

В полной тишине они доехали почти до здания «Корсара». Чисхолм даже молчал как-то мирно, а Маред боялась открыть рот.

— Хотите добрый совет, милая тье? — заговорил Чисхолм, когда Маред уже придерживала юбку, чтобы выйти. — Не торопитесь с решениями. Будем считать, что этого разговора не было. А денька через два-три вы свое мнение пересмотрите, я уверен. Просто не торопитесь.

Темно-серый мобилер почти бесшумно отплыл от тротуара. Маред глубоко вдохнула в полном изнеможении, вытерла влажный лоб. В висках колотились звонкие молоточки, во рту пересохло. Мысли скакали пустые, бессвязные... Она с трудом сосредоточилась, привычно сцепив пальцы перед собой. Бригитта справедливая... Она это сделала! Сорвалась с крючка, как бьющаяся изо всех сил рыба. Ложью и отчаянным блефом, но убедила Чисхолма, что тот не получит желаемого, даже применив камерографии. И никто теперь не заставит ее вернуться к Монтрозу!

Впрочем, еще нужно сказать ему об этом. Вещи забрать... Но это такие пустяки!

Маред задрала голову, пьяная от счастья, посмотрела в блекло-голубое пасмурное небо над крышами. Больше никогда и никому она не позволит себя испугать. И делать что-то по чужой указке не будет. Чернильная Мышь навсегда осталась в прошлом, а Белая Ворона научится летать сама по себе.

* * *

Сначала Алекс собирался отвезти Флорию к ней домой, но, подумав, отказался от этой мысли. Оставшись одна, Незабудка могла снова отправиться на поиски развлечений, а провести у нее ночь не хотелось ему самому. Поэтому он привез ее в собственные апартаменты, не без труда убедив подняться по лестнице.

— В-в-ваша све-етлость... Ну, А-а-а-алекс...

Покладистости Незабудки хватило ровно до кровати, на которую она попыталась взобраться, не снимая туфель, но запуталась каблуком и едва не упала на пол.

Помянув баргеста, Алекс стащил с нее туфли и чулки, расшнуровал платье и корсет. Оставшись в одном нижнем белье, Флория покорно улеглась, что-то бормоча про вечеринку, где она будет королевой. Алекс брезгливо собрал резко пахнущий ком одежды, вышвырнул его в ванную комнату. Взамен принес оттуда и поставил рядом с кроватью таз, прикрутив астероновый ночник так, что тот слегка рассеивал полумрак.

Последний раз он был здесь с Бреслином, а до этого только на вечеринке по случаю дня рождения. Той, на которую пришла Маред Уинни. Как же глупо и мерзко вышло тогда. И уже ничего не исправить сожалениями. Вот любопытно, сейчас Маред на него обижена или, напротив, рада, что Алекс уехал? Скорее второе.

Он взял из спальни подушку и плед, бросил их на диван в гостиной и задумался, не махнуть ли рюмку коньяку. Нет, пить не хотелось. Только спать, но не одному, а обязательно с чьим-то теплым ровным дыханием рядом. Так, чтобы в любой момент можно было протянуть руку и погладить смуглое гладкое плечико, прислушиваясь, как изменится дыхание.

А завтра Кэролайн будет недоумевать, куда подевался хозяин, потому что уехать с утра на работу не получится. Впрочем, уже сегодня. Раздеваясь и ложась, Алекс посмотрел на фониля — да, скоро утро. Ну и к Ллиру! За один день контора под землю не провалится, а если случится нечто совсем уж чрезвычайное — его вызовут. Благослови Луг изобретателя фониля...

Он проспал часов до девяти, чего не случалось уже давно. Встав, неторопливо принял душ, заварил себе чаю и выпил его. Потом зашел в спальню и с минуту вглядывался в спящую Флорию. Разводы краски по отежнему лицу, грязно-белые слипшиеся пряди волос, полуоткрытый рот...

Поморщившись, Алекс открыл окно. Ночью Флорию не тошнило, все равно запах в комнате стоял гнусный.

— Милэрд...

Пока он возился со шторой, Незабудка проснулась и села в постели, глядя на него с ужасом.

— Доброе утро, Флория, — приветливо сказал Алекс, опускаясь в кресло у окна. — Встать можешь? Тогда умывайся, дорогая, а потом поговорим.

Незабудка медленно поднесла к лицу ладони, мазнула ими по щекам, посмотрела на испачканные пальцы, затем на Алекса. С трудом выпутавшись из простыни, вскочила и кинулась из гостиной.

Что ж, он правильно он сделал, что не стал умывать Флорию ни в доме АрМоаля, ни здесь. Если он хоть чуть-чуть знает свою фаворитку, Незабудке стоило увидеть себя именно в таком виде. А в ванной еще и одежда лежит — неужели наденет?

Не надела. Закутавшись в огромное полотенце, Флория появилась спустя минут сорок, когда Алекс уже хотел вытаскивать ее из ванны. Эти сорок минут сотворили чудо: женщина выглядела почти как обычно, даже высохшие волосы лежали на плечах ровной шелковистой волной — делать прическу Флория не стала. А полотенце, оголяющее плечи и стройные ноги, подчеркивало ее фигуру, как дорогой пеньюар. Алекс невольно восхитился.

— Милэрд...

Больше она ничего не сказала. Скользнула к его креслу, не поднимая глаз, молча встала на колени рядом. Сжалась, обхватив себя руками за плечи, и теперь стало видно, что Незабудку бьет дрожь. Неужели все это время она простояла под холодной водой? Судя по тому, что отеки на лице исчезли — вполне вероятно.

— Садись в кресло, — негромко велел Алекс. — Хочешь чаю?

Незабудка покачала головой, но в кресло села, так же не поднимая глаз.

— Я звонил тебе вчера, — так же ровно сказал Алекс. — Несколько раз. А потом меня нашел тьен АрМоаль. Ты попалась ему возле «Кантри Клаба», пьяная до полной беспомощности. К счастью, он видел тебя в «Бархате» и позвонил Анриетте, а она указала на меня. Ты помнишь, как я за тобой приехал?

Незабудка снова молча помотала головой.

— АрМоаль забрал тебя домой, чтобы не оставлять на улице, — с безжалостной

благожелательностью продолжил Алекс. — Иты успела обсудить с ним все мои интимные секреты. А заодно — Анриетты.

— О нет... — прошептала Незабудка, утыкаясь лицом в ладони.

— Боюсь, что да. Ты, конечно, не помнишь, что именно рассказала? Что ж, узнаем по последствиям. Сейчас речь о другом. О тебе.

— Простите, — так же еле слышно прошептала Незабудка, а потом, рывком подняв голову, посмотрела в лицо Алексу странно потемневшими глазами. — Ваша светлость, простите! Я не хотела, клянусь! Вы же знаете, я так долго терпела...

Алекс знал. Шэннон сразу предупредила его, что прежний покровитель Флории отличался любовью к крепкой выпивке и дурману, приучив к ним и фаворитку. Приняв предложение Алекса, Флория пообещала избавиться от вредных пристрастий и честно старалась сдерживать слово. Пара легких коктейлей на вечеринке, ароматные дамские сигариллы без дурмана — это был компромисс, о котором они договорились. И за годы вместе Флория изменила обещанию всего два раза, безобразно, совершенно не по-женски запив. Первый раз — когда умер выгнавший ее из дома отец. И второй раз — после встречи с братом, подтвердившим, что знать не желает сестру, ставшую позором семьи. Оба раза Алекс терпеливо помогал ей прийти в себя. Но сейчас-то что случилось?

— Я не могу жить без вас, — сказала Незабудка неожиданно просто, без обычной кокетливости. — Я люблю вас, милэрд. Как покровителя, как мужчину — все вместе. Пожалуйста, простите меня. Это последний раз, я клянусь. Я смогу с этим справиться, если буду не одна. Ради вас...

— Флория... — Алекс сглотнул ком в горле и вдруг понял, что не знает, о чем говорить после такого признания. — Флория, девочка моя...

— Я люблю вас. Милэрд, я знаю, что вы никогда на мне не женитесь. Конечно, знаю. Но я хочу быть вашей. Целиком, всегда. Вы ведь не женаты. Прошу, возьмите меня к себе. Я буду жить только для вас, обещаю.

Незабудка смотрела ему в глаза прямо и беспомощно, она не играла, просто не могла играть так.

— Флория, — тихо сказал Алекс, называя ее по имени, потому что прозвище сейчас прозвучало бы оскорбительно. — Твои слова — это очень серьезно. Я ничего не могу ответить тебе прямо сейчас.

— Да. О да, конечно! — выдохнула Флория с отчаянной надеждой. Я буду ждать. Столько, сколько понадобится. Простите, милэрд, могу я вызвать сюда свою горничную? Мне... нужны чистые вещи. Я не могу идти в этом...

Только теперь она снова опустила глаза, и Алекс вздохнул, растерянно осознавая, что придется принимать решение. Не прямо сейчас, однако придется.

Молча кивнув и подав Флории ее сумочку, он снова отошел к окну. Пожалуй, следует найти хорошего врача. Раньше Незабудка с возмущением отказывалась от лечения, утверждая, что справится сама. Но, возможно, теперь согласится? К чему бы ни пришли их отношения, она дорога Алексу...

Его собственный фониль зазвонил неожиданно — Алекс даже вздрогнул. А увидев имя на экране, подобрался, как почуявший дичь пес.

— Снова, милэрд, — без предисловий и даже не изволив поздороваться, сообщил Леннерт Симмонс, гений и бывший системовзломщик. — Ваша светлость, они опять пытаются взломать нас. Я сижу и смотрю, как они делают, понимаете?

Его голос источал азарт, но не тревогу, и это почти успокаивало.

— Они не смогут? — осторожно уточнил Алекс.

— Не в этот раз. Я же пока не умер, знаете ли. Но они пытаются добраться до архива. Вскрывают его, как банку с консервами.

— Я понял тебя, Ленни, — сказал Алекс. — Я сейчас приеду.

* * *

Выходя из экипажа и поднимаясь по ступенькам особняка, Маред почувствовала, как ее колотит крупная дрожь, хотя вечер был теплым. Разом забылась вся вторая половина дня в конторе, когда она честно занималась делами, поговорила с тье Эстер о сроках и почти поссорилась с Финлисоном. Заботы ушли, остался только опоздавший страх от встречи с тьеном Чисхолмом и лихорадочное возбуждение от предстоящего.

Холл особняка был пуст. Маред прошла по нему, поднялась наверх и замерла перед дверью своей комнаты. Она прекрасно сознавала, как глупо стоять посреди коридора, но войти почему-то не могла. Собрать вещи — дело нескольких минут, и уже сегодня можно просто вернуться в Лунден, поставив его светлость в известность, что контракт разорван. А зачем тогда было вообще приезжать? Только за вещами?

Она стояла, смотрела на светлую деревянную дверь и все отчетливее понимала, что не хочет уходить. То есть хочет, конечно! Хочет, но...

У нее только-только началась новая жизнь, полная любимой работы и новых знакомств. Да, после обеда пришлось переделать за Финлисоном отвратительно сделанную сводку, а Жаклин снова держалась с Маред прохладно. И дела, переданные тье Эстер, грозили лишить каждой свободной минуты надолго, и все-таки...

Шагнув вперед, она толкнула дверь, почти с порога поставила на стол сумку с вычислителем и документами. Нет, надо уходить, раз решилась. О чем она вообще думает! Вот сейчас пойдет к Монтрозу и скажет, что...

И что она скажет?

Темный коридор лишь слегка был подсвечен снизу, с первого этажа, дверь спальни лэрда уже пряталась в полутьме, и Маред на мгновение охватил страх. Глупости... Не будет королевский стряпчий удерживать ее силой. Разве что попробует говорить, но к этому она была готова, заранее зная все, что может услышать. Да, карьера. Перспективы, проекты... И, оказывается, постель с мужчиной — это далеко не самое ужасное, что бывает. Стыдно до дрожи, а иногда и страшно — словно падаешь в темноту, не зная, что там... Но дело ведь не в этом! Не в страхе!

Вцепившись в перила, Маред резко и глубоко дышала, уже чувствуя, как начинает кружиться голова. Что толку себя обманывать? Она боится не Чисхолма и не лэрда, а саму себя. Того, как замирает даже не в руках Монтроза, а просто под его взглядом. Как теряется в смятении от звуков насмешливого низкого голоса, чуть хрипловатого и прерывистого...

Едва не заплавав, она помотала головой, борясь с желанием убежать или сесть прямо на неразличимый в полумраке ковер, обхватить колени руками, спрятать лицо и сидеть так, пока...

Нет, нет, нет, все это глупая слабость. Не может быть, чтобы сейчас, когда свобода так близко, она даже задумалась о том, чтобы остаться. Мысли такой допустить нельзя!

Монтроз был совсем рядом, в нескольких шагах за плотно прикрытой дверью: ни звука, ни лучика света. Но Маред обострившимся чутьем загнанного зверька ощущала его присутствие. Даже глаза не надо закрывать, чтобы представить блеск зрачков, чуть заметно кривящую губы улыбку — правый краешек всегда поднимается на долю секунды раньше... И запах влажных волос, горячую плотность кожи под пальцами, рваный вдох...

Она поняла, что если не войдет в спальню лэрда сейчас, через несколько минут на это просто не хватит смелости. А завтра все пойдет обычной чередой: контора, уроки вождения, иногда — кофе с Макмилланом и пикники с Изабель, новые дела... И останется только ждать конца лета, привыкая к чужим властным рукам и губам, презирая себя, но каждый раз сдаваясь на милость хозяина.

Маред вздрогнула. Последнее произнесенное в мыслях слово упало, как удар ремня, обожгло кипятком и оказалось именно тем, чего не хватало для решимости. Захлебнувшись ставшим вдруг густым воздухом, она торопливо толкнула ручку двери и шагнула через порог быстро и резко до неприличия.

Замерла, с трудом дыша, как после долгого бега, и пригляделась к полутьме, похожей на коридорную и все-таки иной. Здесь в окно падал свет, и силуэт Монтроза, стоящего у подоконника, выделялся, как в теновом театре или за стеклом фонаря. Идеально четкий абрис, неподвижный, безмолвный...

Маред открыла рот, понимая, что не постучалась. И тут же закрыла его, не в силах выдать даже извинение. Облизала пересошие губы, безуспешно попыталась успокоить дыхание. Все было неправильно, она хотела совсем иного. И, возможно, стоило дожидаться утра? Или когда лэрд сам позовет ее? И... почему он в темноте?

— Не включайте свет, — тихо сказал Монтроз, будто отвечая на ее мысли. — Голова болит.

— Простите... — выдохнула Маред. — Я...

— Иди сюда.

На негнущихся ногах она подошла, мечтая вернуться на минуту назад, чтобы отойти от проклятой двери, не открыв ее. У лэрда болит голова, ему не до Маред. Пусть хоть до утра, но все-таки отсрочка! А теперь поздно.

— Как прошел ваш день, тье?

Зачем он говорит? Ведь слышно по голосу, что смертельно устал. Это Монтроз-то...

— Хорошо, — так же тихо отозвалась Маред, становясь рядом и тоже глядя сверху на освещенный двор: клумбы, скамьи, мощеную плиткой дорожку и резкий черный штрих тени от фонарного столба на ней. — Я... простите...

— Ничего. Ты что-то хотела, девочка? Обычно сама не приходишь.

Показалось, или в голосе прозвучал укор? Маред и вправду уколола странная вина. Хотя с чего бы? Они друг другу чужие. Его светлость не рассказывает ей о своих трудностях. Вот только трудности Маред он, как раз, берет на себя. Клиника, скандал с Даффи, вычислитель и разбитый «Драккарус»... Если подумать, большая часть неприятностей и хлопот Корсара сейчас из-за нее. И неважно, что он сам этого хотел, заведя живую игрушку, ведь мог бы вести себя совсем иначе. Еще как мог. И не железный он, оказывается.

— Я хотела поговорить, — совсем тихо сказала Маред, отчетливо понимая, что вот как раз удачный момент, потому что у лэрда попросту не будет сил спорить, уговаривать и принуждать.

Да, все удачно сложилось. Следует выпалить приготовленную речь и быстро уезжать.

Лэрд, конечно, все равно ее потом найдет, но будет проще...

— Я найду завтра, — сказала Маред совсем не то, что собиралась, слыша свой голос будто со стороны. — Извините.

— Подожди.

Очень медленно, словно давая ей возможность отстраниться, лэрд повернулся, и его ладони тяжело легли Маред на плечи.

— Подожди, — мягко и так же устало повторил он. — Постой со мной.

Вместо того чтобы притянуть Маред к себе, он сам шагнул к ней, обнял, скользя по спине ладонями. Станные получились объятия: тесные, но совсем не чувственные, ничего общего с тем, что было раньше.

Маред послушно замерла, опустив руки вдоль тела и почти касаясь подбородком плеча лэрда.

— Расскажи что-нибудь, — попросил он. — Чем ты сегодня занималась?

— Договором с франками, — выдавила Маред, мгновенно пугаясь еще больше, чем в коридоре, потому что такой Монтроз — это было вообще чем-то невероятным.

— И все?

«Он не может ничего знать, — билось в висках болезненными молоточками. — Про Чисхолма — просто не может».

— Еще тье Эстер дала мне два новых дела, — отчаянно сказала Маред. — Налоги...

— Ты справляешься?

— Не знаю. То есть я знаю, что делать, но... Мне выделили помощника, тьена Финлисона...

— Так. Рассказывай, девочка...

Его ладони крепко и жарко прижимали ее, но Маред могла бы поклясться, в этих прикосновениях, таких откровенных и жадных, не было желания. Того желания, которое она видела у лэрда раньше. И это пугало не меньше, чем тяжелые, скупотмеренные слова Монтроза, будто ему даже губы размыкать было сложно.

— Лучше бы я все делала сама, — с трудом сказала Маред, не зная, о чем говорить, но боясь замолчать. — Тьен Финлисон... он какой-то неправильный стряпчий.

— Почему?

— Не могу понять. Как будто ему все это не нужно: контора, задания... Я ему объясняю — а он за полдня ничего не сделал. Потом выполнил, но так небрежно... А тье Эстер... она хочет, чтоб я его заставила работать.

— Правильно, — уронил Монтроз, одной рукой обнимая его за плечи, а вторую опуская ниже по спине, но опять как-то бесстрастно, словно не лаская, а...

«Он же и вправду не ласкает меня, — поняла вдруг Маред совершенно ясно. — Просто гладит, как... тискают плюшевого медведя. Ему же действительно плохо. То ли что-то случилось, то ли он устал до умопомрачения».

— Я не смогу, — призналась она вслух. — Я старалась, но...

— Сможешь. Управлять труднее, чем все делать самой. Но сама ты все делать не должна. Иначе так и останешься простой конторской служащей.

В голосе Монтроза почудилась насмешка. А может, и не почудилась. Сразу обожгло память о вчерашнем, так что щеки загорелись. Сколько же теперь придется это помнить? И надо как-то решиться, сказать, что она уходит, — но как?

Маред сова облизала губы, вдохнула, собираясь с силами, чтобы высвободиться. Но лэрд

прижал ее крепче, запустил пальцы в волосы, сминая прическу. Сказал негромко и по-прежнему смертельно устало:

— Ты умница. Тебя хвалят. И я вижу, как ты стараешься. Я, конечно, могу передать тье Эстер, чтобы она решила этот вопрос, но лучше, если справишься сама. Завтра дай этому бездельнику задание. И ограничь его по времени, но с запасом в свою пользу. Если документ нужен тебе к обеду, скажи, что он должен быть готов к одиннадцати — успеешь проверить и сказать, что исправить. Если не сделает или снова сделает плохо, пригласи выйти и поговори всерьез. Только обязательно наедине. Запомни, это очень важно: всегда хвали людей при ком-то, а отчитывай только один на один.

— Я запомню, — согласилась Маред. — Благодарю.

— К вашим услугам. И не вздумай выполнять чужую работу. Если твой помощник не исправится, иди к тье Эстер. Говори честно, что из-за него можешь пропустить сроки или выполнить задание с ошибками. Этот Финлисон, конечно, тебя не поблагодарит, так что на будущее вычеркни его из списка людей, относящихся к тебе хорошо. Но это дело обычное. Такие сотрудники и приятели тебе самой не нужны. Я знаю, ты справишься.

— Благодарю... — повторила Маред.

Неправильно складывался этот разговор. Монтроз снова заботился о ней, учил, честно выполняя свою часть сделки. И стоять вот так близко, что его дыхание грело Маред щеку, было не противно. И даже не стыдно. А вот вымолвить несколько слов, разом разорвав эту странную, невозможную связь, — никак не получалось.

— Ты ужинала?

Пальцы лэрда перебирали ее волосы, окончательно рассыпавшиеся по плечам, но в голосе по-прежнему не было желания, и Маред отказалась от возможности уйти.

— Я не голодна, — сказала она правду.

Лэрд вздохнул, разворачивая Маред так, чтобы обоим было удобнее, и зарываясь лицом в ее волосы. Сказал уже с обычной своей мягкой ласковостью, слегка отдающей вечной усмешкой:

— Ну, тогда потерпи еще немного. Не бойся — сегодня ничего не будет. Устал я что-то...

Замерев, Маред подчинилась рукам, гладящим ее, медленно ласкающим плечи, спину, бока. Слушала ровное тихое дыхание, вдруг обнаружив, что дышат они в унисон, и с отчаянием понимала, что не сможет признать в разрыве контракта. Только не сегодня!

Потому что все эти дни, почти целый месяц, баргест его побери, лэрд королевский стряпчий каждый день спрашивал, как ее дела. Следил, чтобы Маред вовремя и хорошо поела. Дал время на подготовку проекта и заставил выспаться перед днем его сдачи. Звонил в клинику и приезжал, не получив ответа. Занимался ее сгоревшим вычислителем и подарил занятия по вождению. Потеряв мобилер, стоящий, как дом в провинции, переживал не о расходах, а о безопасности Маред, и потом ни словом не напомнил, не упрекнул. Потому что его действительно интересовало, чем Маред занимается на работе. Настолько, что даже сейчас, уставший, он нашел силы вникнуть в ее слова и дать совет.

И потому уйти сегодня, когда Монтроз настолько измучен, что едва стоит на ногах — невозможно, неправильно, нечестно. Еще один вечер ничего не решит. А завтра они поговорят, и Маред непременно скажет. И это безумие наконец-то закончится.

Глава 15. О любви к своей профессии

Ночью пошел дождь. Первые крупные капли тяжело ударили по оконному стеклу, разбудив Маред, но она попыталась вернуться в уютную теплоту дремы, и лишь когда дождь закапал прямо в лицо, нехотя привстала, закрыла окно и снова нырнула под одеяло. Однако сон исчез напрочь.

Взятый со столика фониль подтвердил: три часа ночи. Дождь лил все сильнее, в оставшуюся щель между рамой и фрамугой приятно тянуло свежестью, и Маред повернулась набок, уставившись в темноту за окном и позволив мыслям свернуть в привычное русло.

Да, ей удалось отказаться от требований Чисхолма. Но было что-то очень подозрительное и угрожающее в его ласковом намеке не торопиться рвать отношения с Монтрозом. Может быть, не дожидаться мерзкого сюрприза? Утром поговорить с лэрдом стряпчим, и если тот скажет, что без постели ему Маред в служащих не нужна, пора собирать вещи.

В голове снова и снова крутилось все, уже передуманное. Что ей могут сделать Чисхолм и его хозяева? Обнародовать камерографии? После угрозы покончить с собой, отправив признание в личную тайную службу королевы, они должны задуматься, доводить ли Маред до такого отчаяния. Так что все было правильно. Судя по романам о лэрде Гилмуре, шантажисты никогда не останавливаются. Уступи им раз — и останешься в их власти навечно. А раз решила — надо выполнять.

Остался главный вопрос: рассказывать ли все лэрду?

Маред содрогнулась, представив, что придется признаться в собственной слабости, глупости и трусости. Монтроз разозлится? Или посмотрит с усталой безразличностью и удивлением? Ох, проклятье, да пусть бы лучше злился! Правда, он хотя бы поймет, что Маред не продажная женщина, что она согласилась на его предложение нехотя. Но легче ли от этого? Вряд ли он станет думать о ней лучше.

Дождь ненадолго притих, потом припустил с новой силой, весело и буйно хлеща по окну, будто хотел насквозь промыть нежащийся под его прохладными струями мир. Маред повернулась на спину, глянула на светлый потолок, поерзала на неприятно-теплой простыне. Скинула одеяло, но тут же снова повернулась на бок и обняла его руками и ногами, как в детстве. Сон все не шел, хотя фониль услужливо показал, что целый час куда-то провалился. Скоро рассветет. И пора решать.

Положив голову на край одеяла, она на минуточку прикрыла глаза — просто послушать дождь. И проснулась от стука горничной, чтобы через несколько минут торопливых утренних сборов узнать — его светлости снова нет дома. Да что же у него творится? И не связано ли оно с Чисхолмом?

Тье Эвелин, сообщая, что лэрд уехал чуть рассвело, привычно улыбалась. А на завтрак были мясные и творожные блинчики. Тонкие, золотисто-румяные, в дырочках, с сочной душистой начинкой. И кофе какого-то нового сорта. Маред распробовала тонкую горечь с привкусом пряностей и пожалела, что нет времени еще на одну чашку, потому что пить такой кофе второпях-преступление. Ничего, вечером...

«Да не будет ничего вечером, — зло одернула она себя. — Ни кофе, ни блинчиков. Отвыкайте, тье Уинни. Иначе скоро будете у лэрда с рук есть... Малину!»

Злость помогла смыть минутную слабость, но, вставая из-за стола, Маред от всей души

поблагодарила экономку, думая, что вот этой спокойной мягкой заботы ей будет не хватать. Пусть даже заботилась о ней тье Эвелин по долгу службы.

А в экипаже она подумала, что по конторе будет тосковать куда сильнее, чем по вкусным блюдам, прическам и шелковым чулкам. У нее ведь контракт с франками! И два дела, в которых она только начала разбираться. И тьен Финлисон под началом. Подумать только, у нее — и кто-то под началом. Это тоже было так странно и непривычно, что, открывая дверь отдела, Маред на мгновение зажмурилась от почти физической боли — сегодня последний день ее работы.

Поприветствовав коллег, она опустила на знакомое место у окна. Свое место... Бригитта милосердная, когда же она успела так привыкнуть к полированному дереву стола, едва заметному запаху бумаги и чернил, даже к кактусу на окне!

Когда она успела привыкнуть к тому, что стало частью ее жизни? Частью души и сердца, которую можно вырвать только с кровью.

Что ж, до разговора с Монтрозом еще целый день, и уж точно это не повод забросить дела. Их ведь, наверное, сдавать придется. Только бы не Финлисону! Ведь ничего не сделает, бездельник...

Бездельник — словно почуяв, что о нем вспомнили, — как раз попытался проскочить мимо, но Маред, расстроенная и оттого более решительная, окликнула горе-помощника и сунула ему в руки папку со сводками.

— Тьен Финлисон, будьте любезны сделать до одиннадцати часов.

— Как скажете...

Скептически глянув на бумаги, Финлисон взял их и вернулся в другую комнату, а Маред принялась за свою часть, лихорадочно торопясь успеть как можно больше. Конечно, за день всего не сделаешь, но краснеть за оставленную работу она не собирается.

И как-то незаметно дело действительно пошло. Маред работала азартно, погрузившись в бумаги и выстраивая план того, что нужно сделать в этих дурацких запутанных делах — не ей, так другому пригодится. Так что одиннадцать часов она едва не пропустила. Как и Финлисона.

— Тьен Финлисон! — окликнула она снова идущего мимо помощника, радуясь, что из отдела нет другого выхода.

— О, тье Уинни... Прошу прощения, я скоро...

— Нет, это я прошу прощения!

Маред торопливо поднялась.

— Идемте, покажете, что вы успели сделать.

— Вот-вот, идите, тьен Финлисон, идите и покажите, — меланхолично прозвучало со стороны обложившейся папками тье Эстер, и Финлисон, явно собиравшийся все-таки выйти, подчинился.

— Так... — сказала Маред через пару минут, с трудом унимая поднимающуюся изнутри злость. — Это почти за полтора дня... Тьен, вы...

Она осеклась, заметив любопытный взгляд сидящего рядом Леона и мгновенно вспомнив наставления лэрда Монтроза. Все верно, нечего устраивать представление для всего отдела.

— Вы, кажется, хотели выйти? Позвольте, я с вами...

Едва дверь отдела закрылась за их спинами, Финлисон развернулся к Маред, зло блестя глазами.

— Что вы себе позволяете, милая тье? Решили выслужиться, выставляя меня дураком? Надеетесь, что получите вожеленное место?

— Причем здесь это? — возмутилась Маред. — Вы не выполняете порученную работу, тьен. А у нас, между прочим, сроки, от которых зависит жалованье.

— Плевал я на жалованье, — огрызнулся Финлисон, сделав шаг к Маред и остановившись почти вплотную. — Может, вы и мечтаете остаться здесь девочкой на побегушках, а у меня, благодарение богам и моему отцу, есть перспективы получше.

Он явно пытался смять волю Маред: взглядом, разворотом широких плеч, агрессивной напряженной позой и негромким, но уверенным голосом, полным презрения. Показать ей, женщине, надлежащее место — то есть куда ниже себя... И совсем недавно Маред бы отступила. Ведь она всегда старалась избегать любых ссор и соперничества, оставаясь неизменно милой, любезной и готовой к услугам.

Но сейчас ее словно подменили. Наверное, злая волна, захлестнувшая Маред в разговоре с Чисхолмом, так и продолжала нести ее на гребне, потому что вместо привычного шага назад, вместо того, чтобы опустить взгляд и признать поражение, Маред еще сильнее выпрямилась, слегка откидывая голову и тоже глядя в упор.

— Тогда почему бы вам не обратиться к этим перспективам? — поинтересовалась она, с уже знакомым испуганным восторгом чувствуя, как гнев подсказывает нужные слова и запрещает уступать. — Если вам лично не нужна практика, извольте не мешать другим. За это задание отвечаю я, и я не собираюсь провалить его по вашей милости. Или вы исполняете мои поручения, как положено, или будьте любезны пойти к тье ван дер Пол и отказаться работать под моим началом. В противном случае к ней пойду я. А учитывая, что я здесь на хорошем счету, а вы отчета сами написать не можете — на чью сторону она встанет, как вы полагаете? Знаете, сколько желающих попасть сюда на практику? Завтра же под воротами выстроится очередь на освободившееся место. А вас никто не держит, можете отправляться к собственным перспективам!

Яростно выдохнув последнее слово, Маред уже набрала воздуха, чтобы продолжить, и тут... Финлисон отступил. Сделал маленький, едва заметный, шаг назад. Его взгляд вильнул в сторону... Сразу же вернулся снова, но уже обиженно-нахальный, лишившийся прежней презрительной наглости.

— Ну что вы, право, — буркнул он. — Не будем ссориться из-за такой мелочи. Разумеется, я сделаю эти бумаги, если вам они нужны.

Потоптавшись на месте, он глянул на папку, которую так и держал в руках, передернул плечами и открыл дверь отдела. Обернулся на Маред, словно желая что-то сказать, но передумал и просто вошел внутрь.

Маред осталась стоять в коридоре, отвернувшись к окну и растянув губы в счастливой улыбке. Получилось! Как там говорил лэрд Макмиллан? «Управлять другими и не позволить управлять собой?» Она смогла это сделать!

Щеки горели от удовольствия, ей хотелось смеяться, или пробежаться по коридору, или хотя бы вернуться в отдел и поработать так, чтобы документы летали в руках. И пусть только Финлисон попробует еще раз подвести...

Маред потрясла головой, сбрасывая лишнее возбуждение и снова вспоминая наставления Монтроза. Не надеяться на хорошее отношение обиженного бездельника? Вот уж точно. И следует быть осторожнее: тьен переживет удивление и непременно попробует снова закусить удила. Вот чувствуется, что попробует. Значит, следует внимательно

приглядывать, чем он занимается. Но как же сладок вкус пусть небольшой, однако победы! Она ведь победила не только Финлисона, но и себя прежнюю.

Глубоко вдохнув и выдохнув, Маред вернулась в отдел, мечтательно подумав, что вот-вот будет перерыв. Ах, если бы приличия позволяли женщинам самим приглашать мужчин на чашку кофе. Она была бы так рада встретиться с Оуэном Макмилланом...

* * *

Леннерт Симмонс, кажется, так и не ложился. Или спал урывками, потому что поднял на вошедшего Алекса взгляд усталых, покрасневших глаз. Он кивком указал на кресло рядом с собой, напрочь забыв и об этикете, и о субординации, и Алекс сел, молчаливо признавая, что здесь и сейчас техник — главный. Огляделся.

В большой комнате никого не было — и это в разгар рабочих часов. Леннерт откинулся на спинку стула и потянулся за чашкой с кофе чернильной густоты. Проследив за взглядом Алекса, он пояснил:

— Грэю и Винсу я дал выходной — они клялись всеми богами, что жить не смогут, если не попадут на концерт Эжени Сафье. Альберти поехал навестить бабушку. Следует чтить пожилых родственников, верно, милэрд? Дэнни поехал к зубному врачу. Еле уговорил его, что зубы следует лечить вовремя, когда они еще не болят. Ну, и остальные... нашли себе дела.

— Вот как, — помолчав, отозвался Алекс. — Тебе виднее, полагаю.

— Именно, — сказал Леннерт, шумно допивая кофе в несколько глотков. — Мне виднее, милэрд. Не подумайте плохого, я им верю — сам подбирал. Но в случае чего отвечать буду сам. Вот, взгляните...

Он кивнул на тот самый экран, на котором в прошлый визит Алекса по ночному Лундену бегал охотник на нечисть. Сейчас там бежали белые строки на черном поле, слишком быстрые, чтобы Алекс мог что-то в них понять. Иногда они обрывались, и экран заполняли сложные геометрические конструкции, переливающиеся всеми цветами радуги. И снова строки...

— Вижу, — подтвердил Алекс. — Очень красиво. Сам понимаешь, больше сказать не могу. А теперь объясни, будь любезен, в переводе с технического на простой человеческий: что происходит? Вчера ты сказал, что нашу систему защиты пытаются взломать, как бродяга — сарай с поросятами. Я приехал — нас все еще ломали. И всю ночь, и все утро — вот так?

— Но у них же ничего не выходит! — удивился его непонятливости Леннерт, лохматя длинные светлые волосы. — Вот они и продолжают. Ах, милэрд, если бы вы только понимали, какая это красивая осада! Локи клянусь, это кто-то один, а не стая, как в прошлый раз. И как же он хорош!

— А не сломает, пока будешь любоваться?

— Вы меня обижаете, милэрд. У меня за этой стеной еще целый лабиринт, чтоб вам было понятнее... Проклятье, кофе закончился! И, ваша светлость... Признаюсь честно, если за нас так взялись, то рано или поздно сломают.

— Сломают, — согласился Алекс, подумав, что не так уж по-разному они с техником понимают это слово. — Ты говорил, что им нужен архив? Можно определить дату?

— Первые года три, — отозвался Леннерт, склоняясь к клавишной доске и выбивая на

ней серию молниеносных последовательностей, словно пианист-виртуоз. — Может, пять, но за три поручусь, и именно первые.

— А если мы что-то сделаем с архивом — это будет заметно со стороны?

— С нашей — да, конечно, а с их... Ваша светлость, просто скажите, что вы хотите сделать?

— Так... — Алекс сосредоточился, пытаясь как можно точнее собрать воедино то, что еще только мелькало в сознании. — Ты говорил, что до архива можно добраться только из трех мест?

— Совершенно верно. Ваш личный вычислитель в кабинете — первое, ваш вычислитель в Мэйд Вэл — второе. И вот этот, мой, — третье. Но это должен быть личный доступ.

— То есть надо сесть за них, зная пароль? — уточнил Алекс.

— Вот именно. Который известен только вам. Ну, теоретически, поскольку я сам ставил эту защиту, я могу ее и снять, но я вас об этом сразу предупредил — помните?

— Помню. И поэтому, Ленни, ты переезжаешь, — спокойно сообщил Алекс. — В очень удобные апартаменты под хорошей охраной. На всякий случай... И подумай, кому еще нужно обеспечить охрану?

— Родителям, — вздохнул Симмонс. — А надолго это, ваша светлость?

— Понятия не имею, — честно признался Алекс. — Надеюсь, что не слишком. Извини, я постараюсь возместить все неудобства.

— Ну что вы, — пожал плечами Леннерт. — Только будьте добры, скажите моим родителям, что в этот раз у меня нет... разногласий с законом. Под охрану, так под охрану. А что дальше?

Алекс задумался.

— Сделай мне выборку сведений из архива за эти пять лет, — решительно сказал он. — Все фигуранты каждого дела. Отдельно — клиенты, отдельно — представители правосудия, отдельно — все остальные по категориям: ответчики, свидетели, прочие участники. Возможности вычислителя ведь это позволяют?

— Конечно! — повеселел Леннерт, перед которым появилась достойная задача. — А сами дела нужно изложить? Хотя бы вкратце...

— Нет, — покачал головой Алекс. — Каждое дело я помню и так. Не столько их было в первые пять лет. Вот из людей могу кого-то упустить. Ты сможешь этим заниматься в съемных апартаментах?

— Да хоть в гробу, ваша светлость, если там будет вычислитель, — отозвался Леннерт, выбивая очередную дробь на клавишах. — Дня два у меня есть? Или нужно раньше?

— Два дня, — согласился Алекс, поднимаясь из кресла. — И я тебе очень благодарен, Ленни. Когда все это закончится, постараюсь выразить благодарность более весомо. И вот еще, вычислитель из моего кабинета сегодня же заberi и поставь другой, без доступа к архиву. Тогда останется только два уязвимых места, у тебя и в Мэйд Вэл, верно?

— Да, ваша светлость. А вы не боитесь, что там...?

Предательство в Мэйд Вэл? Верная, живущая только ради него Эвелин? Или Маред Уинни? Маред — коварная интриганка и шпионка. Смешно. Разве что кто-то из прислуги, но против этого можно принять меры предосторожности.

— Не боюсь, — сказал он. — Там все надежно. Делай сводку, Ленни. Через пару часов тебя отвезут за вещами и поговорить с родителями, а потом в апартаменты.

Техник молча кивнул, снова углубившись в происходящее на экране.

Алекс же поднялся к Бреслину, однако Фергала не оказалось на месте и на вызов по фонилю он не отвечал. Его секретарша сообщила, что тьен Бреслин уехал на важную встречу и просил передать, что включит фониль только вечером. Оставалось надеяться, что встреча эта принесет хоть что-то новое... Оставив распоряжения насчет Симмонса, Алекс ушел к себе. Разобрал накопившиеся дела, борясь с желанием позвонить Маред, — пусть девочка спокойно работает — а вместо нее за час до конца рабочего дня набрал номер Незабудки.

Флория ответила не сразу. Пару минут Алекс слушал в трубке мелодичный звон и уже хотел отключиться, как переливы колокольчика сменились торопливым щебетом Незабудки.

— Опять где-то оставляешь фониль? — весело спросил Алекс.

— О, милэрд, я только на минуточку вышла! И за фонилем слежу, не беспокойтесь. Это же ваш подарок!

— Можно подумать, прошлому фонилю это сильно помогло.

Он откинулся на кресло, слушая жаркие заверения, что ни за что, как можно, и вообще... Фонили Незабудка теряла примерно каждые три-четыре месяца, причем, естественно, модные и дорогие. Не просить новые у нее хватало ума и такта, но видеть унылое личико и слушать жалобы на жестокую судьбу и непреодолимые обстоятельства, было наполовину забавно, наполовину раздражающе, так что долго Алекс не выдерживал.

И потом, Флория так искренне, совсем по-детски радовалась очередному золотисто-розовому или серебристому с инкрустацией аппаратику! Алекс полагал, что вовсе не из жадности, просто для нее это было очередным доказательством собственной ценности в глазах покровителя. В тех кругах, где она вращалась, любовь и забота привычно измерялись стоимостью подарков.

— Где ты сейчас, милая? — спросил он, выслушав массу сплетен, без которых вполне мог обойтись, и среди них пару действительно полезных о завсегдатаях «Бархата». — Дома?

— Нет, конечно, — с удивлением отозвалась Флория. — Я в «Бархате». Эмбер просила причесать и накрасить ее для съемок.

— Погоди, каких съемок? У тьена АрМоаля?

Алекс сел в кресле ровнее. А франк, однако, времени не теряет! Совсем недавно говорил о возможности съемок как бы между прочим, и вот они уже идут?

— И кого еще ты красишь? — поинтересовался он в трубку спокойно. — Только Эмбер?

— Да, — обиженно сообщила Незабудка, тут же добавив явную причину обиды. — Тье Ресколь изволила сообщить, что в моих услугах не нуждается. Сама, видите ли, может позаботиться о своей внешности...

— Тье Ресколь? — переспросил Алекс то, что и так прекрасно слышал? — Анриетта тоже позирует?

— А вы не знали, милэрд? Ну, так снимается именно наша королева танцев, — с мстительным удовольствием сообщила Флория. — Остальные так, для фона... Господин камерограф четыре раза велел переставлять лампы — не нравилось ему, как свет сочетается с тье Ресколь. В конце концов сказал, что будет снимать ночью, и уехал за какими-то принадлежностями. Вот, ждем...

— Ах, вот что, — отозвался Алекс, тщательно выдерживая безразличный тон. — Я не знал, что съемки именно сегодня. Благодарю, Незабудочка моя. Увидимся вечером, я постараюсь приехать.

Глянув на часы, он понял, что придется поторопиться, чтобы провести вечер с Маред и успеть в «Бархат». И вообще, стоит серьезно подумать, не вернуться ли на время в

лунденские апартаменты. Хотя бы пока не закончится этот летний форс-мажор, где смешались происки конкурентов, таинственные смерти и сложности с интимной жизнью.

* * *

День пролетел стремительно — Маред оглянуться не успела, работая так, словно от этого действительно зависело, останется ли она в «Корсаре». Увы, с франкским тендером работа временно встала. Послушав обмен репликами между тье Форс и остальными, Маред поняла, что далеко не всем нравится назначение Жаклин главой отдела. Тьена Дорриш полагала, что сама могла бы его возглавить, раз уж Эстер рван дер Пол наотрез отказалась, а остальным просто не слишком нравилось, что новый начальник — женщина. А через час после обеда Жаклин и вовсе уехала на какую-то встречу.

Поэтому Маред последовала примеру Леона и тьена Лоустица, вернувшись к собственным делам. Присмиривший Финлисон принес вполне прилично выполненные сводки. Маред поправила пару недочетов, спокойно объяснив, как следовало их избежать, Финлисон кивал, соглашался и следующую порцию бумаг взял беспрекословно, только все равно чувствовалось в его тоне и взглядах что-то нехорошее. Но пока работал, и с его помощью стало немного легче.

А потом рабочий день закончился. И оказалось, что ей следует успеть и на заключительный осмотр в клинику и на урок вождения, так что остаток дня Маред металась по городу, благословляя создателей фониля и рассчитав время по минутам.

Вот, кстати, и еще один повод подумать. Сейчас ее обучение оплачивает лэрд стряпчий, а оно весьма дорого. Бросать занятия обидно — в конце лета она уже могла бы сдать экзамен и получить свидетельство на право вождения мобилера. Но деньги... Что ж, это подождет.

Главной заботой сейчас был разговор с Монтрозом. Добравшись до особняка, Маред узнала, что его светлость работает в библиотеке и просил его не тревожить. Теперь отсрочка становилась законной, но от этого не менее мучительной. Маред поужинала, съев совсем немного и то лишь потому, что оставшиеся у нее лекарства следовало принимать с едой. Как и всегда, переживания напрочь лишили ее аппетита.

Приняв ванну, она переоделась в легкое платье, в котором можно было уехать, собрала вещи. Синее платье никак нельзя было укладывать в ее маленький старый саквояж, и Маред решила, что попросит прислать его позже. Вряд ли лэрд откажет в таком пустяке. А еще на столе сиротливо поблескивал новенький вычислитель, и Маред заколебалась. Он ведь гораздо дороже чем тот, что ей испортил Даффи. Но оставить... Лэрд Монтроз подарил его так же искренне, как делал для нее все остальное. Подозревать королевского стряпчего в ежедневном холодном расчете и фальшивой заботе — это уже мерзость.

И потому вычислитель Маред оставила напоследок. Видно будет, как сложится разговор.

Словно отвечая на ее мысли, в дверь постучала горничная, сообщив с непроницаемым лицом, что лэрд желает видеть тье в своей спальне.

Маред — только что из прохладной ванны — мгновенно бросило в жар. Разговаривать с Монтрозом она бы предпочла точно не в спальне. Главное, с самого начала не поддаться на его лукавые провокации. Вспомнился так и не доделанный контракт — единственный раз в жизни, когда она не завершила работу. Настолько мерзко было к нему возвращаться... И как

же противно было понимать, что Даффи читал так и не выполненные договоренности, принимая их за чистую правду.

К спальне лэрда она подошла, твердо решив, что будет делать и говорить. Следует поздороваться, выслушать, чего от нее хотят, вежливо отказаться и сказать, что уходит. Да, еще поблагодарить за то, что никак не входило в условия: лечение, уроки вождения... Она бы за многое поблагодарила, пожалуй, но какой в этом смысл?

Дверь открылась с обычной мягкостью и так же бесшумно и плотно закрылась позади. Маред остановилась, приглядываясь... Сегодня в спальне было светло. Настенный ночник заливал кровать ровным теплым сиянием, но дальше круг света расплывался, и Корсар, сидящий на широком подоконнике, уже оказался в шоколадном полумраке. В руке лэрда поблескивал бокал то ли с бренди, то ли с коньяком, судя по цвету. И необычное место для сидения королевского стряпчего явно не смущало, хотя он вполне мог бы расположиться в кресле, стоящем у его ног.

— Составите мне компанию? — спросил он совершенно обычным голосом, без малейших признаков нервозности или опьянения. — Вино, ликер?

Маред покачала головой.

— Добродетельность во всем, — весело фыркнул Монтроз, поднося бокал к губам и тут же ставя его на подоконник рядом с собой.

Нет, пьян он точно не был. Разве что слегка расслаблен и, пожалуй, в неплохом настроении: глаза блестят, голос полон привычной уже насмешливой мягкости. И этот подоконник... Как можно настолько пренебрегать приличиями ради собственных прихотей? А ведь там, наверное, не хуже, чем в кресле, — в окно приятно тянет ветерком...

— Вы меня звали, — напомнила Маред, тоскливо подбирая слова для разговора, как-то вдруг вылетевшие из головы.

— Я звал вас не для того, чтобы вы стояли на пороге. Или идите сюда, или сядьте в кресло. А лучше — на кровать.

Монтроз снова взял бокал, наполовину полный темно-янтарной жидкостью. Крепкие напитки до краев не наливают, в этом лэрд этикет соблюдал. И насчет порога был прав. Только выбор места от его правоты лучше не становился. Что на кровать, что ближе к Монтрозу не хотелось совсем.

— Как прошло укрощение... Финлисона?

Пауза была совсем незаметной, и Маред невольно восхитилась. Она всего раз назвала вчера имя, но Монтроз его запомнил. Даже в таком состоянии!

— Хорошо. То есть прекрасно...

— Прекрасно или хорошо? — настойчиво уточнил лэрд и, покачав перед глазами бокал, решительно отставил его на самый край подоконника. — Так, девочка, запомни: если ты не делаешь выбор, его делают за тебя. Ты так и не выбрала, где сесть, значит, иди сюда.

Бездумно подчиняясь повелительной интонации, уже почти шагнув, Маред опомнилась. Ей остро захотелось выскочить в коридор, но это была бы совсем уж глупость. Монтроз ждал — он ведь говорил, что не любит повторять — и Маред набрала воздуха, открыла рот, едва заметно сделав шагжок назад...

— Маред, успокойтесь, — прозвучало от окна очень мягко. — Не хотите подходить — как пожелаете. Сегодня я ничего не собираюсь делать против вашей воли. Просто хотел поблагодарить.

От неожиданности Маред поперхнулась воздухом и словами, которые уже готова была

раздраженно бросить в лицо лэрду. Осталось произнесенным, что она не собачка — подзывать ее вот так. В полной растерянности Маред подошла к окну, остановившись почти рядом с Монтрозом: руку протяни — и прикоснешься.

— У вас неприятности, тье? — спросил тот, наклонившись и вглядываясь в лицо Маред. Она снова покачала головой.

— Нет, — выдавила с трудом. — Все в порядке... Поблагодарить? За что?

— За вчерашнее, — усмехнулся Монтроз, возвращаясь к прежней расслабленной позе. — Определенно стоит. И хватит об этом с вашего позволения. Так что там с Финлисоном?

— Работает, — несмело улыбнулась Маред. — Я все-таки высказала ему... И он принялся за работу. Но у меня такое ощущение, что он готовит какую-то гадость.

— Тогда будьте осторожнее, — подтвердил Монтроз. — Чутью следует доверять, иначе оно гаснет. Больше сложностей нет?

«Вы моя главная сложность, — хотела сказать Маред. — А еще непонятный, но опасный тьен Чисхолм. И как жить дальше, и чем платить за квартиру и университет, если я сейчас уйду, да и уходить из конторы мне не хочется... и это тоже сложность, потому что я так не могу...»

Но вместо того чтобы сказать что-то осмысленное, она только снова покачала головой.

— Девочка, да ты сегодня блистаешь красноречием, — насмешливо мурлыкнул Монтроз, одним плавным движением покидая подоконник и сразу оказываясь безнадежно близко.

— Вы же сказали, что ничего... — отчаянно прошептала Маред, на плечи которой легли горячие ладони.

— Ничего против твоей воли, — очень тихо и мягко подтвердил Монтроз. — Разве ты мне что-то запрещаешь?

«А я могу запретить?» — хотела сказать Маред за мгновение до того, как теплые, пахнущие бренди губы прижались к ее губам, а ладони Монтроза скользнули по ее спине к талии, не позволяя отодвинуться.

И тут же молнией мелькнуло осознание — может! Вот именно сейчас! Потому что тень Чисхолма впервые не маячит рядом, потому что Маред уже все решила, и вот сейчас, в это мгновение, она может просто уйти. Из особняка лэрда, из его конторы и вообще из его жизни. Неважно, какие последствия будут потом, но она может уйти! И если не уходит...

Жар от губ и рук Монтроза горячей волной прокатился по телу. Никогда еще близость с ним не чувствовалась так резко и непристойно сладко. Маред замерла, не в силах шевельнуться, пока ее целовали, то проводя кончиком языка по нижней губе, то приникая внутрь рта и лаская ее собственный язык. Запах, вкус и прикосновения, еще звучащий в ушах голос и сам вид мужчины — каждое ее чувство отзывалось до болезненности остро, и медленно глядящие спину пальцы Корсара делали это так правильно и единственно возможно...

«Что же я творю, — в ужасе подумала Маред. — Я же не могу этого хотеть! Раньше меня заставляли, я не могла сопротивляться, но теперь... Не может мне нравиться...»

Томная сладость, разливающаяся внизу живота и поднимающаяся все выше, утверждала — может, и еще как.

— Маред, — прошептал лэрд ей прямо в губы, отрываясь от них и, кажется, облизнувшись. — Девочка моя... Не упрямясь... Я не буду тебя заставлять. Просто попробуй.

Разреши себе побыть женщиной — и никем больше. Отдайся своим желаниям.

Не мог он читать мысли, проклятый Корсар! Ведь не мог же? Изнывая от горячего стыда и еще более горячего напряжения по всему телу, Маред честно попыталась отодвинуться. Подумала, что нужно всего лишь сказать нет, и лэрд не станет... Ведь не станет же, раз обещал? Он выполняет обещания, ему можно верить.

Эта мысль стала последней каплей. Доверие... И свобода, которой она так хотела. Ведь Монтроз не знает, что его игрушка освободилась. А Маред может покинуть его в любой момент, как только захочет. И кто может ей запретить сдаться один-единственный раз?

— Ма-а-а-аред... — снова протянул лэрд, ничего не делая, всего лишь стоя рядом и обнимая ее, но так тесно, что его мужская плоть упиралась в живот Маред с бесстыдной откровенностью. — Девочка, решайся уже на что-нибудь.

— Я... — выдохнула Маред, понимая, что не может согласиться, но и отказаться нет сил. — Я не знаю... Что, прямо здесь?

— А почему нет? — хрипло сказал Монтроз. — Кровать — не единственное место для этого, поверьте.

Потянув Маред на себя, он снова поцеловал ее, теперь уже яростно, почти грубо, и тут же снова приласкал языком, не позволяя очнуться, задуматься, перевести дух. Как во сне Маред чувствовала, что ее, крепко придерживая за плечи, толкают к подоконнику, заставляя упереться в него животом.

— Маред... девочка... — прозвучало в самое ухо, и дыхание Монтроза обожгло мочку, а потом шею.

Ладони Корсара легли сверху на ее руки, вместе с ними скользнули до края подоконника. Невольно нагнувшись и вцепившись в раму открытого окна, Маред замерла, все с той же мучительной сладостью, в которую переплавлялся стыд, осознав свою позу.

Прижавшись сзади, Монтроз задрал ей платье. Его руки гладили бедра и живот Маред то сквозь ткань шелковых чулок и белья, то по обнаженной коже, опалая прикосновениями. Щелкнули замочки подвязок, крепящих чулки к панталонам, тонкий шелк скользнул вниз, а за ним следом, повинувшись бесстыжим пальцам лэрда, упали и панталоны, царапнув Маред кружевом.

— Боги, какая же ты красивая... Девочка... Само совершенство... Не смей себя стыдиться, слышишь? Никогда. Ни в какой... позе... Ни перед кем...

Монтроз хрипло шептал ей на ухо восхищенные непристойности, целовал шею, ухо и щеку, горячечно и рвано дыша. И Маред окончательно забыла, что нужно стесняться собственной развратности. Мысли путались и плавились от осознания своей желанности. Для этого мужчины, знающего толк в женской красоте, избалованного и ею, и доступностью любых удовольствия... Для него — она, Маред, прекрасна!

И, оказывается, можно делать все, что хочется. Даже понимание, что сейчас ее возьмет чужой мужчина — не муж и даже не возлюбленный — и она сама на это соглашается, даже это делало происходящее только острее, слаще и неправдоподобно ярче, как во сне, когда не можешь и не хочешь сопротивляться.

— Девочка, — выдохнул ей в ухо Монтроз, погладив бедра Маред изнутри, а потом проникнув внутрь ее тела, безошибочно нащупывая местечко, от прикосновения к которому Маред выгнулась, а с губ сам собой сорвался стон. — Девочка моя...

Его пальцы скользнули дальше, в горячую влажную глубину, потом вернулись, покружили вокруг входа и снова расчетливо приласкали нужное место. Маред всхлипнула и

застонала в голос, не в силах сдерживаться. От мужской руки, ласкающей ее, словно били крошечные молнии, наполняя тело сладким иступлением, лишая стыда, заставляя содрогаться в упоительных судорогах.

— Ты ведь хочешь? — то ли спросил, то ли утвердительно сказал Монтроз, снова целуя ее в шею.

Его свободная рука погладила грудь Маред, набухшую и чувствительную даже сквозь корсет. Соски отозвались на прикосновение очередной вспышкой жара, и Маред смогла только двинуться назад бедрами, без слов умоляя...

К ее обнаженным ягодицам прижалось такое же нагое и горячее тело. Жесткая ладонь опустилась на поясницу, показывая, как следует прогнуться, а снизу между ног оказалось твердое, но шелковисто-нежное мужское орудие. Надавило, принося тягучее неудобство, сразу исчезнувшее, сменившееся восхитительным ощущением заполненности.

Ахнув, Маред прогнулась еще сильнее, едва понимая, что делает, раздвинула ноги, а внутри инстинктивно сжалась, чтобы усилить удовольствие. Сзади отчетливо и резко вздохнул Монтроз. Мучительно медленно подался назад, почти выскользнув, и снова толкнулся, найдя правильное, единственно возможное положение.

— Да... — всхлипнула Маред — Да...

И снова скольжение назад и толчок. Только сейчас Маред поняла, что в разных позах ощущения очень сильно отличаются! Вот так, сзади, все было куда глубже, полнее и беспомощнее. Если, лежа на спине, она могла хоть как-то сопротивляться при желании, то теперь оказалась в полной власти Монтроза, и только смутное осознание, что тому можно доверять, не давало испугаться. И еще, конечно, удовольствие.

Поначалу невыносимо сильное, почти болезненно острое ощущение чужой плоти внутри сменилось томно горячим, палящим, заставляющим тихонько вскрикивать и хотеть еще и еще.

Мотая головой, из последних сил упираясь руками в окно, Маред всхлипывала и стонала, подчиняясь каждому движению чужих властных ладоней на своих бедрах. Монтроз входил глубоко, так что в конце каждого толчка его плоть упиралась во что-то внутри, рождая огненную сладкую вспышку. Кусая губы, чтобы не кричать в голос, Маред послушно прогибалась, насаживалась и снова качалась к подоконнику, а самым диким, невозможно неправильным и восхитительным было то, что в этот раз ее никто не заставлял и не мог заставить. Все, что происходило, — одно на двоих горячее дыхание, сводящий с ума ритм и стоны, вспышки сладкого тягучего наслаждения, запах мужчины, его сильные руки и раскаленная плоть внутри — все это Маред выбрала сама.

И потому, когда Корсар, несколько раз дернувшись и вбившись особенно глубоко, со стоном обмяк, Маред, едва поняв, что случилось, почувствовала разочарование и глухую обиду. Тело горело, низ живота напрягся так, что почти болел, и Маред дернулась, пытаясь оттолкнуться и сделать что-то, сама не зная — что...

— Тише, девочка... Сейчас... — проговорил, задыхаясь, Монтроз, рывком покидая ее тело. — Сейчас все будет...

Развернув Маред, он торопливо поцеловал ее в губы, удерживая за плечо одной рукой, а вторую просунул между ног и погладил. Это было безумно приятно, но мало, совсем мало, и Маред снова дернулась, но тут же поняла, что Монтроз отступает назад ровно настолько, чтобы опуститься на колени. Перед ней на колени! И, подняв одну ее ногу, поставить себе на плечо.

Притиснутая к подоконнику, вцепившись в него сведенными пальцами, Маред не поверила бы глазам, но горячим губам, приникшим к ее разгоряченному средоточию женственности, и упругому умелому языку поверить пришлось. И это делают с ней?!

Понимание происходящего свело ее с ума даже сильнее, чем сами ощущения. Маред застонала, выгибаясь, бесстыдно подставляясь рту и пальцам Монтроза, творившим с ее телом что-то невообразимое. Она даже представить не могла, что можно отдаваться мужчине таким непристойным и волшебным приятным способом... Очередная сладкая волна захлестнула ее целиком, лишая мыслей. Содрогаясь в спазмах полной, невозможной эйфории и облегчения, Маред закричала, почти теряя сознание. Повиснув на подхватившем ее Монтрозе, сделала на подгибающихся ногах несколько шагов до кровати, села и вдруг неудержимо разрыдалась.

— Маред? Маред...

Крепко обняв за плечи, лэрд заглянул в ее лицо. Поднявшись, ушел к окну, сразу вернулся и прижал к губам Маред бокал, заставив сделать глоток. Бренди глотнулся, как вода, и только внутри обжег, так что рыдания перешли в кашель, а потом и вовсе успокоились.

— Маред, — очень тихо и ласково повторил Монтроз, глядя ее плечи. — Ну что ты, девочка... Все хорошо? Ложись... Я больше тебя не трону.

Она замотала головой, пытаясь сказать, что дело совсем не в это. Отчаявшись протолкнуть хоть слово в сведенное спазмом совсем не от бренди горло, потянулась и неловко ткнулась лицом в плечо Монтроза, сидящего без брюк и сюртука, но в рубашке. Обняла его сама, крупно дрожа всем телом и чувствуя, как снова к горлу подкатывают рыдания.

— Девочка моя...

— Узкие жесткие ладони все так же нежно гладили ее спину и плечи, и Маред постепенно расслабилась настолько, что смогла проговорить шепотом:

— Это неправильно. Так нельзя...

— Поверь мне, девочка, — отозвался Монтроз через несколько мучительно долгих мгновений тем же ровным мягким голосом, — неправильно ложиться в постель без желания и удовольствия. Неправильно отдаваться по принуждению. А сегодня все как раз было правильно. Ты ведь сама решила...

— Нет! — выдохнула Маред, поднимая голову и яростно глядя в бесстрастное лицо Корсара. — Я не об этом! Вы... не понимаете...

— Так объясни, — шевельнулись губы Монтроза, на лице которого, кажется, жили только глаза.

— Объяснить? Как? Но внутри бурлили мысли и чувства, так что Маред оттолкнулась от мгновенно отпустившего ее Монтроза и обняла себя руками за плечи. Чулки и панталоны так и остались лежать у окна, платье помялось, волосы растрепались, только на это было плевать. Как и на залитое слезами горящее лицо, и на мокрые, скользкие с внутренней стороны бедра. Все это осознавалось, но как что-то далекое, неважное.

— Я не могу так жить, — в отчаянии сказала Маред, глядя на пол перед собой. — Я думала, что одно лето как-нибудь выдержу. Что все будет иначе... Я бы терпела, будь это просто больно. А это не больно, это хуже — приятно! И я уже не знаю, что со мной происходит. Я все решила, понимаете? Еще вчера хотела сказать, что уйду. И вещи собрала — вон они, в комнате стоят. Но... я не хочу уходить. Я хочу работать у вас, ваша светлость.

Просто работать! Я даже мечтать не могла... Вы же юрист милостью богов, милэрд! И я хочу так же... И чтобы вы меня уважали, понимаете? А вы... вы думаете, что я только ради денег... И если я уйду от вас, мне же придется уйти из конторы! А там договор с франками... и еще два дела лично у меня... Да к Ллиру все! Ничего мне не надо, никаких денег, дайте хотя бы их закончить, я и бесплатно могу...

— Маред!

Монтроз рванул ее на себя, сгребая в объятия, крепко прижал к себе. Снова заглянул в лицо. Но Маред нес мутный поток истерики, неостановимой, выворачивающей душу наизнанку, и лэрд, поняв это, больше не сказал ни слова, только продолжал обнимать ее, невольно слушая сбивчивый шепот и всхлипы.

— Я не могу, не могу... Я не знаю, что делать. Мне нравится, понимаете? Нравится жить здесь, разговаривать с вами, спрашивать... Я за этот месяц узнала больше, чем за полжизни! И даже не о работе, а просто о людях. И это все вы, понимаете? Я как будто в скорлупе до этого жила, или в раковине, как устрица. Да боуги с ним, я бы с вами спала, если никак нельзя по-другому, только не ради денег! А теперь получается, что мне еще и спать с вами нравится. Я же думала, что ненавижу вас, что никогда, никогда... А теперь... Ох, да остановите же меня!

— Тише, тише...

Изнывая от смертельного, заслонившего все стыда, Маред снова уткнулась лицом в мокрую от ее слез рубашку на плече Монтроза. Прикусила губу, уговаривая себя молчать — все равно уже наговорила столько, что хоть топиться беги со стыда. И сбежала бы, может, не топиться, так просто подальше, но сил вырваться не было — Монтроз ее держал крепко.

— Ничего, девочка, ничего. Поплачь. Это нервное, — мягко звучал сверху его голос. — Плачь, не держи в себе. Знаешь, есть люди, которым необходимо и полезно чаще думать, а вот тебе, похоже, — вредно. Много лишнего надумываешь.

— Отпустите, — прошептала Маред.

Голова кружилась, перед глазами плавали цветные круги, но как же было хорошо! Из тела не просто ушло со слезами напряжение. Каждую частичку до кончиков пальцев на руках и ногах наполнило блаженное расслабление и чувство полноты бытия. И были приятны и низкий голос, и тепло сидящего рядом Монтроза, и его беспокойство с заботой.

— Отпущу, — легко согласился лэрд. — А ты ложись, хорошо? И на вот, воды попей.

Вода пришлась очень кстати. Маред жадно выпила стакан. Уже не стесняясь, стянула платье, содрала рубашку и, голая, забралась под тонкое одеяло. Монтроз, накинув халат, присел рядом, провел рукой по ее волосам, осторожно вытащил из них шпильки. Спросил тихо:

— Ты твердо решила уйти?

— Да, — прошептала Маред, глядя мимо него в полумрак дальней стены.

— Хорошо. Но место в конторе остается за тобой до конца практики, а там посмотрим. Я надеюсь, что ты вернешься ко мне на постоянную работу.

— Как... за мной...

— Обыкновенно, — хмыкнул лэрд, вставая с постели. — Я не готов отпустить настолько перспективную служащую. Кстати, ты об этом хотела вчера поговорить?

— Да... Ваша светлость, простите!

Маред приподняла голову от подушки, высматривая у двери темный силуэт.

— За что? — в голосе его слышался искренний интерес.

— Я опять лишнего наговорила.

Монтроз вернулся, наклонился и снова погладил ее по волосам. Сказал насмешливо-ласково, будто и не было ничего:

— Девочка, ну что поделать, если на искренний разговор тебя можно вызвать только двумя способами: выпороть или поймать. Спите, моя влюбленная в работу тье, завтра все обсудим.

И вышел, мелькнув в полосе света из коридора. Маред без сил опустилась на подушки. Хотелось плакать и смеяться одновременно. Она сможет уйти от Монтроза и остаться в конторе? Ну, а как еще понимать его слова? Наверное, будут какие-то условия... Но это завтра, все завтра.

Глава 16. Треугольник без углов

Предупреждая Эвелин, что сегодня снова ночует в городе, Алекс самым глупым образом злился. Злость была именно глупой, потому что несправедливой. Кто виноват, что его светлость не умеет распределить свое время между взятыми обязательствами? Флория обижена, потому что ей стало доставаться гораздо меньше внимания, а Анриетта не обязана отказываться от хорошей рекламы, потому что Алексу не нравится ее источник.

А еще — Маред. С которой тоже творилось боуги знает что. Нет, кое-что как раз было понятно: девочка вдруг обнаружила, что она не такая добродетельная и бесстрастная, как о себе думала. Ох, какой же она была этим вечером! Горячей, безумно искренней. Как она позволяла и сама шла навстречу, как плавилась в руках Алекса, отчаянно отдаваясь!

Он вспомнил напряженное, как струна, тело, хрипловатое неровное дыхание, стоны, которая девочка уже не могла сдерживать и солоноватый вкус ее тела во рту. И теперь, после подобного, Маред уйдет? Глупости какие! На самом деле она ведь хочет остаться, просто не может найти повода, который оправдает ее в собственных глазах. Брать деньги и пользоваться преимуществами связи с начальником ей стыдно. А признаться самой себе, что ей приятно заниматься этим с мужчиной, тье Уинни тем более не в состоянии. Вот и рвется на части, не в силах решить...

Шины новенького мобилера, только сегодня присланного с завода, чуть слышно шелестели по мостовой, «Драккарус» шел с привычной плавностью, и Алекс прибавил скорости. Огни фонарей за окном стали мелькать чаще, быстрее побежали назад силуэты домов и вывески. Но этой скорости было мало! Зачем покупать настолько мощный мобилер, если городские улицы ему тесны?

Алекс расстегнул воротник рубашки, повернул ручку ветродуя, но и это не помогло. Что-то мешало дышать полной грудью. Хотелось то ли вдавить педаль до предела, чтобы мобилер рывкнул и сорвался с места, то ли остановиться, выйти и пить сырой ночной холод, как воду. «Да ты сам не знаешь, чего хочешь, — хмыкнул он про себя, — а требуешь этого от других».

Ничего, это просто день сложный выдался. И определенно стоило послать все к боуги и остаться рядом с Маред. Уткнуться лицом в темные завитки на макушке, обнять и вдохнуть запах... Никогда у него не было женщины с таким запахом: будоражащим, и в то же время неуловимо спокойным, родным. Алекс не мог вспомнить, какими духами пользуется Маред и пользуется ли ими вообще. Такое чувство, что это был исключительно ее тела и волос. И сейчас именно им хотелось дышать, а никаким не ночным воздухом. Но — клуб. Анриетта, которой, возможно, нужна его поддержка. И Флория, которой эта поддержка точно нужна.

От мыслей о Флории на душе стало премерзко. Если предположить — только предположить! — что Маред могла бы остаться с ним, с Незабудкой придется расстаться.

Он сбавил скорость, въехав на оживленные улицы центра. Новый «Драккарус» шел так же мягко, как старый, но все-таки что-то было неуловимо иначе. Или это просто предубеждение? Алекс поморщился, вспомнив искореженный мобилер. Жаль было не деньги, а красивый мощный механизм, к которому он привык, словно к живому существу. Ладно, пустяки. Главное, что уцелела Маред. Говорила, что не имеет подруг, но помчалась ночью спасать эту бойкую рыжую девицу. Любопытно, как она объяснила тье Кармайкл, где взяла подобную роскошь? И каковы их отношения теперь? Девочке непременно нужны

близкие подруги, но подбирать их следует с умом. Тье Кармайкл, кажется, весьма неглупа, но вот насколько порядочна?

Подъехав к «Бархату» он оглядел площадку для стоянки. Белый «Кельпи» Анриетты, еще три мобилера, четыре легких летних экипажа... Интересно, что предпочитает АрМоаль? Его эльфийской части не противны механизмы? При этом франкский камерограф выглядит человеком современных взглядов и не нуждающимся в средствах... Он собирается купить «Бархат», весьма не дешевое заведение. Возможно, франк — тоже чье-то подставное лицо, как и Анриетта? Или богат настолько, что может позволить себе желаемый образ жизни, но не видит нужды пускать пыль в глаза роскошью.

Поставив «Драккарус» рядом с «Кельпи», Алекс откинулся на сиденье и потер пальцами ноющие виски. Да, стоило остаться дома, но пропускать сегодняшнее мероприятие нельзя. Ему чрезвычайно не нравилась идея съемок Анри, а еще больше не нравилось, что он мог причины этого. Ревность? Глупо! Анриетта раздевается на сцене перед толпой людей. Да и если бы у нее появился достойный мужчина, Алекс только порадовался бы. Но АрМоаль... Франк вызывал смешанное чувство: интерес, симпатию, настороженность и еще нечто первобытное.

Алекс усмехнулся, осознав, наконец, в чем дело. Венсан АрМоаль — хищник, зашедший на его территорию, вот что он чувствует. С другими посетителями клуба у него были равные, ни к чему не обязывающие уважительные отношения, но АрМоаль сумел нарушить сложившийся баланс одним своим появлением — и интересом к Анри. Еще Незабудка, глупышка. Теперь Алекс выглядит неспособным управиться даже с фавориткой, а Анри явно отвечает на интерес франка. Что ж, теперь хоть что-то прояснилось.

Он кивнул портье и прошел по коридорам привычно оживленного клуба. Поздоровался с парой знакомых и попросил официанта принести сладкого чая покрепче. Где идут съемки, в малом зале? Значит, туда.

Ночные бдения давно перестали даваться с юношеской легкостью, после тридцати лет Алекс стал ценить возможность выспаться, но сегодня ночью сном стоило пожертвовать. Ради съемок Анри не стала закрывать клуб, так что ресторация и большой зал для представлений работали, но точкой притяжения завсегдатаев явно стал второй зал, поменьше.

Подойдя к дверям, он замер, прислушиваясь. Просто чтобы уловить атмосферу. Из полуприкрытой двери слышалось ровное гудение, женский смех и четкие негромкие команды знакомым голосом. Слов Алекс разобрать не мог, но тон не оставлял сомнений: франк именно распоряжался.

Пройдя внутрь, Алекс остановился в нескольких шагах от подиума, не скрываясь, конечно, но и не отвлекая внимание на себя. Дружески кивнул Абсенту, у окна обнимающему за плечи Эмбер — это ее звонкий смех слышался даже снаружи — глянул на подиум. И даже не удивился, что его появление осталось незамеченным. Анриетта всегда умела полностью отдаваться выступлению, а АрМоаль... франк работал.

Алекс невольно залюбовался. В камерографии он не разбирался, полагая, что задача снимков как можно точнее передать оригинал — это ведь не живопись. Но здесь творилось нечто иное, подобное искусству. Верхний свет в зале был потушен, подсветка подиума — тоже, вместо этого над ним возвышалось несколько ламп на длинных гибких ножках. Их лучи скрещивались в центре подиума — и этим центром стала Анри. Он вспомнил, что говорила Незабудка о ночных съемках. Что-то про то, что франку не нравилось, как

естественный свет сочетается с тьме Ресколь... И снова Алекс почувствовал болезненный укол ревности, смешанной с восхищением — уж чужому мастерству он всегда отдавал должное.

АрМоаль лепил из света и теней новую реальность, сосредоточенную только на Анри, созданную для нее. Резкие лучи и мягкие световые потоки сплетались вокруг полуобнаженной фигуры, замершей посередине подиума. На Анри были узкие черные брюки, не мужские, но непристойно откровенные, облегающие ее, словно вторая кожа, и черный же корсет. Босая, с распущенными волосами, она стояла перед франком, роняющим отрывистые указания. Алекс прикусил губу, замерев и боясь шевельнуться, чтоб не рассеять странное чувство, охватившее его.

В свете странных ламп кожа Анриетты сияла теплым золотом, на гладких черных волосах мелькали блики. Алекс рассматривал тонкий профиль, линию шеи и очертания тела, узнавая и не узнавая его — такой он Анри никогда не видел. Разве что в танце, но там все было построено на движении, а сейчас мгновение остановилось, наполнившись зыбкой волшебной красотой.

Кто-то тронул его плечо, и Алекс, обернувшись, взял чашку с подноса, молча поблагодарил кивком и снова впился глазами в сцену.

Анри что-то ответила АрМоалю, сделала пару шагов назад и одним гибким движением опустила на большое полотнище белой ткани. Черное, белое, золотое... Алекс на миг зажмурился, так это ударило по глазам и обострившимся нервам. Франк отошел и принялся колдовать над ближайшим светильником, поворачивая его и изгибая. Под страхом смерти Алекс не сказал бы, в чем разница, но через пару минут АрМоаль удовлетворенно кивнул и подошел к большой камере на высоком треножнике. Анри улыбнулась, подняв одно колено, обняла его руками и запрокинула голову...

— Хорош, верно?

— Что?

Алекс вынырнул из черно-бело-золотого марева, виновато глянул на подошедшую Шэннон.

— Прости. Что-то я... засыпаю на ходу.

— Так неудивительно, — хмыкнула та. — Третий час ночи. Хорошо работает, говорю. Пар-р-ршивец.

В голосе Арины слышалось неприкрытое восхищение с привкусом злости, и Алексу стало легче: не только у него франк вызывает особые, скажем так, чувства.

— Присоединяюсь, — буркнул он, не отрываясь от происходящего.

— Он сначала снимал Эмбер, — тихо сказала Шэннон. — И ведь ни одного лишнего слова, ни одного движения — даже не коснулся ни разу. А Эмбер так растаяла, что захоти он — отдалась бы прямо на сцене. Будто в представлении. Ей, конечно, до Анриетты далеко, но...

— Шэн, помолчи, будь добра, — тихо и очень ласково попросил Алекс.

— А... да, хорошо.

Она сочувственно покосилась на Алекса и отошла. Он же поднес к губам кружку с остывшим чаем, сделал глоток. Холодная сладкая жидкость смочила пересохший рот, увлажнила горло. Алекс пил мелкими глотками и смотрел. АрМоаль работал. И Анриетта работала вместе с ним и для него. И — Шэннон права — больше всего это походило на представление, необычное, но безумно красивое.

Менялся свет, менялись цветные ткани для фона, и, главное, менялась Анри. Она смотрела на АрМоалья сияющими глазами и улыбалась, садясь, вставая и ложась, как велено. Собирала и снова распускала волосы, подавалась вперед — к франку! — и откидывалась назад, гибкая, как вставшая королевская кобра, и трепещущая, как птица, на которую эта кобра охотится. Это был танец, в котором франк ловил мгновения неподвижности, и Анри замирала для него, одновременно охотник и добыча, каждым взглядом и улыбкой подтверждая связь между собой и проклятым камерографом.

— Милэрд?

Незабудка подошла неслышно и встала рядом. Потом потерлась щекой о плечо Алекса, коснулась губами его рубашки. Алекс обнял ее, дыша сладкими духами, смешанными с запахом сигарилл.

— Вы видите, милэрд? Видите? Как она...

Лучше бы она молчала. Алекс почувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение. На Флорию и звучащую в ее голосе мелочную гадкую зависть, и на самого себя за то, что на миг позволил поддаться ревности. Он почти с отчаянием смотрел на сцену, где ему не было места, да и Луг сохрани, разумеется, но... Ведь не получится просто сделать вид, что все по-прежнему и ничего не было.

АрМоаль легко спрыгнул с подиума, подошел к нему и поклонился.

— Доброго вечера, ваша светлость.

Алекс глянул в безмятежный прищур голубых глаз, спокойное, вежливо улыбающееся лицо.

— Флория, милая, — обернулся он к Незабудке, даже дышать, кажется, переставшей. — Будь любезна, закажи нам чаю? Мне как обычно, а тьену АрМоалю... «Черный дракон», так?

— Да, прошу, — подтвердил франк. — То, что нужно для ночной работы.

Повернувшись к сцене, он громко окликнул всех:

— Перерыв на двадцать минут. А потом меняем свет и работаем дальше. Тье Ресколь, вы можете пока переодеться.

Снова повернулся к Алексу и поинтересовался:

— Разбираетесь в камерографии?

— Ни в малейшей степени, — честно признался Алекс. — Но мне нравится. Очень... красиво выглядит.

— Модель идеальна, — отозвался АрМоаль, провожая уходящую Анри взглядом, в котором самый пристрастный наблюдатель заметил бы только профессиональное восхищение. Разумеется, профессиональное! Не больше... — Я счастлив, что смогу поработать с тье Ресколь.

— Все-таки пока еще тье Ресколь, не Анриетта? Или это ради окружающих такая сдержанная вежливость?

— Она очень красива, — сдержанно подтвердил Алекс.

— Да не в красоте дело! — махнул рукой франк, оживляясь и сбрасывая маску бесстрастности. — Как ее любит камера! Вы потом поймете. Увидите снимки — и поймете. Это будет прорыв в искусстве камерографии!

— О снимках... — медленно начал Алекс. — Венсан, я могу просить вас об одолжении?

— К вашим услугам.

— Я хотел бы заказать вам снимки Флории. Подождите, — мягко попросил он нахмурившегося АрМоалья. — Я помню, что вы говорили. Камера ее не любит... Этс

неважно. Флория не собирается быть актрисой или журнальной моделью. Просто я хочу сделать ей подарок. И можно попросить, чтобы инициатива исходила от вас? Флория не уверена в себе...

— Понимаю.

АрМоаль глянул на карманные часы.

— Я сделаю сегодня с ней несколько снимков. Попытаюсь выжать что-то интересное. Одну-две камерографии отберу для выставки. И...

Он улыбнулся Алексу и сказал чуть громче, метнув быстрый взгляд через его плечо:

— Я премного благодарен вам за разрешение!

Алекс обернулся, посмотрел в загоревшиеся недоверчивой радостью глаза Незабудки. Взял с принесенного ею подноса чашку с чаем, светлым, в отличие от почти черного напитка франка и сказал небрежно:

— Флория, тьен АрМоаль хочет, чтобы ты ему позировала. Ты согласна?

— Вы позволяете?!

— Конечно, милая, — пожал плечами Алекс.

Он снова притянул к себе залепетавшую что-то несвязно-благодарное Незабудку, поцеловал в щеку, и Флория умчалась, причитая, как же теперь успеть привести себя в порядок.

— Она вам дорога, — констатировал АрМоаль, пригубив чай.

— Алекс!

Анри, вынырнувшая из боковой двери, сияла, как начищенный золотой дублон. Она и вправду переделалась, снова в черное, но совершенно в другом стиле. Теперь — Алекс едва не поперхнулся чаем — на ней была белоснежная рубашка с пышным кружевным жабо и манжетами, угольно-черный бархатный камзол с золотым шитьем и узкие черные штаны, тоже бархатные, из-под которых ниже колена виднелись шелковые белые чулки. На женском теле, стройном, но округлом, выглядело это...

Алекс сглотнул и невольно облизал губы.

— Ты все-таки приехал!

О да, хотя его не приглашали- благодарение Флории, вовремя поделившейся новостями. И снова укол то ли ревности, то ли злости.

Он стряхнул неприязненное чувство — ведь это же Анри, и она счастлива, так чего еще желать? Улыбнулся с вернувшейся искренностью, обласкал откровенно восхищенным взглядом, обернулся к АрМоалю.

— Это тоже для съемок?

— Вам нравится?

Франк рассматривал Анри с такой гордостью, словно был художником, а она — его шедевром.

— Тьен Венсан хочет снять галерею исторических образов.

В глазах Анри плясали крошечные шаловливые искры-боуги. Она улыбнулась франку — для нее уже просто Венсану, отметил Алекс, — и одним легким прыжком взлетела на подиум.

— Исторические образы?

— Да. Публика будет шокирована женщинами в мужских костюмах, но очарована их красотой.

Улыбка АрМоаля была совершенно спокойной, просто безмятежной.

А возле подиума появилась Незабудка. Распущенные и тщательно уложенные локонами волосы, новое платье серебристо-белого шелка — где только успела найти? Франк тоже посмотрел в ту сторону, поморщился:

— Нет, совсем не то... Простите...

Быстрыми упругими шагами он подошел к Флории, что-то сказал и небрежным движением руки взлохматил прическу. Оглядел — и снова уронил пару слов. Флория покорно помотала головой — Алекс смотрел, онемев от изумления, как рассыпаются в беспорядке блестящие светлые пряди.

— Для начала хватит, — услышал Алекс.

Просияв, Незабудка обернулась и посмотрела, как ребенок, которому подарили целый ворох игрушек. Алекс улыбнулся и кивнул ей в ответ. Отпил чай, совершенно не чувствуя, чтобы первая чашка принесла хоть какую-то бодрость. И снова некстати вспомнилось, что Маред сейчас спит, наверное. А он давно не видел, как она просыпается. Как щурится и тянется спросонья, разомлевшая, уютно-теплая...

На подиуме франк снимал Флорию. Работал честно: заново поправлял освещение, выбирал фон... Сам Алекс всю жизнь полагал, что Флории, как и всем блондинкам, идут нежные, но яркие цвета. Однако сейчас Флория была в ослепительно-белом и казалась невозможно изящной и пугающе хрупкой. Кожа лица, декольте и обнаженных рук светилась изнутри то ли мрамором, то ли жемчугом. И Алекс никак не мог понять, чего не хватает франку в этой безупречной красоте. Почему камерограф морщится и смотрит на Незабудку искоса, явно скрывая недовольство.

Наконец, сделав несколько снимков, он взмахнул рукой, подзывая Анри.

— Вдвоем? — спокойно уточнила та. — Как нам встать?

А вот Флория вспыхнула, на фарфоровом личике появилась недовольная гримаска, впрочем, мгновенно растаявшая. Повинуясь указаниям, Флория послушно опустилась на очередную подстилку-фон, а рядом откуда-то быстро появилось кресло, в которое села Анри.

Алекс смотрел, злясь на АрМоаля, но не в силах им не восхищаться. Неизвестно, каким он был ресторатором, но камерографом — по благословению богов. В зале вдруг стало тихо. Замолчала щебечущая Эмбер, ни звука не долетало от стены, где стояли еще несколько человек, и даже охранники, притаившие кресло, отошли от подиума на цыпочках.

Анри слегка наклонилась к Флории, сидящей у ее ног. Самая обычная поза у обеих, если рассматривать по отдельности. Только вот сейчас сцену пронизывали невидимые струны, пока молчащие, но уже напряженные. Алекс замер, затаив дыхание. Четкий тонкий профиль Анриетты — как золото старой камеи, холодный мрамор лица Флории. Черный бархат и белый шелк одеяний. Вот Незабудка упрямо сжала губы, словно сопротивляясь, и Венсан шагнул к ним. Сказал что-то уже с раздражением, Флория послушно чуть сменила позу, развернув плечи, и все-таки это было не то.... Струны не дрожали, композиция была совершенна, но мертва.

И тут Анри, тихо, почти неслышно уронила несколько слов, едва шевеля губами. Услышала ее только Флория. А результат — увидели все. И без того большие глаза Флории стали огромными, растерянно-злыми, ненавидяще-яростными, — и это все разом. Она подалась к Анриетте, на миг замерев в изломанной позе, приоткрыла губы...

— Готово! — крикнул АрМоаль, и Алекс увидел на усталом лице франка широкую счастливую улыбку. — Великолепно, милые тье!

Камерограф прыгнул с подиума — и зал ожил. А Алекс беспомощно смотрел, как Флория, вскочив, убегает в ту же боковую дверь. В восхищенном гомоне вокруг он слышал, как завидуют моделям, как обсуждают происходящее, а раздражение внутри сменилось тянущей тоскливой тревогой. Хотя с чего бы?

— Ну вот, — сказал подошедший франк. — Хоть под конец ваша девочка ожила. Талант! Не она, конечно, а тье Ресколь. Зато вот эту камерографию я непременно возьму для выставки. Если не возражаете.

— Нисколько, — обреченно ответил Алекс, ища взглядом Анриетту. — Вы еще будете снимать?

— Завтра, пожалуй. Модели устали, да и я хочу посмотреть, что вышло.

Франк был доволен, это читалось хриловатых нотках утомленного голоса и сытом, удовлетворенном блеске глаз. И Алекс его понимал, как всякого мастера, чей труд увенчался успехом, но что теперь ему самому?

Извинившись, он отошел и набрал на фониле номер Незабудки. Однако та свой отключила. Дурочка...

Клятвенно пообещав устроить долгий и сложный разговор, Алекс прошел за сцену, постучал в хорошо знакомую комнату-гримерку и, дождавшись ответа, толкнул дверь.

Анри, уже скинувшая театральный костюм, сидела в одном халате и тщательно стирала с лица остатки краски.

— Алекс! Ну как тебе?

Улыбка ее выглядела абсолютно искренней и неподдельно радостной.

— Изумительно, — тоже искренне признал он. — Божественно... Анри...

Он осекся, разглядывая лицо подруги, капельки влаги на смуглой коже, чуть приподнятую распухшую губу и блестящие глаза — как после любовного соития. Но это бред, ничего подобного Анри не могла бы успеть, да и с кем? И все-таки страсть витала в воздухе гримерки.

— Что, дорогой?

Алекс подошел ближе, присел на стул у стены. Спросил откровенно:

— Анри, тебе не кажется, что это слишком?

— Слишком, почему?

И снова Анриетта была безмятежно спокойна. Так спокойна, что это уже едва-едва, но отдавало игрой.

— А ты сама не понимаешь?

Он потер пальцами снова разнвывшиеся виски, запретив себе злиться. Ничего не происходит. Почти ничего.

— Алекс...

Вздохнув, Анри повернулась от зеркала к нему, бросив испачканный кусок ваты на столик.

— Алекс, — повторила она. — Ты можешь объяснить, что случилось? По-твоему, снимки слишком откровенные? Но я танцовщица с раздеванием, от меня ждут эпатажа. Я же не голой снимаюсь. Что тебе не нравится?

— Все, — честно ответил он. — Анри, ты понимаешь, как это выглядит со стороны?

— С чьей именно стороны? — хладнокровно уточнила Анри. — Твоей, моей, Венсана, окружающих?

— Да он чуть не уложил тебя на этой сцене! — не выдержал Алекс, с трудом сдерживая

голос. — Причем выглядело так, словно тебе этого хотелось.

Анриетта молча смотрела на него.

— Прости, — тихо сказал Алекс, мгновенно потухая. — Прости, пожалуйста. Дело не в ревности. Я не собираюсь тебе указывать, как себя вести. Тем более — с кем встречаться. Но будь осторожнее. Думаешь, он просто так вьется вокруг клуба?

— Я думаю, — очень спокойно и рассудительно ответила Анри, — что сейчас он вьется вокруг меня. И это значит, что у меня будут очень хорошие снимки, лучшие из возможных. Алекс, ты же ничего не понимаешь в том, как создается искусство. Когда художник или камерограф хочет модель — это чувствуется. И это прекрасно для снимков или картины. Это просто работа.

— У тебя работа, — буркнул Алекс, злясь на себя за вспышку. — А у него?

— А мне какая разница? — усмехнулась Анри. — Не беспокойся, я не собираюсь с ним спать.

— Тогда не заиграйся, — уронил Алекс. — И если почувствуешь что-то неладное...

Дождавшись кивка Анри, он вышел из комнаты, а потом и из клуба, чувствуя себя отвратительно беспомощным, словно земля вдруг закачалась под ногами. Флория отключила фониль. А верная влюбленная Анриетта... Но ты же сам хотел, чтобы она стала не такой влюбленной? Вот только мужчину для увлечения Анри выбрала неудачно — вряд ли АрМоаль позволит с собой играть и, тем более, использовать. И что такого она сказала Незабудке? Возвращаться, чтоб узнать, не хотелось. Алекс всерьез опасался, что в таком состоянии серьезно поссорится с Анриеттой. Она ведь ему гораздо дороже Флории, стоит честно признать, но Флория вправе рассчитывать на защиту.

Что ж, сегодня они все были хороши. Надо выслушать Незабудку, и если Анриетта действительно ее обидела, честно разобраться.

Не торопясь садиться в мобилер, он стоял рядом, с удовольствием дыша ночной свежестью. В детстве ему казалось, что ночью дышишь темнотой, прохладной, успокаивающей. Снова и снова, глядя на редкие уличные огоньки, Алекс понимал, что запутался.

Незабудка — привычная, послушная. Иногда доставляет хлопоты, но и это лишь привносит чуточку остроты в давно приевшиеся отношения. Зато в постели прекрасна и, пожалуй, искренне дорожит Алексом.

Анри — больше подруга, чем любовница. Чудесная женщина, понимающая без слов, бесконечно терпеливая и всегда готовая поддержать. Если б только не мелькающая в ее глазах тщательно скрываемая тоска безнадежной влюбленности, на которую Алексу нечем ответить, кроме благодарности.

И Маред, с которой все сложнее и непонятнее. То, что начиналось, как развлечение, незаметно разрослось, запустив корни в сердце, стало чем-то большим, важным. Иногда Алекс видел в Маред самого себя, только он даже в раннем детстве не был таким наивным и жаждущим чужой теплоты. Девчонка же то избегает Алекса, то ластится, как подобранный котенок, только-только поверивший, что его не выкинут обратно. Умная девочка. Честолюбивая, отчаянно работающая, талантливая. Конечно, достойная большего, чем роль постельной игрушки. Но вот что с ней делать, Алекс не знал.

И только гораздо позже, уже привычно выпив на сон пару глотков бренди, Алекс вдруг подумал: чтобы найти выход, неплохо бы понять, куда собрался идти. А то ведь может оказаться, что в треугольнике, посередине которого стоишь, вовсе нет углов, а ты сам их

придумал и бьешь лбом о несуществующие стены.

* * *

В этот раз Маред собиралась в контору с твердым намерением поговорить с Монтрозом, как только лэрд стряпчий окажется в пределах досягаемости. И именно поговорить, а не...

Вспомнив вчерашнее, она густо, мучительно покраснела, а взгляд, отражающийся в зеркале ванной, стал блудливо-смущенным. Или это только показалось?

Скинув пеньюар и встав под прохладную воду, Маред торопливо намылилась самой жесткой мочалкой, до болезненной красноты растирая тело, но память продолжала подсовывать непристойные картинки и ощущения. А уж то, чем все закончилось!

До отказа выкрутив вентиль холодной воды, Маред запрокинула голову, подставила лицо под ледяные струи, но и это не помогло. Кожа горела, соски напряглись, и хотелось провести по ним рукой, чтобы проверить, действительно ли они такие жесткие, какими кажутся?

Сдавшись, она вернула горячую воду, размазала по коже пену ароматического мыла. Посмотрела на гладкую плитку, превратившую стену ванной комнаты в подобие зеркала. Там смутно виднелся силуэт обнаженного тела. Маред вздохнула. Приличные женщины не разглядывают себя нагишом, им это в голову прийти не может. «А где ты здесь видишь приличную женщину, дорогуша? — ехидно спросила она себя. — Поздновато считать, что ванная комната служит только для поддержания чистоты тела».

Она присмотрелась, но стена покрылась паром, и отражение исчезло. Горячая вода и душистый воздух мгновенно вернули томное расслабление, и Маред провела руками по телу. От самой шеи по груди, затем ниже, оглаживая талию и живот, еще ниже к бедрам... В ушах звучал голос лэрда, искренний, восхищенный, страстный. Конечно, в такой момент похвалам вряд ли стоит верить, но... ведь она и в самом деле красива? Монтроз подтверждал это взглядами, словами, действиями! Он выбрал ее сам и на многое пошел — лишь бы заполучить. Значит, она хороша. Желанна. Даже для опытного, искушенного и избалованного мужчины!

Но почему же — стало ей вдруг горько и обидно — Эмильен никогда не любовался ею так? Ухаживая, он говорил комплименты, но сдержанные и осторожные. Воспитанные. Маред слышала, что у нее прелестная улыбка, что ее глаза похожи на небо в ясную погоду, что... А других она и припомнить не могла. Но разве она состоит из одной улыбки и глаз?

Маред снова провела руками по телу, которое отозвалось ярким, почти болезненным удовольствием. Да, она не изящна, как настоящие красавицы. Грудь крупная, как и бедра, но талия тонкая даже без корсета... И, главное, ей не нужно смотреть на себя в зеркало, чтобы понять, красиво то, что она видит, или нет. Лучшим отражением ее красоты была страсть в глазах Монтроза. Так почему же Эмильен лишил ее удовольствия чувствовать себя желанной? Ведь он мог законно любоваться ею когда угодно. Смотреть, как она одевается и раздевается, оставлять немного света в спальне... Щадил ее стыдливость? Маред охотно пожертвовала бы толикой стыдливости в обмен на...

Но даже представить Эмильена на коленях, его язык у себя между ног... Невозможно! Немыслимо... Она облизала губы, вспомнив совет лэрда приласкать себя самой. Нет, до такого она доходить не собирается.

«А отдаваться ему на подоконнике ты, значит, собиралась? — снова ядовито уточнила она у самой себя. — Нечего сказать, пришла попрощаться. Вещи даже собрала! А уходить не хочешь! Тем более что тебя даже в конторе оставить пообещали...»

Она нерешительно скользнула пальцами между скользких от мыла бедер. Погладила легонько, чуть нажала... Тело вспыхнуло, будто только этого и ждало! Ахнув, Маред почти отдернула руку, но пальцы сами потянулись дальше... Закусив губу, она нерешительно гладила себя, перебирала влажные скользкие складочки нежной плоти, с каждым прикосновением все больше изнемогая от удовольствия. Неловко изогнувшись, просунула палец чуть глубже — и поняла, что на каждом крошечном участке ее плоть отзывается совершенно по-разному. Трудно даже понять, где приятнее!

В ванной вдруг резко запахло миндалем — это она нечаянно толкнула локтем флакон жидкого мыла, и тот упал, разливаясь. Маред словно прошило молнией. Сверкнуло яркое — цветом, звуком, запахом и всеми остальными чувствами — воспоминание, как Корсар заставил ее встать лицом к стене и вымыл. Сначала голову, ласково и нежно перебирая волосы, потом остальное тело. А потом, когда Маред, уже покорившись, ждала, что ею овладеют, просто приласкал, заставив признать, что это приятно...

Палец будто сам безошибочно нашел скользкую плотную горошину... Погладил, обводя вокруг, прижал сверху, снова погладил, уже быстрее... Уже знакомая медовая горячая волна разлилась по телу, заполняя его целиком, от самого укромного уголка до пылающих щек. Задыхаясь, захлебываясь попавшей в рот водой, Маред выгнулась в невозможно сладкой судороге, лаская себя все сильнее в попытке продлить удовольствие. Перед глазами плясали яркие блестящие искры, а по телу разливалась истома, заставляя тихонько стонать. И только мгновенный ужас опоздания на работу вдруг заставил ее очнуться, оставив расслабленной и мучительно соображающей, куда бежать и что делать.

* * *

Сегодня Алексу работалось особенно хорошо, просто отменно. Он проснулся, чувствуя себя совершенно освеженным, и приехал в контору за час до обычного времени. Сделал комплимент Кэролайн и выпил чаю, пролистывая страницы ежедневника в предвкушении работы. Словно отвечая его азартному настрою, мир улыбался навстречу. Два давно тянувшихся дела вдруг сдвинулись в сторону разрешения, потом позвонил выгодный клиент, а Бреслин отчитался, что семья Симмонсов переехала в уютный пансионат под наблюдением.

И даже новости не испортили настроения, хотя в политической колонке промелькнула фамилия, которую Алекс бы с удовольствием увидел в разделе некрологов. Очень уж редкостным мерзавцем был почтенный тьен Грэмшот, его давний, еще из юности, клиент. К превеликому удовольствию Алекса, судьба их развела — Грэмшот стал политиком, и юристы у него появились свои, прикормленные и не брезгливые. А теперь он, значит, изволит претендовать на место спикера в Палате общественных представителей...

Алекс поморщился и от души пожелал новоиспеченному кандидату с треском провалиться. И на выборах, и вообще к боуги!

Отложив газету, он попросил Кэролайн вызвать Уинни из контрактно-корпоративного и приготовить чаю с бутербродами, раз уж время стремительно близится к обеду.

— Конечно, ваша светлость, сию минуту, — прощбетала из приемной секретарша и

кокотливо поинтересовалась: — Простите, а я могу потом немного задержаться?

— Смотря для чего, — сурово сообщил Алекс. — Я категорически против задержек, но если вам, например, нужно обсудить с тьеном Хендерсоном рабочие вопросы... Это я одобряю.

— Да-да-да, — затараторила обрадованная Кэролайн, не иначе, как по волшебству влетая в кабинет с подносом уже готовых канапе и чая. — Исключительно рабочие вопросы, ваша светлость!

Очаровательно розовея щечками, она бросила на Алекса лукавый просительный взгляд из-под ресниц.

— Бегите уж, — усмехнулся он, с удовольствием окидывая взглядом ладную фигурку Кэрри в нарядном платье. — И можете не торопиться — думаю, у тьена Хендерсона к вам очень много... рабочих вопросов. А вы, тье Уинни, проходите, прошу.

Девчонка настороженно мялась на пороге. Алекс дождался, пока она войдет, встал из-за стола, обойдя замершую Маред, и прикрыл дверь, щелкнув замком. Шагнув к девушке, положил ей на плечи ладони.

— Как вам спалось, дорогая? — шепнул в самое ухо, мгновенно покрасневшее, словно слова его обожгли.

— Прекрасно, благодарю, — холодно-вежливо сообщила Маред, снова изображая статую оскорбленной, но терпеливой невинности.

— Я рад, — сообщил Алекс, коснувшись губами нежной щеки и с сожалением отстраняясь. — Садитесь, прошу.

Вернувшись к столу, он разлил по чашкам чай и небрежно сообщил:

— На вопросы в отделе можете сказать, что я беседовал с вами о жизненных планах после окончания Университета. Тем более что это будет правдой.

— О моих планах? — все так же настороженно уточнила Маред, опускаясь на стул с явным облегчением: близость бутербродов ей казалась явно безопаснее, чем близость Алекса.

— Вы не передумали расторгать наш контракт? — прямо спросил Алекс, дождавшись, пока девушка съест канапе с ветчиной и оливками, запив его чаем.

— Нет.

Маред хмуро опустила взгляд в чашку, перестав есть, и Алекс вздохнул:

— Возьмите еще, будьте любезны. И привыкайте, что содержание застольной беседы не имеет отношения к еде. Иначе на переговорах будете вечно голодной, а из-за этого нервной и невнимательной. Кстати, еда прекрасно помогает потянуть паузу, когда нужно.

— Благодарю, учту, — ехидно согласилась Маред, но канапе, в этот раз с семгой, свежим огурцом и сыром, послушно взяла.

Алекс тоже выбрал бутербродик, откусил и прожевал, делом подтверждая собственные слова. И подумал, что если разговор удастся, непременно нужно снова пригласить Маред в «Азимут».

— Что ж, — спокойно сказал он, — ты, конечно, имеешь на это право. И если разрывать договор, то именно сейчас. Пока все не зашло настолько далеко, что скрывать от себя самой некоторые вещи станет совсем невозможным.

— Какие вещи? — осторожно сунулась в ловушку Маред.

— Очевидные, — ласково сообщил Алекс. — Например, что при всей вашей порядочности вам все-таки нравится быть с мужчиной. Или снова будете упорно убеждать

меня в обратном?

— Не буду, — сухо сказала Маред и поставила чашку на стол. — Ваша светлость, нельзя ли ближе к делу? Вчера вы дали мне обещание... Однако, если изменили мнение и передумали... я пойму.

— И даже в таком случае не согласитесь остаться? — уточнил Алекс, наслаждаясь наблюдением за этой новой Маред, восхитительно упрямой, что-то решившей и полагающей, что этого достаточно.

— Не соглашусь, — заявила девчонка почти бесстрастно, только пальцы снова сжались на ручке чашки словно в поисках опоры.

— Хорошо, — сказал Алекс, откинувшись на спинку кресла и, отпив чаю, неторопливо продолжил. — Но скажите мне, будьте любезны... Я ведь играл с вами честно? Выполнял обещания?

— Да... — еще сильнее насторожилась Маред.

— И давал вам поблажки? — мягко добавил он. — Разумеется, я говорю не о том, что предложил сам, вроде уроков вождения, а исключительно о... предмете нашего договора.

— Давали... — подтвердила Маред, краснея. — Ваша светлость, говорите яснее, прошу.

— Тогда я полагаю, — негромко и очень уверенно уронил Алекс, — что тоже заслужил право попросить... поблажку, скажем так.

Он протянул руку, тщательно выбрал аппетитный бутербродик с белужьей икрой и каперсом. Медленно, с удовольствием его съел. Маред, чуть прикусив губу, молча ждала, и мысленно Алекс поставил ей балл за терпение. Девочка учится...

— Я потерял впустую достаточно времени, пока мы были вместе, — сказал он тем же ровным деловым тоном. — И не всегда получал то, чего мне хотелось, вы согласны?

Маред кивнула, вцепившись обеими руками в чашку и едва дыша. Неужели боится? Обидно, если девочка до сих пор ему настолько не доверяет.

— Вы можете просто разорвать контракт, — напомнил Алекс, боясь перегнуть палку. — Доработаете лето, а через год — обещаю — я возьму вас на постоянную работу. Вы обещаете вырасти в прекрасного стряпчего, тье, и терять перспективную служащую я не хочу. Думаю, с вашей платой за учебу мы решим. Например, я дам вам беспроцентный кредит с длительной рассрочкой.

— Я и так вам должна за... многое, — угрюмо напомнила Маред.

— Ах, девочка, — усмехнулся Алекс, расчетливо понижая голос и переходя на фамильярное обращение. — Если бы ты знала, скольким людям должен я, причем отнюдь не деньги. Про меня много чего говорили, иногда заслуженно, однако в жадности к своим работникам еще никто не обвинял. Отдашь когда-нибудь. Но это первый вариант. Если ты считаешь, что просто встать и уйти будет правильно.

— А... второй?

Пожалуй, милая тье, любопытный и совестливый котенок, уже влезла в ловушку всеми четырьмя лапками, хотя думала, что может выскочить в любой момент.

— Второй, — обыденно сказал Алекс, допивая чай, — это если вы считаете, что долги следует выплачивать не только по контракту, но и по совести. Я прошу у вас две недели, тье Уинни. Еще две недели рядом со мной, но в этот раз честно. Никаких отговорок, как вам страшно и противно. Или вы говорите, что не согласны, и сбегаете, или...

— Или — что?

Ловушка щелкнула, захлопываясь.

— Или, — ласково продолжил Алекс, ловя взгляд девчонки своим, — ты признаешь, моя девочка, что вчера — это тоже была ты. Настоящая ты, а не чье-то представление о морали. Тебе ведь понравилось, Маред. Когда ты позволила себе быть живой и свободной, это оказалось восхитительно, верно? И когда я доставлял тебе удовольствие, никакая нравственность тебя не беспокоила. Во всяком случае, не настолько, чтобы отказаться. Так вот, я прошу две недели. Не требую, заметь. И если ты останешься, то обещаешь мне просто быть искренней, только и всего. Не топорщить иголки, когда тебе приятно, и не врать. Хотя это страшно, я понимаю. Увидеть свои истинные желания и чувства — это всегда страшно.

Маред сидела уже полностью красная: щеки, уши, шея над воротником-стойкой. И если бы сейчас она начала торговаться и уточнять условия — Алекс даже дыхание затаил, ожидая этого и боясь, — все бы рухнуло. Еще одной сделки он не хотел, готовясь тогда отказаться вообще. Но девчонка прошептала дрожащими губами:

— А... если я не смогу?

— Уйдешь, — пообещал Алекс, изо всех сил веря в то, что говорит. — И я не стану удерживать.

— Две... недели?

— Две недели. В моей постели и везде, куда я вас поведу. Постараюсь не портить вам репутацию, тье, но из раковины, как вы вчера изволили назвать свою прошлую жизнь, вытряхну.

— Хорошо...

Девчонка закрыла глаза, быстро облизнула губы и повторила с отчаянием приговоренного, отказывающегося от помилования:

— Хорошо, я согласна. Две недели.

— Вот и прекрасно, — мягко подытожил Алекс. — Думаю, новый контракт заключать не будем? Поверю вам на слово, коллега.

Глава 17. Страхи и победы

Из кабинета лэрда королевского стряпчего Маред выходила на подгибающихся ногах. Щеки пылали, и казалось, что сейчас в отделе увидят ее смущенную глупую физиономию и обо всем догадаются. Поэтому она завернула в уборную и поплескала в лицо холодной водой. Помогло не слишком, но все же она почувствовала себя освеженной. Взглянула в зеркало, радуясь, что не пользуется косметикой — вот бы сейчас все потекло и размазалось!

В зеркале отражалась... она и не она одновременно. Конечно, смуглое лицо с красными щеками и мягкие волнистые волосы, собранные в высокий узел, принадлежали Маред, но в глазах, блестящих почти лихорадочно, виднелось что-то новое. То ли смелость, то ли отчаяние — она и сама не понимала. Но это определенно было лучше, чем привычное испуганное «оставьте меня в покое, пожалуйста»!

Сейчас она словно стояла на пороге, с которого еще могла отступить назад. Могла, но уже не хотела. Предложение лэрда стало слишком соблазнительной приманкой! Он, как всегда безошибочно, нашел самое уязвимое место в сердце Маред. Всю жизнь она изо всех сил боролась со страхом, что не справится с чем-то, не выдержит трудностей, испугается... И пусть сейчас речь шла не о работе или экзаменах, а о том, чтобы узнать лучше себя саму, это ровно ничего не меняло.

Маред снова боялась и осознавала это. Она боялась Монтроза, как открытого пламени: до дрожи во всем теле и бешеного стука сердца, до потери сознания. Не самого лэрда, конечно, а того, что он делал с уютным маленьким мирком, который Маред старательно создала вокруг себя, оградив прочной стеной. И не понимала, что крепость давно превратилась в надежную тюрьму. Выглянуть за ее пределы, а еще страшнее — выйти — значило оказаться беззащитной, в полной досягаемости чужих насмешек и неодобрения. Но и сдаться она теперь не могла. Иначе чего стоят все ее мечты и победы?

Открытый огонь не давал ей выбора, вид пламени по-прежнему вызывал непреодолимый страх, а вот Монтроз как раз позволял выбирать. И неважно, что Маред отлично понимала: это выбор между двумя решениями, одинаково выгодными его светлости. Ну и что? Слишком долго она не решала ничего действительно важного и теперь отчаянно хотела хоть как-то изменить свою жизнь. Вырваться, разбить стены, которые защищают, но давят, не выпуская наружу.

— Ну, как все прошло, дорогая?

В кофейню тье Эстер спускалась редко, предпочитая либо уезжать в город, либо обедать прямо в конторе. И сейчас пила чай с кремовыми пирожными, при взгляде на которые Маред немедленно захотелось сладкого. Вот просто до неприличия!

— Не выпьете ли со мной чашечку? — жизнерадостно предложила почтенная тье, опытным взором уловив ее мгновенную заминку у стола. — Держу пари, его светлость вас чем-нибудь угощал, но вы постеснялись воспользоваться предложением.

Маред сконфуженно кивнула, присаживаясь к столу. Тье ван дер Пол — это совсем другое дело, хоть и тоже начальство.

— Берите пирожные, дорогая, сладкое полезно для ума и настроения. Итак, вам предложили контракт?

— Да... после окончания Университета.

Маред покраснела еще сильнее, но тье Эстерглянула на нее весело и одобчительно:

— Вот и славно. Вы хорошая умная девочка, и это предложение вполне заслуженно, я тому свидетель.

— Благодарю, — смущенно улыbnулась Маред, принимаясь за восхитительную бисквитную корзиночку с клубнично-сливочным кремом. — Вы очень добры, тье Эстер. Я... уже подготовила документы по «Снорри». Могу сдать их сегодня к вечеру...

— Успеете, — благодушно махнула тье Эстер рукой. — Всю работу не переделать, милая, как и всех денег не заработать. Хотя стремиться к этому следует, конечно. Ах, и почему у меня нет внука, только внучки? Я бы уж знала, как устроить вашу жизнь!

Крупные цветные перстни на ее пальцах бросили крошечные яркие блики на белую стену, тье с аппетитом откусила от пирожного, а Маред едва не прыснула, представив молодого человека, похожего на тье Эстер. Станет он слушать, на ком ему жениться, как же...

Чуть не поперхнувшись чаем, она самоотверженно отказалась от третьего пирожного и вышла помыть руки. Сполоснула их горячей водой, намылила, а потом сделала воду холоднее, неожиданно получив удовольствие и от разницы температуры, и от плотной струи воды, приятно гладящей кожу. Она давно заметила, что после общения с лэрдом все ощущения — от вкуса до осязания — обостряются. От нервов, наверное?

— Так вас можно поздравить?

Маред обернулась, мгновенно напрягаясь и от вызывающего тона, и от самого бесцеремонного присутствия мужчины на пороге дамской комнаты. Да, она оставила дверь открытой — ну и что?! Финлисон стоял, заложив пальцы в жилетные карманы, расставив ноги и слегка подавшись вперед. Маред пожала плечами, выключая воду.

— Пока не с чем, тьен Финлисон, — отозвалась она с подчеркнутым равнодушием. — За год еще многое может измениться.

— Верно, — усмехнулся Финлисон. — Вдруг в следующем году на практику придет девица посмазливее?

Краска мгновенно бросилась Маред в лицо, но это уже было не смущение, а гнев. Какого боуги?! Что она сделала плохого этому ленивому болвану? Исправляла его плохую работу, объясняла, учила...

— Не желаете извиниться? — холодно поинтересовалась она, вытирая руки полотенцем.

— Я вот не могу понять, — прищурился Финлисон, глядя на нее так, что Маред захотелось то ли прикрыться тем же самым полотенцем, то ли швырнуть его в наглую мужскую физиономию. — Как вам удалось так разительно измениться, тье? Помнится, все четыре года вас называли Чернильной Мышью более чем заслуженно. В приличном обществе вы глазки боялись поднять, так и ходили, уставившись на купленные у старьевщика туфли. И знали свое место, между прочим. А сейчас просто удивительно, откуда что взялось? Я-то вас совсем иной помню...

— Зато я вас не помню совершенно, — ляпнула Маред от страха, что даже такой болван может сделать неприятные выводы, оказавшись не совсем болваном.

И попала в цель настолько удачно, что не сразу это поняла. Лишь когда холеное красивое лицо Финлисона исказилось обидой и яростью, она сообразила: как это признанному красавцу и гордости факультета заявили, что его не замечали? И кто?!

Это было почти смешно, однако Финлисон так не посчитал.

— Не сомневайтесь, еще запомните! — выдохнул он, выскакивая из комнаты так, что

едва не споткнулся.

— Да идите вы к Темному Ллиру... — зло сказала ему в спину Маред.

Хорошего настроения как не бывало. Если Финлисон начнет распространять о ней грязные слухи... Но теперь уже ничего не поделать. Чужая зависть — это часть цены, которую придется заплатить за победу. Но не повод от нее отказываться.

* * *

Флория, которой он позвонил в восемь, была такой несчастно-сонной, что Алекс сжалился и перенес встречу на три пополудни. Обычно они обедали в «Бархате», но после вчерашней ссоры Незабудки с Анри туда не стоило ехать. Поэтому Алекс заказал отдельный кабинет в «Азимуте», приехал туда вовремя и приготовился ждать: Незабудка и пунктуальность относились друг к другу меньше, чем никак.

Однако Флория опоздала всего минут на десять — видимо, очень старалась успеть. Алекс оценил и это, и новую прическу, и нежно-бирюзовое платье, нарядное, но достаточно скромное. Сегодня Флория являла собой образец благовоспитанной юной дамы!

Алекс внутренне поморщился, не веря ни на ломаный пенни. Хотя чем боуги не шутит, после всех капризов и истерик последних дней Незабудка вполне могла заглаживать промахи именно так. Что ж, хорошо хоть понимает свою вину.

Себе он заказал только второе, выбрав седло ягненка со спаржей, а Флория и вовсе ограничилась салатом и лимонной водой. С жадностью выпила стакан, а второй принялась цедить маленькими глотками.

— Ты снова вчера выпила лишнего? — напрямую спросил Алекс, не обманываясь свежим видом ее безукоризненно накрашенного личика.

— Самую малость...

Флория виновато опустила взгляд к салату, вороша разноцветные кусочки с тоскливым отвращением.

Что ж, об этом он тоже собирался поговорить. Но сначала другое.

— Флория, — мягко сказал Алекс. — Что тебе вчера сказала тье Ресколь?

Незабудка молчала, не поднимая глаз, и молчание затягивалось, становясь тяжелым и удушливым. Алекс терпеливо подождал пару минут, потом протянул руку и накрыл ладонью безвольно лежащую на столе ладошку фаворитки. Флория вздрогнула, напряглась, но не отдернулась. Вместо этого она, наконец-то, подняла голову и посмотрела Алексу в глаза.

— Спросите у нее сами, — ответила тихо, но твердо и на удивление без обычного говорливого кокетства.

— Я спрашиваю тебя. Ответь, прошу.

— Спросите у Анриетты, — упрямо сказала Флория, и на ровном фарфоровом тоне ее щек появились розовые пятна.

— Незабудочка, — вздохнул Алекс, — я же все равно узнаю.

— Ничего особенного, — вдруг усмехнулась Флория, и кривая улыбка на мгновение превратила кукольно-красивое личико в откровенно страшненькое. — В том и хитрость, видите ли. Ничего оскорбительного. Но вы же понимаете, что дело не всегда только в словах? Дело в том, кто она — и кто я.

Алекс понимал. Как и то, почему Флория так отчаянно и нелепо ненавидит Анри. У той

— доходная работа и определенное положение в обществе. Хозяйка клуба — это все-таки далеко не платная фаворитка, стоящая всего на ступень выше обычной шлюхи. У Анриетты есть семья. Правда, ее мать ничего не знает о тайной жизни дочери, но дома Анри чувствует себя любимой дочерью и единственным смыслом жизни дорогого ей человека. От Флории семья отказалась. У Анри — поклонники ее танцев, а теперь еще и слава модели известного камерографа. У Флории... Вечный страх потерять Алекса, без которого она ничего особенного собой не представляет. Положим, другого любовника Флория найдет, но ведь ей всегда требовалось лучшее, а никого, лучше лэрда Монтроза, в пределах досягаемости нет и не предвидится.

И ведь она отказывается понимать, что «Бархат» Анриетта получила умом и старанием, а вовсе не через постель. Каждый судит по себе... А отношения с матерью у Анри построены на ответной любви, уважении и заботе о женщине, посвятившей ей всю жизнь. Как объяснить это Флории, с шестнадцати лет бросившей семью ради первого же мужчины, пообещавшего ей содержание? Никак.

— Я понимаю, — уронил Алекс вслух. — И поговорю с Анри, обещаю. Она не должна была тебя обижать.

Уголки нежно-розовых губ Флории смущенно дрогнули — Алекс ободряюще и ласково улыбнулся в ответ.

— Поешь, прошу, — посоветовал он. — Может быть, заказать бульону с гренками?

А ведь, если подумать, у монеты имеется другая сторона. Все эти годы Алекс называл своей постоянной любовницей Флорию. Флорию, а не Анри, как бы хороша и влюблена та ни была. И получается, что обе его женщины могут в чем-то позавидовать друг другу. Проклятье, как же все это неправильно. Не вовремя.хлопотно. Да и вообще глупо! Нашли кого делить, ради Ллира...

— Благодарю, не стоит, — смутилась Флория. — Пустяки...

Она все-таки съела немного салата, но почти сразу вернулась к лимонной воде.

— Милая, — все так же мягко и спокойно сказал Алекс, — может быть, мы все-таки найдем тебе доктора? Хороший целитель поможет справиться с тягой к спиртному.

— Вы считаете меня пьяницей?

Незабудка мгновенно напряглась, глянула вызывающе. Стакан с водой замер в ее судорожно сжатых пальцах. Алекс вздохнул.

— Вовсе нет, — ответил он устало, понимая, что разговор скатывается в уже знакомую колею. — Флория, ну что ужасного в посещении доктора? Тебя даже в лечебницу не положат. Хочешь, я буду сам тебя возить?

Про себя он с тоской подумал, что вот чего сейчас точно не нужно, так это еще одной нагрузки в и так трещащем расписании. Но если это перевесит чашу весов... то и боги с ним, с расписанием!

И действительно, Флория воззрилась на него растерянно и неверяще, открыла было рот, снова зарыла его, не сводя взгляда с Алекса, продолжившего осторожно, чтобы не спугнуть:

— Ты мне очень дорога, малышка. И я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

— А... Анриетта? — вдруг резко, почти зло спросила Флория. — Она вам тоже дорога?

— Причем здесь Анриетта? Мы говорим о нас с тобой.

Терпение у Алекса еще не закончилось, но глухое раздражение уже поднималось изнутри, напоминая, сколько денег он вложил в эту девицу, сколько промахов и глупостей простил, сколько сложностей решил, хотя изначально договоренность у них была только о

постельных встречах. И видят боги, не жаль ни денег, ни потраченного времени, просто обидно, что все воспринималось как должное. Более того — недостаточное, как ни старайся!

— А я говорю о ней! — бросила Флория, лихорадочно блестя глазами. — Вы встречаетесь!

— И что?

Алекс тоже налил себе лимонной воды, выпил полстакана. Не хотелось напоминать, но придется, похоже.

— Флория, — продолжил он так же ровно, — ты помнишь, о чем мы договаривались изначально? Я честно предупредил, что у меня будут другие связи. И тебя тогда все устроило.

— Я... не знала! Не знала, что не смогу... Что захочу быть только с вами, всегда. И чтобы вы тоже...

— Чтобы я принадлежал только и исключительно тебе, так? — подсказал Алекс.

Незабудка молча кивнула. Щеки у нее покраснелись, глаза сверкали, и выглядела она одновременно соблазнительной и незащищенно-хрупкой. Алекса пронзило холодное острое сожаление о том, что могло быть между ними, но уже никогда не случится. Потому что он не собирается лгать женщине, которую не любит. Это гораздо подлее, чем просто купить ее.

— Флория, этого не будет, — сказал он спокойно. — Да, ты мне дорога. Ты красивая женщина и прекрасная любовница. Я очень тебе благодарен за время, проведенное вместе. Но я не женюсь на тебе. И моя жизнь — это только моя жизнь. Я не хочу никакой ревности с твоей стороны, никаких попыток управлять мною. Если тебя это не устраивает... Что ж, ты не моя собственность и можешь решать сама.

— Решать... что?

На бледном фарфоре кожи цвели алые пятна, в синих глазах метался ужас, пока еще сдерживаемый, но уже грозящий вырваться очередной истерикой.

— Будем мы вместе или расстанемся, — намеренно холодно сказал Алекс.

— В-ваша с-светлость...

— Не смей! — ударил Алекс окриком, как плетью. — Иначе я просто уйду. Прямо сейчас. И, скорее всего, навсегда.

Помогло. Замерев, Незабудка вжалась в кресло, глядя на Алекса широко раскрытыми глазами, сглотнула... Но в рыдания не сорвалась.

— Флория, — ласково сказал Алекс, — ты же умная девочка. И должна понимать: у моего терпения тоже есть предел. Остаться моей фавориткой — это все, на что ты можешь рассчитывать. Если тебя это не устраивает, ищи мне замену. Любовника или мужа — как пожелаешь. Устраивать собственную жизнь — это твое право.

— Я... я же люблю... Я не смогу... без вас...

— Люблю и не смогу — разные вещи. Ты действительно не понимаешь, о чем я говорю? Или просто привыкла прикидываться наивной дурочкой?

Он допил уже согревшуюся лимонную воду, почти не чувствуя вкуса. Теперь едва тронутый обед не вызывал аппетита и у него.

— И... что мне делать? — еле слышно проговорила Незабудка, сцепив пальцы и опуская руки вниз, под стол. Поздно — Алекс уже увидел, как они задрожали.

— Успокоиться, — сухо ответил он. — И хорошенько подумать, чего ты хочешь и что из этого могу тебе дать я. Если решишь сохранить наши отношения, у меня три условия. Первое — никакой ревности. Ни к Анриетте, ни к кому-то еще. Второе — никаких наркотиков, а

спиртное очень умеренно. И третье, что из этого вытекает, мы посетим целителя. Ты меня понимаешь, Флория?

— Да, — тускло ответила она, глядя мимо Алекса. — Очень хорошо понимаю. Такой, как сейчас, я вам не нужна. Слишком много хлопот.

Алекс стиснул зубы, старательно сдерживаясь. Поднявшись, обошел вострепнувшуюся Незабудку, встал за ее спиной, положил руки на плечи, прижимая женщину к себе. Замер, чувствуя напряженное, закаменевшее тело Флории, потом негромко сказал:

— Ты неправа. Я пытаюсь тебе помочь. Но ты сама должна этого захотеть, понимаешь? Флория, девочка, я не могу просто подарить тебе все, что угодно.

Он наклонился ниже, обнимая ее, и услышал отчетливый всхлип. А потом Незабудка горячечно зашептала:

— Прошу вас, милэрд. Я буду послушной, обещаю. Я брошу пить, совсем. Только не бросайте меня, умоляю. Я живу только ради вас. Никто не будет любить вас так, как я. Только скажите — я все сделаю. И доктора не надо, я сама смогу...

Алекс молча обнимал прижимающуюся к нему Флорию и думал, что делает глупость. Следует порвать с этой женщиной. Избавить себя от хлопот, а ее — от иллюзий. Но что с нею будет? Сможет ли Флория, с ее болезненной нервностью и детской беспомощностью пережить этот разрыв? А если оставить все по-прежнему, что он может дать ей, кроме содержания? Ответов не было. Только тяжелая холодная тревога за происходящее.

— Обещай мне одну вещь, — сказал он тихо. — Я хочу, чтобы ты провела хотя бы неделю дома. Прямо с этого дня. Никаких клубов и вечеринок. Никакого алкоголя. Я буду тебе звонить, даже приехать могу... Не для того, чтобы тебя проверить, а просто в гости. Ты отдохнешь, подумаешь обо всем и проверишь, сможешь ли удержаться от выпивки хоть эти несколько дней. Флория, все зашло слишком далеко. Если наши отношения тебе дороги, уж неделю без развлечений ты выдержишь.

— Неделю? — охрипшим голосом, лишенным даже тени прежней звонкости, уточнила Незабудка. — А вы... С кем вы будете в это время? С нею?

— Боги, Флория, ты можешь думать о ком-то, кроме Анриетты?! — не выдержал Алекс. — С кем я буду и буду ли вообще — это мое дело. Не души меня ревностью, слышишь? Иначе...

На душе у него было премерзко. Алекс сам не знал, чего хочет. То ли получить формальный повод для расставания, то ли чтобы Флория удержалась. То, что для Алекса — исчерпавшая себя связь, для нее может стать единственным спасением. Это означает огромные сложности в дальнейшем, но... он слишком привязался к Незабудке и действительно хотел бы ей помочь. Хотя бы не навредить сильнее.

Но вместе с тем Алекс уже знал, на что потратит эту неделю, начиная с сегодняшнего вечера. Вечера, когда Флории точно не будет в «Бархате».

— Хорошо, — услышал он тихий и почти спокойный голос. — Пробыть неделю дома? Как скажете, милэрд. Я выдержу. Я вам докажу...

* * *

Остаток дня прошел спокойно. Маред закончила отчеты по «Снорри», искренне наслаждаясь разницей между тем, в каком в состоянии получила документы, и в каком их

сдаст. Со вторым предприятием еще предстояло повозиться, но время оставалось. Тье ван дер Пол взяла папку с бумагами, задумчиво посмотрела на Финлисона, идущего мимо, и велела Маред продолжать работу в одиночку.

— Если что-то будет непонятно, подойди ко мне, милая, — добавила она. — Или к тье Форс.

— Благодарю, — улыбнулась Маред, вставая и возвращаясь к столу, который уже привыкла называть своим.

«Снорри» свалился с плеч долой, и бумаг здесь поубавилось. Зато прибавилось личных вещей. Чашку, подаренную Оуэном, она так и не обновила, однако забирать ее в коттедж к Монтрозу не хотелось. Пусть пока постоит, радуя взгляд. У окна Маред поставила жестяную бонбоньерку, щедро подаренную Тилли, сложив туда всякие мелочи вроде скрепок и перочисток. А экзотический цветок-кактус, теперь вволю пьющий вводу, позеленел и растолстел, его колючки бодро растопырились во все стороны.

Маред присела, уже привычно погладила колюче-пушистый шарик. Будь она из зеленых фейри, непременно сделала бы жизнелюбивого симпатягу своим хранителем-талисманом. Хороший пример для подражания, вот кто способен себя защитить от грубых и жадных рук.

Она аккуратно перебрала документы, намечая работу на завтра, сделала пару пометок в ежедневнике. До шести часов оставалось несколько минут, и служащие начали собираться. Тилли подкрасила губы, кинула помаду в сумочку и томно улыбнулась подошедшему Леону. Проща хмурая тьена Дорриш, выговаривая кому-то по фонилю...

Собственный фониль Маред тихо звякнул.

Она глянула на экран. «Жду в сквере». Его светлость, как всегда, лаконичен на грани приличий. И хорошего настроения снова как не бывало. Маред с противной тянущей тревогой подумала, что сама согласилась на проклятые две недели, а ведь знала, что пожалеет. И, похоже, все начнется уже сегодня — давно лэрд не возил ее домой сам.

Попрощавшись с тье Эстер, она спустилась вниз, вышла из конторы и торопливо дошла до сквера, не забывая поглядывать по сторонам. Большинство служащих «Корсара» уезжали домой прямо от конторы, но риск встретить знакомого все равно оставался. Села в новенький, сверкающий лаком «Драккарус» — словно и не было той катастрофы. «Была, — напомнила себе Маред. — И ты за нее должна, о чем тебе недавно и напомнили. Не впрямую, но ведь умному и намека достаточно».

— Как прошел ваш день, тье?

Монтроз глянул на нее и снова отвернулся, плавно трогая мобилер с места.

— Хорошо, благодарю.

— Вы образец красноречия. А подробнее?

— Закончила одно дело и начала другое, — послушно начала Маред, но угнездившийся внутри страх подначивал на дерзости. — Выпила чаю с тье ван дер Пол, полила кактус... Вам это и вправду интересно?

— Про кактус можете опустить, — разрешил Монтроз, снова кинув на нее быстрый взгляд. — А о чем вы говорили с Эстер?

— Эм... о ее внуке, — от растерянности ляпнула Маред. — Что он мог бы на мне жениться. То есть... если бы он вообще был...

— Ах, вот как... — невозмутимо протянул Монтроз.

Маред замолчала, чувствуя себя дурой. Нашла с кем и о чем шутить. Но лэрд вдруг фыркнул и сообщил:

— Лет этак десять назад Эстер сокрушалась, что у нее нет дочери. Мол, она бы хотела нас поженить. Вот я теперь думаю: это мне повезло или совсем наоборот? С такой тещей за эти годы я мог бы стать лэрд-канцлером, например. Или лэрд-канцлером стала бы она, а я бы отправился на каторгу.

— Да уж... — невольно согласилась Маред, представила себе величественную тье Эстер в пышном одеянии канцлера и не удержалась — рассмеялась.

— А куда мы едем, — спохватилась она, когда мобилер свернул в сторону от дороги на Мэйд Вэл.

— Сначала в вашу школу вождения, тье. Пока вы будете заниматься, я заеду в одно место рядом, а потом поедem в клуб — ужинать и развлекаться.

— В какой... клуб?

«Драккарус» мягко шелестел каучуком по мостовой, скорость езды почти не чувствовалась, а Маред вдруг захотелось выскочить на полном ходу. Началось! Она сплела пальцы на коленях, пытаясь успокоиться и вдруг поняв, что совсем не знает, на что согласилась утром.

— Очень интересный, — рассеянно пообещал Монтроз, терпеливо пропуская тележку зеленщика, вдруг вывернувшего из переулка. — Я бы сказал, что вам там понравится, но врать не буду — это зависит от вас самой. Зато обещаю, что увидите много познавательного.

— Благодарю, — мрачно отозвалась Маред. — Это ваш клуб? То есть... для людей с вашими... интересами?

— Именно. Впрочем, там бывают и совершенно обычные посетители, так что никакой урон вашей репутации не грозит. Если не считать сам факт появления в моем обществе, но тут уж состав преступления недоказуем.

Он усмехнулся, а Маред так и тянули боуги за язык:

— То есть у вас там репутация... сомнительная?

— О, напротив! — насмешливо ответил лэрд, явно получая удовольствие от этой пикировки. — Моя репутация настолько безупречна, что я могу привести с собой кого угодно, даже такую добродетельную тьену. И не вызвать сомнений в собственной порочности. Вы ведь не захотите сыграть мою фаворитку или любовницу.

Он не спрашивал, а утверждал, но Маред все равно напряглась.

— Так что это всего лишь ужин, — невозмутимо сказал Монтроз. — Разумеется, с продолжением, но об этом после.

И это он тоже сказал нарочно! Маред поняла по вкрадчивым бархатным ноткам голоса — точно кот выпустил когти и тут же спрятал, приглашая глупую мышку подойти поближе. Не бойся, дорогая, тебе будет интересно...

Она обреченно вздохнула, упрямо стараясь сосредоточиться на сегодняшнем занятии вождения. Теория уже была знакома почти в совершенстве, а вот практика... И попроситься за руль мобилера лэрда у нее теперь никогда язык не повернется.

Откинувшись на спинку кресла, Маред вдруг почувствовала себя уставшей и голодной. А до ужина в клубе еще часа два-три. Кстати...

Маред покосилась на лэрда, снова глубоко вздохнула и поинтересовалась:

— Ваша светлость, а разве там не приняты... вечерние туалеты?

— На усмотрение посетителей, — сообщил Монтроз. — Ваше платье будет выглядеть вполне уместно. Хотя... мы можем вместо занятий заехать в какой-нибудь салон и подобрать другой наряд.

— Нет, благодарю, — торопливо выдохнула Маред.

Монтроз слегка улыбнулся, а Маред вдруг поняла, что лэрд давно не настаивал на расширении ее гардероба. Смирился? Или, как обычно, ждет случая настоять на своем?

После этого они обменялись разве что парой слов. Маред честно отзанималась положенное время, получила похвалу наставника и вышла за ворота школы, чувствуя, что если немедленно что-то не съест, то взвоет по-волчьи.

Выйдя из мобилера, Монтроз открыл перед ней дверцу. Маред села, расправила платье и невольно посмотрела на газету, которую читал лэрд. Броский заголовок передовицы восхвалял какого-то тьена Грэмшота, наилучшего из возможных кандидатов в Парламент. Где-то она уже видела это имя... Ах да, рекламная вывеска на Брод-авеню! И возле «Корсара». И... Кажется, тьен Грэмшот — очень популярная политическая фигура.

— Везде этот мерзавец, — буркнул Монтроз, заметив ее интерес.

— Кто, Грэмшот? — переспросила Маред больше из вежливости. — Вы его знаете?

— Лучше, чем хотелось бы.

Монтроз скривился то ли неприязненно, то ли брезгливо, и Маред не решилась расспрашивать дальше. Отвернувшись к окну, она молча рассматривала улицы, по которым ехал мобилер, гадая, в каком районе Лундена расположено столь сомнительное заведение? Неужели в трущобах?

И, конечно, не угадала. «Драккарус» остановился на вполне респектабельной улице недалеко от центра. Старинное, но ухоженное здание, безупречная чистота, современная стоянка для мобилеров и конных экипажей. В сумерках с черной вывески приветливо мигнули серебристые лампочки, образовав надпись «Бархат».

Против воли Маред почувствовала смесь страха и какого-то пьянящего предвкушения. Хотя чего ей бояться? Она не одна, и лэрд Монтроз достаточно известен и уважаем здесь, чтобы кто-то оскорбил его спутницу, верно?

Остановившись у края стоянки, Монтроз выключил светильник в салоне мобилера. Всего в несколько шагах от них ярко горел фонарь, но на этот уголок бросали тень большое дерево и стена соседнего здания, так что здесь было совсем темно.

Маред замерла. Стиснула сложенные ладони между коленями. Во рту стало сухо, губы тоже пересохли. Пожалуй, это был не страх, а все то же предвкушение чего-то нового и опасного, хотя что такого могло случиться, она и сама не понимала.

— Повернись ко мне, — сказал Монтроз, внезапно переходя на ты, но, слава богам, без обычного именованья Маред девочкой.

Она напряженно повернулась, старательно опуская взгляд в темноту между ними. На приборной панели тускло светились огоньки, но мрак в салоне они не рассеивали, темнота казалась густой и вязкой, как сапожный крем. Даже странно, что она могла существовать так близко от света. У Маред перехватило дыхание, слегка закружилась голова. «Это от голода», — беспомощно подумала она, борясь с желанием скинуть ладони, властно опустившиеся ей на плечи.

— Ничего не стесняйся и никого не бойся, — прошептал Монтроз, то ли наклоняясь к ней, то ли притягивая к себе.

За пару мгновений до того, как их губы соприкоснулись, Маред не удержалась:

— И вас — тоже?

— Меня особенно, — со своей невыносимой ласковой насмешкой сказал Корсар и поцеловал ее.

Его суховатые, упругие губы имели какой-то странный вкус. Через несколько мгновений Маред поняла, что это вкус самого Монтроза. Не его любимого коньяка или бренди, не чая с ликером или малины, а самого лэрда. И еще поняла, что ей не противно. Совсем не противно, напротив...

Ладони лэрда спустились ниже, с плеч на спину, прижали Маред, погладили. Монтроз целовал ее так, словно в мире больше никого, кроме них двоих, не было. Маред вспомнила окончание их вчерашней встречи, и ее будто накрыло горячей волной. Запах мужчины, неторопливые движения его рук, вкус тех самых губ, которые ласкали Маред...

Когда поцелуй вдруг прекратился, Маред едва не затрясла головой, пытаясь прийти в себя. Облизнула губы, плохо понимая, что с ней творится, вдохнула холодный, сырой вечерний воздух с запахом Темеза. И даже услышала музыку, доносящуюся из здания.

— Идемте, — бросил Корсар, выходя из мобилера и открывая ей дверцу.

Маред неуклюже выбралась следом, прижала ладони к щекам. Проклятый мерзавец со своими проклятыми поцелуями! Нельзя же так... Что именно нельзя, она и сама не очень понимала. Поэтому послушно проследовала мимо швейцара, распахнувшего перед ними дверь. Милая и очень прилично одетая девица в холле поприветствовала их реверансом. В руках у нее был поднос... с бархатными масками! Маред просительно взглянула на лэрда, но тот покачал головой и повел ее дальше.

Еще одна девица в форме горничной, молодые люди в ливрее из светло-серого шелка... Монтрозу они все кланялись или делали реверансы, и Маред доставалась толика этого почтительного внимания с явным оттенком любопытства. А она с удивлением чувствовала, что аппетит куда-то исчез — не иначе, как с перепугу. Зато напонила о себе некая другая потребность.

— Ваша светлость?

— Да?

Они, наконец, остались одни перед дверью в конце длинного холла. Массивная дубовая дверь была приоткрыта, оттуда слышалась нежная музыка и тянуло смесью вкусных запахов.

— Я бы хотела... зайти в дамскую комнату... Где это?

— Вон в той стороне. Вас проводить?

Монтроз кивнул на другую дверь, сбоку.

— Не надо! Просто скажите...

— По коридору, затем налево и вниз. Если вдруг заплутаете, назовите любому встречному мое имя и попросите отвести вас в ресторацию.

— По-вашему, я заблужусь в обычном доме? — уязвлено поинтересовалась Маред и пошла в указанном направлении.

Однако, пройдя недлинным коридором и свернув, как было сказано, влево, Маред не увидела никакого спуска вниз. Вместо него там оказалась другая дверь, потом коридор — и две двери, левая и правая. Закусив губу и выразительно вспомнив указания лэрда, Маред прошла в левую и, вместо того чтобы опуститься, поднялась на несколько ступеней вверх. Там снова оказался холл, гораздо меньше первого, зато с двумя лестницами наверх.

Маред беспомощно огляделась, пытаясь понять, куда идти дальше.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

Молодую женщину, стоящую на одной из лестниц, она заметила не сразу — сыграло дурную шутку освещение. Тень от изгиба лестницы на втором этаже так упала на смуглое, почти темнокожее лицо, что скрыла его, превратив фигуру в темно-синем платье в

причудливую деталь интерьера.

— Да, прошу... Мне нужна дамская комната, — выдавила Маред, пытаясь не рассматривать незнакомку слишком пристально. — Но я...

— Вы у нас первый раз, кажется, — доброжелательно сказала та, спускаясь такими плавными легкими шагами, словно стекала по лестнице струей воды. — Здесь действительно можно запутаться, да еще этот ремонт... Идемте, я вам покажу.

Она улыбнулась, и невероятно красивое лицо просияло изнутри. Очень смуглая кожа, тонкие черты, но пухлые губы... И зеленые глаза сияют так ярко, что... Неужели фейри?!

— Благодарю, — смущенно улыбнулась Маред, присев в реверансе.

Красавица подошла, улыбаясь так тепло и дружелюбно, словно знала Маред давным-давно. Ее платье вблизи оказалось почти такого же синего цвета, но облегало фигуру женщины куда откровеннее и только ниже бедер струилось пышными складками. Маред с невольной завистью оценила гибкое стройное тело, будто облитое блестящим атласом.

Она послушно прошла за незнакомкой к двери, которую и вправду не заметила.

— Теперь вы точно не заблудитесь, — сообщила женщина, указывая на коридор, освещенный все тем же астероном. — Дамская комната прямо в конце. Если хотите, я подожду и провожу вас в зал короткой дорогой. Не будет ли невежливо с моей стороны спросить, с кем вы пришли?

Маред растерялась, не зная, что сказать. Но тут же с облегчением кивнула:

— Да... Я гостя его светлости лэрда Монтроза.

— Вот как? — с едва заметной тенью удивления переспросила незнакомка. — Ах, простите, не смею задерживать...

Маред, решив, что обратно и вправду лучше выйти с провожатой, поспешно шмыгнула за дверь и через минуту оказалась у вожаделенной цели. Быстро сделав то, зачем пришла, она вымыла руки, снова сполоснула горящее лицо. Расправила складки платья и поторопилась обратно, пока предложившая помощь незнакомка никуда не ушла. Странно, раньше ей никогда не приходилось плутать в зданиях, а этот клуб — лабиринт какой-то!

Дверь подалась легко. Маред шагнула в уже знакомый холл и вдруг остановилась. На лестнице теперь стояли двое: та же смуглая красавица и невысокий, хорошо одетый молодой человек. Маред сбоку было отлично видно обоих, и то, что она видела, ей очень не понравилось. Мужчина что-то говорил незнакомке с похабной — иначе не назовешь — улыбкой, стоя так близко, что почти прижал ее своим телом к перилам.

Женщина отстранилась, насколько могла, но отойти ей было некуда. На лице ее застыла маска смертельного испуга и отвращения, будто перед ней был не человек, а ядовитая тварь. Маред она увидела, но тут же вернулась взглядом к стоявшему перед ней мужчине. И в этом взгляде было столько ужаса!

Маред решительно шагнула вперед. Не то чтобы она собиралась мешаться в чужие дела, но...

— А если ты, погань фейрийская, хоть вякнешь кому-нибудь, я тебя на ленты порежу. И не так, как в прошлый раз, а по-настоящему. Тебе тогда понравилось, а? Помнишь, как ты вопила, подстилка дешевая? Как просила перестать... Сучка...

Темное золото смуглой кожи на глазах серело — женщина застыла, слепо глядя куда-то мимо Маред. Ничего не говоря, не пытаясь ударить за подобное, хотя бы вырваться... Маред недоумевала несколько мгновений, пока ноги сами несли ее к этим двоим. А потом она осознала, что ей напоминает выражение лица женщины — и уже не колебалась.

— Эй, послушайте! — окликнула она мужчину, то ли не слышавшего ее шагов по плотному ковру, то ли не придавшего им значения.

— Пошла вон, шлюха, — отмахнулся тот, не поворачиваясь.

Что ж, Маред шагнула еще раз. Может, в другой раз она бы и задумалась. И точно испугалась. Но... Монтроз, так явно сыгравший с ней утром в собственную игру, наглость Финлисона, даже поцелуй, после которого все еще горела кровь! Все сошлось воедино, а последней каплей оказались слепой ужас и беспомощность в глазах незнакомки. Маред, как в зеркале, увидела в ней себя перед огнем, когда ничего не можешь сделать: ни позвать на помощь, ни бежать, ни вдохнуть...

— Послушайте! — сказала она звонко.

И, стоило мужчине раздраженно обернуться, изо всех сил ударила его в нос, вложив всю злость сегодняшнего дня. Благо роста они были почти одинакового. Что-то хрустнуло у нее под рукой, пальцы обожгло болью, они тут же онемели. Мужчина взвыл приглушенно, схватился руками за лицо. Между пальцев у него закапало кровь. Маред поспешно шагнула назад...

Покачнувшись, мужчина схватился за перила, пачкая их кровью с руки, спрыгнул в холл, сунул руку в жилетный карман.

Когда в вытащенной руке блеснул нож, Маред не успела ни удивиться, ни испугаться. Все было четко и ясно, как во сне. Яркий свет с потолка, тень мужчины на светлом ковре, его сгорбившаяся фигура, неправдоподобно медленно движущаяся к Маред. Так медленно, что Маред наверняка увернулась бы, пользуясь странной неспешностью негодяя. Но ей этого не понадобилось.

Монтроз возник откуда-то из-за спины, оттолкнув Маред плечом. Быстрый, яростно-резкий и очень злой. Время дрогнуло — и пошло как обычно, даже быстрее. Лэрд стряпчий ловко шагнул мимо ножа, перехватил запястье мужчины, вывернув до отчетливого хруста, а свободной рукой двинул ему по физиономии сбоку. И сразу, уже начавшего падать, ударил ногой. Красавица подошла, улыбаясь так тепло и дружелюбно, словно знала Маред давным-давно. Ее платье вблизи оказалось почти такого же синего цвета, но облегалo фигуру женщины куда откровеннее и только ниже бедер струилось пышными складками. Маред с невольной завистью оценила гибкое стройное тело, будто облитое блестящим атласом.

Она послушно прошла за незнакомкой к двери, которую и вправду не заметила.

— Теперь вы точно не заблудитесь, — сообщила женщина, указывая на коридор, освещенный все тем же астероном. — Дамская комната прямо в конце. Если хотите, я подожду и провожу вас в зал короткой дорогой. Не будет ли невежливо с моей стороны спросить, с кем вы пришли?

Маред растерялась, не зная, что сказать. Но тут же с облегчением кивнула:

— Да... Я гостя его светлости лэрда Монтроза.

— Вот как? — с едва заметной тенью удивления переспросила незнакомка. — Ах, простите, не смею задерживать...

Маред, решив, что обратно и вправду лучше выйти с провожатой, поспешно шмыгнула за дверь и через минуту оказалась у вожаемой цели. Быстро сделав то, зачем пришла, она вымыла руки, снова сполоснула горящее лицо. Расправила складки платья и поторопилась обратно, пока предложившая помощь незнакомка никуда не ушла. Странно, раньше ей никогда не приходилось плутать в зданиях, а этот клуб — лабиринт какой-то!

Дверь подалась легко. Маред шагнула в уже знакомый холл и вдруг остановилась. На

лестнице теперь стояли двое: та же смуглая красавица и невысокий, хорошо одетый молодой человек. Маред сбоку было отлично видно обоих, и то, что она видела, ей очень не понравилось. Мужчина что-то говорил незнакомке с похабной — иначе не назовешь — улыбкой, стоя так близко, что почти прижал ее своим телом к перилам.

Женщина отстранилась, насколько могла, но отойти ей было некуда. На лице ее застыла маска смертельного испуга и отвращения, будто перед ней был не человек, а ядовитая тварь. Маред она увидела, но тут же вернулась взглядом к стоявшему перед ней мужчине. И в этом взгляде было столько ужаса!

Маред решительно шагнула вперед. Не то чтобы она собиралась мешаться в чужие дела, но...

— А если ты, погань фейрийская, хоть вякнешь кому-нибудь, я тебя на ленты порежу. И не так, как в прошлый раз, а по-настоящему. Тебе тогда понравилось, а? Помнишь, как ты вопила, подстилка дешевая? Как просила перестать... Сучка...

Темное золото смуглой кожи на глазах серело — женщина застыла, слепо глядя куда-то мимо Маред. Ничего не говоря, не пытаясь ударить за подобное, хотя бы вырваться... Маред недоумевала несколько мгновений, пока ноги сами несли ее к этим двоим. А потом она осознала, что ей напоминает выражение лица женщины — и уже не колебалась.

— Эй, послушайте! — окликнула она мужчину, то ли не слышавшего ее шагов по плотному ковру, то ли не придавшего им значения.

— Пошла вон, шлюха, — отмахнулся тот, не поворачиваясь.

Что ж, Маред шагнула еще раз. Может, в другой раз она бы и задумалась. И точно испугалась. Но... Монтроз, так явно сыгравший с ней утром в собственную игру, наглость Финлисона, даже поцелуй, после которого все еще горела кровь! Все сошлось воедино, а последней каплей оказались слепой ужас и беспомощность в глазах незнакомки. Маред, как в зеркале, увидела в ней себя перед огнем, когда ничего не можешь сделать: ни позвать на помощь, ни бежать, ни вдохнуть...

— Послушайте! — сказала она звонко.

И, стоило мужчине раздраженно обернуться, изо всех сил ударила его в нос, вложив всю злость сегодняшнего дня. Благо роста они были почти одинакового. Что-то хрустнуло у нее под рукой, пальцы обожгло болью, они тут же онемели. Мужчина взвыл приглушенно, схватился руками за лицо. Между пальцев у него закапало кровь. Маред поспешно шагнула назад...

Покачнувшись, мужчина схватился за перила, пачкая их кровью с руки, спрыгнул в холл, сунул руку в жилетный карман.

Когда в вытащенной руке блеснул нож, Маред не успела ни удивиться, ни испугаться. Все было четко и ясно, как во сне. Яркий свет с потолка, тень мужчины на светлом ковре, его сгорбившаяся фигура, неправдоподобно медленно движущаяся к Маред. Так медленно, что Маред наверняка увернулась бы, пользуясь странной неспешностью негодяя. Но ей этого не понадобилось.

Монтроз возник откуда-то из-за спины, оттолкнув Маред плечом. Быстрый, яростно-резкий и очень злой. Время дрогнуло — и пошло как обычно, даже быстрее. Лэрд стряпчий ловко шагнул мимо ножа, перехватил запястье мужчины, вывернув до отчетливого хруста, а свободной рукой двинул ему по физиономии сбоку. И сразу, уже начавшего падать, ударил ногой.

Маред задохнулась воздухом, пытаясь что-то сказать. Выронив нож, человек корчился

на полу, согнувшись, а Монтроз еще раз с размаху пнул его по ребрам. Умело и очень жестоко. Если у лэрда стряпчего и был какой-то личный дуэльный кодекс, правило «Лежащего не бьют» в нем явно отсутствовало. Наверное, на его месте значилось: «Добивай упавшего, чтобы не встал».

Глава 18. Вести из прошлого

Спазм, перехвативший горло, прошел так же мгновенно, как и начался. Глубоко дыша, Маред со странной отрешенностью смотрела, как Монтроз взлетает по лестнице, перепрыгивая ступеньки, и вглядывается в лицо смуглой незнакомки.

— Анри! Анриетта... Благие боги... Он тебя ударил?!

Женщина медленно, будто просыпаясь, покачала головой, поглядела поверх его плеча на Маред.

— Не-е-ет... — протянула, закашлялась и уже спокойнее сказала. — Все хорошо, Алекс. Благодаря... этой даме.

— Тье Уинни?

Монтроз оглянулся на Маред с искренним изумлением. Она ответила хмурым вызывающим взглядом. Потом глянула на руку, которую вдруг обожгло болью — ссадины на пальцах сочились кровью. А ведь сначала и не почувствовала!

Человек, напавший на женщину по имени Анриетта, гнулся на полу, задыхаясь и что-то неразборчиво хрипя. Вот он привстал, но тут из-за угла коридора выскочили двое плечистых мужчин в одинаковой одежде, темно-серой и несколько мешковатой. Один торопливо принялся заламывать лежащему руки за спину, второй с виноватой физиономией подошел к лэрду.

— Вы куда смотрели? — с тихой яростью спросил тот, из королевского стряпчего мгновенно становясь Корсаром? — Почему рядом с тье Ресколь никого не было? Быстро убрать этого скота и ждать указаний.

Маред посмотрела вслед охранникам, увлакивающим мерзавца. Что здесь произошло, она понятия не имела и уже почти жалела, что вмешалась. Впрочем, нет, не жалела. И на Монтроза, повернувшегося к ней, глянула с тем же хмурым усталым равнодушием. Пусть лэрд королевский стряпчий что угодно думает о ее поступке!

Женщина, стоявшая рядом с Монтрозом, побледнела и обхватила себя руками за плечи. Даже с нескольких шагов Маред видела, как ее бьет крупная дрожь. Монтроз обернулся к ней как раз вовремя, чтобы подхватить на руки.

— Анри, дорогая... Вызвать врача?

— Нет... Не надо. Алекс... Просто наверх, прошу...

— Тье Уинни, — обратился лэрд к Маред с неожиданной мягкостью, — могу я еще немного воспользоваться вашим великодушием? Идемте с нами, прошу.

Маред угрюмо поднялась по лестнице следом за лэрдом, несущим Анриетту. На втором этаже обнаружился ряд дверей, как в гостинице, Монтроз остановился у ближайшей и попросил:

— У меня в жилетном кармане ключ. Не сочтите за труд...

Маред молча выполнила просьбу, достав небольшой ключ и открыв легко щелкнувший замок. Распахнула дверь. Странно, неужели этот ключ подходит к любой двери здесь? Монтроз вошел и бережно опустил свою ношу на большую кровать, застеленную голубым атласным покрывалом. Оглянулся на Маред, и она переступила порог следом, с любопытством оглядевшись.

Больше всего это походило на жилую комнату в гостинице. Причем дорогую комнату, что-то вроде номера для новобрачных. Большую часть помещения занимала огромная

кровать с высокими спинками, рядом с ней стоял столик и пара кресел. Расписной фарфоровый светильник на потолке и еще один у кровати, мягкий светлый ковер и атласные шторы в тон покрывалу — все безукоризненно чистое, новое и очень красивое. И это вертеп разврата?

Единственным предметом, который совершенно не сочетался с общей обстановкой, оказалась большая деревянная рама, закрепленная у стены. Внутри углы рамы соединял крест высотой в человеческий рост. Маред несколько мгновений с непониманием смотрела на столь странный предмет мебели, а затем увидела наручники, небрежно прицепленные к верхнему брусу, и поспешно отвела взгляд.

— Присядьте пока, — так же ровно и мягко попросил ее Монтроз. — Что у вас с рукой?

— Ничего, — буркнула она, настороженно садясь в кресло.

Подойдя к небольшому шкафчику в углу, Монтроз чем-то звякнул и вернулся с высоким хрустальным стаканом, наполовину налитым бренди, судя по запаху. Наклонившись, поднес его к губам Анриетты, и та покорно глотнула. Потом еще раз, и еще. А потом забрала стакан у лэрда из рук, но пить не стала, а посмотрела на Маред.

— Могу я узнать ваше имя? — спросила хриловато, но уже почти спокойно.

— Уинни. Тьена Маред Уинни.

— Очень приятно. Я Анриетта Ресколь, владелица этого заведения. Тье Уинни, почему вы... вмешались?

— А разве не нужно было? — зло от растерянности огрызнулась Маред.

— Нужно...

Монтроз молчал, только развернулся и тоже присел на кровать рядом с Анриеттой лицом к Маред. Взял у нее стакан и с вызывающей фамильярностью сделал из него глоток. Один, будто воды отпил. Анриетта слабо улыбнулась. То ли она была в шоке, то ли на самом деле так пугающе спокойна — Маред не понимала.

— Нужно, — повторила она. — И я очень вам благодарна за помощь. Просто удивлена вашей... смелостью. Обычно люди проходят мимо подобного.

— Значит, это не люди, — так же зло отозвалась Маред. — Ни один человек, заслуживающий этого названия, не позволит...

Она запнулась, осознавая, что на самом-то деле вела себя не просто неприлично — ужасно!

— Не позволит чего? — тихо и очень-очень мягко спросил Монтроз.

— Не позволит происходить подобному! — выпалила Маред, заливаясь краской.

— Милая тье... — вздохнул Монтроз, рассматривая ее все с тем же задумчивым удивлением. — Покажите мне вашу руку.

Встав, он подошел к Маред и властно взял за запястье руку, которую она тщетно пыталась спрятать, рискуя перемазать платье кровью.

— Ссадины от удара, — констатировал и так очевидное. — Очень неприятно, однако ничего страшного. Примите мою огромную благодарность. И поверьте, я глубоко впечатлен.

— Это было так отважно... — снова слегка улыбнулась Анриетта Ресколь.

А Маред вдруг поняла, что вряд ли красавица-фейри просто знакомая лэрда Монтроза. Слишком глубокая теплота чувствовалась в его заботе о женщине. Не говоря уж о вольностях, которые лэрд позволял себе с ней так непринужденно.

Она глубоко вздохнула и облизала пересохшие губы. Что ж, вот это и в самом деле ее не касается, верно ведь? Зачем вообще Монтроз привел ее сюда? Помочь с ключом? Пустяки

какие! Она же теперь чувствует себя лишней, бесцеремонно вмешавшейся во что-то очень личное.

— Анриетта, ты побудешь одна несколько минут? — спросил лэрд стряпчий, будто отвечая на мысли Маред.

Женщина кивнула, сплестя пальцы рук и положив их на колени, обтянутые темно-синим шелком, мерцающим в неярком свете лампы. Монтроз посмотрел на нее обеспокоенно, встал и жестом поманил Маред за собой. Они вышли в коридор, совершенно пустой и освещенный только парой рожков на стенах. Внизу играла музыка, приглушенная расстоянием и перегородками, слабая, будто призрачная, как в сказках о волшебных холмах эльфов. Вот и настоящая фейри поблизости. Только Маред чувствовала, что сказка, сплетающаяся вокруг, безжалостно жестока.

— Я действительно вам благодарен, — повторил лэрд, становясь рядом с ней, только лицом к перилам. — Анри... Анриетта Ресколь — моя подруга, давняя и близкая. То, что сегодня случилось, не должно было произойти, но прошлое часто напоминает о себе страшным образом. Впрочем... вам это ни к чему. Рука сильно болит?

— Вполне терпимо, — отозвалась Маред.

Ее мучил стыд, словно сама Маред была чем-то виновата в произошедшем. Она вспомнила грязные угрозы того мерзавца и содрогнулась. Да, она помогла тье Ресколь, но сама мысль, что кто-то оказался свидетелем таких оскорблений, должна быть Анриетте противна...

— Маред... — заговорил лэрд медленнее обычного, словно подбирая слова. — Я помню, что обещал вам вечер. И мне весьма неловко, что приходится нарушить обещание, да еще и в пользу другой женщины. Однако оставить Анриетту в таком состоянии я не могу...

— Я понимаю, — прервала его Маред. — Конечно, вы не должны ее оставлять! Я... не беспокойтесь обо мне, ваша светлость.

— Благодарю, — с искренним облегчением кивнул Монтроз. — И все-таки мне не хотелось бы совсем испортить вам настроение. Хотите поужинать здесь? Если вы стесняетесь или боитесь остаться одна, я попрошу одну из служащих составить вам компанию как почетной гостье. Что скажете?

— Я, право...

Маред всерьез задумалась. Голод и любопытство сделали предложение лэрда неожиданно соблазнительным. Если Монтроза не будет рядом, но при этом она останется в безопасности... Когда еще выпадет случай увидеть подобное место?

И тут по спине пробежал холодок — она совсем забыла, какой завтра день! Бригитта милосердная, как это... мерзко с ее стороны — забыть. Мысли о развлечениях исчезли мгновенно. Зато как удачно все сложится, если удастся сейчас отпроситься у лэрда, а завтра на работе. Неужели тье Эстер откажет в нескольких свободных часах служащей, к которой явно благоволит? А Маред обернется быстренько, и лэрд ничего даже не узнает. Насчет прошлого он совершенно прав, и его дела Маред никоим образом не касаются!

— Ваша светлость, — решила она, — простите, но я слишком устала. Могу я просто поехать домой? К себе домой, я имею в виду.

— На свою квартиру? — уточнил Монтроз. — Да, разумеется. Я прикажу, чтобы вас отвезли в клубном экипаже. И вам следует обработать руку... Это не займет много времени.

— У меня дома есть все необходимое, — запротестовала Маред. — Это пара ссадин!

— Моя маленькая отважная тье, — усмехнулся Монтроз неожиданно весело. — Сколько

неожиданностей, оказывается, прячется под вашей скромностью! Хорошо, что вы только оцарапались, а не выбили пальцы из суставов — с вашими нежными руками и таким темпераментным ударом. Кстати... дайте руку.

Он взял нерешительно поданную Маред ладонь и положил в нее что-то увесистое и холодное. Это оказалась зажигалка. Массивная серебряная зажигалка с затейливой чеканной буквой М! Маред недоуменно посмотрела на лэрда — она никогда не видела его ни с трубкой, ни с сигарой.

— Я не курю, — спокойно пояснил Монтроз. — Это на случай чьей-то просьбы. Или на такой, как сегодня. Очень утяжеляет удар, знаете ли. Да и пальцы можно разбить в кровь, но не выбить. Оставьте ее себе.

— Но... я тоже не курю, — растерялась Маред. — И не думаю, что подобное повторится!

— Если бы я полагал, что оно может повториться, я бы подарил вам револьвер, — невозмутимо сообщил лэрд. — А это просто на память. Вы правы, тье, иногда невозможно позволить чему-то происходить.

— Благодарю, — тихо сказала Маред, снова посмотрев на подарок. — Я запомню.

Что ж, даже монограмму не нужно менять, буква М на вещи, принадлежащей Маред, не вызовет никаких вопросов. Но зажигалка у нее, смертельно боящейся, огня? То ли шутка, то ли намек, который еще предстоит разгадать.

Маред задохнулась воздухом, пытаясь что-то сказать. Выронив нож, человек корчился на полу, согнувшись, а Монтроз еще раз с размаху пнул его по ребрам. Умело и очень жестоко. Если у лэрда стряпчего и был какой-то личный дуэльный кодекс, правило «Лежащего не бьют» в нем явно отсутствовало. Наверное, на его месте значилось: «Добивай упавшего, чтобы не встал».

Глава 18. Вести из прошлого

Спазм, перехвативший горло, прошел так же мгновенно, как и начался. Глубоко дыша, Маред со странной отрешенностью смотрела, как Монтроз взлетает по лестнице, перепрыгивая ступеньки, и вглядывается в лицо смуглой незнакомки.

— Анри! Анриетта... Благие боги... Он тебя ударил?!

Женщина медленно, будто просыпаясь, покачала головой, поглядела поверх его плеча на Маред.

— Не-е-ет... — протянула, закашлялась и уже спокойнее сказала. — Все хорошо, Алекс. Благодаря... этой даме.

— Тье Уинни?

Монтроз оглянулся на Маред с искренним изумлением. Она ответила хмурым вызывающим взглядом. Потом глянула на руку, которую вдруг обожгло болью — ссадины на пальцах сочились кровью. А ведь сначала и не почувствовала!

Человек, напавший на женщину по имени Анриетта, гнулся на полу, задыхаясь и что-то неразборчиво хрипя. Вот он привстал, но тут из-за угла коридора выскочили двое плечистых мужчин в одинаковой одежде, темно-серой и несколько мешковатой. Один торопливо принялся заламывать лежащему руки за спину, второй с виноватой физиономией подошел к лэрду.

— Вы куда смотрели? — с тихой яростью спросил тот, из королевского стряпчего мгновенно становясь Корсаром? — Почему рядом с тье Ресколь никого не было? Быстро убрать этого скота и ждать указаний.

Маред посмотрела вслед охранникам, уволакивающим мерзавца. Что здесь произошло, она понятия не имела и уже почти жалела, что вмешалась. Впрочем, нет, не жалела. И на Монтроза, повернувшегося к ней, глянула с тем же хмурым усталым равнодушием. Пусть лэрд королевский стряпчий что угодно думает о ее поступке!

Женщина, стоявшая рядом с Монтрозом, побледнела и обхватила себя руками за плечи. Даже с нескольких шагов Маред видела, как ее бьет крупная дрожь. Монтроз обернулся к ней как раз вовремя, чтобы подхватить на руки.

— Анри, дорогая... Вызвать врача?

— Нет... Не надо. Алекс... Просто наверх, прошу...

— Тье Уинни, — обратился лэрд к Маред с неожиданной мягкостью, — могу я еще немного воспользоваться вашим великодушием? Идемте с нами, прошу.

Маред угрюмо поднялась по лестнице следом за лэрдом, несущим Анриетту. На втором этаже обнаружился ряд дверей, как в гостинице, Монтроз остановился у ближайшей и попросил:

— У меня в жилетном кармане ключ. Не считите за труд...

Маред молча выполнила просьбу, достав небольшой ключ и открыв легко щелкнувший замок. Распахнула дверь. Странно, неужели этот ключ подходит к любой двери здесь? Монтроз вошел и бережно опустил свою ношу на большую кровать, застеленную голубым атласным покрывалом. Оглянулся на Маред, и она переступила порог следом, с любопытством оглядевшись.

Больше всего это походило на жилую комнату в гостинице. Причем дорогую комнату, что-то вроде номера для новобрачных. Большую часть помещения занимала огромная

кровать с высокими спинками, рядом с ней стоял столик и пара кресел. Расписной фарфоровый светильник на потолке и еще один у кровати, мягкий светлый ковер и атласные шторы в тон покрывалу — все безукоризненно чистое, новое и очень красивое. И это вертеп разврата?

Единственным предметом, который совершенно не сочетался с общей обстановкой, оказалась большая деревянная рама, закрепленная у стены. Внутри углы рамы соединял крест высотой в человеческий рост. Маред несколько мгновений с непониманием смотрела на столь странный предмет мебели, а затем увидела наручники, небрежно прицепленные к верхнему брусу, и поспешно отвела взгляд.

— Присядьте пока, — так же ровно и мягко попросил ее Монтроз. — Что у вас с рукой?

— Ничего, — буркнула она, настороженно садясь в кресло.

Подойдя к небольшому шкафчику в углу, Монтроз чем-то звякнул и вернулся с высоким хрустальным стаканом, наполовину налитым бренди, судя по запаху. Наклонившись, поднес его к губам Анриетты, и та покорно глотнула. Потом еще раз, и еще. А потом забрала стакан у лэрда из рук, но пить не стала, а посмотрела на Маред.

— Могу я узнать ваше имя? — спросила хриловато, но уже почти спокойно.

— Уинни. Тьена Маред Уинни.

— Очень приятно. Я Анриетта Ресколь, владелица этого заведения. Тье Уинни, почему вы... вмешались?

— А разве не нужно было? — зло от растерянности огрызнулась Маред.

— Нужно...

Монтроз молчал, только развернулся и тоже присел на кровать рядом с Анриеттой лицом к Маред. Взял у нее стакан и с вызывающей фамильярностью сделал из него глоток. Один, будто воды отпил. Анриетта слабо улыбнулась. То ли она была в шоке, то ли на самом деле так пугающе спокойна — Маред не понимала.

— Нужно, — повторила она. — И я очень вам благодарна за помощь. Просто удивлена вашей... смелостью. Обычно люди проходят мимо подобного.

— Значит, это не люди, — так же зло отозвалась Маред. — Ни один человек, заслуживающий этого названия, не позволит...

Она запнулась, осознавая, что на самом-то деле вела себя не просто неприлично — ужасно!

— Не позволит чего? — тихо и очень-очень мягко спросил Монтроз.

— Не позволит происходить подобному! — выпалила Маред, заливаясь краской.

— Милая тье... — вздохнул Монтроз, рассматривая ее все с тем же задумчивым удивлением. — Покажите мне вашу руку.

Встав, он подошел к Маред и властно взял за запястье руку, которую она тщетно пыталась спрятать, рискуя перемазать платье кровью.

— Ссадины от удара, — констатировал и так очевидное. — Очень неприятно, однако ничего страшного. Примите мою огромную благодарность. И поверьте, я глубоко впечатлен.

— Это было так отважно... — снова слегка улыбнулась Анриетта Ресколь.

А Маред вдруг поняла, что вряд ли красавица-фейри просто знакомая лэрда Монтроза. Слишком глубокая теплота чувствовалась в его заботе о женщине. Не говоря уж о вольностях, которые лэрд позволял себе с ней так непринужденно.

Она глубоко вздохнула и облизала пересохшие губы. Что ж, вот это и в самом деле ее не касается, верно ведь? Зачем вообще Монтроз привел ее сюда? Помочь с ключом? Пустяки

какие! Она же теперь чувствует себя лишней, бесцеремонно вмешавшейся во что-то очень личное.

— Анриетта, ты побудешь одна несколько минут? — спросил лэрд стряпчий, будто отвечая на мысли Маред.

Женщина кивнула, сплестя пальцы рук и положив их на колени, обтянутые темно-синим шелком, мерцающим в неярком свете лампы. Монтроз посмотрел на нее обеспокоенно, встал и жестом поманил Маред за собой. Они вышли в коридор, совершенно пустой и освещенный только парой рожков на стенах. Внизу играла музыка, приглушенная расстоянием и перегородками, слабая, будто призрачная, как в сказках о волшебных холмах эльфов. Вот и настоящая фейри поблизости. Только Маред чувствовала, что сказка, сплетающаяся вокруг, безжалостно жестока.

— Я действительно вам благодарен, — повторил лэрд, становясь рядом с ней, только лицом к перилам. — Анри... Анриетта Ресколь — моя подруга, давняя и близкая. То, что сегодня случилось, не должно было произойти, но прошлое часто напоминает о себе страшным образом. Впрочем... вам это ни к чему. Рука сильно болит?

— Вполне терпимо, — отозвалась Маред.

Ее мучил стыд, словно сама Маред была чем-то виновата в произошедшем. Она вспомнила грязные угрозы того мерзавца и содрогнулась. Да, она помогла тье Ресколь, но сама мысль, что кто-то оказался свидетелем таких оскорблений, должна быть Анриетте противна...

— Маред... — заговорил лэрд медленнее обычного, словно подбирая слова. — Я помню, что обещал вам вечер. И мне весьма неловко, что приходится нарушить обещание, да еще и в пользу другой женщины. Однако оставить Анриетту в таком состоянии я не могу...

— Я понимаю, — прервала его Маред. — Конечно, вы не должны ее оставлять! Я... не беспокойтесь обо мне, ваша светлость.

— Благодарю, — с искренним облегчением кивнул Монтроз. — И все-таки мне не хотелось бы совсем испортить вам настроение. Хотите поужинать здесь? Если вы стесняетесь или боитесь остаться одна, я попрошу одну из служащих составить вам компанию как почетной гостье. Что скажете?

— Я, право...

Маред всерьез задумалась. Голод и любопытство сделали предложение лэрда неожиданно соблазнительным. Если Монтроза не будет рядом, но при этом она останется в безопасности... Когда еще выпадет случай увидеть подобное место?

И тут по спине пробежал холодок — она совсем забыла, какой завтра день! Бригитта милосердная, как это... мерзко с ее стороны — забыть. Мысли о развлечениях исчезли мгновенно. Зато как удачно все сложится, если удастся сейчас отпроситься у лэрда, а завтра на работе. Неужели тье Эстер откажет в нескольких свободных часах служащей, к которой явно благоволит? А Маред обернется быстренько, и лэрд ничего даже не узнает. Насчет прошлого он совершенно прав, и его дела Маред никоим образом не касаются!

— Ваша светлость, — решила она, — простите, но я слишком устала. Могу я просто поехать домой? К себе домой, я имею в виду.

— На свою квартиру? — уточнил Монтроз. — Да, разумеется. Я прикажу, чтобы вас отвезли в клубном экипаже. И вам следует обработать руку... Это не займет много времени.

— У меня дома есть все необходимое, — запротестовала Маред. — Это пара ссадин!

— Моя маленькая отважная тье, — усмехнулся Монтроз неожиданно весело. — Сколько

неожиданностей, оказывается, прячется под вашей скромностью! Хорошо, что вы только оцарапались, а не выбили пальцы из суставов — с вашими нежными руками и таким темпераментным ударом. Кстати... дайте руку.

Он взял нерешительно поданную Маред ладонь и положил в нее что-то увесистое и холодное. Это оказалась зажигалка. Массивная серебряная зажигалка с затейливой чеканной буквой М! Маред недоуменно посмотрела на лэрда — она никогда не видела его ни с трубкой, ни с сигарой.

— Я не курю, — спокойно пояснил Монтроз. — Это на случай чьей-то просьбы. Или на такой, как сегодня. Очень утяжеляет удар, знаете ли. Да и пальцы можно разбить в кровь, но не выбить. Оставьте ее себе.

— Но... я тоже не курю, — растерялась Маред. — И не думаю, что подобное повторится!

— Если бы я полагал, что оно может повториться, я бы подарил вам револьвер, — невозмутимо сообщил лэрд. — А это просто на память. Вы правы, тье, иногда невозможно позволить чему-то происходить.

— Благодарю, — тихо сказала Маред, снова посмотрев на подарок. — Я запомню.

Что ж, даже монограмму не нужно менять, буква М на вещи, принадлежащей Маред, не вызовет никаких вопросов. Но зажигалка у нее, смертельно боящейся, огня? То ли шутка, то ли намек, который еще предстоит разгадать.

— Это я вас благодарю, — сказал лэрд и вдруг шагнул ближе, одним плавным движением уничтожив расстояние между ними. — Кстати, завтра — праздник. Одна из наших служащих выходит замуж...

Он говорил, а Маред дышала уже до одурения знакомым запахом его душистой воды, волос и кожи, слушая удары крови в висках и глотая вязкую слюну.

— Мне, конечно, придется посетить торжественную часть, да и вы будете приглашены, но мы вполне можем потом сбежать и все-таки провести вечер здесь.

Он легонько поддел пальцем подбородок Маред, приподнял, не позволяя отвернуться, заглянул в глаза. Маред затаила дыхание, напрягаясь всем телом, стиснула подарок в ладони и отвела руки назад, к перилам.

— Я постараюсь исправить первое впечатление от знакомства с этим местом, — тихо сказал лэрд, наклоняясь.

Поцелуй был ожидаемым — и все равно сердце екнуло. Монтроз обнял ее за плечи, то ли придерживая, то ли не позволяя отстраниться, хотя Маред и отступить было некуда. Это казалось почти зеркальным отражением той сцены, от которой она избавила Анриетта Ресколь — и все-таки было иначе. Ее саму связывало только добровольное согласие провести эти две недели с Монтрозом так, чтобы выплатить все долги, настоящие и мнимые. Долги, которые сейчас лицемерно позволяли закрыть глаза и подставить губы под горячий, вкусно пахнущий бренди поцелуй.

Маред еле заметно потянулась навстречу — и лэрд ее поцеловал, поначалу невесомо и нежно. Но с каждым мгновением его рот становился все бесстыднее и требовательнее, и Маред, отчаянно пытаясь не думать вообще ни о чем, отвечала этой требовательности почти на равных. Целуясь в мобилере у клуба, она чувствовала себя жертвой в лапах хищника, но теперь что-то необратимо изменилось. Она сама изменилась! В очередной раз сбросила шкурку, как змея, и выползла из нее другой, обновленной. Сколько же этих шкурок она сменила за несколько недель жизни с Монтрозом? И сколько сменит еще?

— Прекрасно целуетесь, тье студентка, — хрипловато сообщил Монтроз, с явным сожалением отрываясь от ее губ. — Заметен явный прогресс...

Это так отвечало ее недавним мыслям, что Маред улыбнулась.

— Я могу идти? — спросила она, не пытаясь освободиться из его объятий.

Руки лэрда медленно гладили ее спину, и после долгого трудного дня это было бессовестно приятно.

— Идите...

Монтроз кивнул, отходя и вытаскивая из кармана фонилю. Что он в него говорил со своей обычной властью, Маред не поняла: ей вдруг показалось, что внизу, в холле, мелькнула чья-то тень. Тоненькая, быстрая, светлая... Она не смогла разглядеть ее, потому что стояла боком к лестнице, а тень мелькнула и исчезла, неприятно царапнув напряженные нервы. Впрочем, глупости... Всего лишь кто-то торопился из дамской комнаты... А Монтроз, бросив: «Извините. За вами сейчас подойдут», скрылся за дверью комнаты, где ждала Анри.

Маред сунула зажигалку в поясной кошелек, сразу оттянувшийся под ее тяжестью, прижала ладони к горячим щекам. Лучше бы его лэрд научил ее не краснеть по поводу и без него!

Через пару минут за ней действительно пришли. Маред послушно проследовала за вежливой девицей к выходу и села в поданный экипаж.

Если кучер и удивился адресу в Западном квартале, то ничем этого не проявил. Маред же откинулась на спинку сиденья, устало глядя в окно на огни ночного Лундена. У нее разом кончились силы, и снова захотелось есть. Голод отозвался приступом раздражительности, и стоило попросить остановиться у какой-нибудь лавки или кофейни, но она не стала — хотелось побыстрее оказаться в постели.

А что ждет ее завтра? Не придется ли пожалеть, что согласилась на предложение лэрда? И как вообще прожить эти две недели, если плотина, возведенная из самообладания и моральных принципов, трещит под напором происходящего? Вершиной глупости в мыслях стал назойливый вопрос: кем для лэрда является Анриетта Ресколь? Действительно подруга или любовница? Можно ли вообще устоять перед такой роскошной женщиной, да еще и фейри?!

Маред вспомнила мельком увиденный на коже лэрда след от яростного поцелуя. С томным образом белокурой Флории Бёрнс он никак не сочетался, а вот страстная фейри... Да какая ей разница! Пусть у Корсара хоть дюжина женщин будет!

Экипаж остановился у ее дома. Спрыгнув, кучер открыл перед Маред дверцу, удивленно посмотрел, как она шарит по кошельку, и возразил:

— Не извольте беспокоиться, тье! Все оплачено вперед и с чаевыми! Разрешите, я вам корзину донесу!

В руках у него была немаленькая плетеная корзина, которую парень дотащил до самой двери Маред и, раскланявшись, исчез. Сунув ключ в замок, Маред поняла, что не успела даже поблагодарить. Ох, вот она и снова дома! Скорее в ванную и спать!

Она едва не забыла корзину на лестнице, но вспомнила и забрала, слишком уставшая для любопытства. Сунула нос — и на душе потеплело. Монтроз не забыл... Старательно уложенный в плотно закрытые судки и завернутый в полотенца, в корзине лежал ее ужин. И какой!

Тушенная утка, нежнейшее куриное фрикасе, ягнячьи отбивные и картофельный салат.

Вишневый пудинг и слоеный персиковый пирог... Маред растерянно улыбнулась. Содержимым корзины можно было накормить дюжину человек, а ей здесь хватит и на обед, и на завтрак, и еще оставшееся придется куда-то деть!

Она принялась к смеси упоительных ароматов. Жаль — некого позвать в гости, тье Румстронг в это время уже спит. Ей вдруг захотелось самого обычного вечера в обычном доме. Чайник на плите и накрытый стол, кошка мурлычет и трется об ноги. И мужчина, лица которого Маред никак не могла представить, сидит в кресле, ожидая ужина, и спрашивает, как прошел ее день. Она даже зубы стиснула от пронзительного одиночества, холодного и тяжелого, как подаренная лэрдом зажигалка. Что ж, это тоже можно пережить, правда?

— Это я вас благодарю, — сказал лэрд и вдруг шагнул ближе, одним плавным движением уничтожив расстояние между ними. — Кстати, завтра — праздник. Одна из наших служащих выходит замуж...

Он говорил, а Маред дышала уже до одурения знакомым запахом его душистой воды, волос и кожи, слушая удары крови в висках и глотая вязкую слюну.

— Мне, конечно, придется посетить торжественную часть, да и вы будете приглашены, но мы вполне можем потом сбежать и все-таки провести вечер здесь.

Он легонько поддел пальцем подбородок Маред, приподнял, не позволяя отвернуться, заглянул в глаза. Маред затаила дыхание, напрягаясь всем телом, стиснула подарок в ладони и отвела руки назад, к перилам.

— Я постараюсь исправить первое впечатление от знакомства с этим местом, — тихо сказал лэрд, наклоняясь.

Поцелуй был ожидаемым — и все равно сердце екнуло. Монтроз обнял ее за плечи, то ли придерживая, то ли не позволяя отстраниться, хотя Маред и отступить было некуда. Это казалось почти зеркальным отражением той сцены, от которой она избавила Анриетту Ресколь — и все-таки было иначе. Ее саму связывало только добровольное согласие провести эти две недели с Монтрозом так, чтобы выплатить все долги, настоящие и мнимые. Долги, которые сейчас лицемерно позволяли закрыть глаза и подставить губы под горячий, вкусно пахнущий бренди поцелуй.

Маред еле заметно потянулась навстречу — и лэрд ее поцеловал, поначалу невесомо и нежно. Но с каждым мгновением его рот становился все бесстыднее и требовательнее, и Маред, отчаянно пытаясь не думать вообще ни о чем, отвечала этой требовательности почти на равных. Целуясь в мобилере у клуба, она чувствовала себя жертвой в лапах хищника, но теперь что-то необратимо изменилось. Она сама изменилась! В очередной раз сбросила шкурку, как змея, и выползла из нее другой, обновленной. Сколько же этих шкурок она сменила за несколько недель жизни с Монтрозом? И сколько сменит еще?

— Прекрасно целуетесь, тье студентка, — хрипловато сообщил Монтроз, с явным сожалением отрываясь от ее губ. — Заметен явный прогресс...

Это так отвечало ее недавним мыслям, что Маред улыбнулась.

— Я могу идти? — спросила она, не пытаясь освободиться из его объятий.

Руки лэрда медленно гладили ее спину, и после долгого трудного дня это было бессовестно приятно.

— Идите...

Монтроз кивнул, отходя и вытаскивая из кармана фониль. Что он в него говорил со своей обычной властью, Маред не поняла: ей вдруг показалось, что внизу, в холле, мелькнула чья-то тень. Тоненькая, быстрая, светлая... Она не смогла разглядеть ее, потому

что стояла боком к лестнице, а тень мелькнула и исчезла, неприятно царапнув напряженные нервы. Впрочем, глупости... Всего лишь кто-то торопился из дамской комнаты... А Монтроз, бросив: «Извините. За вами сейчас подойдут», скрылся за дверью комнаты, где ждала Анри.

Маред сунула зажигалку в поясной кошелечек, сразу оттянувшийся под ее тяжестью, прижала ладони к горячим щекам. Лучше бы его лэрд научил ее не краснеть по поводу и без него!

Через пару минут за ней действительно пришли. Маред послушно проследовала за вежливой девицей к выходу и села в поданный экипаж.

Если кучер и удивился адресу в Западном квартале, то ничем этого не проявил. Маред же откинулась на спинку сиденья, устало глядя в окно на огни ночного Лундена. У нее разом кончились силы, и снова захотелось есть. Голод отозвался приступом раздражительности, и стоило попросить остановиться у какой-нибудь лавки или кофейни, но она не стала — хотелось побыстрее оказаться в постели.

А что ждет ее завтра? Не придется ли пожалеть, что согласилась на предложение лэрда? И как вообще прожить эти две недели, если плотина, возведенная из самообладания и моральных принципов, трещит под напором происходящего? Вершиной глупости в мыслях стал назойливый вопрос: кем для лэрда является Анриетта Ресколь? Действительно подруга или любовница? Можно ли вообще устоять перед такой роскошной женщиной, да еще и феями?!

Маред вспомнила мельком увиденный на коже лэрда след от яростного поцелуя. С томным образом белокурой Флории Бёрнс он никак не сочетался, а вот страстная феири... Да какая ей разница! Пусть у Корсара хоть дюжина женщин будет!

Экипаж остановился у ее дома. Спрыгнув, кучер открыл перед Маред дверцу, удивленно посмотрел, как она шарит по кошелечку, и возразил:

— Не извольте беспокоиться, тье! Все оплачено вперед и с чаевыми! Разрешите, я вам корзину донесу!

В руках у него была немаленькая плетеная корзина, которую парень дотащил до самой двери Маред и, раскланявшись, исчез. Сунув ключ в замок, Маред поняла, что не успела даже поблагодарить. Ох, вот она и снова дома! Скорее в ванную и спать!

Она едва не забыла корзину на лестнице, но вспомнила и забрала, слишком уставшая для любопытства. Сунула нос — и на душе потеплело. Монтроз не забыл... Старательно уложенный в плотно закрытые судки и завернутый в полотенца, в корзине лежал ее ужин. И какой!

Тушеная утка, нежнейшее куриное фрикасе, ягнячьи отбивные и картофельный салат. Вишневый пудинг и слоеный персиковый пирог... Маред растерянно улыбнулась. Содержимым корзины можно было накормить дюжину человек, а ей здесь хватит и на обед, и на завтрак, и еще оставшееся придется куда-то деть!

Она принялась к смеси упоительных ароматов. Жаль — некого позвать в гости, тье Румстронг в это время уже спит. Ей вдруг захотелось самого обычного вечера в обычном доме. Чайник на плите и накрытый стол, кошка мурлычет и трется об ноги. И мужчина, лица которого Маред никак не могла представить, сидит в кресле, ожидая ужина, и спрашивает, как прошел ее день. Она даже зубы стиснула от пронзительного одиночества, холодного и тяжелого, как подаренная лэрдом зажигалка. Что ж, это тоже можно пережить, верно?

Анриетта сидела так, словно за время его отсутствия даже не пошевелилась. Сжимала стакан, в котором не убавилось бренди, и смотрела куда-то в пустоту, но дышала уже ровно и глубоко. Рассудком Алекс понимал, что должен был испытывать вину: пока дорогая ему женщина ждала, он целовался в коридоре с Маред. Но это только рассудком, а чутье подсказывало, что Анриетте необходима была эта крошечная передышка. И действительно, стоило подойти ближе, Анри подняла на него усталый, но ясный взгляд.

— Тебе лучше прилечь, — сказал Алекс.

Опустившись на колени, он снял с женщины туфли и чулки. Анри приняла это послушно, как ребенок, но не легла, и Алекс опять присел рядом, обнял ее за плечи. Несколько минут они молчали, потом Анри глубоко вдохнула и выдохнула.

— Все хорошо, — сказала она негромко. — А что там... этот?

— Пока у охраны. Вот как раз думаю...

— Пусть его просто выкинут. Не надо шума, ни вокруг меня, ни вокруг клуба.

Голос у Анри был так спокоен, что это само по себе вызывало подозрения.

— Это не решит проблему окончательно, — так же бесстрастно отозвался Алекс. — Он явно не в себе, если до сих пор тебя ненавидит и хочет.

— Ну и Ллир с ним.

Анри сделала большой глоток и поморщилась:

— Не хочу пить... Алекс, мне все равно, что у него за беда с головой или тем, что ниже пояса. Я сейчас никуда не выхожу без охраны, это сегодня... он меня врасплох застал. Возле уборной, надо же... Скот. Но прятаться я не собираюсь! А если еще раз подойдет, пусть с этим разбирается охрана.

— Как скажешь, — согласился Алекс, уже понимая, что истерики не будет, но это как раз не слишком хорошо: лучше бы Анриетта выплеснула чувства наружу. — Мы еще об этом поговорим. И если он не уймется...

А про себя подумал, что наверняка не уймется. Такие не понимают, что мир создан не только для их удобства и желаний. Одна беда, за богатеньким знатным ублюдком стоит его семья, и если ублюдок просто исчезнет, расследование может привести к Анри. Попробуй угадать, кому мерзавец успел сказать лишнего?

Нет, здесь нужно очень хорошо подумать. Снова обращаться к его родственникам — бесполезно, разве что найти такой рычаг давления, который даже сиятельное графское семейство не сможет игнорировать. Надежнее и проще всего заполучить на эту тварь качественный материал для шантажа. Настолько грязный, чтобы ублюдок сам боялся подойти к Анри на милую. А если не удастся заполучить подобную тайну, придется ее создать.

Алекс вспомнил одно дело из судебных архивов. Некий представитель вполне высшего света устраивал оргии с участием юношей из таких же знатных семей. Наркотик в вине, доступные женщины и веселые собутыльники, атмосфера вседозволенности... А потом юнцам показывали камерографии, на которых они блаженствовали в объятиях мужчин, которых видели первый и последний раз в жизни. И бедолаги разорялись, лишь бы предотвратить позор. Почти как «Белая лента», только ради наживы, а не из похоти. Вскрылось все, когда один из жертв предпочел покончить с собой...

Да, это определенно стоит обдумать. Ну и обычные несчастные случаи еще никто не отменял.

— Алекс, о чем ты сейчас думаешь?

— Строю коварные планы, разумеется, — улыбнулся он как можно спокойнее. — Не беспокойся, я сейчас передам охране, чтоб его вышвырнули. Ты уверена, что не хочешь еще выпить? Может, заказать чаю?

— Нет, не стоит, — отозвалась Анри, покачивая стаканом. — Алекс, мне, право, неудобно... Я испортила тебе вечер. И не только тебе. Эта твоя гостя... Она у нас впервые?

— Да, — не стал скрывать Алекс очевидное.

— Новое увлечение или просто протезе?

Анри оттаивала на глазах, в ее голосе слышался вежливый интерес и еще что-то. Нечто неуловимое, пробивающееся сквозь обычную дружескую маску.

— Сам пока не знаю, — вздохнул Алекс, слегка разворачивая женщину спиной к себе и начиная распускать шнуровку ее платья. — А ты ее не помнишь? Мой день рождения и подарок. Не тот, что вы приготовили, а внезапный.

— Ах, во-от это кто, — протянула Анриетта. — Теперь вспомнила. Но это не мое дело, конечно. Так ты останешься?

И опять вопрос прозвучал совсем просто и невинно, однако с подтекстом — и Алекс улыбнулся. Анри, разумеется, не Флория, но... Сейчас ей очень нужно знать, останется Алекс или уедет.

— Я уже остался, — сказал он. — Одну минуту...

Он позвонил метрдотелю и велел, чтобы «гостя» выкинули из клуба. Заодно уточнил, исполнено ли распоряжение насчет ужина тье Уинни. Очень удобно быть альтер эго хозяйки клуба — обеспечивает множество мелких и не очень привилегий.

А с Маред действительно получилось неудобно, Анриетта права, но что поделать? Да и тье Уинни скорее обрадуется вечеру и ночи без присутствия Алекса. Кажется, она искренне сочувствовала Анриетте.

— В следующий раз, когда придете вместе, скажи мне, — попросила Анри, когда Алекс закончил разговор. — Я очень обязана этой девушке. Алекс, как же глупо и мерзко... Я ничего не могли ни сказать, ни сделать, даже крикнуть. Как кролик, которого вот-вот сожрет удав, а он шевельнуться не может. Мерзость...

Она зябко обхватила себя руками за плечи.

— Анри, — тихо сказал Алекс, кладя фониль и снова обнимая подругу за плечи, — это не слабость, а психический шок. Все эти годы ты борешься с жуткими воспоминаниями, как раненый — с последствиями раны. Уже то, что ты не сошла с ума, настоящее чудо. Клянусь, ты одна из самых сильных людей, кого я знаю. А сегодня... тебя ударили в самое уязвимое место, самое болезненное.

Прижимая не слишком крепко, но так, чтобы согреть своим теплом, он закончил распускать шнуровку, позволил платью упасть к талии Анри и взялся за корсет. Слегка приподнявшись, Анри помогла избавиться ее от платья, оставшись в тонкой полупрозрачной рубашке и таких же батистовых панталончиках.

— Хочешь ванну? — предложил Алекс мягко. — Или спать?

— Спать, — вздохнула Анри. — Алекс, ты же голодный, наверное. Спустись вниз, поешь. Я сама...

— Я не голоден, — соврал он, не желая оставлять женщину одну. — Лучше выпью

бренди.

Раздетая, Анри напомнила ему Маред. Чуть выше и тоньше, с гибким телом танцовщицы и небольшой грудью, она тоже была смуглой и темноволосой. Обычно на этом сходство и заканчивалось, но сегодня Анри тоже ежилась и сжималась, несмотря на бережность прикосновений Алекса. И под одеяло она нырнула охотно, будто прячась, замерев там и впервые за долгое время не пожелав раздеться догола.

Сев рядом, Алекс запустил руки в блестящие мягкие волосы, осторожно вытаскивая из них шпильки. Анри коротко и рвано выдохнула под его прикосновениями, потом протянула руку и приглушила светильник у кровати. Закрыла глаза и замерла.

Алекс еще пару минут погладил ее по голове размеренными медленными движениями, потом быстро разделся и скользнул под одеяло. Обнял, прижавшись всем телом, поцеловал — в щеку, ласково, — и долго молча гладил плечи, спину, бока и все, до чего мог достать, пока дыхание женщины не стало совсем ровным и тихим.

Только тогда, убедившись, что Анри заснула, Алекс дотянулся до оставленного на столике бренди и допил его мелкими глотками, позволяя себе расслабиться, отодвинуть холодную тяжелую ненависть на потом, спрятать ее, но не слишком далеко. Нет, пожалуй, он все-таки не будет пачкаться шантажом. Этого недостаточно. Для того, кто искалечил Анриетту, — абсолютно недостаточно.

* * *

Утром, когда он проснулся, Анриетта уже ушла. Метрдотель подтвердил, что тье Ресколь уехала домой. Да, с охраной. Велела передать, чтобы лэрд не беспокоился, просто ей внезапно позвонила матушка по каким-то срочным делам. Да, конечно, вчерашнее ни в коем случае не повторится! Охране даны строжайшие указания не пускать некую личность в клуб и сообщать о каждой попытке его появления.

Подумав, Алекс не стал тревожить Анри. Если ее матушка вернулась с курорта, дамам Ресколь найдется, о чем поговорить. А если он понадобится, Анриетта и так знает, что может звонить в любое время дня и ночи.

Он принял душ, позавтракал и сменил халат на свежую одежду, всегда хранящуюся в гардеробной Анри — на всякий случай. Допивая чай, пролистал ежедневник, проверяя, не забыл ли чего-нибудь важного? Но, не считая свадьбы Эйнджел, день был совершенно свободен — несомненная заслуга Кэролайн. Сама Кэрри, главная подружка невесты, весь последний месяц сходила с ума чуть ли не больше, чем Эйнджел. Приемная была завалена модными журналами, образцами тканей и рекламными буклетами. Алекс давно сделал бы Кэролайн замечание, только дело было, разумеется, совсем не в чужой свадьбе.

Посмотрев на опустевшую чашку, он подлил еще чаю. Потом, поддавшись мгновенному желанию, нашел в фонеиле номер цветочного магазина и заказал две корзины роз, белые — Незабудке, а темно-красные — на адрес «Бархата» для Анриетты. Заказывать цветы еще и для Маред он не стал. Там, где она живет, это могут понять превратно. Лучше купит ей букет вечером, заодно будет повод узнать, какие цветы любит отважная тье.

Мысли лениво вернулись к Кэролайн. Стивен теперь отвозил ее домой каждый день, пренебрегая слухами, и родители девушки вполне одобряли его внимание. Ну что же, он старше, зато во всех других отношениях — прекрасная партия. Состоятельный, с прочным

положением в обществе и на службе, безупречно респектабельный, не считая темного пятна развода в прошлом, но у кого язык повернется упрекнуть мужчину, чья жена скомпрометировала себя связью на стороне?

С Кэролайн же у него дела шли отменно. Алекс видел это по сияющим глазам девушки и тому, как изменился сам Стивен. Он изрядно похудел и словно помолодел лет на десять. И Алекс был последним, кто пожелал бы спугнуть их нечаянное счастье. Стивен уже намекнул, что через несколько дней Алекс получит приглашение на помолвку. Сегодня Кэролайн формально работала последний день, она уже написала заявление на отпуск и смотрела так жалобно, словно у Алекса был хоть один шанс его не подписать. Ну словно дети!

На работу он приехал почти с двухчасовым опозданием против обычного времени, чувствуя себя то ли уставшим, то ли просто расслабленным. Выполнил обычные дела, подтвердил разрешение служащим уйти пораньше, позвонил Флории, но Незабудка не ответила. Правда, перезвонила примерно через час, сообщив, что все это время провела в ванной комнате. Со страстью Флории к уходу за собой это было вполне правдоподобно и даже не слишком много.

И все, вроде бы, шло своим чередом, но что-то тянуло и дергало внутри, заставляя беспокойно поглядывать на часы. Словно он забыл о чем-то важном, нужном или может опоздать. Ощущение было неприятным, Алекс внимательно просмотрел весь список дел, досадуя на Кэролайн, уехавшую готовиться к церемонии, но ничего не вспомнил и не нашел.

— Ваша светлость, вы просили напомнить за час до церемонии!

Миленькая девица, присланная на замену Кэролайн, заглянула в его кабинет, смущаясь слишком уж очаровательно. Алекс усмехнулся про себя. Белокурые локоны, собранные в кокетливый пышный пучок, небесного цвета глаза под накрашенными ресницами, юбка на ладонь выше щиколоток, так что видны бархатные туфельки и кусочек шелкового чулка... Быстро же ты сообразила, как использовать новое назначение, девочка. Прости, но еще одна Флория мне совершенно не нужна.

Собираясь, он с той же досадой подумал, что ехать в храм — откровенно дурная трата времени. Но традиции, чтоб их баргест подрал, причем заведенные лично им, хозяином конторы. Ладно, час-другой можно выделить. Особенно, если поймать Фергала и поговорить о делах. Да и Симмонс уже должен сделать сводку по архиву...

Так что к храму Бригитты он ехал, уже успокоившись. Времени было достаточно, толчея на улицах слегка поуменилась — наступило время ланча — и мобилер мог проехать, почти не замедляя хода. Плывая в потоке экипажей, механических и конных, Алекс вспоминал Маред и вчерашний вечер. Тье Уинни действительно удалось его в очередной раз удивить. Он привык думать, что девушка замкнута и робка до болезненности, но оказалось, что чужая беда заставляет ее отбросить застенчивость и страх действия. Сначала Изабель Кармайкл, на помощь которой Маред кинулась среди ночи, теперь вот Анриетта. Девочка определенно умеет быть решительной и верной, даже странно, что у нее нет близких друзей. То ли не везло из-за отцовского воспитания, то ли случая не было сойтись с кем-то поближе.

А еще она явно начала просыпаться в чувственном смысле и получать удовольствие от близости. Не только от самого плотского проникновения, но и от поцелуев, прикосновений, легкого флирта. И сопротивляться научилась, выпуская умильные коготки, и защищать свое мнение. Наблюдать за расцветом характера тье Уинни было забавно и потрясающе приятно, потому что запуганная и скованная девушка на глазах оживала, становясь интересным партнером для игр любого рода, как постельных, так и деловых.

Позолоченный шпиль храма, служивший ориентиром в переплетении старых лунденских улиц, оказался совсем рядом. Алекс проехал тенистой аллеей и с облегчением обнаружил, что возле храма все-таки обновили стоянку. Забавно... Еще несколько лет, и мобилеров в Лундене станет так много, что их число начнет всерьез влиять на уличное движение. Уже не мобилерам придется применяться к скорости экипажей, а наоборот. А еще этот проект механического омнибуса, жарко обсуждаемый последние десять лет! Его противники упирают на необходимость огромного количества астерона, сторонники настаивают на поиске других источников энергии... В технике Алекс разобрался ровно настолько, чтобы пользоваться ею, но понимал, что прогресс не остановить.

Оставив мобилер на стоянке почти рядом с храмом, он вышел и понял, что все равно опоздал. Жених с невестой и большинство гостей были внутри храма, оттуда слышалась музыка. Кое-кто, правда, остался снаружи, разойдясь по площадке перед нарядным храмом и ожидая выхода новобрачных. Алексу, вставшему немного в стороне от основного действия, снова стало как-то не по себе. Ну в чем же дело-то?

Он поискал взглядом Маред, но ее не было. Прошла в храм или попросту постеснялась пойти на чужой праздник? От нее вполне можно ждать внезапного приступа застенчивости. Алекс потянулся за фонилем, набрал уже известные наизусть цифры:

— Маред? Где вы, позвольте узнать?

Запоздало подумал, что звонок во время службы — это было невежливо, пожалуй, но в фониле Маред слышался не брачный гимн, а шум улицы.

— Простите?

— Ответьте на вопрос, будьте любезны.

Алекс едва не сорвался на большую резкость, сам себе удивляясь. Да что это с ним, в самом деле? Какие боуги рядом пляшут?

— На... свадьбе, — почти сразу отозвалась Маред. — Извините, я вас почти не слышу...

— Хорошо, — с облегчением выдохнул Алекс. — Никуда не уходи, я тебя заберу минут через сорок. Слышишь?

— Д-да...

Голос у нее все-таки был какой-то неуверенный, словно девушка хотела что-то сказать, но не решилась. Сразу же Маред отключила фониль, а Алекс подошел ближе к парадному входу в храм. Здесь уже были сплошь знакомые лица, и люди продолжали прибывать. Нет, все-таки правильная традиция! Непременно следует быть рядом со своими служащими в минуты горя и радости, если хочешь от них не просто послушания, а верности.

— Фергал! — окликнул он проходящего мимо Бреслина. — Не уходи далеко, ты мне понадобишься.

Вот вышла пара героев торжества. Высокая красotka Эйнджел сияла улыбкой, украшениями и каждой складкой роскошного белоснежного платья, расшитого чем-то блестящим. От высокой прически до кончиков атласных туфель и длинного шлейфа — само совершенство! Жених, чернявый итлиец, смотрел на нее одурело влюбленными глазами, едва не спотыкаясь, и Алекс его вполне понимал — девушка выглядела потрясающе.

Но где же Маред? Алекс снова хотел позвонить, но отвлекся: новобрачные позировали камерографу с высоким треножником, кто-то хлопнул пробкой игристого вина — взвизгнула облитая девица. Хлопки продолжились — из праздничных шуток полетели цветные фонтанчики конфетти. Кто закричал «От любви растет трава!», намекая на обряды плодородия, жених потянулся губами к притворно смущенной, но улыбающейся невесте, а

Алекс понял, что ему кажется странным. Возле Эйнджел не было Кэрри, хотя главная подруга невесты весь праздник должна держаться рядом. И Маред не показалась...

Да что за день такой?! На кого ни глянешь — все исчезают. Алекс потер виски, чувствуя глухое раздражение, беспричинное, но никак не проходящее. Сначала Анриетта уехала слишком рано, потом Незабудка не ответила вовремя, Бреслин снова исчез из пределов видимости, а Маред и вовсе не видно, хотя весь контрактно-корпоративный — вот он, позирует для общей камерографии. Сейчас, можно не сомневаться, кто-то вспомнит про лэрда Монтроза, и придется улыбаться в камеру, изображая радость. Голова разболелась, потом Алекса вдруг зазнобило.

«Заболел я, что ли?» — вяло удивился он.

Что ж, это хотя бы объясняло дурное настроение.

— Алекс?

Вынырнувший из толпы Стивен был хмур совсем не празднично, а для счастливого влюбленного и вовсе недопустимо.

— Алекс, ради Луга, поможешь мне? Эльвира, дура проклятая...

Прежняя жена Стивена в самом деле была дурой. Хуже того — дурой скандальной, забывающей в припадках ревности о всяких приличиях. После развода она прониклась твердым убеждением, что ее собственная измена послужила лишь поводом, а причина — в несуществующих любовницах Стивена. Поэтому время от времени она возникала в его жизни, чтобы устроить очередную безобразную сцену. Скандалы в исполнении Эльвиры получались громкими, с площадной бранью и вываливанием на публику всевозможных личных подробностей из жизни бывшего мужа. Алексу, ни разу в жизни не поднявшему руку на женщину за пределами постельных игр, после первого же случайно увиденного представления захотелось надавать мерзавке оплеух, от чего он с трудом удержался.

— Опять твоя баньши прилетела?

Стивен мрачно кивнул и достал портсигар. Открыл, сунул в рот сигариллу, похлопал по жилетным карманам в поисках зажигалки. Чиркать тугим колесиком ему пришлось несколько раз — пальцы дрожали.

— Кто-то ей рассказал про Кэрри. Она и явилась. Алекс, одолжи мне мобилер? Она возле моего ждет, к нему теперь не подойдешь. Кэрри уже с Эйнджел договорилась, я ее сейчас домой увезу тихонько. А то пока найду экипаж...

Почему Стивен, спокойно управляющийся со всеми служащими немалой конторы, так трепещет перед бывшей женой, для Алекса было загадкой. Но если другу не хочется скандала, да еще на чужой свадьбе и перед девушкой, которая ему дорога, это можно понять.

— Это тебе обойдется в лишний кусок свадебного пирога, — усмехнулся Алекс, доставая и протягивая ему ключ. — Оставишь мобилер возле конторы, я его потом заберу.

— Благослови тебя боги, Алекс! И Луг, и Бригитта, и Керидвен!

Хендерсон улыбнулся, на миг просветлев лицом, посмотрел куда-то в толпу и сразу заторопился.

Алекс проводил его взглядом, снова попытался высмотреть Маред, но ее нигде не было. Зато вернулся Бреслин, резко выделяясь черным вороньим сюртуком среди празднично одетых в светлое мужчин.

— Новостей нет, — сообщил он. — Симмонс обещал, что пришлет материалы вечером.

— Хорошо... Фергал, я Стивену мобилер одолжил, ему срочно понадобилось. Найди мне экипаж минут через двадцать.

Он поморщился от тупой ноющей боли в висках, потер их снова и пояснил Бреслину:

— Голова что-то... Наверное, к дождю. Старею, что ли? Никогда погоду не чувствовал.

— Помолодеть еще никому не удавалось, — хмыкнул Бреслин. — Я вот что подумал...

Многовато совпадений вокруг. Корриган-младший играл в «Белую ленту», кто-то убирает оставшихся в живых игроков, а Корриган-старший именно сейчас начал свою игру. Не странно ли?

— Странно, — согласился Алекс. — И еще меньше мне нравится, что Мэтью замолчал. Молчаливым он всегда был опаснее всего. Погоди, я бумажник в мобилере оставил. Сейчас Стивен уедет — гоняйся за ним потом.

Он двинулся к площадке для экипажей, но тут увидел краем глаза знакомый силуэт и повернулся туда. Маред торопливо шла к храму со стороны бульвара, почти бежала. Ах, как интересно. Уже на свадьбе, значит? И к чему это вранье? Главное — зачем?

Алекс достал фониль, собираясь позвонить, чтобы не подходить на глазах у всех. Нажал на первую цифру... Что-то хлопнуло — слишком громко для шутихи или бутылки. Что-то толкнуло его плечо упругой невидимой лапичей. Сшибло с ног, повалило, сдавило голову и ударило по ушам.

Истошно заржали лошади, десятки смертельно перепуганных лошадей. Кто-то что-то кричал, бежали люди, резал пространство оглушительный женский визг. Алекс попытался приподняться — ноги его не держали. Подбежал Бреслин, принялся зачем-то ощупывать его, Алекс вяло отбивался, не понимая, в чем дело и что звенит в ушах...

— Алекс! Алекс, ты цел? — кричал ему в ухо Бреслин. — Ты меня слышишь?

Он хотел ответить, что слышит, но язык не ворочался. На стоянке, уже почти у самой кромки, вместо его «Драккаруса» распустился огромный черно-красный цветок — так показалось сквозь слезы в глазах.

— Алекс! Ты слышишь меня? — допытывался Фергал. — Доктора!

Лошади на стоянке уже истошно кричали, бились в упряжи экипажей, пытались оказаться дальше от огня. Чья-то карета сорвалась с места, погромыхла в сторону бульвара. Хорошо, что конных экипажей было немного...

«Зачем? — с той же отвратительной тупостью подумал Алекс. — Кому доктора? Там же... Астерон же не взрывается... Не взрывается... А там... Стивен, Кэрри... Боги, как же это...

— Не надо, — сказал он, еле ворочая языком. — Фергал, никакого доктора... Я... посижу...

Бреслин молча помог ему встать и дойти до скамьи у края дорожки. Алекс упал на нее, согнулся, как от удара под дых, опираясь руками о колени. Сейчас приедет полиция. Хотя нет, это будет расследовать Паучья служба, все-таки покушение на королевского стряпчего... На свадьбе... Бред. Он не дошел до мобилера несколько десятков шагов. А Стивена и Кэрри там не должно было быть. Не должно! Проклятье, проклятье...

— Алекс, ты же сам все понимаешь, да? — мягко сказал Бреслин, присаживаясь рядом. — На Корригана у нас ничего нет. Пауки все равно будут искать, но...

— Понимаю, — мертвенно согласился Алекс. — О Корригане молчим. Это наше дело. Слушай, Фергал, как ты думаешь, везет мне с «Драккарусами» или совсем наоборот? Стоит еще один покупать?

Он опустил голову, давая истерический смешок, закусил губу, заставил себя дышать ровнее. Что за чушь болтается... Кровь билась в висках. Подняв голову, Алекс посмотрел на

мир вокруг, яркий, словно кто-то протер его влажной тряпкой. Крики, резкая вонь дыма, черно-красный столб пламени и вкус крови во рту — прикусил щеку изнутри, когда падал. Бледное лицо Маред, застывшей в десятке шагов. Белое пятно — невеста рыдает, размазывая слезы и краску по лицу шлейфом. И непрерывное, безумное лошадиное ржание.

— Убью, — бессильно сказал он вслух. — Кто бы это ни был. Найду и убью.

Глава 19. Огонь, правда и ложь

Маред так и не поняла, слышала она слова Монтроза или прочитала по губам. Нет, конечно, слышать не могла — слишком далеко она стояла, а вокруг сотней разных звуков бесновался общий страх. Но голос лэрда, хриплый, отчаянный, прозвучал в ушах так ясно, будто Монтроз был совсем рядом: «Убью... найду и убью...»

А вокруг разверзлась преисподняя. «Дракарус» пылал, от него текли волны раскаленного воздуха. Маред поспешно отвела взгляд, давя приступ слепого не рассуждающего ужаса. Прикрыла глаза рукой, старательно посмотрела в сторону, уговаривая себя дышать ровно. Лэрд Монтроз — вот он. Значит, все обошлось? Клуб огня и дыма жуткий, но никто не... никто?

— Кэрри! — кричала незнакомая Маред невеста, выдираясь из рук молодого человека в нарядном светлом костюме, явно жениха. — Кэрола-а-а-айн! А-а-а-а-а...

И еще что-то бессвязное сквозь истерические рыдания.

Кто-то пробежал мимо, едва не толкнув Маред, подбежал к сидящему на скамье Монтрозу. Лошадей торопливо разводили какие-то люди, пытаясь успокоить, а среди толпы замелькали полицейские мундиры. Совсем рядом с пожарной каланчи донесся звон сигнального колокола...

Так в машине кто-то был? Осознание ударило вспышкой одновременно с тем, что Маред вспомнила — «Драккарус» же как раз выезжал с площадки! Но Монтроз — Вот же он? И причем здесь какая-то Кэролайн, о которой безнадежно плачет совсем уже некрасивая, растрепанная, с размазавшейся по лицу краской девушка-невеста? Кэролайн — это же секретарша Монтроза, так?

Маред сделала шаг назад, пропуская пару торопливо шагающих полицейских, и поняла, что стоит в очень неудобном месте. Остальные гости собрались перепуганной и очень громкой толпой шагах в двадцати позади. И следовало бы идти к ним, подальше от огня, а заодно и от лэрда, которому сейчас точно не до Маред. Может быть, он и вовсе забудет, что Маред пропустила эту проклятую свадьбу? Бригитта милосердная, да разве об этом надо думать? Кто-то погиб в проклятом «Драккарусе!» И...

Звонок фониля среди прочего шума показался совсем тихим. Но Маред вздрогнула от неожиданности, продолжая смотреть на бледного Монтроза, так и сидящего, согнувшись и упираясь локтями в колени. Стоящий рядом с ним человек в черном сюртуке что-то говорил полицейским, а пламя так и гудело, не унимаясь.

Маред еще сильнее прищурилась, поворачиваясь так, чтобы не видеть даже отблесков. Но дым и искры все равно летели слишком далеко, чтобы она могла спрятаться. А вот ужас, неминуемо накатывающий даже от огонька свечи и зажигалки, на этот раз медлил. Словно давал последний шанс одуматься, отбежать подальше, прежде чем воющий зверь паники запустит когти в нутро.

Старательно глядя в другую сторону и отходя, Маред вытащила упрямо трезвонящий фониль, хотела выключить, но по привычке нажала кнопку согласия. Что ж, просто попросит, чтобы позвонили в другое время...

— Тье Уинни? — ласково сказала трубка фониля голосом Чисхолма. — Будьте умницей, не вздумайте прервать наш разговор. Вы меня слышите?

— Да... Вы?! — задохнулась Маред, будто спотыкаясь и замирая на середине шага. —

Это вы...

— Ну-ну, тише, милая тье. Не дай боги, еще услышит кто-нибудь — чрезвычайно нехорошо получится. Там, конечно, сейчас всем не до вас, но не будем рисковать. Вы, моя милая, лишнего не болтайте, а лучше послушайте. Внимательно послушайте... Можете? Или слишком шокированы, как говорят франки?

— Зачем? — почти беззвучно проговорила в трубку Маред, только сейчас сообразив, как называется ее состояние.

И в самом деле — шок. Вот почему страх перед огнем не проявился сразу. Один ужас задавил другой, как встречный огонь, пущенный наперерез лесному пожару. Но уже подступает к горлу знакомая вязкая тошнота от запаха дыма.

— Зачем вы... — повторила она беспомощно. — Там же... там был... кто-то...

— Помолчите, — уже сухо и повелительно сказал ее собеседник, так что у Маред перехватило горло. — А вы как хотели, милочка? Шерсть стригут — волоски по ветру летят. Вы ведь хотели остаться чистенькой? Ну так смотрите и запоминайте. Если бы сразу сделали, как вам было сказано, ничего этого сегодня бы не случилось. Его светлость ведь жив пока? Жив... А остальное — ошибочка. Бывает. Но вот что, милая тье, я вам скажу. Если хотите отойти в сторону — отходите на здоровье. Вы такая мелкая мошка, что вас даже прихлопнуть не стоит. По его светлости, королевскому стряпчему, попасть гораздо легче. Сегодня было последнее предупреждение. Да-да, предупреждение, кто же знал, что так неловко получится?

— Неловко? — не поверила ушам Маред, не в силах связать безобидное вежливое словечко с творящимся вокруг. — Неловко! Вы же...

— Я велел вам молчать — вот и извольте. А вы думали, в таких делах со всеми нянчатся, как с вами? Вы ведь все окончательно решили, милая Маред? Или еще подумаете? Потому что в следующий раз, видите ли, никто не станет дожидаться, пока лэрд выйдет из мобилера. Понимаете меня?

— Да, — сказала Маред, сглотнув горькую вязкую слюну. — Понимаю...

— Вот и славно. Вы ведь ему ничего не успели рассказать? Умница. Рассказали бы — подписали бы приговор. Окончательный. Вы его и так почти подписали, но все еще можно исправить. Конечно, если хотите. Сделаете, как было велено, и ваш лэрд останется жив. Титул и состояние у него никто не отнимает. А контора... Захочет — еще одну откроет. А вот если откажетесь... Хотя, может, вы и не желаете ему добра? — хохотнул собеседник в ухо беспомощно застывшей Маред. — С учетом ваших отношений... Тогда просто ничего не делайте. Ни-че-го. И вовремя постарайтесь убежать — чтобы вас не зацепило. Вы меня слышите, тье?

— Да, — снова безвольно повторила Маред.

Тошнота крутила внутренности, запах гари лез в нос и рот. Не надо... Не сейчас, ради богов! Только бы не приступ...

— Завтра утром я вам позвоню и скажу, что делать. И хватит изображать наивную добродетельную дурочку. Если хотите убить Монтроза — просто все ему расскажите.

Голос в трубке исчез резко, Маред даже от уха ее отняла — глянуть, не нажала ли случайно кнопку? Нет, это отключился собеседник. Фониль в руке был неприятно горячим. Да и все вокруг было горячим, жарким, вонючим, пропитанным криками, суматохой и страхом.

Монтроза от Маред уже закрыли спинами, там мелькала полицейская форма и обычные

сюртуки, пара белых медицинских мантий. А вот стоявший рядом с ним тьен в черном, тот самый, что приезжал с лэрдом за Маред и Изабель после аварии, отошел в сторону и теперь глядел на Маред в упор, будто мог слышать ее разговор с Чисхолмом. Нет, не мог же... Никто не мог — все слишком далеко.

Маред оглянулась и поискала взглядом кого-нибудь из знакомых. Вот Тилли, она плачет, а Леон обнимает ее за плечи. Тье Жаклин Форс — огромные глаза на посеревшем личике. Еще кто-то знакомый, кто-то мельком виденный в конторе, кто-то незнакомый вообще...

Спазм все-таки случился, когда Маред уже почти дошла до коллег. Горло сдавило, ноздри наполнились запахом гари, в глазах потемнело. Маред неловко шагнула к кустикам, окаймляющим газон перед входом в храм, и ее стошнило прямо на траву. Точнее, стошнило бы, но желудок с утра был совершенно пуст, только кислая горечь обожгла язык. И сразу дышать стало легче. «Как странно, — вяло удивилась она. — От огня зажигалки или спички корчит судорогами, а сейчас даже... терпимо?»

Выпрямившись, она старательно отдышалась, вытерла рот платком из поясной сумочки и все-таки дошла к остальным служащим. Никто на нее не смотрел, а если и глянул мельком, то вряд ли увидел что-то особенное. Подумаешь, какой-то девице стало плохо. Вон, Тилли, не смущаясь, уткнулась Леону в плечо, испачкав сюртук потеками краски со своего личика.

— Да как же это... что же творится, боги милосердные и благие...

— Баргест их побери! Будто опять времена Большого Взлета вернулись! Да и то...

— Повезло его светлости. Да... А вот Стивен... Еще и с девицей. Темный Ллир, как же малышку Кэрри жаль!

— Кому-то везет, а кому-то — напротив. Но наш лэрд... он-то во что мог вляпаться? Чтобы вот этак...

Голоса назойливо лезли в уши, Маред снова затошнило, рот наполнился слюной, а в висках застучали звонкие горячие молоточки. Она потрясла головой, словно оглушенная, снова и снова перебирая в памяти услышанное. Она убьет Монтроза, просто... рассказав ему?

«А ведь это ты, Маред Уинни, убила Кэрри и еще кого-то, кто с нею был, — пришла беспощадно ясная мысль. — Чисхолм прав, ты хотела остаться чистой, никому не причинить зла. И вот — смотри! Если бы ты рассказала Монтрозу, может, все бы обошлось? Правда, не для тебя... Но Кэролайн осталась бы жива. Или нет? Тебе, дуре, ясно сказали: Монтроза убьют, если ты ему все расскажешь. Но... при последнем разговоре Чисхолм вроде бы совсем этого не боялся! Даже глумился, предлагая признаться лэрду. А теперь... Что же им в самом деле нужно? На что тебя толкают, Уинни, лучшая студентка, заучка, ни боуги не понимающая в интригах и людях. Бригитта, что же я натворила?! Это же я виновата! Но если бы я все рассказала Монтрозу, они все равно могли бы устроить взрыв. Напугать лэрда или попросту убить. Нет, им ведь нужна контора, а значит, живой лэрд, способный ее продать. Или нет? Я ничего не понимаю, я запуталась!»

Маред потеряла пальцами болезненно ноющие виски. С трудом вдохнула горячий воздух, пропитанный вонью горелого каучука, металла, чего-то еще. Дурнота накатывала волнами, то накрывая целиком, то отступая, позволяя отдышаться. И где-то внутри раскручивалось тугой пружиной понимание собственной вины: бесконечной, чудовищной, абсолютно безнадежной. Что бы они ни сделала теперь, в чем бы ни призналась, это бессмысленно. Время не повернуть вспять! Не оказаться снова в том мгновении, когда Кэролайн была жива,

и что-то можно было исправить. Ошибка... Твари! Проклятые твари!

А теперь они убьют лэрда, можно даже не сомневаться. Потому что он не тот человек, который отступит. И ты будешь виновата в любом случае, расскажешь ему или нет. Потому что опоздала, надеясь, что все обойдется лично для тебя. Дура! Трусливая дура! Теперь им по какой-то причине стало все равно, убивать Монтроза или нет! Вот в чем дело... Им важно получить свое... И вряд ли дело в конторе, ведь забрать ее у покойника они не смогут. Кстати, а кто у лэрда Монтроза наследник? Он же абсолютно одинок!

Но что делать? Вот единственное, что ей сейчас важно. Отказаться? Только не это!

Маред на миг представила, что стояла бы вот так, зная, что в мобилере все-таки погиб Монтроз. Ее снова едва не стошнило от дикого страха. Нет, нет! Кем бы он ни был, что бы ни делал с ней в прошлом — все равно! Просто пусть останется жив. Неважно — почему. О нет, никаких глупостей про чувства! Просто пусть он будет жив. Боги благие, прошу вас...

Значит — соглашаться? А потом? Если все действительно зависит от Маред, и взамен конторы Монтрозу сохраняют жизнь... Да глупости это! Как будто он отдаст свой «Корсар», не трепыхнувшись! Что бы ни задумали Чисхолм и компания, живой лэрд королевский стряпчий встанет у них в горле такой костью, которую не проглотишь. И, значит, его все равно потом убьют. Как и Маред, скорее всего.

Стоя в толпе гостей и краем уха слушая разговоры, в которых постоянно мелькало два имени — вот кто, оказывается, был с Кэролайн — Маред все отчетливее понимала, что вряд ли выберется из этой истории живой. Монтроз, возможно, тоже, но лэрду хоть есть чем откупиться, да и возможностей у него куда больше. А Маред попала, как зернышко между жерновов. Чисхолм, для которого двойное убийство посторонних людей — неловкая опшибка, уберет ее как свидетельницу. А Монтроз, который мог бы защитить, теперь никогда не простит ей смерти двух своих людей. Да Маред и сама себя не простит! А раз так — терять ей действительно нечего. И остается только попробовать исправить хоть что-то. Любой ценой! Эти подонки уверены, что у нее только два выхода: выполнить их волю или признаться Монтрозу. Третий, сумасшедший и поэтому имеющий шанс на успех, им в голову не придет. Но даже мышь, загнанная в угол, может вцепиться кошке в нос, а она, Маред, — человек и напоследок будет драться изо всех сил...

— Тье Уинни?

Она вздрогнула, почувствовав на плече жесткие пальцы, дернулась. С тем же успехом можно было выдираться из капкана.

— Тише, — сказал человек в черном сюртуке, про которого Маред только сейчас вспомнила, что это и есть начальник охраны «Корсара». — Будьте любезны пройти со мной, тье. У меня к вам несколько вопросов.

* * *

Первые несколько минут объяснений Бреслин, благослови его Луг, взял на себя, заявив, что у его светлости нервное потрясение. Алекс спорить не стал, он и в самом деле соображал с трудом, словно после дозы снотворного. Проклятье... Невозможно было осознать, что Стивена и Кэролайн больше нет. Настолько нелепо... И вообще происходящее вокруг было похоже на тяжелый кошмарный сон, о котором смутно подозреваешь, что реальность не может быть настолько мерзкой, но и вырваться из его пут не получается.

Несколько минут... Взорвись бомба несколькими минутами раньше, Стивен и Кэрри не успели бы сесть в мобилер!

А потом полицейские куда-то делись, но вместо них возник невысокий сухопарый человек совершенно неприметной внешности. Показав тяжелый эмалевый жетон с серебряным пауком на черном поле, он вежливо попросил разрешения задать несколько вопросов именно его светлости Монтрозу, и тут уж Фергалу пришлось отступить.

На вопросы Алекс ответил чистосердечно, даже не думая что-то скрывать и желая только побыстрее покончить с этим. Да, его служащие сели в мобилер случайно. Тьен Хендерсон хотел как можно скорее увезти будущую невесту, чтобы избежать встречи с бывшей женой. О да, чрезвычайно неприятная дама, спросите кого угодно. Нет, лэрд понятия не имеет, кто мог подложить в его мобилер бомбу. Угроз не было. Служебные дела, относящиеся к королевскому департаменту, у него в полном порядке, да и нет в них ничего такого, способного... Нет, он уже сказал, что предупреждений не было. Нет... нет... нет... Уберите репортеров, он не будет давать интервью!

Человек из Паучьей службы слегка нахмурился, согласно кивнул — и стервятников с камерами и блокнотами быстренько вытеснили за ограду. Конечно, шумиха в газетах — такая же неизбежность, как и все остальное, но ради Луга — потом! Бреслин тоже куда-то исчез, и Алекс с трудом сдерживался, чтобы не послать Королевского Паука подальше с его дурацкими вопросами. Все с ним хорошо! Руки трясутся? Не заметил... Ничего — пройдет.

Вокруг «Драккаруса» суетились пожарные, разворачивая рукав помпы, но мобилер и так догорал, и их старания выглядели очередной бессмыслицей. Стивен, Кэрри... Хватит, Корсар! Возьми себя в руки, прекрати растекаться дерьмом по мостовой.

Он заставил себя прислушаться к монотонным объяснениям Паука, чье имя так и не запомнил, с трудом улавливая привычные формулировки. Да, конечно, Лунден не покидать. Ждать вызова в Департамент... И если он что-то вспомнит или узнает...

— Непременно, — криво усмехнулся одной половиной рта Алекс, принимая визитку с самым обычным именем и номером фониля, но все тем же черно-серебряным пауком в углу карточки. — Сразу же сообщу.

Кажется, остро глянувший ему в лицо тьен Как-его-там обещанию не поверил. Проницательный господин, надо отдать ему должное. И будь у Алекса хоть какие-то улики... Но у него ничего не было, кроме туманного предупреждения Мэтью и проклятого убийцы-камерографа, присылающего снимки трупов. Отдать Паучьей службе это? Но Корригану он предъявить обвинение не может, а неизвестный маньяк никак не сочетается с бомбой в мобилере, он ведь явно настроен на длительную игру. А Паучья служба при всей своей зловещей репутации далеко не всесильна.

Алексу хотелось взвыть от черной глухой тоски и беспомощности. Он ничего не может сделать, абсолютно ничего! Да, покушение на королевского стряпчего будут расследовать добросовестно, но что толку? Мэтью не дурак, он не оставляет следов. По крайней мере, глупых следов...

Еще несколько минут он потратил, подписывая поданные бумаги и подтверждая, что показания переданы верны. Оказывается, все это время рядом с тьеном Пауком стоял еще более неприметный молодой человек, стенографируя опрос. Быстро работают, однако... Алекс тяжело поднялся со скамьи. Люди из Паучьей службы восторжествовали, но тут уж его терпение закончилось. Какое врачебное обследование? Он что, истеричная барышня? Здесь его служащие, их нужно успокоить и отпустить по домам. Допрос? И сколько вы

собираетесь держать людей? Списки присутствующих он прикажет составить и передать, можете вызывать и допрашивать. Но ради Темного Ллира, неужели вы думаете, что бомбу подложили невеста с женихом?! Или кто-то сделал это прямо на стоянке, на глазах у десятков людей?

Такой глупости, разумеется, никто не думал, и Алекса с явной неохотой отпустили. Ошел к своим людям, а перед ним расступались почти испуганно, и разговоры смолкали. Лэрис, бледная и растрепанная, кинулась ему на шею, обняла и тут же отпустила, жалко и некрасиво скривив лицо.

— Алекс... Дорогой... Как же это может быть...

Всхлипнула и потерла глаза, размазывая краску. Эстер ван дер Пол, мрачная и словно постаревшая, вытащила из сумочки платок и подала ей. Подошел Эбenezер Цойреф, молча положил Алексу руку на плечо, сжал его и так же молча отошел.

— Ваша светлость, благодарение Лугу, что вы живы, — негромко сказал Леон из контрактно-корпоративного отдела, обнимая полненькую девушку, спрятавшую лицо у него на груди.

Вальдемар Моррис из судебного отдела, Адам Мак Коннахи — восходящая звезда среди экспертов, совсем еще юный техник, как же его... Ленни зовет его Капризом, а имени Алекс не мог вспомнить...

Все они подходили, говорили что-то и отходили. Алекс только кивал, пожимал протянутые руки, терпел короткие объятия и старался не морщиться от вида женских слез. Это были его люди, и им было страшно, очень страшно. Их спокойный надежный мир рухнул, и многие наверняка винили его, лэрда Монтроза. Хозяина и покровителя. Человека, оставшегося в живых, словно он нарочно прикрылся от смерти Стивенom и Кэролайн.

И чтобы сделать хоть что-то, способное оправдать его перед самим собой, Алекс, как только смог, извинился и отошел подальше, доставая фонишь. Следовало бы, конечно, позвонить самым близким: Анри, Эвелин, Кон Аннуину... Но пальцы торопливо набрали совсем другой номер. Нажав, Алекс поднес трубку к уху и услышал тяжелый густой голос:

— Ну, здравствуй...

И никаких эмоций в голосе! Значит ли это, что «Драккарус» нарочно взрывали без хозяина? Да ни баргеста это не значит! Уж такой матерый хищник, как Мэтью, не станет устраивать истерик.

— Здравствуй, Мэтью, — сказал Алекс, чувствуя, как лицо стягивает в бесстрастную маску, словно собеседник совсем рядом. — Не удивлен, что я звоню?

— А чему мне удивляться, Алекс? Позвонил — что скажешь?

— Нет, Мэтью, — все так же криво усмехнулся Алекс. — Что ты мне скажешь? Вот теперь — что?

— А ничего не скажу, — помолчав, уронил Корриган, и Алекс услышал в трубке его натужное дыхание. — Поздно что-то говорить. Ты ведь не дурак, сам все понимаешь. Это не везение, ты не думай. Это последний шанс.

— Шанс, значит... Предупредить изволили...

В горле стоял плотный ком, Алекс все пытался его сглотнуть, но не выходило. И очередной кусочек мозаики сложился. Мэтью ждал его звонка. Значит, убивать не собирались. Решили испугать. Твари...

— А ты подробности уже знаешь, Мэтью? — сказал он мягко, понимая, что слова уже ничего не решат, но сил держать в себе еще и это не было. — У тебя ведь наверняка здесь

кто-то был. Тебе уже сказали, кто был в мобилере?

Пауза. Четкая, хоть и недолгая.

— О чем ты?

И еще один кусочек мозаики лег на место. Не знал... Уверен был, что все обошлось потерей мобилера.

— О том самом, Мэтью. Я так понимаю, взрыватель был не часовой, а сигнальный? Увидели, что я вышел, и решили, что «Драккарус» пуст? Незадача... Грязная работа. Приходи на похороны, Мэтью. Ты ведь тоже звал Стивена Хендерсона другом, помнишь? Не знаю, правда, что там осталось хоронить. От него, от Кэрри... Кэрри ты не знаешь. Ей было девятнадцать, Стивен собирался на ней жениться.

— Алекс...

И молчание. Алекс и сам не мог ничего больше сказать: во рту пересохло, горло царапало изнутри. И казалось, что бы он сейчас ни выдавил, слова вылетят с кровью, разодрав гортань.

— Алекс... я не знал. Про Стивена.

— Это важное уточнение, — все-таки выплюнул он, глядя на золотисто-белое нарядное здание храма, зелень деревьев и газонов, цветные пятна — нарядно одетых людей — сквозь мутную красную пелену, застилающую глаза. — Очень важное. Еще скажи, что не хотел. Ну, скажи!

— Алекс, — тихо и очень тяжело сказал Мэтью. — Не дури, Сутяга. Ты сегодня второй раз родился, понимаешь? Больше шансов не будет. Я тебя, ублюдок, ненавижу. Сам знаешь, за что. Но если отдашь «Корсар»... Не прощу, нет. Просто разойдемся навсегда. Хоть ты и гнида, но я-то ее любил.

— Что? Кого? — растерялся Алекс, настолько непонятно было то, что говорил Мэтью. — Кого любил? Ты о чем?

— Мразь ты, Алекс, — измученно отозвался Корриган голосом совершенно больного человека, вмиг потускневшим и охрипшим. — Неужели даже не помнишь? А я ведь думал, что ты мне друг. Верил. Как себе, даже больше. Ненавижу тебя — слышишь? Да подавись ты своим «Корсаром»! Это их игры, им он нужен был, а мне... Мне уже все равно. Ты у меня все забрал, вот и я... хотел забрать. Напоследок. А ты ведь сдохнешь, но не отдашь, я тебя знаю. У тебя хватка волчья. Кровью будешь захлебываться, а челюсти не разожмешь. Только за что ты со мной так, а? Неужели других женщин на свете не было?

— Мэтью! Да какого баргеста! О чем ты?

— Стивена — жаль, — послышалось в трубке через несколько мгновений молчания. — И девушку... А тебе и в преисподней глотку вырву, если встретимся. За то, что даже не помнишь. Или притворяешься.

Остолбенев, Алекс посмотрел на погасший экран фониля, торопливо набрал снова. Чтс за бред? Корриган с ума сошел? Фониль не отвечал. Вот так вот — оплеухой по физиономии. Ради Ллира Темного! Что у него Алекс отнял? Какую женщину?!

Происходящее все больше выглядело кошмаром. Он звонил, ни на что особо не надеясь, просто выплеснуть горячую боль, скопившуюся внутри, ударить словом, раз нельзя — кулаком. А в ответ получил столько застарелой ненависти. Непонятной ненависти! До всей этой истории с «Корсаром» Алекс поручился бы головой, что они с Мэтью друзья. Не было между ними никакого соперничества! Разве что... Но ведь Маргарет выбрала Мэтью! Она даже не узнала о чувствах Алекса, он их скрывал как мог. И какая может быть внезапная

ревность к давно умершей женщине?!

Бред... Закусив губу, Алекс сунул фониль в жилетный карман, потому что вокруг снова были люди. Ничего, Мэтью он из-под земли добудет и спросит, что между ними случилось, о чем он сам понятия не имеет.

А сейчас какая-то навязчивая мысль зудела... Что он упустил, оглушенный и растерянный? О чем еще не подумал? Ах да, Маред. Что-то было странное, связанное с нею, но вряд ли первостепенной важности. Нужно сказать, чтобы тье Уинни ехала пока к себе домой. А там видно будет.

Алекс поискал взглядом знакомую фигурку, но Маред нигде не было. Странно, она ведь стояла неподалеку. И, кстати, почему она соврала, что была на свадьбе? Непонятная ложь, мелкая, но цепляющая, как заноза, торчащая из кожи. Ну, где же она? Алекс снова раздраженно потянул фониль, коротко благословив его изобретателя. Как оказалось — рано. Фониль тье Уинни был выключен. Да что такое!

И тут же его будто холодной водой окатило — девушка боится огня! Если она насмотрелась на горящий мобилер, а потом ей стало плохо... Проклятье... Так... Заодно узнаем, где боуги изволят носить Бреслина!

— Фергал, где ты? В конторе? Какого баргеста ты в конторе, если нужен мне здесь? Да, все разъезжаются. Фергал, мне нужна Маред Уинни, ее фониль... Что? У тебя?

Творящийся бедлам набирал мощь. Фергал Бреслин совершенно спокойно заявил, что тье Уинни в контору забрал он — для выяснения обстоятельств.

— Каких, к Ллиру, обстоятельств? — сквозь зубы процедил Алекс. — Ты подозреваешь, что она бомбу подложила? Фергал, хоть ты с ума не сходи!

Бреслин так же ровно и упрямо перечислял: близость к объекту, то есть к самому Алексу, возможность подложить бомбу, не вызывая подозрений, возможный мотив преступления... Ах, нет мотива? Это еще надо выяснить. Главное — была возможность. А сегодня тье Уинни отпросилась на работе, но на свадьбе появилась гораздо позже остальных. Очень вовремя появилась. И говорить, где была, категорически отказывается.

— Фергал, это бред сумасшедшего, — устало сказал Алекс. — Я не знаю, где она была, но ради Ллира, мало ли дел может быть у взрослой женщины? Я сам у нее спрошу! А «Драккарус» был на стоянке. Она никак не успела бы подложить бомбу, просто проходя мимо. Да я неделю мог с ней ездить!

— Не мог, — так же бесстрастно сообщил Бреслин. — Алекс, твой мобилер осматривают каждый день дважды. Когда приезжаешь в контору и перед отъездом. Да, я тебе не говорил. А зачем? Я у тебя жалованье получаю и за это в том числе. И сегодня его проверяли — все было чисто. Значит, бомба была внутри, в салоне. А теперь скажи, много ты кого катаешь на своем драгоценном «Драккарусе? Вот то-то...

— Так... — выдохнул Алекс. — Я сейчас приеду. Девушку не отпускай, но... Не может это быть она. Слышишь? Не может.

«Еще бы самому в это по-настоящему поверить, — с тоской подумалось ему. — Потому что в кошмарном сне может твориться, что угодно. Смерть одного друга, непонятная ненависть другого... Но предположить, что Маред подложила в его мобилер бомбу? Этого быть не может!»

— Еще раз вас спрашиваю, тье, где вы были все утро? И кто вам звонил сразу после взрыва? Вы что, не понимаете, насколько все серьезно?

Тьен Бреслин, как он представился, стоял напротив, опираясь на стол сжатыми кулаками и в упор глядя на Маред.

— А я вам снова отвечаю, что отвечать как раз не обязана, — огрызнулась она, облизав пересохшие губы. — Вы не представитель полиции. Что касается звонка, то мне звонил его светлость Монтроз. Можете сами у него уточнить.

— Не-е-ет, милая тье, — осклабился в неприятной улыбке начальник охраны «Корсара». — Его светлость тебе звонил незадолго до взрыва. А потом был еще один звонок — от кого?

Злополучный фониль лежал между ними на столе. Несколько минут назад его принесли из другой комнаты, куда забрали все вещи Маред прямо вместе с сумочкой. Потом вернули — отдельно. Просто высыпали на стол все, что в ней было: ключи, фониль, кошелек, испачканный платок и зажигалку — подарок лэрда. На зажигалку с монограммой тьен Бреслин покосился выразительно, но промолчал. Кошелек не тронул, зато просмотрел фониль на глазах кипящей негодованием Маред.

— Ну так что? Вы изволите говорить? Или подождем его светлость? Надеетесь, что он поверит в любую историю, что вы сплетете?

Маред ему не нравилась. Слишком много личной неприязни было в холодном, чуть ли не брезгливом тоне Бреслина. Конечно, он ведь думает, что она любовница Монтроза. Обычная содержанка, пробравшаяся в контору... А отвечать — нельзя. Ни в коем случае! Сразу видно: этот вцепится и пойдет по следу, а на конце следа — смерть...

— Могу я выпить воды?

Маред снова облизнула губы, устало думая, что это какая-то пародия на полицейский допрос, как их представляют в романах тьена Артемиуса. Принудить ее к показаниям тьен Бреслин не может, он, по сути, частное лицо. И подчиненный лэрда, как ни крути. А вот что действительно важно — одобрил ли этот допрос сам лэрд? Похоже, что когда тьен Бреслин ненадолго выходил из комнаты, отвечая на чей-то вызов, то это как раз был Корсар. Но что он сказал?

— Извольте.

Бреслин дернул уголком рта, но воды из графина все-таки налил и подвинул стакан к Маред. Она жадно глотнула теплую воду.

— Вы хоть понимаете, что причастны к убийству, тье? — спросил Бреслин, не сводя с нее тяжелого пронизывающего взгляда. — В двойном убийстве...

— Ни к чему я не причастна, — нагло соврала Маред, с тоской понимая, что следовало с самого начала сказать хотя бы часть правды, но очень уж противно было слушать подозрения. — Да, я отпросилась со службы. Это что, преступление? И я не обязана давать вам отчет в личных делах. А звонил мне... клиент. Я беру заказы на написание письменных работ. То есть раньше... брала. Сейчас — нет.

— Клиент, значит? — жестким, как лошадиный скребок, тоном уточнил Бреслин. — И о чем вы беседовали столько времени?

— Да ни о чем особенном, — вздохнула Маред, надеясь, что дрожь в ее голосе можно счесть признаком усталости, а не страха. — Я отказалась, он настаивал. Пытался рассказать, какая именно работа ему нужна. Я вообще не понимала, о чем он говорит!

Бригитта милосердная, смогут ли они проверить номер и узнать его владельца?

Наверное, смогут. Неужели Чисхолм это не предусмотрел? Он ведь должен был понимать, что следы начнут искать в окружении лэрда! А проверить Маред, которая к нему так близка, просто обязаны. На тьена Бреслина даже обижаться несправедливо, он всего лишь выполняет свои обязанности, но у Маред скручивало внутренности от подлого страха, что все вот-вот раскроется. И не так, как она придумала в своем сумасшедшем плане, а сразу, сейчас. Какой же мерзавкой она тогда будет выглядеть... Продажной трусливой мерзавкой... И даже не это страшно, а то, что лэрда точно убьют!

— Фергал, какого боуги здесь происходит?

Лэрд Монтроз, влетевший в кабинет, был настолько зол, что Маред передернуло от быстрого взгляда, которым он ее окинул и повернулся к Бреслину.

— Я работаю, ваша светлость, — сухо ответил тот, нимало не смутившись. — И попросил бы мне не мешать, раз уж помочь не желаете.

— У тебя есть доказательства ее вины? — процедил Монтроз все так же пугающе спокойно.

Маред затошнило, к боли в желудке добавилась отчетливая дурнота, подкатывающая к самому горлу. Она уже не помнила, когда так боялась. Не физической боли, а ощущения непоправимости происходящего. Боялась ли она Монтроза? Нет... Но боялась за него! Рассказать всю правду — несколько минут позора, а потом пусть с ней делают, что хотят. Да Маред сама себя ненавидит! И пусть со всей этой гадостью разбираются лэрд и его помощник. Они это умеют и могут!

Только вот баллы за тест, который она проходила здесь, в конторе, стали известны Чисхолму вечером того же дня. И кто поручится, что он так же не узнает о признании Маред? Пока она молчит — Монтроз будет жив. Пока Чисхолм думает, что Маред выполнит его поручение, они не убьют лэрда. И чувствовать себя мерзавкой — не так уж дорого за пару выигранных дней. А потом она все исправит. Ну, то есть то, что еще можно исправить.

— Она отказывается говорить, где была все утро, — начал перечислять Бреслин. — Почему? И у нее точно был доступ к твоему мобилеру. А сразу после взрыва ей позвонили. Ваша светлость... Ради Ллира, Алекс, я видел, с каким лицом она разговаривала! Она говорила по фониллю, но смотрела на тебя!

— Фергал, а куда еще она могла смотреть?! И с каким лицом? Меня только что едва не убили на ее глазах. Она сама прошла мимо мобилера в десятке шагов! Еще чуть — и попала бы под взрыв!

— Вот именно, — очень спокойно подсказал Бреслин. — В нескольких шагах. И ее даже не зацепило. Какое потрясающее везение. Алекс, бомба была в салоне. Больше ей просто негде было оказаться. Кто с тобой ездил последние несколько дней?

— Чушь... — измученно отозвался Монтроз, и Маред поняла, что лэрд едва стоит на ногах, а держится только силой воли. — Полная глупость. Фергал, последний раз Маред подходила к мобилеру вчера днем. Я ночевал в «Бархате», а тье Уинни уехала к себе домой. Мобилер... стоял возле «Бархата». Утром я приехал в контору один. Фергал, бомбу могли подложить когда угодно! Если там был магический взрыватель, да еще гремлинской работы, она могла пролежать в салоне сколько угодно времени. Под сиденьем, например...

Страх не уходил. Но теперь к нему добавилось неизмеримое чувство стыда и вины. Монтроз ее защищал. Он не ждал от Маред предательства, он доверял ей! Единственной, которая в его окружении действительно была предательницей!

— Маред, — повернулся к ней Монтроз все еще пружинистым, хоть и замедленным

движением. — Кто вам звонил?

— Клиент... насчет письменной работы...

Губы едва шевелились, выдавливая ложь. Ох, Маред Уинни, какая же ты дрянь. Ну и наплевать! Перед глазами у нее стояло черно-золотое пламя, в ушах звучало ласково-издевательское: «Хотите его убить — просто расскажите все». Ничего она не расскажет! Только бы выиграть время. А вот потом — да. Потом она признается во всем. Когда докажет лэрду и самой себе, что не струсил, а сделала все обдуманно и нарочно. Бригитта, что же так плохо... Зато теперь — благодарение страху, прояснившему сознание — ей понятно, что и как нужно делать. Все-все ясно! Наконец-то... И не зря она, Маред Уинни, считается стряпчей — вот и пригодится знание некоторых законов и процедур.

— В самом деле? Девочка моя...

Лэрд старался говорить мягко, очень старался. Неужели чувствовал ее вранье? Он всегда видел Маред насквозь, а уж чутье у Корсара — куда там даже тьену Бреслину. Сейчас поймет. Все поймет. И это... беда! Нет, нельзя, чтобы он понял, чтобы вывел ее на откровенность, как привык. Нужно что-то придумать, сделать, сказать, чтобы допрос закончился...

— Девочка, послушай, — продолжил Монтроз. — Если ты что-то знаешь — не молчи. Самое время все рассказать. Где ты была утром?

А вот это он спросил напрасно. Потому что Маред осенило, как прекратить разговор, чтобы ее точно оставили в покое. И это было окончательной подлостью, непростительной. Но жизнь Монтроза того стоила.

— Да какое вам всем дело! — закричала она чистую правду, не сдерживая больше наворачнувшиеся на глаза слезы. — На кладбище я была! На кладбище, понимаете?! У моего мужа... день рождения... сегодня! Был... Поэтому я вчера у вас и отпросилась. И в отделе — тоже. Сказала, что голова болит... А сама уехала на кладбище... Мне что, свидетелей там искать надо было?!

— Боги... — голос Монтроза был именно таким, каким и должен был быть — растерянным и виноватым. — Маред, простите... Почему вы сразу не сказали?

— Да потому что вас это не касается, — выдохнула Маред, чувствуя себя так, словно вывалилась в грязи. — Вы хотите все знать обо мне, всем управлять. А это — только мое! Моя память и моя боль...

Она не лгала ни в одном слове. Дня рождения Эмильена она ждала, рассчитывая просто попросить у Монтроза выходной для поездки на кладбище. Потом решила, что все равно уйдет от лэрда. Потом... события понеслись, как скаковая лошадь. А вчера в клубе лэрд сам спросил, где она хочет остаться на ночь, и все вышло идеально. Не касалась ее память об Эмильене никого! Только ей бы в голову не пришло использовать это, как оправдание. Да и зачем? Но если сейчас она не сохранит тайну — Монтроза убьют.

Перед глазами стоял черно-золотой столб пламени. Эмильен... Совсем как сегодня! И еще немного, еще несколько секунд, она второй раз потеряла бы... Она не думала — кого. Шанс на лучшую жизнь? Или дорогого ей человека? Не думала, но знала, что скорее умрет сама, чем позволит убить его.

Бреслин достал из кармана портсигар. То ли раздраженно, то ли виновато отведя взгляд от Маред, похлопал себя по карману и потянулся к лежащей на столе зажигалке. Монтроз, глядевший на Маред, этого не видел. А когда спохватился — было поздно. Первый раз в жизни Маред обрадовалась приступу. Потому что сейчас он мог надежнее всего спрятать ее

вину и ложь.

— Фергал, убери огонь! — успела услышать она, выгибаясь в приступе удушья. — Маред! Маред, милая... Фергал, быстро врача! Нашел преступницу, болван! Маре-е-е-ед... дыши, девочка! Дыши, пожалуйста... Только дыши...

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

...В полной тишине слышались только всхлипывания Маред, признавшей, наконец, что ее согласие стать любовницей лэрда стряпчего было результатом шантажа. Сейчас, глядя на каменное лицо Монтроза, она как никогда ясно понимала, что теперь вся ее жизнь зависит от великодушия королевского стряпчего. Захоти он наказать ее за обман — и Маред не может абсолютно ничего сделать!

— Успокойтесь, — сказал Монтроз после долгого мучительного для Маред молчания. — Я понимаю, что вы не хотели всего этого. Мне жаль, что так вышло. Разумеется, я помогу вам всем, чем смогу.

— Правда? — пролепетала Маред и в порыве благодарности бросилась на шею лэрду, который оказался гораздо лучше, чем она могла надеяться. — О, спасибо!

Но Монтроз мягко ее отстранил, пояснив:

— Ну что вы... Теперь, когда я знаю, что согласиться на мое предложение было не вашим решением, о продолжении не может быть и речи. Конечно, я больше ни к чему не стану вас принуждать. А шантаж... постараемся что-нибудь придумать. Сообщите мне, когда Чисхолм свяжется с вами, а пока...

Маред замерла, понимая, что сейчас лэрд решает, оставить ли ее, потенциально опасную, на работе в «Корсаре».

— Не будем вызывать у них подозрений, — решил Монтроз с некоторым сожалением. — Работайте по-прежнему, вы это заслужили своей откровенностью.

Она выдохнула с огромным облегчением. Прошла неделя. Чудесная, замечательная, прекрасная неделя! Она по-прежнему работала в «Корсаре», а лэрд теперь ее не домогался, даже не намекал ни на что подобное, относясь с холодной бесстрастной вежливостью. Похоже, он окончательно понял, что Маред — порядочная девушка, которая ни за что не согласилась бы спать с ним без принуждения, и сделал соответствующие выводы. А потом позвонил Чисхолм. Фониль Маред давно был под прослушиванием, но отследить звонок осторожного шантажиста не удалось, тот благоразумно использовал общественный фониль в какой-то кофейне.

— Что он хочет? — спросил Монтроз с тем же непроницаемым лицом.

— Документы, — послушно сказала Маред. — Документы из вашего личного сейфа в коттедже. Я должна украсть у вас ключ, сделать копии документов и вернуть все на место, а копии послать ему на почту до востребования.

— Ах, вот как... — медленно произнес Монтроз. — Ничего себе... Знаете, что это за документы, тье? Личный королевский заказ. Если он попадет в прессу или к иностранной разведке, мне, пожалуй, выгоднее будет самому застрелиться, не дожидаясь каторги или расстрела после суда за государственную измену. Или отдать все, что угодно, чтоб этого не случилось.

— Такие важные? — ахнула Маред.

— Я все-таки не зря королевский стряпчий, — пожал плечами лэрд. — Ну что ж, теперь я вам еще более благодарен. Мы постараемся выманить Чисхолма, но вы же понимаете, передать ему настоящие документы нельзя. Спасибо вам, Маред...

— А если он выполнит свою угрозу? — робко поинтересовалась Маред. — Насчет камерографий?

— Мы постараемся, чтоб этого не случилось, — твердо пообещал лэрд.

Фальшивые документы отправились на почту, но все усилия службы безопасности «Корсара» оказались тщетными. Тьен Чисхолм в природе не существовал. Человека с таким именем не смогли найти ни люди лэрда, ни Кон Аннуин. Его просто не было. И на встречу с Маред он, словно чувствуя неладное, больше не пришел. А документы из анонимного почтового ящика забрал курьер, которого удалось проследить до двери... министерства военных дел. Дальше людей лэрда никто, естественно, не пустил.

— Все-таки разведка, — мрачно сказал Монтроз. — Или какой-то очень высокопоставленный чиновник. Благодарение Лугу, что это были не настоящие документы.

Маред похолодела от страха, но лэрд снова заверил ее в своей благодарности.

Чизхолм позвонил через два дня, самых страшных в жизни Маред, как она тогда думала.

— Глупая девчонка, — спокойно сказал он в трубку. — Вы представляете, что наделали, обманув меня? Ваш Монтроз, конечно, временно сохранит и контору, и положение, но вы... О, вам я обещаю свою личную благодарность! Читайте завтрашние газеты, тье. Ваши камерографии уже в редакциях...

— Сделайте что-нибудь, — рыдала она тем вечером на плече у лэрда. — Ну хоть что-нибудь! У вас же есть деньги, связи... Помогите мне.

— Как? — в который раз терпеливо объяснял ей лэрд. — Маред, как я могу вам помочь? Денег от меня не требуют, где ваши камерографии и у кого — я не знаю. Поставить пост у двери всех желтых газет Лундена или силой отнять и уничтожить тираж? Или перехватывать личную почту вашего декана и студентов? Маред, я сделаю что угодно, только — что? Я действительно вам благодарен. Вы останетесь работать у меня в конторе, я... даже объявлю о нашей помолвке!

— Благодарю, — прошептала Маред, — но завтра у меня начинаются занятия.

Университетская аудитория встретила ее гробовым молчанием. Идя по проходу между столами, Маред с ужасом увидела, что все смотрят на нее. Несколько человек скрывали смешки, остальные окидывали ее наглыми раздевающими взглядами и усмехались в открытую. Две девушки скривились и шарахнулись, когда она попыталась сесть рядом с ними.

— Шлюха, — услышала она отчетливо за спиной. — Непотребная девка.

На стол перед ней упала записка. Маред развернула ее дрожащими пальцами. «Почем твои услуги, милочка? Ты ведь делаешь скидку для юристов?» Маред скомкала записку, озираясь, по аудитории прокатился смех.

— Эй, Уинни! — окликнули ее сзади. — А правда, что ты спала со всеми, кому писала работы, никого не пропустила? Брэдди, ты же писал у нее курсовую, расскажи нам!

— Ну... — протянул прыщавый недоросль Брэдди, с которым по доброй воле не согласилась бы встречаться ни одна девушка, — вы же понимаете, мужчины о таких вещах не говорят... Но стал бы я иначе заказывать их так часто. Надо же было... помочь бедняжке заработать.

По аудитории прокатился хохот. Смеялись все, кого Маред столько раз обходила на экзаменах, кому ее ставили в пример, кто платил ей за работы. Чувствуя свою безнаказанность, мстили ей, и уже было неважно, что за все годы учебы ни о ком из однокурсников она даже не подумала, как о мужчине — за это ей мстили с особым наслаждением.

— А такую гордячку и скромницу из себя строила! Эй, Уинни, дашь нам скидку на

троих? Не пожалеешь!

— Фу! — сказала одна из девушек. — Здесь невозможно сидеть! Пахнет продажной девкой. Почему в Университет пускают такое отребье? Я пожалуюсь ректору!

— Ах, дорогая, — поддержала ее вторая, — это возмутительно! И она еще звала себя честной женщиной! Противно находиться рядом. Я тоже пожалуюсь! Мерзость какая!

— Это неправда, — отчаянно сказала Маред, обводя однокурсников потерянными глазами. — И вообще, вас это не касается! Он... он мой жених! Мы помолвлены! — вспомнила она обещание лэрда.

— Хочешь, я тоже побуду твоим женихом на один вечер? — глумливо крикнули из задних рядов. — Такой красоте и заплатить не жалко, кто же знал, что под студенческой формой — такие формы!

Студенты рассмеялись каламбуру. Маред, побагровев, вскочила. Смешки и свистки летели со всех сторон, девушки морщились и зажимали носы, юноши нагло разглядывали ее.

В аудиторию вошел преподаватель. Оглядел Маред с отвращением и презрительно бросил:

— Уинни, вас вызывает декан. Остальных прошу вести себя прилично — здесь и порядочные девушки находятся, если вы забыли.

В кабинет декана ее пропустили без очереди. Красная от стыда Маред вошла и первым делом увидела на столе газету с теми самыми камерографиями. Теперь лицо на них мог рассмотреть любой желающий, а для сомневающихся было указано ее имя.

— Надеюсь, вы понимаете, что вам придется покинуть стены нашего Университета? — сухо сообщил декан. — Причина отчисления — аморальное поведение. Вы отвратительны, тье, позвольте вам сказать.

— Но я не виновата! — взмолилась Маред. — Меня заставили это сделать!

— Вы кого-то обвиняете в изнасиловании? — спросил декан, и Маред осеклась. — Нет? Тогда о каком «заставили» может идти речь? Мне за вчерашний вечер и сегодняшнее утро позвонили две дюжины родителей студентов. Они угрожают забрать своих детей и подать в суд, если рядом с приличными юношами и девушками будет учиться такая аморальная особа.

— Но я не виновата, — прошептала Маред. — И я... собираюсь выйти за него замуж.

Декан пожал плечами.

— Это ваше дело. Мое — следить за репутацией факультета, а вы ее пачкаете одним своим присутствием.

— Пожалуйста! — расплакалась Маред. — Мне остался всего год! Я могла бы учиться дома, а сюда приходить только на экзамены! Я же лучшая студентка!

Декан воззрился на нее, как на сумасшедшую.

— Вы рехнулись, Уинни! Вы что, собираетесь работать стряпчим? После такого скандала?! Да какой безумец вас наймет? В любом случае, о продолжении учебы не может быть и речи. Университет не выдает дипломы шлюх, а вы прославились на весь Лунден именно в этом качестве и опозорили весь факультет. Прощайте.

До коттеджа лэрда Маред добралась в полном изнеможении.

— Я не беру своих обещаний назад, — бесстрастно сказал Монтроз. — Место в «Корсаре» за вами. Но вот диплом... Даже если вы переведетесь в университет Лютеции или любой другой, чтобы закончить учебу, они же запросят характеристику отсюда. Право, я не знаю, что делать. Ну хорошо, некоторую работу вы можете у меня делать и без диплома, а потом о вас забудут, надеюсь...

Маред, заливаясь слезами, кивнула.

В «Корсаре» повторилось почти то же самое, но здесь люди были все-таки вежливее, да и с хозяином никто ссориться не хотел. С Маред просто не разговаривали и вообще держались, как с зачумленной. Тилли от нее шарахалась, в кофейне, стоило сесть за уже занятый стол, из-за него вставали и молча уходили, тье Эстер давала ей работу, но общалась исключительно по необходимости. Стиснув зубы, Маред терпела. И все больше ценила благородство Монтроза, неизменно утешавшего и поддерживавшего ее. К Йолю они объявили о своей помолвке. А потом Маред позвала для разговора тье Эстер.

— Вот что, милочка, — сказала она решительно, отведя Маред в пустующий кабинет. — Кто-то ведь должен вам это сказать... Алекс — благородный человек. И упрямый, как осел. Вбил себе в голову, что должен искупить вину... Только вы сами должны ведь понимать, что есть женщины, с которыми мужчины спят вне брака, а есть те — которых уважают. И это редко сочетается. Мужчине прощают то, что женщине и близко не простят. Вы что, не видите, что происходит? Допустим, на ваших коллег вам плевать, хотя последний курьер знает теперь, что вы — любовница хозяина, которую он взял сюда из милости, а ваши бесстыжие камерографии не видел только слепой. Но Алексу вы за что портите жизнь?! Вы знаете, что его репутация трещит по швам? Вы представляете, сколько врагов, которые ему завидовали из-за блестящей карьеры, теперь поливают его грязью? А вместе с ним и всех нас! Тилли врет дома, что сидит на работе совсем в другой комнате, не рядом с вами! А Леон, который сделал ей предложение, страшно недоволен, что его чистая непорочная невеста должна дышать одним воздухом с вами! Заказов стало на четверть меньше — вы представляете, какие это убытки? Алекс, конечно, вас не упрекнет, но надолго ли хватит его любви или великодушия, когда дело, в которое он вложил всего себя, утонет в грязи? А оно утонет! Вы никогда не получите диплом юриста, вы это понимаете? Работать в этой сфере вы тоже не будете, потому что сейчас мы даже не говорим клиентам, что работу по их заказу выполняете вы. Иначе будет такой скандал!

— Но что мне делать? — прошептала Маред в отчаянии. — Я так мечтала...

— Ну, — пожала плечами тье Эстер. — Мне, конечно, вас жаль, но что я могу поделать? Советую взять девичью фамилию и уехать за границу, куда-нибудь подальше. Только не в Халифат: если там узнают о вашем прошлом, могут и камнями забить. Лучше в Чайнскую империю — там, я слышала, к этому относятся куда терпимее. А Великобритания для вас слишком мала — после такого позора. И учтите, мужчинам прощают фавориток и любовниц, но лишь потому, что те знают свое место. А место продажной женщины — в постели. В крайнем случае — рядом с мужчиной на каком-нибудь приеме в качестве красивой дорогой игрушки. На работу таких женщин не приводят и уж тем более не берут. Алекс еще мог бы иметь вас любовницей, но сейчас вы портите репутацию всем служащим «Корсара». Женщинам — в первую очередь, потому что по одной судят обо всех.

— А если мы поженимся? — выдала Маред последний козырь. — И скажем, что эти камерографии... Ну, что это супружеские забавы...

— Да какая разница! — рявкнула тье Эстер. — Деточка, ты совсем дура? Тебя пол-Лундена видело голой и за такими занятиями, каких приличная женщина во сне увидеть не может! Ты знаешь, что над Алексом в голос смеются уже за то, что ты рядом? А ты за него выйти хочешь? Чтобы королевский стряпчий женился на шлюхе? Уж прости, но в глазах любого порядочного человека тебя иначе назвать нельзя. Даже его прошлая содержанка себе близко такого не позволяла! За дверьми спальни или закрытого клуба они, может, чудили и

похлеще, но в газетах клиенты Монтроза их точно не видели. Хочешь, чтобы коллегия стряпчих подняла вопрос о лишении его чина королевского стряпчего? А так оно и будет очень скоро! Он уже висит на волоске. И все, чего Монтроз добился таким трудом, пойдет псу под хвост. Из-за безмозглой распутной девки!

Не дожидаясь окончания рабочего дня, Маред вышла из конторы. Она шла по улице, теперь прекрасно осознавая свое положение. Действительно, кому какая разница, какие отношения связывают их с лэрдом? Замужняя женщина должна выполнять постельные прихоти мужа, но у приличных людей это все остается в тайне. А она... Она никогда не сможет закончить образование. И работать стряпчим она тоже не сможет. Оставаться в конторе — означает погубить лэрда, из милосердия, любви или упрямства пытающегося ее спасти. Она даже за границу не может уехать — там придется жить в вечном страхе перед разоблачением. Жизнь кончена... Зачем только она призналась? Лэрда она спасла, конечно, но тье Эстер права: Монтрозу легко и быстро простят, что он развлекся с какой-то студенточкой, а ей... Ей — никогда. В мире, где женщину на улице освистывают за то, что ветер на миг задрал ей юбку до колена, а провести вечер с мужчиной наедине требует потом непременно пожениться — ее репутация погублена навсегда.

— Эй, крошка, — услышала она за спиной. — Поедешь со мной развлечься?

Маред медленно повернулась. Ее разглядывал полужнакомый мужчина. Кто-то из клиентов «Корсара», кажется... Да, точно, он приходил в контору на прошлой неделе. Маред еще запомнила нахальное любопытство в его глазах.

— Оставьте меня в покое! — зло сказала она.

— Тоже мне, порядочную из себя строит, — хмыкнул мужчина, разглядывая ее жадным сальным взглядом, под которым Маред почувствовала себя голой. — Поехали, детка, твой хозяин и не узнает ничего, а ты заработаешь на чулочки. Видел я, что ты умеешь. А уж тело какое, м-м-м-м... Покажешь мне что-нибудь особое — заплачу вдвойне. Ну чего ты ломаешься, крошка? Будто и вправду приличная... Небось, столько клиентов через себя пропустила!

Он схватил ее за плечо. Вырвавшись, Маред побежала по набережной. Мужчина отстал. А она, добежав до моста, задыхаясь, склонилась над перилами, в ужасе глядя на темную воду. Высоко. И глубоко... Но что ей терять? Забыть о прошлом ей не позволят. Впереди только жизнь из милости Корсара, а если она ему наскучит, то куда деваться без состояния, образования, родных и друзей? Так не лучше ли — сразу? Закрыв глаза, она наклонилась еще сильнее...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

П. С. Вот так или иначе (но тоже печально) закончилась бы история Маред Уинни, выполни она желание некоторых читателей и Расскажи Алексу все. Вам понравилось?

Если нет, то продолжаем читать дальше, автор скоро придет и расскажет, как оно было бы на самом деле.))